МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISSN 2664-7362 (PRINT)
ISSN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
X Международной научной конференции

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

ТОМ 4 | **Филологические науки. Часть 2**

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую наших друзей из различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран, принимающих участие в традиционной, теперь уже X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности».

Минуло десять лет с тех пор, как в нашем университете прошла первая конференция, которая за прошедшие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа ученых. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возросли актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

Эпохальное событие – вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации – дало могучий толчок развитию и углублению наших научных исследований. Благодаря России мы получили достойное финансирование, новейшее оборудование, новые перспективные научные направления и наша общая цель – приложить все усилия к решению задач, которые ставит перед нами Родина.

2022–2031 годы объявлены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным как **Десятилетие науки и технологий**. Полагаю, что наша многопрофильная конференция вносит достойный вклад в решение задач, поставленных Президентом, в том числе и по привлечению талантливой молодёжи в науку!

На Конференции будут представлены **1 950 научных докладов в четырнадцати профильных секциях**. Будут работать **семьдесят восемь подсекций** и **одиннадцать круглых столов.**

Труды конференции составляют **десять томов в шестнадцати книгах** общим объемом **5 980 страниц** и будут размещены в электронной форме в наукометрической базе РИНЦ.

Приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения прорывных научных разработок, с тем чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности нашей и дружественных стран, росту качества жизни россиян.

Желаю успехов всем участникам конференции, и всем нам – новых научных достижений во благо России!

С наилучшими пожеланиями,
руководитель Представительства Российской академии наук
на территории Донецкой Народной Республики,
ректор Донецкого государственного университета,
доктор физико-математических наук, профессор

Светлана Владимировна Беспалова

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

X Международная научная конференция,
посвященная 60-летию создания Донецкого научного центра

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2025:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 4
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 2

г. Донецк
5–7 ноября 2025 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2025

ББК Ш.я431
УДК 81+82(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
М. В. Фоменко, Н. Е. Гапотченко, Е. Ю. Войтенко (отв. секр. секции),
В. Д. Калиущенко, Л. Н. Ягупова, О. Л. Бессонова, И. М. Подгайская,
С. Е. Кремзикова, А. В. Попова, Е. В. Филатова, И. В. Фатьянова.

Д672 **Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 2* / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – 408 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

Во вторую часть четвертого тома материалов X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования, посвященные актуальным проблемам сопоставительного и типологического языкознания, теории перевода и межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а также зарубежной литературы.

Материалы сборника адресованы студентам, магистрантам, аспирантам, специалистам в области лингвистики, переводоведения, межкультурной коммуникации и литературоведения.

ББК Ш.я431
УДК 81+82(043.2)

© Коллектив авторов, 2025
© Донецкий государственный университет, 2025

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместители председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, почетный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва);

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Федянин А.А., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Варюхин В.Н., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, научный руководитель ФГБНУ «Физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Головчан А.В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и.о. директора ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Данилюк Д.А., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, директор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры – филиала ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (г. Макеевка, ДНР).

Игнатенко Г.А., д-р мед. наук, профессор, академик РАН, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького (г. Донецк).

Исаков В.Б., д-р юрид. наук, профессор, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Керимов А.Д., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Липгарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Мацкявичюс Э.Г., директор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», директор института «Первая Академия медиа» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва).

Минаев А.И., д-р ист. наук, доцент, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Прутцков Г.В., д-р филол. наук, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Тулупов В.В., д-р филол. наук, профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Туранина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Хомутова Е.В., канд. биол. наук, директор ФГБНУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

УДК 81.33

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНКРЕТНО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ, ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Андреева Е.В., ORCID 0009-0005-6303-2506,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
kate016@mail.ru

Введение. В настоящей статье рассмотрены грамматические средства, реализующие значение конкретно-временных отношений в трех разносистемных языках. В результате сопоставительного анализа показаны специфичные для каждого анализируемого языка особенности. Полученные данные могут быть использованы в переводческой деятельности в процессе передачи значения конкретно-временных отношений.

Цель статьи – установление и выявление общего и особенного в выражении конкретно-временных отношений в английском, чувашском и турецком языках.

Основная часть. Время как одна из форм существования материи находит выражение в составе и структуре всех естественных языков «но каждый язык характеризуется специальной системой обозначения пространственных, временных, причинных и других значений» [2, С. 167].

В современном английском языке конкретно-временные отношения реализуют свое значение при помощи различных предлогов, функционирование которых специфично: «предлоги, употребляющиеся в составе обстоятельств времени, указывают на различные виды ориентации во времени предметов, явлений, действий, фактов, о которых идет речь в предложениях, включающих эти обстоятельства» [1].

Рассмотрим функционирование предлогов *at*, *in*, *on* в английском языке.

Предлог *at* «указывает на какой-либо момент или период времени» [4, С. 155], например, *There's a meeting* ***at*** *2.30 this afternoon* [7]. – Собрание запланировано **на** 14.30. *I'm busy* ***at the moment*** (= now) – *can you call back later?* [7]. – **В данный момент** я занят, перезвоните позже. *I went sailing once, but I didn't like it* (= one single time) [7]. – **Однажды** я начал ходить под

парусом, но мне это занятие не понравилось. *Security checks have become really strict **at** the airport* [7]. – Досмотр стал намного строже **в** аэропорту.

Предлог *in* «указывает на момент или период времени, часть суток, время года, год, век и т. п» [4, С. 219], например, *We're going to Italy **in** April* [7]. – **В** апреле мы собираемся поехать в Италию. *Bye, see you **in the morning** (= tomorrow morning)* [7]. – Пока, встретимся **завтра утром**. *He is one of the top chefs in Britain* [7]. – **В** Британии он один из востребованных специалистов.

Предлог *on* «указывает на какой-либо день или момент, дату, последовательность событий» [4, С. 567], например, *They're driving to Scotland **on** Tuesday* [7]. – **Во** вторник они поедут в Шотландию. *We've fallen into the habit of getting up late **on** Saturday mornings* [7]. – **По** субботам мы просыпаемся поздно. *Don't put your elbows on the table* [7]. – Убрать локти **со** стола.

Как видно из примеров, в целом предлоги *at*, *in*, *on* выражают не только конкретно-временные отношения, но и пространственные, функционирование которых специфично.

В чувашском и турецком языках аналогичное значение достигается при помощи падежного аффикса, в частности местного падежа, в составе слове.

В чувашском языке местный падеж выражается различными аффиксами, например, *-ра* (*-ре*), *-та* (*-те*), *-нче* «*сентябрь**те*** – **в** сентябре; *пĕр сехет**ре*** – **в** час; *икĕ çул**та*** – **в** два года; *октябрĕн вуннăмĕшĕ**нче*** – десят**ого** октября» [3, С.36].

*Пĕррехи**нче** çапла Пӳрнеске яланхи пекех сунара кайма пуçтарăнчĕ.* [6, С.15].– **Однажды** Пюрнеске, как всегда, собрался на охоту.

В первом примере из чувашского языка наречие *пĕррехи**нче*** образовано от числительного *пĕрре* «один» инфиксированного аффиксом *-хи,* который «образует от именных и наречных основ прилагательные со значением «относящийся ко времени, названному исходной основой» со значением «первоначальный» [5]. Прилагательное *пĕррехи* принимает аффикс *-нче,* указывающий на конкретно-временные отношения в предложении.

*Çавăн**та**х алăк уçăлса кайрĕ, аслă пӳлĕме хуп-хура тум тăхăннă хуралçăсем чупса кĕчĕç* [6, С. 23]. – **И в тот момент** дверь открылась, в главную комнату вбежали переодетые в черную одежду стражники.

Во втором примере наречие *çавăн**та**х* образовано от указательного местоимения *çав* «тот» инфиксированного аффиксом древнего инструментального падежа *-ăн* (*-ĕн*, *-н*) в сочетании с аффиксом местного падежа *-та.*

В турецком языке аффиксами местного падежа являются **-***da* (**-***de*), **-***ta* (**-***te*), например, saat altı**da** – **в** шесть часов, saat dört**te** – **в** четыре часа, *29 Ekim 1923'**te*** – 29 октябр**я** 1923 года.

*Riyad'**da** 21-30 Temmuz'**da** düzenlenen etkinlikte Türkiye'yi temsilen milli takımda yer alan Kadir Kaan Erbaş ve Macit Arda Aydın gümüş, Kemal Özkırşehirli ve Mehmet Can Sankır bronz madalya kazandı* [8]. – Кадир Каан Эрбаш и Маджит Арда Айдын в составе национальной сборной, представлявшей Турцию <...> 21-30 июл**я**, завоевали серебряные медали <...>. *Ünlü oyuncu her sezon olduğu gibi bu sezon**da** da Düzce'nin Gölyaka ilçesinde bulunan Hamamüstü köyündeki fındık bahçesin**de** hasada başladı* [8]. – Каждый сезон знаменитый актер собирал урожай орехов **в** саду <...>.

Заключение. Таким образом, сопоставительный анализ конкретно-временных отношений на примере грамматических средств (предлогов и аффиксов) из английского, чувашского и турецкого языков показал:

1) в английском языке базовыми средствами выражения данной семантики служат предлоги *at*, *in*, *on*;

2) в чувашском и турецком языках конкретно-временные отношения выражаются при помощи аффиксов местного падежа, употребляющиеся в зависимости от буквы, на которую оканчивается слово;

3) общее сходство трех языков в том, что исследуемые средства способны выражать не только конкретно-временные отношения, но и пространственные.

Список литературы

1. Борковская, И.Б., Рейман Е.А., Успенская Н.В. Предлоги в английском языке. – Л.: Наука, 1973. – 128 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык [Текст]: (Грамматическое учение о слове) / проф. В. В. Виноградов; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.
3. Дегтярёв, Г.А. Изучаем чувашский язык: Пособие для самообразования. – 3-е изд., испр., доп. – Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 2012. – 127 с.
4. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.] / 7-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 2002.
5. Словообразовательные аффиксы чувашского языка: [сайт]. – URL: https://ru.chuvash.org/wiki/ (дата обращения: 11.09.2025).
6. Юхма, М. Пӳрнескепе унăн тусĕсем: повесть-юмах / Юхма Мишши ; [Леонид Павлов ӳнерçи]. – Шупашкар : Çĕнĕ Вăхăт, 2008. – 156 с.
7. Cambridge Dictionary : [сайт]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 11.09.2025).
8. Tarihgazetesi: [сайт]. – URL: https://tarihgazetesi.net/2024/08/29/suudi-arabistanda-duzenlenen-kimya-olimpiyatlarinda-gumus-madalya-kazanan-kadir-kaan-erbas-bilim-insani-olma-hedefine-yaklasiyor/ (дата обращения: 11.09.2025).

UDC 81.001

MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF TAJIK PARTICLE *TANHO* AND ITS ENGLISH EQUIVALENTS

Ashrapov B.P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
ORCID 0000-0001-8545-2329
SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov",
Khujand, Tajikistan Republic
bahodur.ashrapov@mail.ru

1. Introduction

Particles constitute a significant, yet often understudied part of speech in many languages. They are typically defined as invariable words that do not belong to the major lexical categories (noun, verb, adjective, adverb) but play crucial roles in expressing grammatical relations, modality, emphasis, and discourse structure [6, p. 263]. Tajik, a Southwestern Iranian language belonging to the Indo-European family, possesses a rich inventory of particles that contribute significantly to its expressive power. One such particle, *tanho* exhibits remarkable polyfunctionality, encompassing meanings that are distributed across several distinct lexical items in English [4, p. 141; 5, p. 42; 2, p. 148].

The purpose of the study is to provide a detailed comparative analysis of the Tajik particle *tanho* and its English equivalents focusing on its usage in "Reminiscences" by Sadriddin Aini [3] and is a particularly valuable source aimed at the study of the particle in question because it contains a wide range of contexts, from simple narrative descriptions to more complex reflections and dialogues.

3. Main results

3.1 Morphological Properties of *tanho*

It is well-grounded that *tanho* is a morphologically invariable particle, and it does not inflect for number, gender, case, or tense. However, in its modern usage, the former in question functionates as a single lexical unit. The analysis of "Reminiscences" revealed that this linguistic element performs a variety of semantic functions, often with subtle nuances.

3.2 Translation Strategies

The following translation strategies are observed:

– *Lexical Substitution:* the most common strategy is to substitute *tanho* with a semantically equivalent English word (e.g., only, but, alone).

– *Grammatical Restructuring:* in certain cases, the sentence structure is changed to lodge the English equivalent. For instance, a Tajik sentence with a contrastive *tanho* might be translated into English using a compound sentence with *but.*

– *Omission:* so, *tanho* is omitted in the English translation, particularly when its meaning is implicit in the context.

– *Addition:* additional words or phrases are added in the English translation to clarify the meaning of *tanho*.

Examples and Analysis

Here are five examples from "Reminiscences" illustrating the different functions of *tanho* and their English translations:

Example 1:

Tajik: …man dar maktab *tanho* yak sol khondam [3, p. 25] – ***English:*** ...I studied at school for *only* one year.

Designing on the premise of the above-adduced sentence one can assert that the particle in question participates as a limitative adverb restricting the duration of schooling to one year. The English equivalent *only* accurately bears this meaning. This is a straightforward case of lexical substitution. The word order remains relatively consistent.

Example 2:

Tajik: Padaram ba man guft, ki man boyad kor kunam, *tanho* man ganuz khurd budam [3, p. 32] – ***English***: My father told me that I should work, *but* I was still too young.

Hence, *tanho* functionates as a contrastive conjunction introducing a contrast between the father`s expectation and the narrator`s age. The English equivalent *but* is the most natural and accurate choice. The relevant example demonstrates the need for grammatical restructuring, as the Tajik sentence uses a single clause with *tanho,* while the English translation uses a compound sentence.

Example 3:

Tajik: ...dar on hujra *tanho* man budam... [3, p. 45] – ***English:*** ...I was *alone* in that room...

Proceeding from the assumption of the above-mentioned sentence we can confidently express our opinion that this particle is used as a solitary adverb indicating the narrator being unaccompanied. Its English equivalent *alone* directly bears the relevant meaning. This is another example of straightforward lexical substitution.

Example 4:

Tajik: ...*tanho* umedi man ba Khudo bud... [3, p. 60] – ***English:*** ... my *only* hope was in God...

It is worth mentioning that *tanho* takes part as an exclusive adjective/ determiner modifying *hope*. The English *only* functions similarly as a pre-nominal modifier. The word order is preserved.

Example 5:

Tajik: ...man tanho mekhostam, ki ba vatan bargardam… [3, p. 75] – ***English***: ...I *just* wanted to return home...

Based on the above-given example we can underscore that the particle under comparison appears as a limitative adverb restricting the narrator`s desire to a single wish. The English equivalent *just* is used here, which bears a slightly

different nuance than *only. Jus*t implies a certain simplicity or minimality of the desire, which is arguably present in the Tajik original.

4. Discussion

The analysis reveals that *tanho* is a highly polyfunctional particle in Tajik, encompassing a range of meanings that are distributed across several distinct lexical items in English. This difference reflects the typological contrast between Tajik, a synthetic language with a rich system of particles, and English, a more analytic language that relies more on lexical differentiation.

The high frequency of the exclusive and limitative functions of *tanho* suggests that these are its core meanings. The contrastive and solitary functions are less frequent but still significant. The adjectival use is relatively rare in "Reminiscences" but common in other contexts.

The English translation strategies highlight the challenges of translating a polyfunctional particle. While lexical substitution is the most common approach, it often requires careful consideration of the specific context and nuance to choose the most appropriate English equivalent. Grammatical restructuring is sometimes necessary to maintain naturalness in English. Omission is used sparingly, and addition is rare.

The differences between *tanho* and its English equivalents also reflect broader typological differences. Tajik, with its synthetic morphology, can express multiple layers of meaning within a single word (*tanho* + context). English, with its more analytic structure, tends to distribute these meanings across separate words. This difference affects not only the translation process but also the way speakers of each language conceptualize and express these nuances [1].

6. Conclusion

This study has provided a detailed comparative analysis of the Tajik particle *tanho* and its English equivalents, using "Reminiscences" S.Aini as a primary data source. The analysis has revealed the significant polyfunctionality of *tanho* encompassing exclusive, limitative, contrastive, solitary, and adjectival meanings. This contrasts with English, which uses a range of lexically distinct words to express these meanings. The translation strategies employed in "Reminiscences" highlight the challenges of conveying the nuances of *tanho* in a typologically different language.

References

1. Иностранные языки в странах Азии и Африки / М. В. Воронцова, Т. Л. Кононова, О. А. Павловская [и др.]. – Москва: ООО "Издательский дом КДУ", 2024. – 332 с. – ISBN 978-5-00247-029-7. – DOI 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-029-7-2024-332.
2. Кодирова, Ф. Р. Избранная библиография печатных трудов Н.И. Гиясова / Ф. Р. Кодирова, Б. П. Ашрапов // Stephanos. – 2024. – № 5(67). – С. 148-158. – DOI 10.24249/2309-9917-2024-67-5-148-15. – EDN ATCOQG.
3. Aini, S. The Sands of Oxus: Boyhood Reminiscences of Sadriddin Aini (Trans. J. R. Perry). – Mazda Publishers, 1998. – 450 p.

4. Ashrapov, B. P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix - mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. – 2024. – No. 94. – P. 141-145. – DOI 10.31029/vestdnc94/20.
5. Ashrapov, B. P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Comparative Degree of Adjective in the Tajik Literary Language Referring to the 12th century / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2024. – No. 2(64). – P. 42-48. – DOI 10.24249/2309-9917-2024-64-2-42-48. – EDN BIYVMY.
6. Zwicky, A. M. Clitics and particles // Language. – 1985. – Vol. 61, No 2. – P. 283-305.

УДК 81'37

СЕМАНТИКА И ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРНИТОНИМОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Басыров Ш.Р., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0009-5718-2822
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
schambar@yandex.ru

Введение. Важную роль в образовании лексических единиц играет вторичная номинация, т.е. использование существующих в языке номинативных средств в новой для них назывной функции [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Виды вторичной номинации характеризуются ассоциативным характером человеческого мышления, в котором проявляются ассоциации по сходству либо по смежности определенных явлений внеязыковой действительности и свойствами нового означаемого, номинируемого путем переосмысления данного значения.

Настоящая работа нацелена на выявление универсальных и уникальных моделей в сфере орнитологической лексики.

Анализируемые орнитонимы и их вторичные значения были получены путем сплошной выборки из словарей различных типов (толковых, переводных, специальных) германских (английского, немецкого), славянских (русского, украинского), тюркских (азербайджанского, татарского) языков.

Основная часть. В орнитологической лексике сопоставляемых языков выделяется ряд моделей, которые можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа моделей охватывает метафорические орнитонимы (МО), связанные с характеристикой человека, его внешности, свойств, одежды, поведения и т.п. Ср.:

(1) англ. *cock* зоол. ‘петух’; разг. ‘драчливый человек’ (← петух обладает драчливым характером); аналогично: рус. *петух* перен. разг.

‘О драчливом человеке’, ‘драчун’; укр. *півень* разг. ‘О драчливом и вспыльчивом человеке’; азерб. *xoruz* ‘петух’; разг. перен. ‘О драчливом и вспыльчивом человеке’;

(2) нем. *Pfau (m)* зоол. ‘павлин’; разг. ‘хвастливый, гордый человек’ (← павлин имеет важную походку); аналогично: укр. *павич* ‘гордый, спесивый человек’; рус. *павлин* перен. ирон. ‘о человеке, который смешон потому, что пытается казаться важнее, чем есть на самом деле’; тат. *куркә* ‘индюк’; перен. ‘гордый, напыщенный человек’;

(3) укр. *рябчик* ‘морская тельняшка’ (← *рябчик* имеет полосатое оперение); аналогично: рус. *рябчик* ‘морская тельняшка’;

(4) укр. *лелека* ‘аист’; разг. ‘Человек с длинными ногами’ (← *аист* имеет длинные ноги); аналогично: рус. *цапля* разг. ‘очень высокий длинноногий человек’.

В азербайджанском языке соответствующий орнитоним *vağ* ‘цапля’ ассоциируется с медленной, размеренной походкой этой птицы, поэтому у данного орнитома развилось переносное значение ‘невнимательный, медлительный человек’.

(5) укр. *сич* разг. ‘хмурый, нелюдимый человек’ (← из-за оперения на морде сова выглядит очень мрачно); ср., однако, в азербайджанском языке: *bayquş* ‘сова’ (хищная ночная птица); перен. ‘Человек, вещающий что-то недоброе’; ‘человек, любящий одиночество/избегающий людей’;

(6) укр. *сокіл* разг. ‘юноша или мужчина, обладающий красотой, смелостью’ (← *сокол* ассоциируется со скоростью, силой, ловкостью и красотой); аналогично: рус. *сокол* разг. ‘юноша или мужчина, обладающий красотой, смелостью’; азерб. *qizilquş* ‘сокол’; перен. ‘О человеке, обладающем красотой, смелостью и упорством’. Добавим, что в азербайджанском языке у данного орнитонима развилось также значение ‘человек, обладающий острым зрением’;

(7) нем. *Elster (f)* зоол. ‘сорока’; разг. ‘болтун’ (← *сорока* имеет своеобразное пение, похожее на болтовню); укр. *сорока* разг. ‘О чрезмерно болтливом человеке’ (← из-за голосового треска сороки).

Вторую группу моделей составляют метафорические образы, связанные с характеристикой транспортных средств, устройств, приспособлений и т.п. Ср.:

(8) англ. *albatross* зоол. ‘альбатрос’; ‘самолет-амфибия для спасения тонущих людей’ (← плавающая морская птица, проводящая большую часть своей жизни в открытом море/океане);

(9) нем. *Adler (m)* зоол. ‘орел’; разг. ‘самолет’ (← орел движется по воздуху, расставив в разные стороны крылья, и напоминает таким образом воздушный лайнер);

(10) рус. *канарейка* вор. жарг. ‘полицейская машина желтого цвета’ (← желтая окраска канарейки);

(11) укр. *гусак* разг. ‘разновидность водяного крана’ (← водяной кран внешне напоминает птицу с длинной шеей); ср., однако, в нем. *Hanh* (*m*) ‘петух’; ‘разновидность водяного крана’;

(12) укр. *журавель* разг. ‘длинная жердь-приспособление у колодца, рычаг для подъема воды’ (← напоминает птицу из-за длинных ног и шеи), аналогично: рус. *журавль* (разг.);

(13) нем. *Schwalbe (f)* зоол. ‘ласточка’; спорт. ‘фигура в гимнастике и в балете’ (← спортивная фигура напоминает ласточку в полете), аналогично: рус. *ласточка* спорт. ‘элемент (фигура) в фигурном катании’;

(14) укр. *дергач* разг. ‘приспособление для вытаскивания гвоздей’ (← из-за скрипучего голоса птицы); аналогично: рус. *деркач* разг. ‘приспособление для вытаскивания гвоздей’.

Заключение. Метафоризация орнитонимов в сопоставляемых языках осуществляется на основе семантических изменений слова, путем установления связей между человеком, предметами, явлениями объективной действительности и существующими у птиц свойствами и повадками.

В сфере орнитологической лексики выявлены две группы метафорических моделей, которые, с одной стороны, связаны с характеристикой человека, его внешности, свойств и т.д., а с другой, с характеристикой транспортных средств, устройств, приспособлений и т.п.

Метафора часто выражает оценочное отношение говорящего к денотату, а ее внутренняя форма актуализирует эмотивный тон и оценку. Коннотации метафорических орнитонимов несут информацию, отражающую не предмет/человека/ явление окружающей действительности, а отношение к ним.

Внутренняя форма метафорических универсально лексикализованных орнитонимов иллюстрирует способность слов создавать в разноструктурных языках единые (общие) образы и выражать одинаковые понятия, присущие всем или отдельным сопоставляемым языкам. Среди метафорических орнитонимов встречаются национально-маркированные модели с антропометричным характером, внутренняя форма которых эмоционально окрашена и обусловлена особенностями мировосприятия, осмысления окружающего мира и его оценки.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
2. Дробаха, Л. В. Національно-культурна специфіка назв птахів в українській та німецькій мовах: автореф. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. К., 2009. – 20 с.
3. Клепикова, Г. П. Славянские названия птиц // Вопросы славянского языкознания, 1961. – С. 106–114.

4. Костина, Н. Ю. Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. фил. наук. Пенза, 2004. – 26 с.
5. Сахибуллина, К. А. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» в английском и татарском языках: автореф. дис… канд. филол. наук. Казань, 2019. – 22 с.
6. Симакова, О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы»: автореф. дис…. канд. филол. наук. Орел, 2004. – 28с.
7. Юсифов, Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов).: автореф. дис… канд. филол. наук. М., 1985. – 24 с.

УДК 101.8(41.090.9)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ УЗЮКОВСКОГО ГОВОРА МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Беленов Н.В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
г. Самара, РФ
belenov82@gmail.com

Введение. В статье рассматриваются характеристические особенности флористической лексики одного из мокша-мордовских говоров Самарской области, бытующего в селе Узюково Ставропольского района. Основное внимание уделяется названиям деревьев. Статья базируется на полевых материалах автора, собранных в течение полевых сезонов 2022 и 2024 годов.

Цель: ввести в научный оборот новые данные по флористической лексике одного из мокша-мордовских говоров Самарского Поволжья.

Основная часть. Флористическая лексика мордовских языков неоднократно становилась объектом лингвистического исследования. В данной статье мы приведём лишь ссылки на избранные работы в этой области [2, 3], а также на собственную статью [1], поскольку будем обращаться к ней при сравнительном анализе рассматриваемых лексем. Представленные в настоящей статье материалы были собраны в ходе экспедиций 2022 и 2024 годов в село Узюково Ставропольского района Самарской области.

Мокша-мордовский говор мордовского населения села Узюково уникален для Самарской области, при этом наибольшую близость он обнаруживает с мокшанским говором жителей села Старая Бинарадка. Однако, ареальные ли это схождения, либо за данным явлением кроется более глубокая этноязыковя связь – вопрос будущих исследований. В силу ряда причин в узюковском говоре флористическая лексика сохранилась более полно, чем в соседних мокшанских и эрзянских говорах [1].

Достаточно привести пример собственно мокшанских названий дикорастущих лесных ягод, сохранившихся в данном говоре, и отсутствующих в других, ареально близких.

В данной статье мы сосредоточимся на названиях дикорастущих деревьев, во-первых, в связи с ограничением объёма статьи, во-вторых, именно в этом кластере сосредоточены основные характеристические особенности флористической лексики узюковского говора.

В приведённых ниже флористических лексемах, бытующих в рассматриваемом говоре, ударение всегда фиксируется на последнем слоге, за одним исключением: в лексеме *тума* – ‘дуб’, оно, как и в литературно-письменном мокшанском языке, падает на первый слог.

Келу – ‘берёза’. Данная лексема в узюковском говоре отличается от литературно-письменной формы лишь ударением. Название берёзы – одно из наиболее устойчивых в мордовских говорах, что, по-видимому, не в последнюю очередь объясняется значимой ролью данного дерева в традиционном мировоззрении мордвы [1].

Тума – ‘дуб’. Полная аналогия литературно-письменной форме. В других мокшанских говорах Самарского Поволжья возможны акцентологические вариации, однако, наряду с лексемой *келу*, это одна из наиболее устойчивых словоформ в говорах мордовских языков. Причины, как и в предшествующем случае, мы склонны усматривать в особом отношении мордвы к данной породе деревьев.

Пою – ‘осина’. В данном случае также различие фиксируется только акцентологическое.

Пешенят – ‘орешник’. В литературно-письменном мокшанском языке данная древесная порода обозначается *пяштерькс*. Во флорониме можно видеть несколько отличную от канонической мокшанскую лексему со значением ‘орешки’: *пяште* – ‘орех’ + *ня (не)* – аффикс уменьшительности + *т* – аффикс множественного числа.

Пиче – ‘дерево’. В литературно-письменном мокшанском языке данная лексема означает сосну. В узюковском же говоре, как, кстати сказать, и в старобинарадском, она бытует в обобщающем значении ‘дерево’. Объяснение данному факту можно видеть в природном окружении носителей данных мокшанских говоров – Узюково и Старая Бинарадка расположены в сосновом бору. Вероятно, название наиболее распространённой древесной породы с течением времени вытеснило в них мокшанскую лексему *шуфта* в данном обобщающем значении, сохранив за ней, однако, значение ‘деревянный’, ‘сделанный из дерева’.

По поводу семантики лексемы *каль* (в литературно-письменных мордовских языках имеет значение ‘ива’) мнения информантов разделились, одни утверждали, что данной лексемой обозначаются крупные деревья у воды, другие не подтверждали данные сведения и показывали, что так обозначаются различные виды ивы.

Отдельно следует сказать о проникновении эрзянизмов в узюковский говор мокшанского языка. В рассматриваемом лексическом кластере оно находит отражение в флороним*е тикше* – ‘трава’, при этом мокшанская форма *тише* также бытует, но постепенно вытесняется эрзянской. Подобный процесс наблюдается и в топонимии: овраг, расположенный ближе к эрзянскому селу Новоматюшкино, называется в Узюково по-эрзянски *Чудима*, при этом соответствующие лексемы *шуди, шудима* в узюковском говоре имеют мокшанскую форму.

Заключение. Данное сообщение имеет целью ввести в научный оборот ранее неизвестные лексические материалы по узюковскому говору мокша-мордовского языка и их предварительный анализ. Исследования в этом направлении будут продолжены автором, в том числе, с привлечением лексико-статистических методов.

Список литературы

1. Беленов, Н. В. Флористическая лексика эрзянских говоров Самарского Заволжья: названия деревьев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2022. – №12. – С. 75–80.
2. Гребнева, А. М. Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – №2. – С. 7–17.
3. Поляков, О. Е., Леткина Н. В. Дендронимическая лексика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: происхождение, структура и функционирование // Вестник угроведения. – Т. 11. – №2. – С. 313–318.

УДК 81’373

ВИДЫ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Ветрова Э. С., д-р филол. наук, доц. ORCID 0009-0008-6639-3691,
Бондарь Е. Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.elvira75@yandex.ru, bondarliza2804@gmail.com

Работа посвящена изучению явления метонимизации в сфере военной терминологии на материале англо- и русскоязычных СМИ.

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом современных ученых к военной терминологии (работы В. П. Коровушкина [1], Л. Л. Нелюбина [2], В. Н. Шевчука [3] и др.), которая в современных условиях находится в стадии интенсивного развития и активно используется в различных сферах общественной жизни. В последние

десятилетия военная терминология получила широкое распространение в СМИ, которые имеют прямой доступ к освещению самых разных политических событий, включая военные конфликты, и выступают главным средством воздействия на массовое сознание. Военная терминология непрерывно развивается и пополняется новыми словами и значениями, в связи с чем возникает необходимость в ее разностороннем описании как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте.

Цель исследования – изучить виды метонимических переносов в сфере военной терминологии на материале англоязычных и русскоязычных текстов СМИ.

Под военным термином (далее – ВТ) в исследовании подразумевается слово или словосочетание, закрепленное за соответствующим понятием в определенной области военной науки и техники. По мнению большинства ученых (В. М. Лейчик, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская и др.), главным признаком термина является его однозначность. Вместе с тем, как показывает практика, термины (в т. ч. и военные) склонны к развитию полисемии. Установлено, что в англо- и русскоязычных СМИ многозначные ВТ существенно преобладают над однозначными. Это обусловлено тем, что военная терминология активно развивается, адаптируется к новым условиям, что приводит к формированию новых значений слов.

Один из самых распространенных способов развития полисемии в сфере военной терминологии – это метонимический перенос, под которым традиционно понимается перенос значения с одного денотата на другой на основе смежности понятий. С учетом принципов структурирования и концептуализации знания о соответствующем фрагменте действительности в сфере английской и русской военной терминологии установлены следующие виды метонимических переносов:

1. Часть – целое: русск. *курок:* (1) часть ударного механизма в ручном огнестрельном оружии: *Фигурант случайно нажал на* ***курок*** *и выстрелил* (РИА Новости); (2) огнестрельное оружие: *В мужчину выстрелили из* ***пистолета*** (РИА Новости); англ. *marines*: (1) морская пехота США: *US* ***Marines*** *are without a leader for the first time in 150 years thanks to GOP senator's anti-abortion protest* 'Морская пехота впервые за 150 лет осталась без лидера из-за протеста сенатора Республиканской партии против абортов' (New York Times); (2) полк морской пехоты США: ***Royal Marines*** *speak of 'horrible' reality of life on patrol in Afghanistan* 'Полк королевских морских пехотинцев рассказывает об «ужасной» реальности патрулирования в Афганистане' (The Guardian).

2. Вид вооружения – род войск с таким вооружением: русск. *артиллерия*: (1) *Американские СМИ сообщают, что Россия начала модернизацию «бога войны» –* ***артиллерии*** (РИА Новости); (2) *Министерство обороны России опубликовало видеоролики ко Дню ракетных войск и* ***артиллерии****, который отмечается в ВС РФ 19 ноября* (РИА Новости);

англ. *gun*: стрелковое оружие – человек, который его использует: *The police found a loaded **gun** in his car* ‘Полиция нашла заряженный пистолет в его машине’ (The Independent); ‘*Hired **Gun**’ finds bullets in his heart* ‘Нанятый стрелок получает пулю в сердце’ (New York Times).

3. Процесс – предмет: русск. *вооружение:* (1) процесс оснащения подразделения оружием, боевой техникой и другими военно-техническими средствами: *Армия получила новейшие танки Т-90М, которые поступили на **вооружение** армии Западного военного округа* (РИА Новости); (2) военное снаряжение: *Песков назвал контакты по сокращению **вооружений** необходимыми* (РИА Новости); англ. *grip* (от глагола *to grip* – ‘крепко держать’): (1) процесс захвата и ведения контроля: *President Donald Trump’s steadfast **grip** on Republicans in Washington is beginning to crumble* ‘Прочная власть (хватка) президента Дональда Трампа над республиканцами в Вашингтоне начинает ослабевать’ (The Independent); (2) часть пистолета, за которую нужно крепко держаться при произведении выстрела: *The new American gun store: **grips**, grenade launchers and ramen noodles* ‘Новый американский военный магазин: рукоятки, гранатометы и лапша быстрого приготовления’ (New York Times).

4. Действие / процесс – их результат: русск. *выстрел*: (1) взрыв заряда в канале ствола огнестрельного оружия: *Первым **выстрелом** с дистанции более 1500 метров противник был уничтожен* (РИА Новости); (2) сигнал от выстрела: *Первый **выстрел**. На Западе пришли в ужас от новых сигналов России* (РИА Новости); англ. *shooting*: (1) процесс стрельбы: *One in 15 Americans has witnessed a mass **shooting*** ‘Каждый пятнадцатый американец – свидетель массового расстрела’ (The Guardian); (2) событие или инцидент, произошедшие в результате стрельбы: *The survivors of past attacks, the **shooting** in Virginia* ‘Выжившие после прошлых нападений и **стрельбы** в Вирджинии’ (New York Times).

5. Военная одежда, обувь и аксессуары – субъект, который их носит: англ. *boots:* (1) ботинки; (2) *boots on the ground* – размещение войск на земле: ***Boots on the ground** needed to make the most of NSW national park land purchases* ‘Сухопутным войскам нужно максимально эффективно использовать земли в национальных парках Нового Южного Уэльса’ (The Guardian); русск. *зелёные береты:* (1) элемент парадной формы одежды военнослужащих Пограничной службы России; (2) военные, которые носят этот головной убор: *Главная задача «**зеленых беретов**» – проникать на оккупированные врагом территории и вместе с местными силами вести скрытную борьбу* (РИА Новости).

6. Орган военного управления – военные, которые в нем работают: англ. *headquarters:* (1) штаб: *World’s biggest intelligence **headquarters** opens in Berlin* ‘В Берлине открылся крупнейший в мире штаб разведки’ (The Guardian); (2) сотрудники штаба: ***Headquarters** has decided to implement a new policy* ‘Штаб принял решение о внедрении новой политики’ (New York

Times); русск. *Генштаб:* (1) орган военного управления: *Герасимов провел телефонный разговор с начальником* ***Генштаба*** *США* (РИА Новости); (2) лица, представляющие военное управление: ***Генштаб*** *в письменной форме уведомил профсоюз авиадиспетчеров о решении призывать не более 30% работников одной компании* (РИА Новости).

7. Объект военного назначения – люди, которые в нем находятся: англ. *weapons factories*: (1) оружейный завод: *UK plans to build six* ***weapons factories*** *to bolster military readiness* ‘Великобритания планирует построить шесть оружейных заводов для повышения боевой готовности’ (The Guardian); (2) люди, работающие на заводе: *Inside the* ***British weapons factory*** *preparing for Putin- and Trump-proofing itself* ‘Британский оружейный завод готовится к защите от Путина и Трампа’ (The Guardian); русск. *казарма:* (1) сооружение для размещения военных: *СК назвал причину обрушения* ***казармы*** *в Омске в 2015 году* (РИА Новости); (2) личный состав, проживающий в казарме: ***Казарма*** *готовилась к приезду комиссии* (РИА Новости).

В результате анализа установлено, что в английском языке более продуктивны метонимические модели: «часть – целое» и «действие – его результат», в русском языке – «вместилище – вместимое», что обусловлено особенностями восприятия данного фрагмента действительности представителями различных культур.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках инициативной НИР ДонГУ «Языковые категории и единицы в разноструктурных языках: теоретические и прикладные аспекты», номер ГР 12411180021-7.*

Список литературы

1. Коровушкин, В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) [Текст] / В. П. Коровушкин // Вестник ОГУ. – 2003. № 4. – С. 53–59.
2. Нелюбин, Л. Л. Перевод боевых документов армии США [Текст] / Изд. 2-е, перераб. и доп. / Л. Л. Нелюбин. – М., 1989. – 334 с.
3. Шевчук, В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике [Текст]: дис. ...д-ра филол. наук / В. Н. Шевчук. – М.: Военный институт, 1985. – 229 с.

УДК 811.112.2+811.111

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Гудиленко А.А., ORCID: 0009-0009-8633-6472
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
alina_aleksandrovna_eng@mail.ru

Введение. Паремиология как раздел лингвистики, изучающий малые жанры фольклора – прежде всего пословицы и поговорки – занимает важное место в современных межкультурных исследованиях. Пословицы являются не только носителями культурных кодов, но и представляют собой устойчивые языковые конструкции, часто использующиеся в повседневной коммуникации. В данной статье рассматриваются современные подходы к классификации паремиологических единиц (далее – ПЕ) на материале английского и немецкого языков, а также выявляются сходства и различия в теоретических основаниях этих классификаций.

Современные глобализационные процессы, развитие межъязыковой коммуникации и повышение интереса к культурным кодам делают изучение паремий особенно значимым. Сопоставление классификаций ПЕ в английском и немецком языках позволяет глубже понять, как универсальные, так и специфические особенности этих единиц в разных языковых картинах мира. При этом сохраняется потребность в систематизации существующих классификаций, отражающих как структурные, так и семантические аспекты паремиологических единиц [2; с. 45].

Проблема определения устойчивых выражений и их различных типов, терминологически квалифицируемых как поговорки, фразеологизмы, идиомы, устойчивые словесные комплексы и т.д., активно разрабатывалась в лингвистике 60–80-х годов – в трудах В.В. Виноградова (1977), В.Л. Архангельского (1964), А.М. Бабкина (1964), Б.А. Ларина (1977), М.М. Копыленко, З.Д. Поповой (1972), А.И. Федорова (1973), С.Г. Гаврина (1974), Л.И. Ройзензона (1977), В.П. Жукова (1978), А.М. Мелерович (1979), В.М. Мокиенко (1980), А.М. Чепасовой (1983), Н.М. Шанского (1985), А.М. Эмировой (1988) и др.

Объектом исследования являются ПЕ английского и немецкого языков.

Предметом исследования выступает классификация ПЕ, предложенные современными лингвистами, и принципы, лежащие в их основе.

Цель работы – рассмотреть, проанализировать и сопоставить классификации паремиологических единиц в английском и немецком языках, выявив общие и отличительные черты в подходах современных лингвистов.

Основные положения исследования. На основе проведенного анализа можно выделить следующие категории паремий в английском и немецком языках, которые демонстрируют интересные параллели и различия в темах, структурных особенностях и частотности использования.

В английской традиции классификация пословиц и поговорок носит преимущественно функционально-прагматический характер [4; с. 38]. Особое внимание уделяется тому, какую роль выполняет пословица в речи, насколько часто она употребляется и какие трансформации она претерпевает в современном дискурсе. Например, существуют пословицы, выполняющие морализаторскую функцию: *англ. honesty is the best policy* – 'честность – лучшая политика' [5; с. 287]. Также можно выделить пословицы, выражающие коллективный опыт: *англ. a friend in need is a friend indeed* – 'друг в беде есть настоящий друг' [5; с. 245]

Немецкая же традиция характеризуется большей строгостью и формализованностью. Основой для классификации служат структурные и синтаксические признаки, а также тематическая систематизации. Например, рассмотрим пословицы, представляющие собой полные двусоставные предложения: *нем. ende gut, alles gut* – 'всё хорошо, что хорошо кончается' [6; с. 267]. Другой категорией можно выделить пословицы с рифмованной структурой, обеспечивающей запоминаемость: *нем. morgenstund hat Gold im Mund* – 'кто рано встаёт, тому Бог даёт' [6; с. 679].

Кроме того, можно выделить паремии, касающиеся традиций, праздников и культурных особенностей. В английском языке, например, *англ. there's no such thing as a free lunch* – 'бесплатной еды не существует' [5; с. 478] обращает внимание на различные аспекты взаимодействий и традиционных практик. В немецком языке аналогичные пословицы, такие как *нем. viele Köche verderben den Brei* – 'много поваров портят кашу' [6; с. 1045] акцентируют внимание на культурных нюансах и языке, акцентируя внимание на общечеловеческих ценностях

Частотность использования паремий варьируется. В англоязычных текстах можно отметить более активные ссылки на повседневные привычки и деловые практики, в то время как в немецких наблюдаются устойчивые выражения, акцентирующие ценность традиций и социального взаимодействия. Эта разница может сигнализировать о культурных контекстах, которые влияют на обиходный язык и его употребление [1; с. 89].

Сопоставление английской и немецкой классификационных традиций позволяет выявить как различия, так и точки соприкосновения в их методологических основаниях. Английская лингвистика ориентирована

преимущественно на функциональные характеристики паремий, включая частотность их употребления, динамику трансформационных процессов и проявления креативного потенциала [3; с. 9]. Немецкая традиция, напротив, демонстрирует более формализованный подход, при котором приоритет отдается структурным параметрам и синтаксической завершённости выражений. Вместе с тем обе классификационные модели обнаруживают общие методические принципы: признание пословицы самостоятельным завершённым высказыванием, её разграничение с фразеологизмами, а также стремление к тематической и стилистической дифференциации материала

Важно отметить, что подходы современных лингвистов к изучению паремиологии разнообразны и многогранны. Некоторые исследователи акцентируют внимание на структурных аспектах, в то время как другие сосредотачиваются на семантическом содержании и культурных контекстах. Это разнообразие подходов подчеркивает сложность и многослойность паремиологических единиц, которые могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от культурного фона.

В заключение следует отметить, что результаты данного исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения лексикографических и культурологических аспектов паремиологии. Понимание паремиологических единиц в контексте их культурной значимости открывает новые горизонты для лингвистов и культурологов, стремящихся глубже понять, как язык отражает и формирует мировосприятие людей. ПЕ не только служат языковыми единицами, но и представляют собой важные культурные артефакты, которые могут рассказать о ценностях, традициях и стереотипах, присущих различным народам.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Бредис, М. А., Ломакина О.В. под ред. Паремиология без границ : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова, Л. Н. Гишкаева, Е. Е. Иванов, Е. И. Зиновьева, Д. Д. Комова, О. В. Ломакина, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, Н. Ю. Нелюбова, Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова, Н. Н. Семененко, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина, Ц. Цао. – Москва: РУДН, 2020. – 244 с
3. Дубровин, М. И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях/Худож. В. И. Тильман. – М.: Просвещение, 1993. – 349 с.
4. Зыкова, И. В. Фразеология и паремиология: учебное пособие. – М.: Академия, 2010.
5. Speake, J. The Oxford Dictionary of Proverbs. / Speake J. Oxford University Press. Fifth Edition, 2008. - 625 p.
6. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. – Freiburg i. Br.: Herder, 1991. – 1255 p.

УДК 811.111

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПОСУДЫ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРЫ

Джиоева В.П., канд. филол. наук, доцент, ORCID 0000-0002-6341-744X
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова,
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия
jio.varvilina@mail.ru

Введение. В статье исследуется такой раздел лексики с культурным компонентом, как наименования предметов быта, в частности, посуды и кухонной утвари на материале осетинского и английского языков.

Цель настоящего исследования – проанализировать способы номинации бытовой лексики лексико-семантической группы «посуда» на материале осетинского и английского языков. Эмпирический материал представлен 71 (39 – на осетинском языке и 32 – на английском языке) наименованием предметов посуды и кухонной утвари, собранным из словарей осетинского и английского языков.

В фокусе исследования находится бытовая лексика, в частности лексемы и словосочетания, используемые для описания элементов материального мира человека, которые необходимы для сохранения и поддержания жизнедеятельности в повседневной жизни. Посуда и столовые приборы представляют собой интересный объект для изучения как с точки зрения этнокультурных особенностей, так и лексико-семантических и когнитивных. Особенности номинации различных предметов посуды и кухонной утвари носителями той или иной лингвокультуры раскрывают тонкости духовно-нравственных устоев общества и носят в отдельных случаях сакральный характер. В языковом сознании носителей этноса откладывается накопленный на протяжении поколений культурный материал, который находит отражение в языковых средствах и впоследствии реализуется в речевых произведениях, представляя собой маркеры той или иной языковой действительности.

В представленной работе в центре внимания оказывается два разноструктурных языка с совершенно разной историей становления языковых норм и традиций. В англоязычной лексической выборке обращает на себя внимание наличие более четкого функционального разнообразия и распределения материала в соответствии с различными показателями, в том числе, функциональными. Результаты анализа эмпирического материала с позиций лексикологии и словообразования дают основание полагать, что названия предметов быта выбранного лексико-семантического ряда в двух языках характеризуются временем фиксации их в языке в силу исторических обстоятельств.

Беря во внимание стилистическую окраску лексики, целесообразно отнести бытовую лексику к разряду нейтральной лексики, имеющей

отношение к определенным предметам. Лексические единицы этого ряда, тем не менее, могут обладать эмоциональным оттенком [3].

В составе предметно-бытовой лексики тематической группы «посуда» выделяются слова, связанные друг с другом семантически, образуя систему гиперо-гипонимических отношений. Согласно мнению Дж. Лайонза, гипонимия представляет собой систему глубоких смысловых взаимоотношений, способствующих структурированию лексико-семантического строя языка [2].

Гиперонимы – языковые знаки, обладающие свойством обобщающего лексического характера и расширенным объемом значений. Гипонимы являются лексическими знаками, представленными более узким и конкретизированным описанием рассматриваемых объектов лексико-семантического ряда, сочетающими ряд значений, гипонимы, как правило, однословны по морфологическому составу [1].

Отличительной особенностью гиперонимов является способность охватывать семантику нескольких (целого ряда) слов, в то время как гипоним – зависимое с точки зрения семантики слово. Гипероним несет в себе родовые признаки, он шире по объему и беднее по содержанию понятия, закрепленного в нем по сравнению с гипонимом.

Лексико-семантические и лингвокультурные особенности наименований посуды. С точки зрения гипонимо-гиперонимных отношений *мигæнæн* ‘посуда, сосуд’ выступает в качестве гиперонима к лексемам и словосочетаниям, используемым для номинации посуды как для приготовления и для приема пищи, так и для хранения продуктов: *аг* ‘кастрюля, котел’, *кæхц* ‘миска, широкая чаша’, *гъосин* ‘кувшин с ушком, горшок’. Аналогичным образом строятся парадигматические связи в английском языке: *dish-ware* ‘столовая посуда’ играет функцию гиперонима к гипонимам *crockery* ‘посуда из фарфора фаянса и керамики’, *pot* ‘банка, горшочек, котелок’, *candy box* ‘сосуд для конфет’.

Лексика на двух языках в рассматриваемой выборке распределена на следующие структурные типы: (**осет**) простые (односложные) слова (32%): *къоппа* ‘половник, черпак, ковш’ (распространенное во многих языках наименование для круглых полых предметов сосудов происходит от лат. *cuppa* ‘чаша’, по данным исследователей, это одно из «изобразительных слов», возникших на основе звуковой символики) [Абаев I, с. 637]; образованные аффиксальным способом (33%): *саджил-æг* ‘вилка’ (от *саджил* ‘раздвоенный, расщепленный’ + суффикс *-æг*), *бырц-дон* ‘посуда, сосуд для хранения черного перца’ (от *бырц* ‘перец’ и суффикса *-дон*, образующего существительные со значением «вместилище для того, что названо мотивирующим словом») и композиты (35%): *цæджджин-аг* ‘котел с ушками’ (*досл.* котел, снабженный ушками от *сæg* ‘кольцо’, *ag* ‘котел’, *ġyn* – суффикс, выражающий наделенность чем-либо) [Абаев I, с. 297]); **(англ)** односложные (34%): *skillet* ‘сковорода’

(из среднеанглийского *skelet,* в свою очередь от французского *escuelete* ‘чаша, миска, чашка, тарелка’); образованные аффиксальным способом (11%): *cutlery* ’столовые приборы’ (вошло в обиход в XIV в. из ст. франц. *coutelerie* ‘изготовитель или продавец ножей’ от лат. *cultellus* ‘нож’) [https://etymology.en-academic.com/11484/cutlery], композиты (55%): *punch-bowl* ‘чаша для пунша’, *pressure cooker* ‘скороварка’; *peppershaker* ‘перечница’ [https://etymology.en-academic.com/searchall.php].

Заключение. Изученная лексика представлена следующими структурными типами: (осет) простые (односложные) слова (32%), образованные аффиксальным способом (33%) и композиты (35%); (англ) односложные (34%), образованные аффиксальным способом (11%), композиты (55%).

Наиболее продуктивными суффиксами при образовании лексики тематической группы «посуда» являются в осетинском языке ***-æн*** (суффикс, образующий имена со значением орудия, средства)***, -аг*** (многозначный суффикс, в данном случае образующий существительные от прилагательных и выражающий их свойства) и ***-дон*** (образующий существительные со значением «вместилище для того, что названо мотивирующим словом»). В английском сегменте в качестве ключевых выступают суффиксы: ***-er, -or*** (употребляется для обозначения предметов быта, выполняющие действия, выраженные глаголом) и ***-ry*** (образующий лексику со значением совокупности).

Список литературы

1. Кузнецов, В. Г. Роль гиперо-гипонимических отношений в вербализации пространственной и временной категоризации / В. Г. Кузнецов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – №13 (868). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gipero-giponimicheskih-otnosheniy-v-verbalizatsii-prostranstvennoy-i-vremennoy-kategorizatsii (дата обращения: 12.09.2025).
2. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978.
3. Малахова, Л. В. Наименования предметов быта как средство репрезентации образа дома в прозе С. А. Есенина / Л. В. Малахова // Сборник научных трудов «Восточнославянская филология. Языкознание». – 2025. – №19 (45). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-predmetov-byta-kak-sredstvo-reprezentatsii-obraza-doma-v-proze-s-a-esenina (дата обращения: 15.09.2025).
4. https://etymology.en-academic.com/11484/cutlery
5. https://etymology.en-academic.com/searchall.php
6. https://ironau.ru/vortaro.php
7. https://slovar.iriston.com/

УДК 81’37 : 811.111 : 811.161.1

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ СТРОИТЕЛЬСТВА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Квач Ю.А., ORCID 0009-0002-0140-347X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.kvach@mail.ru

Введение. Развитие новых технологий и распространение информации о них по всему миру неизменно приводит к взаимному обогащению языков лексическими единицами неисконного происхождения. Лингвистические заимствования активно проявляются в профессиональной коммуникации, в том числе и в строительной сфере, которая пополняется иноязычными специальными наименованиями новейших строительных процессов и технологий, материалов, методов ведения строительства. Непрерывность этого процесса, появление в профессиональной коммуникации единиц, не зафиксированных в лексикографических источниках, обуславливает необходимость и актуальность изучения вопроса заимствования в разных языках.

Вопросам заимствования посвящены многие труды как отечественных (Д.С. Лотте, 1982; Н.А. Трофимова и О.Г. Щитова, 2021; С.В. Гринев-Гриневич, Л.П. Крысин), так и зарубежных (Haspelmath M., Tadmor U., 2009; Zenner E., Kristansen G., 2014, etc.) ученых.

Объектом данного исследования выступают английские и русские строительные термины, образованные путем заимствования; **предметом** – пути заимствования.

Цель данной работы заключается в выявлении и описании заимствований в строительной терминологии английского и русского языков.

Материалом исследования послужили 187 терминов в русском языке и 64 термина в английском языке, отобранные из корпуса терминов (англ. – 1681 ед., русск. – 1454 ед.), сформированного на основе лексикографических и текстовых источников.

Основная часть. Основоположником теории терминологического заимствования в отечественной лингвистике является Д. С. Лотте, который выделяет два основных типа заимствований – заимствования в чистом виде и трансформируемые заимствования [2, с. 10–11]. Заимствования в чистом виде (англ. – 34 ед., русск. – 89 ед.) предполагают сохранение морфологической формы слова и передачу его в языке при помощи транскрипции или транслитерации. Примером чистого заимствования в английском языке может быть термин *terrazzo* ‘терраццо’ < итал. *terrazzo* ‘терраса, балкон’, а также термин *Tadelakt* ‘марокканская натуральная

штукатурка’, пришедший из арабского языка. В русском языке к таким заимствования относится термин *редевелопмент*, который < англ. *redevelopment* ‘реконструкция’. При трансформируемых заимствованиях (англ. – 29 ед., русск. – 25 ед.) происходит изменение морфем, входящих в состав слова, например, например, англ. *durability* ‘срок эксплуатации, прочность’ (← франц. *durabilité* ‘долговечность’), где в английском языке к заимствованию присоединился суффикс *–y*, который служит для образования абстрактных существительных, русск. *инсталляция* (← англ. *installation* ‘установка’), в котором можно увидеть замену английского суффикса *–tion* русским суффиксом *–ци*, характерным для русских абстрактных существительных.

Классификация Д.С. Лотте не полностью отражает современные языковые тенденции, поэтому ее стоит дополнить характерными для современного русского языка иноязычными вкраплениями [3], которые А.И. Дьяков называет трансплантированными заимствованиями [1]. Такие заимствования сохраняют графическую форму языка-источника или языка-посредника и употребляются как самостоятельный термин, например, русский термин *BIM* < *building transformation modeling* ‘информационное моделирование зданий’. Несмотря на существование переводного эквивалента *технология информационного моделирования (ТИМ)*, в профессиональной коммуникации активно используется именно заимствованная аббревиатура, которая при этом становится словообразовательной морфемой и входит в состав сложных слов, например, *BIM*-технологии, *BIM-модель*, *BIM-проект*.

Д. С. Лотте также отмечает, что к заимствованиям можно отнести переводные заимствования, которые подразделяются на буквальные и трансформированные [2, с. 12]. В эмпирическом материале данный тип активно представлен в русском языке (73 ед., 40%), при этом 90% таких терминов заимствованы из английского языка. В английском же языке зафиксированы единичные примеры таких заимствований из шведского и немецкого языков.

К буквальным переводным заимствованиям можно отнести синтаксические кальки, которые образованы путем пословного перевода с языка-источника и представляют собой устойчивые терминологические сочетания [3]. Примером таких заимствований в русском языке могут быть термины, отражающие экологичные практики в строительстве, например, *зеленое строительство* < англ. *green construction*, *зеленые технологии* < англ. *green technologies*, *зеленое здание* < англ. *green building*. В английском языке примером такого заимствования служит термин *ventilated facade* < нем. *hinterlüftete Fassade* ‘вентилируемый фасад’.

К трансформируемым переводным заимствованиям Д.С. Лотте относит заимствования, которые «представляют собою не просто точно переведенные эквиваленты, а преобразуемые в момент перевода слова или

словосочетания» [2, с. 13]. Данный тип заимствований предполагает, например, замену сложного слова словосочетанием, изменение порядка слов. Проиллюстрировать его можно русским термином *система распределения воздуха под полом* < англ. *underfloor air distribution system*, при переводе которого с английского языка происходит перестановка компонентов термина.

Такое определение трансформационного переводного заимствования позволяет отнести к ним и синтаксические полукальки – словосочетания, в состав которых входят как переведенные, так и заимствованные лексические компоненты [3, 2021]. Они достаточно широко представлены в русской строительной терминологии, например, *аддитивное строительство* < англ. *additive construction*, *адаптивный фасад* < *adaptive façade*, где прилагательные *аддитивный* и *адаптивный* заимствованы из английского языка. Еще один пример таких заимствований – солнечный коллектор < англ. *solar collector*, где заимствованием является уже главный компонент, представленный существительным.

Заключение. Проведенный анализ показал, что для сопоставляемых языков характерно пополнение строительной терминологии за счет разных типов заимствований, при этом в русском языке данный процесс развит активнее, а также представлен более разнообразными способами заимствований. В обоих языках зафиксированы заимствования в чистом виде, при этом для английского языка более характерно заимствование путем транскрипции, а для русского – путем транслитерации. В русском языке также наблюдаются нехарактерные для английского языка иноязычные вкрапления. Трансформируемые заимствования представлены преимущественно в русском языке, при этом в нем увеличивается процент синтаксических заимствований, при которых наблюдается как полное, так и частичное калькирование.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7)

Список литературы

1. Дьяков, А.И. Словарь англицизмов русского языка / А.И. Дьяков. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 1383 с. – ISBN 978-5-9765-4570-0
2. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 147 с.
3. Трофимова, Н.А. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в. / Н.А. Трофимова, О.Г. Щитова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 470. – С. 50–61. – DOI: 10.17223/15617793/470/6.
4. Haspelmath, M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 1013 p. – DOI 10.1515/9783110218442.
5. Zenner, E., Kristansen G. New Perspectives on Lexical Borrowing: Onomasiological, Methodological and Phraseological Innovations. – Boston: Mouton De Gruyter, 2014. – 252 p. – DOI 10.1515/9781614514305.

УДК 81'37:811.11:811.16

ТИПЫ И ВИДЫ КОЛЛОКАЦИИ КАК ФОРМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОГЕЗИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ

Кобзев Н.В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-1232-8665
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nicksong@mail.ru

Введение. В современном языкознании актуальность изучения лексической когезии как важного аспекта языковой структуры привлекает внимание исследователей к разнообразным аспектам языковой связности. Среди разнообразных явлений, особое внимание заслуживают коллокации – данные языковые единицы представляют собой устойчивые сочетания слов, объединенные лексически и семантически. Понимание природы и функций коллокаций в языке становится ключевым для разгадывания механизмов, лежащих в основе языковой красоты и выразительности, особенно в контексте художественных дискурсов, где коллокации приобретают особое значение, воздействуя на структуру и стиль произведений. Настоящее исследование стремится не только анализировать типы и виды коллокаций в английском и русском языках, но и исследовать их роль как форм лексической когезии в художественных текстах. Художественные дискурсы английского и русского языков предоставляют уникальные образцы языкового творчества, где использование коллокаций оказывается особенно значимым. Анализ лексической когезии через призму коллокаций в художественных текстах позволит глубже понять механизмы формирования художественного выражения и его воздействия на читателя. Такое исследование имеет потенциал расширить наше понимание литературного языка, подчеркнуть его специфику и обогатить лингвистические теории структуры и функционирования языка в художественной среде.

Темой нашего исследования является анализ коллокаций в художественном дискурсе на основе произведения «Поллианна вырастает» Элинор Портер из английской литературы и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова из русской литературы.

Предметом нашего исследования являются типы и виды коллокаций, использованных в произведениях, а **объектом** особенности структуры и функционирования общеязыковых и индивидуально-авторских метафор в произведениях Э. Портер и М. Булгакова.

Целью исследования является анализ структуры и видов коллокаций в художественных текстах английского и русского языков.

Для достижения данной цели, нами были поставлены следующие **задачи**:

1) рассмотреть понятие и сущность когезии в английском и русском языках; 2) изучить основные функции когезии в английском и русском языках; 3) провести анализ использования коллокаций в литературных произведениях английского и русского художественного дискурсов.

Материалом исследования послужили 100 единиц коллокаций, выбранных методом сплошной выборки из произведения «Поллианна вырастает» Э.Портер и «Мастер и Маргарита» М.Булгакова.

Основная часть. Такое средство лексической когезии как коллокация было изучено многими зарубежными и отечественными учеными. Мы рассмотрели различные классификации, такие как: функционально-семантическая классификация Влавацкой М.В. [2], семантическую классификацию коллокаций А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [1], М. Бенсон и Э. Бенсон [3], которые предлагают выделять грамматические и лексические коллокации.

Палмер предложил одну из первых классификаций [4], которая используется в нашем исследовании для коллокаций в английском художественном дискурсе, так как мы посчитали ее наиболее оптимальной. Отталкиваясь от этой классификации, мы проанализировали примеры коллокаций в книге Элеонор Портер «Поллианна вырастает». Таким образом, в работе представлена выборка из 100 английских коллокаций следующего типа: гетеросемы (16), коллокации «глагол х дополнение» (11), коллокации «глагол х предлог» (31), «безартиклевые коллокации» (3), образцы конструкций (13), коллокации «без пробела» (19), «созданные» коллокации (7). М.В. Влавацкая предлагает функционально-семантическую классификацию коллокаций, которую мы используем в исследовании коллокаций русского художественного дискурса. Отталкиваясь от этой классификации, мы проанализировали примеры коллокаций в книге Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Таким образом, в работе представлена выборка из 100 русских коллокаций следующего типа: традиционный коллокации (51), экспрессивные коллокации (11), окказиональные коллокации (29), терминологические коллокации (9).

Заключение. Проблема исследования особенностей лексической когезии в английском художественном дискурсе продолжает оставаться актуальной вместе с эволюцией языка и будет открыта до тех пор, пока развивается языкознание. Причина этого – не только разница взглядов учёных, но и обилие временных, социальных, культурных факторов и нюансов, влияющих на её решение.

Коллокации являются важным элементом английского языка и играют значительную роль в создании естественного и богатого текста. Коллокации в художественном дискурсе помогают создавать боле выразительные и эмоциональные тексты, позволяют создать определенный стиль и образ автора.

В работе были рассмотрены различные типы коллокаций, их классификация и функции в художественном дискурсе. Были проанализированы примеры из английского художественного произведения Элеонор Портер «Поллианна вырастает» и русского «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, что позволило увидеть, как авторы используют коллокации для создания определенной атмосферы, передачи настроения и характера персонажей, а также для передачи конкретных смыслов и идей.

В целом, данное исследование позволило расширить знания о коллокациях в английском и русском языках и их роли в художественных дискурсах. Оно также показало, что знание коллокаций является необходимым элементом для качественного понимания текста на английском языке, а также позволила проанализировать богатый запас коллокаций в русском языке.

Список литературы

1. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах: сб. статей. – Орёл: ОГУ, 2010. – С. 252.
2. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика. Аспекты изучения сочетаемости слов: монография / М. В. Влавацкая. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 244 с.
3. Benson, M., Benson, E., & Ilson, R. The BBI Dictionary of English Word Combinations. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. – 600 p.
4. Palmer, H. E. Second Interim Report on English Collocations / H. E. Palmer. – Tokyo: Institute for Research in English Teaching, 1933. – 188 с.

УДК 81'42:81'373

СОПОСТАВЛЕНИЕ МЕТАФОР ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

***Кривошеева О.Г.*,** ORCID 0009-0008-4276-7038,
Щербатенко О.А, канд. филол. наук, ORCID 0009-0002-4312-1227
Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ
shcherbatenkooa386@yandex.ru, olesyatripunova@gmail.com

Введение. Эмоции представляют собой сложные ментальные состояния, которые в языке часто передаются метафорами. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается не только как стилистический приём, но и как базовый способ осмысления абстрактных явлений через конкретные образы, укоренённые в телесном опыте. Эмоции как

трудноописуемые внутренние процессы наглядно демонстрируют роль метафор: такие выражения, как *heartbroken* («разбитое сердце») или «камень на сердце», помогают структурировать эмоциональный опыт и делают его доступным для коммуникации.

Цель данной работы – сопоставить метафоры, обозначающие базовые эмоции (страх, гнев, радость, грусть, удивление) в английском и русском языках, выявить общие когнитивные механизмы и культурно-специфические различия в их вербализации.

Основная часть. Страх в обеих лингвокультурах метафоризуется как состояние, выходящее из-под контроля человека. Одним из наиболее частотных источников метафор является телесная реакция – оцепенение, холод, дрожь. В английском языке устойчиво закрепилось выражение «*frozen with fear»* («замерз от страха»), которое имеет прямой аналог в русском: «оцепенел от страха». Здесь актуализируется концептуальная схема «страх – это холод и неподвижность». Однако английский язык чаще подчеркивает постепенное наступление страха через глаголы движения: «*fear crept up on him»* («страх подкрался к нему»), «*fear seized her»* («страх охватил её»). В русском также встречаются метафоры подобного типа: «страх подкрался», «страх охватил», но им сопутствуют устойчивые фразеологизмы, где страх буквально «садится» на человека – «страх навалился», «сердце ушло в пятки». Таким образом, если английский язык демонстрирует динамику внешнего воздействия, то русский сильнее акцентирует телесные ощущения и локализацию внутри организма [3].

Гнев является одной из наиболее метафоризированных эмоций. Универсальная схема «*anger is heat*» (гнев – это жар) проявляется как в английском, так и в русском: «*boiling with anger»* – «кипеть от злости». При этом существуют интересные расхождения. В английском язык окрашивает эмоцию в красный цвет: «*red-hot temper», «see red»*. Русская традиция, напротив, связывает гнев с побледнением – «побелеть от злости». Это отражает разные культурные наблюдения за физиологией: для англоговорящих важно покраснение лица при вспышке эмоции, а для русскоязычных – напротив, резкая бледность. Ещё одна продуктивная схема – «*anger is an explosive force*». Английское «*to explode with rage»* и русское «взорваться от злости» совпадают по образности, однако в английском больше внимания уделяется внезапности и внешнему проявлению, тогда как в русском – внутреннему накоплению, которое приводит к разрушительному «взрыву». Кроме того, русский язык связывает гнев с духовными и моральными категориями: корни «зло», «бес», «сердце» подчеркивают укоренённость эмоции в нравственном опыте и в теле. В английском же больше проявлена физическая, а не духовная составляющая [4].

Радость, в отличие от страха и гнева, метафоризуется преимущественно через образы света, тепла и движения вверх. Английское

«*to be on cloud nine»* («быть на седьмом небе от счастья») и русское «быть на седьмом небе» совпадают концептуально и иллюстрируют схему «*joy is up*». Оба языка связывают радость с ощущением подъёма и возвышения. Другой универсальный образ – переполнение: «*to burst with joy»* («лопнуть от радости»), «полон радости». При этом в русском чаще встречаются выражения, акцентирующие внутреннюю гармонию: «душа поёт», «сердце радуется». Английский же делает акцент на экспрессивности, иногда даже чрезмерности радости (*ecstatic, thrilled to bits*). Интересна и схема «*joy is heat/fire*»: в обоих языках говорят о «сгорании» от счастья (*burning with joy* –«сгорать от радости»). Однако в английском чаще встречаются динамичные, «быстрые» метафоры (радость как взрыв, полёт), в то время как русский предпочитает устойчивые и «глубокие» образы (радость как внутренняя полнота, наполнение души) [1].

Грусть и печаль традиционно связываются с тяжестью и падением вниз. В английском языке это выражено через «*fall into depression*, *sink into despair»*. Русские аналоги – «впасть в уныние», «погрузиться в тоску», «грусть навалилась». Схема «*sadness is down/weight*» универсальна: и в английском, и в русском грусть «тянет вниз» или «давит». Однако в русском языке существует уникальный концепт «тоска», который невозможно перевести одним словом. По наблюдению Вежбицкой, «тоска» объединяет грусть, скуку, одиночество и духовную боль. Английский язык передает это разными словами (*melancholy, longing, yearning*), но ни одно не совпадает с русским по объёму значений [2]. Метафорика тоски также указывает на её внутреннюю природу: «камень на сердце», «гнетущая тоска». В английском же грусть чаще описывается как внешняя среда: «*shrouded in sadness»* («окутанный печалью»), «*dark days»* («тёмные дни»). Таким образом, различие между языками заключается в том, что русский фокусируется на внутреннем бремени, а английский – на внешнем окружении и контексте.

Удивление ассоциируется с внезапностью и изменением состояния сознания. В английском языке встречаются выражения «*blown away»*, «*taken aback»*, «*eyes wide open»*, отражающие внешние признаки неожиданности и физическую реакцию на событие. Русский язык использует метафоры схожей направленности: «он был поражён», «глаза на лоб полезли», «не верил своим глазам». Обе культуры связывают удивление с резким изменением внутреннего состояния, однако английский делает акцент на эмоциональной интенсивности и внешних проявлениях, а русский – на когнитивной реакции и телесной визуализации. Концептуальная схема здесь может быть описана как «*surprise is a sudden force*» или «*surprise is motion*», что позволяет схватывать ощущение внезапного воздействия на психику [5].

Заключение. Анализ показал, что метафоры эмоций в английском и русском языках строятся на общих телесных и когнитивных образах: тепло, холод, тяжесть, движение и пространственные ориентации являются

универсальными способами выражения внутреннего состояния. Вместе с тем выявлены значимые культурно-специфические различия. Английский язык чаще фокусируется на внешнем проявлении эмоций, их динамике и интенсивности, а русский язык — на внутреннем переживании и телесной локализации. Таким образом, сопоставительный анализ метафор эмоций не только выявляет универсальные когнитивные схемы, но и подчёркивает роль культурного контекста в вербализации эмоционального опыта.

Список литературы

1. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35. – EDN PVNQQN.
2. Вежбицкая, А. Душа и культура. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 312 с.
3. Звегинцев, В. А. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. А. Звегинцев // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 73–103.
4. Комаров, Е. В. Сопоставительное корпусное исследование метафоры как способа концептуализации эмоции гнева в английском и русском языках / Е. В. Комаров // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 12–25. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-korpusnoe-issledovanie-metafory-kak-sposoba-kontseptualizatsii-emotsii-gnevav-angliyskom-i-russkom-yazykah (дата обращения: 13.09.2025).
5. Озюменко, В. И. Модальность и эмоции в английском языке / В. И. Озюменко // Вестник РУДН. Сер. «Русский и иностранные языки: методика их преподавания». – 2007. – № 3. – С. 92–98.

УДК 81'373.2:81'373.5

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ЭМОТИВОВ *JOY* И *РАДОСТЬ*

Липанова П. К., ORCID 0009-0002-5535-2073
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
lipanova_polina@mail.ru

Введение. Данная работа посвящена изучению семантики эмотивов *joy* и *радость* в сопоставительном аспекте. Несмотря на универсальность такой эмоции, как радость, ее восприятие носителями двух разных лингвокультур существенно различается, о чем свидетельствуют различия в семантике эмотивов соответствующего эмоционального поля.

Целью данной работы является установление сходств и различий в семантике эмотивов *joy* и *радость*, выявление их национальной специфики.

Материалом исследования послужили словарные дефиниции лексем-эмотивов *joy* и *радость*, отобранные из авторитетных толковых словарей английского и русского языков. В ходе исследования были проанализированы толкования из пяти лингвистических и психологических словарей английского языка и семи словарей русского языка.

Основные положения. Лингвистическое изучение эмотивной лексики требует обращения к экстралингвистическому контексту, а именно к психологическому содержанию эмотивных понятий [2]. Установлено, что для американской традиции характерно прагматичное понимание *joy* как позитивной эмоции, тесно связанной с достижением личного благополучия, успеха и самореализации [5]. В отечественной психологии радость понимается как удовлетворенность собой и окружающим миром. Ее связывают с удовлетворением желаний, достижением целей, а также предвкушением заведомо благоприятных событий [1].

Специфика понимания радости находит свое отражение в вербализации испытываемой эмоции носителями разноструктурных языков, а именно в семантике эмотивов *joy* и *радость*.

Таблица

Семный состав эмотивов *joy* и *радость*

№	Семы эмотива *joy*	Семы эмотива *радость*
1.	feeling, emotion	чувство, состояние
2.	pleasure	удовольствие, наслаждение
3.	satisfaction	удовлетворение
4.	extreme, great	большой
5.	possessing what one desired	сбывшееся желание
6.	exultation of the spirit	–
7.	well-being, good fortune	–
8.	success	–
9.	something nice has happened	–
10.	–	веселый, внешнее проявление
11.	–	внутренний, душевный

Ключевыми для обоих эмотивов являются такие семы, как *feeling*, *emotion* / *чувство*, *состояние*, которые определяют данные лексемы как номинанты эмоции. Для обеих лингвокультур также характерно восприятие радости в контексте удовлетворения (*pleasure* / *удовольствие*, *наслаждение*; *satisfaction* / *удовлетворение*) и получения желаемого (*possessing what one desired* / *сбывшееся желание*). Однако носители английского языка склонны конкретизировать желаемое как успех (*success*) или финансовое благосостояние (*well-being, good fortune*), например:

(1) англ. *Seeing the project go live after all the challenges we faced was a true joy* [4] ‘Видеть, как проект запускается после всех трудностей, с которыми мы столкнулись, доставило нам ни с чем не сравнимую радость’.

(2) англ. *The simple joy of knowing all the bills were paid and there was money left over for a family vacation was immense* [4] ‘Простая радость от осознания того, что все счета оплачены, и остались деньги на семейный отпуск, была огромной’.

Идея успеха, который связан с радостью *joy* в примере (1), заключается в том, что автору этого предложения (пример взят из интервью исполнительного директора крупной международной фирмы) удалось реализовать сложный проект, который принесет компании новую прибыль. Радость в английской лингвокультуре нередко связана именно с финансовой выгодой. Так, в примере (2) именно закрытые счета и наличие денег на прочие расходы вызывает эмоцию, вербализуемую как *joy*.

Специфической для английского языка является сема *exultation of the spirit*, которую можно воспринимать как показатель степени интенсивности испытываемого эмоционального состояния, например:

(3) англ. *Hearing the choir’s voices fill the ancient cathedral, she felt a profound joy that transcended mere happiness – it was a lifting of the soul* [4] ‘Услышав, как голоса хора наполнили древний собор, она ощутила глубокий восторг, который превосходила простое счастье – это было вознесение души’.

Идея возвышенного, духовного ликования, которая связана с радостью *joy* в примере (3), заключается в том, что эмоция вызвана не бытовым успехом или финансовым благополучием, а возвышенным эстетическим переживанием.

Носители русского языка связывают радость не столько с финансовым благополучием и успехом, сколько с ее духовной составляющей или, при более мирском контексте, с внешним выражением эмоции, например:

(4) рус. *Она не могла говорить от радости, охватившей ее* [3].

(5) рус. *Но как могло случиться, что в ожесточенном и злобном сердце его вместилась тогда такая светлая радость, такая, которая прощает все и за все благодарит?* [3].

Не могла говорить в примере (4) является не только выражением семы внешнего проявления радости, но и показателем интенсивности испытываемого чувства. Радость в русской лингвокультуре часто воспринимается как чувство, которое не просто переживается внутри, но и не может быть сдержано. А сочетание эмотива *радость* с прилагательным *светлая* в предложении (4) можно трактовать как возвышенную природу испытываемого чувства. Радость героя вербализуется через эпитет *светлая*, прямо отсылающий к ее чистой, нематериальной природе.

Выводы. Таким образом проведенный семантический компонентный анализ выявил как сходства, так и существенные различия в семантике эмотивов *joy* и *радость*.

Сходства проявляются на уровне ядерных сем: оба концепта определяются как интенсивное положительное чувство, возникающее от удовольствия, удовлетворения и сбывшегося желания.

Главное различие заключается в культурной специфике рассматриваемых эмотивов. Английский эмотив *joy* демонстрирует прагматичную и причинную ориентацию, подчеркивая связь с успехом, благополучием и конкретными позитивными событиями. В отличие от него, эмотив русского языка *радость* обладает духовной составляющей, что выражается в семах *душевный* и *внутренний*, а также в способности к внешнему, невербальному проявлению. Таким образом, *joy* скорее представляется носителями английского языка как результат достижения, в то время как *радость* у представителей русской лингвокультуры – как глубокое внутреннее состояние.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

Список литературы

1. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2001. – 752 с: ил. – (Серия «Мастера психологии»). – ISBN 5-318-00236-6.
2. Муллагаянова, Г. С. Концепт «радость / joy» в русской и английской культурах / Г. С. Муллагаянова, К. Давыданова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 9-10 (25-26).
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва, 2003–2024. – URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 23.09.2025).
4. British National Corpus [Электронный ресурс] / Bodleian Libraries, Univ. of Oxford, British Library, etc.; ред. M. Davies. – 2004–2024. – URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 25.09.2025).
5. Fredrickson, B. L. Positive emotions broaden and build [Электронный ресурс] // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by P. Devine, A. Plant. – Vol. 47. – Academic Press, 2013. – P. 1–53. – ISBN 978-0-12-407236-7.

УДК 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Опанасенко К.В., ORCID 0009-0004-1860-3827,
Щербатенко О.А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0002-4312-1227
Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ
scherbatenkowork@yandex.ru, karolina.op@mail.ru

Введение. В современном мире одним из самых быстроразвивающихся процессов является глобализация. Люди всех стран общаются между собой, что создаёт новые связи, в том числе и в языке. Одним из ярких примеров такой коммуникации и взаимодействия является влияние китайского языка на английский. С развитием экономики Китая, его влияния на рынки других стран, а также с популяризацией китайской культуры, английский язык стал активно заимствовать слова и выражения из китайского лексикона. Эти заимствования обогащают язык, отражают изменения в общественном восприятии и интересах. В данной статье мы рассмотрим наиболее популярные современные заимствования из китайского языка в английском.

Цель статьи – исследовать и проанализировать влияние китайского языка на современный английский через рассмотрение лексических заимствований. Также подчеркнуть роль китайского языка в формировании новых терминов и понятий в английском языке в различных областях.

Основная часть. На сегодняшний день английский и китайский языки являются самыми популярными и объёмными по словарному запасу языками. По мере того, как проходила коммуникация и культурный обмен, в этих языках стали появляться различные заимствования, причём взаимно как английский язык брал разные термины и понятия у китайского, так и наоборот. При этом число заимствований в английском языке из китайского и наоборот довольно различается. В китайском языке английских заимствований больше, по сравнению с заимствованиями из других языков. Основной же сферой, из которой в Китай приходят различные термины, является сфера экономики, в связи с быстроразвивающейся в последние года торговлей и производством с другими странами, в большинстве своём англоязычными. В английском языке китайских заимствований существенно меньше, так как китайский не является близкородственным языком, следовательно английский язык брал больше не из него, а из более похожих языков сходных с собой групп.

Тем не менее, есть довольно много слов, которые пришли из китайского языка и активно используются в английском. Они также могут

быть основной для английских слов, которые хоть и не идентичны китайскому варианту, но этимологически относятся к китайскому. Так, «Oxford English Dictionary» приводит доказательства того, что в 888 г. н. э. фонетически видоизмененное китайское слово silk sī (丝) «шёлк» пришло в английский язык из Китая по Шелковому пути «silk road» sīchóu zhī lù (絲綢之路). Всего в английском языке насчитывается около 1000 заимствований из китайского. Здесь же можно привести в пример слово wūlóngchá (乌龙茶), или же «oolong tea» на английском. Это слово пришло с растущей популярностью различных китайских продуктов, в данном случае, чая улун.

Китайский язык проникал в английский различными способами. Следует отметить, что на протяжении последних полутора веков появилось немало подобных возможностей. Наиболее эффективные из них – это, начиная с династии Мин. Проникновение слов и понятий в язык происходило через моряков и торговцев, китайских иммигрантов в США, колонизацию Гонконга и Макао. Многие слова, что перешли в английский, пришли из сфер традиционной китайской кулинарии, как, например, уже упомянутое выше слово «tea» пришло из китайского chá (茶). Также, слово «ketchup» предположительно пришло из Китая. Там слово qiézhī (茄汁) изначально обозначает томатный сок. Также, в пример заимствования из китайской кухни можно привести китайское блюдо diǎn xīn (点心), что обозначает китайские блюда, что обычно подают на завтрак. Эти блюда получили распространение за пределами Китая. Появилось понятие dim sum.

Также, помимо понятий, что пришли из китайской кухни, также популярны и слова из различных традиций Китая. Такие слова как gōngfū (功夫) или qì (气), которые соответственно в английском превратились в «kung fu», что обозначает традиционное китайское боевое искусство, и «qi», что обозначает некоторую энергию или силу человека и является понятием философии, довольно крепко прижились в английском языке и используются, например, в медиа, особенно в тех, где повествуется о Китае.

По нашему мнению, довольно интересным явлением, появившимся в результате взаимодействия, является чинглиш. Чинглиш – вариант английского языка, созданный под влиянием китайского языка. Этот вариант английского используется в основном китайцами, но также и в двуязычном контексте. Сейчас чинглиш используется как слэнг и в основном пользователи интернета общаются с помощью него. Например, выражение bù zuōsǐ jiù búhuì sǐ (不作死就不会死), в английском варианте «no zuo, no die», переводится как «если ты не ищешь неприятностей, то ты никогда и не попадешь в неприятности», сейчас активно стало использоваться англоговорящими подростками при общении в социальных сетях.

Заключение. Китайский язык влияет на словарный состав английского языка, обогащая его. Лексические заимствования, приведённые в статье, отражают влияние глобализации и культурного обмена между странами.

Список литературы

1. Алексеева, М. Г. Чинглиш как результат культурной глобализации / М. Г. Алексеева. – Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1550–1553.
2. Кохонова, К. Е. Периодизация процесса заимствований лексических единиц китайского происхождения в системе английского литературного языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2019. – Вып. 7 (204). – С. 96–104. – DOI:10.23951/1609-624X-2019-7-96–104
3. Музипова, Ф. И. Анализ влияния китайского языка на английский язык / Ф. И. Музипова // Исследования молодых ученых: материалы LXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2023 г.). – Казань: Молодой ученый, 2023. – С. 120–123.
4. Митчелл, П. Д. Чинглиш - культурный феномен / П. Д. Митчелл, А. Н. Зарубин // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 1(9). – С. 69-80. – EDN PYARLR.
5. Черемисина, Т. И. Особенности динамики современного англо-китайского языкового контактирования / Т. И. Черемисина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 7(779). – С. 114–132.
6. Черемисина, Т. И. Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов / Т. И. Черемисина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 6(822). – С. 91–107. – EDN VBIEIO.

УДК 811.112.2.161.1`367

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНВЕРСИВНЫХ НЕРЕФЛЕКСИВНЫХ И РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Растарасова Е.К., ORCID 0009-0001-6653-8175
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
krastarasova@mail.ru

Введение. Настоящая работа посвящена исследованию морфологических и грамматических свойств конверсивных нерефлексивных (НГ) и рефлексивных глаголов (РГ) в немецком и русском языках.

Целью данной работы является выявить и исследовать морфологические и грамматические свойства конверсивных нерефлексивных (НГ) и рефлексивных глаголов (РГ) в немецком и русском языках.

Основная часть. Конверсивный рефлексивный глагол – это тот же нерефлексивный глагол, называющий то же самое отношение, но в другом отношении, с перестановкой участников ситуации на другие места [Мельчук, 83].

В словообразовательном отношении немецкие и русские конверсивные РГ образуются по единой модели «исходный нерефлексивный глагол (НГ) + sich/ся», ср.:

(1) рус. *радовать кого-л.* (например, о подарке) → *радоваться чему-либо* (например, подарку) [НКРЯ], аналогично: нем. *jmdn freuen → sich (über etw.) freuen* [DWDS].

Исходные НГ в обоих языках часто являются отадъективными дериватами со значением каузации определенного свойства человеку, предмету, явлению, процессу и т.п. Значение данных НГ поясняется в словарях обычно через значение каузативного глагола *machen*/(*с*)*делать* и значение мотивирующего прилагательного, ср.:

(2) рус. *лучший → улучшить* <сделать лучше> → *улучшиться* [НКРЯ]; аналогично: нем. *besser → bessern* <besser machen> → *sich bessern* [DWDS],

(3) рус. *худший → ухудшить* <сделать хуже> → *ухудшиться* [НКРЯ], аналогично: нем. *schlechter →verschlechtern* <schlechter machen> → *sich verschlechtern* [DWDS].

В ряде случаев НГ мотивируются именами существительными с конкретной и абстрактной семантикой, ср.:

(4) рус. *туман → туманить → туманиться* [НКРЯ], аналогично: нем. *Nebel →benebeln →sich benebeln* [DWDS].

(5) рус. *страх → страшить→ страшиться* [НКРЯ]; аналогично: нем. *Angst → ängstigen → sich ängstigen* [DWDS].

Отмечены также НГ, производящими основами которых выступают числительные или наречия, в немецком языке это производные наречия с количественным значением и содержащие в своей структуре продуктивный суффикс *–fach,* ср.:

(6) рус. *два → удвоить → удвоиться* [НКРЯ]; аналогично: нем. *zweifach → verzweifachen → sich verzweifachen* [DWDS].

В грамматическом отношении производящие НГ конверсивных РГ в сопоставляемых языках являются переходными (транзитивными), преимущественно двухвалентными глаголами, сочетающимися с различными типами прямых дополнений, а именно:

1) с *одушевленным* дополнением, ср.:

(7) рус. *злить кого-л. → злиться на кого-л.*, аналогично: нем. *jmdn. ärgern → sich über jmdn. ärgern;*

2) с *неодушевленным* дополнением, ср.:

(8) рус. *обозначить что-л.* <сделать хорошо заметным> (например, скулы человека) (о худобе) → *обозначиться (в ком-л.)* (например, о

внутренней перемене); нем. *etw. ausbauchen* ‘раздувать что-л. (например, парус, юбку на ветру)’ → *sich ausbauchen* ‘раздуваться’

3) одновременно с *одушевленным и неодушевленным дополнениями*, ср.:

(9) рус. *оживить кого-то / что-то* (например, больного, торговлю и т.п.) → *оживиться*, аналогично: нем. *etw., jmdn. beleben* → *sich beleben* [DWDS].

Заключение. В ходе исследования было установлено, что мотивирующей основой чаще выступают глаголы, реже -существительные, наречия и числительные.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Басыров, Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках. Т. 1: Типологические, сравнительные, диахроничные исследования / Ш. Р. Басыров; Редкол. : В. Д. Калиущенко (гл. ред.). – Донец. нац. ун-т. – Донецк: ДонНУ, 2004. – 351 с.
2. Мельчук И**.** А. Опыт теорий лингвистических моделей «Смысл-текст» / И.А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – I-XXII. 346с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 08.09.2025).
4. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 811.1/8

ЛЕСТЬ КАК СПОСОБ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

Ратундалова И. Ю., ORCID 0009-0005-4386-7178
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.boryushova@mail.ru

Введение. Данное исследование посвящено изучению речевого акта лести как манипулятивного приема в кинодискурсе на материале английского и русского языков. Под речевым актом лести подразумевается угодливое, неискреннее восхищение кем-либо, внушаемое корыстными побуждениями [1].

Цель данного исследования состоит в выявлении сходств и различий реализации речевого акта лести в англо- и русскоязычных кинодиалогах.

Материалом исследования послужили 336 речевых актов лести (213 высказываний из американских фильмов и сериалов и 123 – из российских).

Установлено, что лестные высказывания в английском языке существенно превалируют – это можно объяснить культурной спецификой: в мериканской культуре так называемая конвенциональная лесть, как правило, не подразумевающая личные мотивы, является социальной нормой [2], поэтому маскирующаяся под нее манипулятивная лесть гораздо гармоничнее вписывается в коммуникативные ситуации.

Основная часть. Вербализация лести происходит посредством эмоционально-оценочных лексем: характерной чертой для английского языка является частое использование сравнительных прилагательных и суперлативов (*You are... **so much cooler** than most girls* (Tell Me Lies). – 'Ты… гораздо круче остальных девчонок' («Соври мне»), тогда как в русском языке сравнительный оттенок в основном отсутствует (*Ты **очень красивая**, полна прекрасных идей* («Красные линии»)); оценочные лексемы часто усиливаются посредством слов-интенсификаторов (*so, much, pretty; такой, очень*). Реже используются метафоры (*You are an artist. **It rages in your blood*** (Poker Face). – 'Ты человек искусства. Это у тебя в крови' («Покерфейс»); ***Ты сама лучший подарок*** («Сама дура»)); сравнения и аллюзии (*I feel **like Picasso rediscovering rose*** (Prodigal son). – 'Я чувствую себя Пикассо, заново открывающим розовый период' («Блудный сын»); *Будешь лежать там среди цветов, **как Офелия*** («Черная весна»)); гиперболы (*You're such **a lifesaver**!* (Tell Me Lies). – 'Ты спасаешь мне жизнь' («Соври мне»); *Когда ты поешь, у меня **мурашки** бегают, **размером с хомяка! Вот такие!*** («Тетя Марта»)) – в русском языке лесть, выраженная при помощи данных стилистических средств, как правило, используется в комедийных кинопродуктах или в речах персонажей с творческим и несерьезным образом, в английском же подобные высказывания актуализируются вне зависимости от жанра, что говорит о естественности экспрессивизации речевых актов лести.

В обоих языках наблюдаются общие семантические типы лести:

1) признание в любви/симпатии (51 в английском (24%) и 28 в русском (22,8%)): ***This electricity we have, it's what all great love affairs are made of*** (Prodigal Son). – 'Эта химия между нами – то, на чем держатся все великие романы' («Блудный сын»); *Простите, я не брал трубку, потому что **боялся, что не смогу совладать с собой**. **Вы такая прекрасная**. **Я люблю вас*** («Тетя Марта»). Широкая распространенность признаний в любви/симпатии в двух языках указывает на универсальность данного способа благорасположения. Можно предположить, что подобные признания воспринимаются как наиболее искренние и редко маркируются как манипулятивные, поскольку они фиксируют эмоциональное отношение говорящего, а не характеризуют адресата, что снижает вероятность несогласия;

2) восхваление профессиональные качества/социальные достижения/навыки и умения объекта манипуляции (45 в английском (21,1%) и 20 в русском (16,2%)): *You work **twice as hard as anybody** in that building. You're **twice as smart*** (The Loudest Voice). – 'Ты работаешь в два раза усерднее, чем кто-

либо в этом здании. Ты в два раза умнее' («Самый громкий голос»); *Я абсолютно уверен, что из тебя получится* ***отличный мэр*** («Зеленый мэр»);

3) подчеркивание уникальность объекта манипуляции (39 в английском (18,3%) и 13 в русском (10,6%)): ***But if anyone can make it happen, it's you*** (Inventing Anna). – 'Но если кто-то и может это осуществить, то только ты' («Изобретая Анну»); *Нет, я им сразу говорил, что они бездарны. А ты, Лена Огурцова,* ***ты особенная****. Я* ***только тебе*** *это обещал.* («Красные линии»);

4) апелляция к личностным качествам объекта манипуляции (30 в английском (14,1%) и 14 в русском (11,4%)): *You're so* ***independent****. That's why I'm attracted to…* (Tell No Lies). – 'Ты такая независимая. Вот что меня привлекает…' («Соври мне»); *А ты* ***молодец... с юмором*** («Райцентр»);

5) позитивная оценка привлекательности и внешних качеств объекта манипуляции (26 в английском (12,2%) и 24 в русском (19,5%)): *No, you just have* ***a nice smile*** (Flesh). – 'Нет, просто у тебя милая улыбка' («Свежатинка»); ***Какая красивая девушка*** *у нас тут, оказывается, работает* («Трудная»);

6) санкционирование поведения и подтверждение правоты адресата (12 в английском (5,6%) и 14 в русском (11,4%)): *You're* ***absolutely right about everything****. He should not be here* (Tell Me Lies). – 'Ты абсолютно права во всем. Он не должен быть здесь' («Соври мне»); *Ты* ***был абсолютно прав****, что изменил её.* ***Ты добавил в неё то, чего ей не хватало*** («Красные линии»);

7) признание авторитета и влияния (10 в английском (4,7%) и 10 в русском (8,1%)): *Mr. Schultz, you are* ***a force of nature****, and it's inspiring just being in your presence* (The Dropout). – 'Мистер Шульц, вы – словно стихия, и одно лишь нахождение рядом с вами вдохновляет' («Выбывшая»); *Андрей, ну* ***вы же всемогущий, вы же все можете решить*** («Новенькие»).

Более широкая распространенность восхвалений навыков, профессиональных и личностных качеств, подчеркивание уникальности адресата в английском языке указывает на приоритет индивидуального самовыражения в американской культуре. В русском языке доминируют похвалы профессиональных качеств и навыков, однако через призму коллективистских ценностей (***Нужное дело делаешь, народ тебя любит*** – *молодой, борзый. Такие нужны* («Хрустальный»)). Культурная специфика проявляется и в большей частотности высказываний, санкционирующих поведение, что связано с коллективистской установкой на общественное одобрение, а также в акценте на признании авторитета и влияния, отражающем вертикальность социальной иерархии в российской культуре. Восхваление привлекательности и внешних качеств, чаще встречается в материале на русском языке, однако в данном случае различия связаны с особенностями гендерно маркированной актуализации. В российской коммуникативной культуре несвойственна комплиментарность общения, а использование похвал, связанных с внешностью уместно в основном в сфере общения мужчин с женщинами, что подтверждается и в моделировании социальных взаимодействий в кинодискурсе (количество актов лести в коммуникации

мужских персонажей с женщинами составило 77 речевых акта 62,6%). В русской культуре нарочитое подчеркивание внешней привлекательности является распространенной формой обращения от лица мужчины, которая часто связана с гендерными стереотипами: женщина традиционно ассоциируется с красотой, привлекательностью; мужчина – с успешностью, деятельностью. В американской культуре подобные типы лести могут расцениваться как попытка принижения роли женщины, поэтому частотность их использования ниже. В то же время именно в речах американских мужских персонажей, обращенным к женским, чаще всего прослеживается лесть относительно профессионализма, способностей, успехов (36 высказываний (80% от общего количества высказываний о способностях и успешности)).

Заключение. Таким образом, речевой акт лести – это лингвокультурная универсалия, однако ее языковое воплощение имеет ярко выраженные специфические способы реализации, обусловленные характерами представителей американской и российской культур и отраженные в кинодискурсе как зеркале социальной реальности.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 2. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/12/us205007.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 24.09.2025).
2. Федюнина, И. Э. Фразеологическая объективация лести как формы поведения и коммуникации в русском и английском языках / И. Э. Федюнина, И. В. Ляшенко // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2017. – №7 (256). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskaya-obektivatsiya-lesti-kak-formy-povedeniya-i-kommunikatsii-v-russkom-i-angliyskom-yazykah (дата обращения: 24.09.2025).

УДК 811.111

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ» А.П. ЧЕХОВА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Селезень Е.А., ORCID 0009-0004-2659-3219,
Калиущенко В.Д., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0007-2183-4471
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.kaliushenko@mail.ru, liza.selezen@yandex.ru

Введение. Творчество великого Антона Чехова вызывает живой интерес за рубежом, в частности, в Германии. Повесть «Скучная история», написанная в 1889 году, впервые вышла в переводе Йоханнеса Треймана на немецкий язык в сборнике «Русские люди» в 1890-х гг. Вслед за этим

последовали издания на немецком ряда других переводчиков: К. Хольм, М. Феофанов, Р. Кандрейя, К. Беднарц. Необычайной популярностью в Германии пользуются пьесы автора, постановки по ним входят в репертуар большого количества театров.

Творчеству А. Чехова конца 1880-х гг. свойственно выражение трагической концепции человека. Наиболее показательным произведением в этом отношении у него является повесть «Скучная история». Начиная с заглавия концепт «скуки» играет ключевую роль в произведении и является смыслообразующим. Из основного смысла вытекают словесно-семантические мотивы однообразия, отчуждения, одиночества [2]. Толкование сюжета подкрепляется эпитетами цвета, аллегориями и символами, о которых и пойдет речь в данной работе.

Цель данной работы – изучение стилистических особенностей перевода на немецкий язык повести А. П. Чехова «Скучная история» (Eine langweilige Geschichte») Германа Рёля.

Основная часть. Под стилистическими особенностями часто всего подразумеваются инструменты выразительности, используемые для придания тексту эмоциональной окраски, создания уникального авторского стиля, привнесения национального местного колорита или иных средств благозвучия [1].

Одна из главных стилистических особенностей «Скучной истории» – постоянная авторефлексия героя, выраженная от первого лица, и придающая повествованию элементы искренности и честности *(«Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тускл и безобразен я сам» - 'So glänzend und schön mein Name ist, ebenso trübselig und häßlich bin ich selbst'*). Сложная система взаимодействия диалогов и мыслей главного героя позволяет сформировать масштабную обобщающую картину происходящего; переводчику удается сохранить ироничный, чуть насмешливый тон оригинала.

Название повести имеет двойную интерпретацию в русском языке, так как смысловой потенциал слова «история» включает историю не только в качестве жанра (синоним повести – '*die Erzählung'*), но и историю как ряд происходящих событий в жизни героя ('*die Geschichte'*). Эпитет *«скучная»* используется в значении скучно написанного самого произведения автором, так и в значении обыденности описанной истории ('*langweilig'*). Чехов не дает конкретного определения использованным лексемам, делая акцент на размышлении о главной проблеме, которую воплощает для автора его судьба, в то время как переводчик Герман Рёль подбирает вполне конкретный эквивалент *die Geschichte.*

Феномен «скучности» в произведении подкрепляется постоянными лексическими повторами, которые создают эффект однообразия и монотонности обыденной жизни, переставшей приносить новые эмоции и впечатления. Он реализуется благодаря употреблению выражения *«одно*

и то же» («dasselbe»), слова *«одинаково» («die gleiche Weise»),* слов с основой *«обыкновен-» («gewöhnlich», «Gewohnheit»),* слов *«обычный» / «по обычаю» («normal»), «всегда» («immer»), «навсегда» («auf immer»), «непременно» («unbedingt»), «часто» («häufig»), «давно» («seit langer Zeit»), «постоянно» / «постоянный» («ständig»).* Вместе с ними идут лень *(«Trägheit»*) и небрежность *(«nachlässig»*), которые в переводе на немецкий получают множество различных трактовок.

Для подкрепления мрачной атмосферы в сюжете произведения используются эпитеты черного, серого и синего цвета, например: *«стены, выкрашенные в сине-бурую краску» 'Wände in blau-brauner Farbe gestriche', «серый больничный забор» 'grauer Krankenhauszaun', «лицо вытянулось, приняло бледно-серый цвет» 'das Gesicht streckte sich aus, nahm eine hellgraue Farbe an', «люди в синих больничных халатах» 'Menschen in blauen Krankenhauskittel'.* Эпитеты со значением цвета усиливают серость, будничность, беспросветность жизни героев: *«тусклый» 'glanzlos', «тёмный» 'dunkler', «хмурый» 'düster', «матовый» 'matt', «грязный» 'schmutzig', «ржавый» 'rostig', «бледный» 'blaß'* и другие. Разнообразие красок встречается в пейзажных зарисовках: *«бирюзовый цвет воды» 'türkisfarbenes Wasser', «алмазные отражения лучей» 'Diamantreflexionen von Strahlen', «прозрачная синяя даль» 'transparente blaue Ferne'.*

Кроме того, перевод на немецкий язык «на руку» основной теме произведения Чехова – громоздкие немецкие конструкции, грамматическая трансформация обобщения, предложения с рядом придаточных, обстоятельств и вводных элементов увеличивают объем произведения, в то же время придавая ему плавности, монотонности и той самой скуки. Хотя сам Чехов в некоторых моментах предпочитает лаконичность *(«… что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом.» - '… daß, wenn er Veranlassung hat sie anzulegen, die Studenten ihn mit der bunten Bilderwand in der Kirche vergleichen'*) Здесь в немецком варианте добавлено придаточное и использован более развернутый образ лексемы *«иконостас».*

Отклонение от образа самого себя показано в нежелании Николая Степановича выражаться о себе в первом лице на уровне синтаксиса, и даже в сокрытии своей собственной фамилии при имеющейся местной популярности героя *(«Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то» - 'Es lebt in Rußland ein hochverdienter Professor, namens Nikolai Stepanowitsch *** (ich unterdrücke den Familiennamen)'*). Герман Рёль предпочитает использовать описательный перевод и добавление, чтобы разъяснить ход мысли автора.

Невыносимое душевное состояние на уровне оригинального произведения реализуется использованием лексемы *«скучища»,* окрашенной ярко-стилистически. При переводе на немецкий язык окраска опускается и используются нейтральные слова *(«Скучища страшная, мухи*

мрут.» – ‘Es herrschte eine furchtbare Langeweile, so daß die Fliegen davon starben’).

Заключение. В ходе анализа перевода повести на немецкий язык определено, что несоответствие грамматического строя русского и немецкого языков играет ключевую роль в попытке приблизить перевод текста к оригиналу. Перевод Германа Рёля характеризуется сниженным лексическим разнообразием, а также высоким процентом придаточных предложений. В то же время переводчик точечно детализирует важные образы, сохраняет частоту использования внутренних монологов и размышлений героя, а также за счет «размашистости» текста создает ощущение нужных для смысловой структуры текста пауз.

Список литературы

1. Рыжкова-Гришина Л. В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи [Электронный ресурс]: словарь / Л. В. Рыжкова-Гришина, Е. Н. Гришина. – М.: ФЛИНТА, 2015 – 337 с.
2. Сопова С.П. Повесть А.П. Чехова "Скучная история" во французской рецепции: Автореферат [Текст] / С.П. Сопова – Томск, 2014.
3. Anton Tschechow. Eine langweilige Geschichte. Aus dem Russischen übertragen von H. Röhl [Электронный ресурс] – URL: https://www.gutenberg.org/files/52605/52605-h/52605-h.htm
4. Fischer P. Tschechow – Leben und Werk. Für dramatische Zirkel nach W. Jermilow und Enzyklopädie der UdSSR zusammengestellt. – Halle (Saale), 1954.

УДК 81′255.4:811.161.1+811.112.2

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕКУРРЕНТНОСТИ В БАЛЛАДЕ И. В. ГЁТЕ «DER SCHATZGRÄBER» И ЕЁ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Усова Н.В., д-р. филол. наук, ORCID 0000-0003-1515-913X,
Чернякова О. Д., ORCID 0009-0009-5347-2750
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.usova@donnu.ru, chernyakova2002@bk.ru

Введение. В поэтическом дискурсе значительную роль играют синтаксические повторы, которые проявляются на уровне организации предложения. Синтаксическая рекуррентность способствует сравнению и одновременно противопоставлению отдельных частей текста, выделению, структурной активизации несовпадающей части [5, с. 79]. Для переводоведения этот аспект сохраняет актуальность, поскольку то, как переводческие стратегии передают рекуррентную специфику оригинала,

сказывается в конечном итоге на качестве полученного в результате художественного текста.

Цель работы – сравнительный анализ синтаксических повторов в оригинальном тексте баллады И. В. Гёте и его русскоязычных переводах для выявления переводческих стратегий и их влияния на передачу художественной экспрессии и смысловых акцентов поэтического произведения. Материал исследования составляют баллада И. В. Гёте «Der Schatzgräber» [8] («Кладоискатель») и два её перевода на русский язык: В. А. Бугаевского [1, с. 386-387] и Н. Н. Самойлова [7, с. 31-32].

Основная часть. Среди повторов, составляющих основу синтаксической рекуррентности, И. Р. Гальперин обращает особое внимание на анафору (единоначатие) [2, с. 259], А. И. Николаев и Т. А. Ушакова выделяют такие средства синтаксической организации текстовых структур как анафора, эпифора, синтаксический параллелизм, амплификация, хиазм [6, с. 54-57]. И. Н. Кручинина подчеркивает экспрессивно-смысловую функцию многосоюзия [4, с. 548]. В. М. Жирмунский отмечает частоту использования рефрена в балладах [3, с. 97].

В ходе данного исследования в тексте оригинала рассматриваемой баллады были выявлены такие средства синтаксической рекуррентности как анафора, многосоюзие и синтаксический параллелизм.

С точки зрения синтаксической организации оригинальный текст демонстрирует самое большое число рекуррентных структур, насчитывая 13 случаев применения соответствующих стилистических фигур, что является признаком его высокой художественной экспрессии. Перевод В. А. Бугаевского демонстрирует высокую степень верности оригиналу в данном аспекте (10 случаев), что свидетельствует о сознательной стратегии переводчика по сохранению ритмико-синтаксического рисунка баллады. Перевод Н. Н. Самойлова характеризуется значительно меньшим количеством синтаксических повторов: зафиксировано лишь пять случаев.

Самой популярной формой синтаксического повтора в тексте баллады является анафора – единоначатие, служащее для создания ритмической регулярности и эмоционального усиления. В немецком тексте баллады этот прием достигает максимальной частотности: 8 анафор, построенных на повторе союза *und*, например: ***Und*** *zu enden meine Schmerzen;* ***Und*** *so zog ich Kreis um Kreise;* ***Und*** *ich sah ein Licht von weiten,* ***Und*** *es kam gleich einem Sterne*. Данный прием, характерный для немецкой народной и романтической поэзии, создает эффект эпического повествования, связывая строки в единое нарративное целое и имитируя устную речь. В русском переводе Бугаевского наблюдается структурная и функциональная калька оригинала: из семи анафорических повторов ровно пять приходятся на союз *и*, например: ***И*** *суму, и тяжесть горя;* ***И*** *решил, с судьбою споря;* ***И*** *постигнешь поученье,* ***И*** *не станешь в нетерпенье…*. Кроме того, переводчик вводит два дополнительных анафорических повтора,

отсутствующих в оригинале, на отрицательную частицу *не*, тем самым усиливая антитезу и драматизм монолога: ***Не*** *посланец темной силы,* ***Не*** *погубит он меня*. В переводе баллады Самойловым общее количество анафор сокращено до трёх случаев. Примечательно, что меняется и сам тип анафоры: вместо союза *и* доминирует личное местоимение *я*. Это кардинально меняет интонационный строй: эпическая объективность сменяется лирической субъективностью, смещая фокус с повествования о событии на внутренние переживания и рефлексию героя: ***Я*** *на всё пойду, не струшу;* ***Я*** *увидел свет воочью;* ***Я*** *подумал: мальчик этот… .*

Вторым по степени частотности синтаксическим приёмом в балладе И. В. Гёте выступает параллелизм, представляющий собой тождественное или сходное построение смежных отрезков текста, способствующее созданию ритмической упорядоченности и смыслового акцентирования. Оригинальный немецкий текст лидирует по плотности использования этой стилистической фигуры: в нем зафиксировано пять случаев синтаксического параллелизма. Перевод Самойлова занимает промежуточную позицию с двумя выявленными случаями, и всего один случай пришелся на перевод Бугаевского. Особый интерес представляет явление межъязыковой конвергенции на структурном уровне, а именно – совпадение локализации параллельных конструкций в пятой строфе анализируемых текстов (6-я и 7-я строки). Данный феномен свидетельствует о высокой степени узнаваемости и важности данного фрагмента для передачи идиостиля баллады Гёте: *Tages Arbeit, Abends Gäste!* (Гёте); *Дни – заботам! Смех – досугу! Пот – неделям! Праздник — другу!* (Бугаевский); *Днём работа! Гости – после! Радость в праздник! Будни постны!* (Самойлов). Еще одним значимым наблюдением является использование глагольного параллелизма в начальных строфах оригинала и перевода Самойлова. Оба текста открываются серией предложений, начинающихся с глагольных форм в прошедшем времени, что создает эффект динамичного, последовательного повествования: ***Schleppt ich*** *meine langen Tage;* ***Ging ich*** *einen Schatz zu graben;* ***Schrieb ich*** *hin mit eignem Blut;* ***Grub ich*** *nach dem alten Schatze* (Гёте); *Жил с протянутой рукою; Шёл кругами тёмной ночью, Звал себе на помощь пламя* (Самойлов).

Заключительным аспектом в рамках анализа синтаксических приемов является феномен многосоюзия, который был идентифицирован исключительно в переводном тексте В. А. Бугаевского, где он встречается дважды. Переводчик таким способом акцентирует ключевые моменты нарратива – завязку (первая строфа) и кульминационно-дидактический вывод (последняя строфа): ***И*** *суму,* ***и*** *тяжесть горя;* ***И*** *постигнешь поученье,* ***И*** *не станешь в нетерпенье… .*

Заключение. Сравнительное исследование синтаксической рекуррентности оригинала и переводов баллады «Der Schatzgräber» выявило две различные переводческие стратегии: Бугаевский стремится к

максимальному сохранению синтаксической структуры оригинала, используя калькирование и компенсаторное многосоюзие, тогда как Самойлов сознательно редуцирует количество повторов, упрощая синтаксис и смещая акцент с эпического повествования на лирическую субъективность. По результатам исследования можно заключить, что степень сохранения синтаксической рекуррентности напрямую формирует итоговый художественный эффект в интерпретации текста переводчиком.

Список литературы

1. Бугаевский, В. А. Иоганн Вольфганг Гёте. Кладоискатель (стихотворение, перевод В. Бугаевского) // Зарубежная поэзия в русских переводах: [сборник] / [сост., ред. Е. М. Винокуров, Л. Гинзбург]; – М.: Прогресс, 1968. – С. 386–387.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958 – 458 с.
3. Жирмунский, В. М Английские и шотландские баллады [Текст] / ред. В.М. Жирмунский. – М.: Наука, 1973. – 163 с.
4. Кручинина, И. Н. Многосоюзие // Большая российская энциклопедия. – Том 20. – Москва, 2012, – С. 548.
5. Лисичкина, Н.Е. Явление лексической рекуррентности в сложных предложениях испанского языка // Романские языки в синхронии и диахронии. Межвузовский сборник научных трудов. Редколлегия Н.М. Васильева, И.В. Скуратов. Отв. редакторы И.В. Скуратов, Н.В. Полякова. – Москва, 2017. – С. 78–84.
6. Николаев, А. И. Искусство убеждения: основы риторики**.** / А. И. Николаев, Т. А. Ушакова // – Иваново: ЛИСТОС, 2013. – 95 с.
7. Самойлов, Н. Н. Иоганн Вольфганг Гёте / Кладоискатель // Шедевры немецких классиков. – 2021. – С. 31-32.
8. Der Schatzgräber // Projekt Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: https://www.projekt-gutenberg.org/goethe/gedichte/index.html (дата обращения: 23.03.2025).

УДК 81’42:811.111

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИКА» В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Фатьянова И.В. [1]**,** д-р. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2870-1275
Цыганок В.К. [2]
[1]ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
[2]ГБОУ «Школа №3 Ясиноватского муниципального округа», г. Ясиноватая, ДНР, РФ
irenefatianova@mail.ru, vasua515@mail.ru

Введение. Изучение способов реализации концепта ПОЛИТИКА в национальных видах дискурса, описание системы грамматических категорий в политическом тексте, определение прагматической

направленности его организации занимает значительное место в современной лингвистике.

Цель работы – изучить лингвокогнитивные и лингвокультурологические особенности актуализации концепта ПОЛИТИКА в русском и американском политическом дискурсе XXI века на материале публичных выступлений президентов РФ и США.

Основная часть. Материал исследования составили официальные речи президентов Российской Федерации В.В. Путина и Д.А. Медведева и Соединённых Штатов Америки Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена). Методы исследования: концептуальный анализ, контекстуальный анализ, компонентный анализ, фреймовый анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, метод количественной обработки данных – для определения частотности употребления концепта ПОЛИТИКА в русском и американском политическом дискурсе XXI столетия.

Концепт является базовой единицей мыслительного кода человека, имеющей относительно упорядоченную внутреннюю структуру, которая формируется в процессе познавательной деятельности личности и общества. Он несет в себе комплексную энциклопедическую информацию о предмете или явлении, о том, как это явление воспринимается и интерпретируется общественным сознанием, а также о том, какое отношение общество имеет к данному явлению или предмету. Концепты помогают выстраивать когнитивные и культурные картины мира, представляя собой мощные ментальные конструкты, благодаря которым индивиды и сообщества организуют свое восприятие действительности [1; 2; 3; 4]. Дискурс в гуманитарных науках рассматривается как процесс обмена информацией, в котором важную роль играет не только текст, но и контекст, социальные и культурные условия его возникновения и восприятия [1; 2; 5].

Концепт ПОЛИТИКА включает в себя набор смыслов, отражающих институциональный, идеологический и социокультурный аспекты политической деятельности. В русском дискурсе ПОЛИТИКА часто интерпретируется через призму государственного управления, а в американском – через демократические ценности и гражданские свободы. В политическом дискурсе концепт ПОЛИТИКА представлен следующими фреймами: «ВЛАСТЬ», «ВЫБОРЫ», «РЕФОРМЫ», «ДЕМОКРАТИЯ», «ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ». Для русского дискурса характерен фрейм «СТАБИЛЬНОСТЬ», тогда как американский дискурс акцентирует внимание на фрейме «ИЗМЕНЕНИЯ».

В русском политическом дискурсе концепт ПОЛИТИКА тесно связан с понятием «государство». Государство воспринимается как основной субъект политики, определяющий внутреннюю и внешнюю политику страны. Это проявляется в частом использовании конструкций типа

«государственная политика», «государственная власть», «политика правительства», «политика государства» и т.п. Прослеживается синонимия понятий «политика», «управление», «власть», «государство», «деятельность органов управления». Это подчеркивает вертикальную структуру власти и значимость государственных решений. Анализ публичных выступлений президентов показывает, что в русском дискурсе концепт ПОЛИТИКА актуализируется такими терминами, как например, *«государственное управление»*, *«суверенитет»*, *«патриотизм», «идеология»*. Концепт ПОЛИТИКА в русском политическом дискурсе часто ассоциируется с обеспечением стабильности и порядка, как внутри страны, так и на международной арене. Это отражается в риторике, направленной на укрепление государственности и предотвращение социальных потрясений и конфликтов.

В русском политическом дискурсе концепт ПОЛИТИКА может наделяться моральной оценкой, часто с разделением на «правильную» и «неправильную» политику, «справедливую» и «несправедливую». Это отражает ценностные ориентиры, присущие русскому обществу.

Одним из главных факторов, указывающих на использование ценности является языковая репрезентация данной ценности и активное употребление соответствующего слова и его словоформ и производных. В американском политическом дискурсе доминируют слова-имена ценностей, такие как *«democracy»*, *«freedom»*, *«hope»*, *«nationalism»*, *«patriotism»*, *«greatness»*, *«prosperity»*, *«security»*, «*safety*», «*power*», подчеркивающие ценностную основу политической системы США [5, с. 58].

Противопоставление «внутреннего» и «внешнего» четко представлено разделением на «внутреннюю политику» (направленную на решение внутренних проблем) и «внешнюю политику» (направленную на взаимодействие с другими государствами), как в русском, так и в американском политическом дискурсе.

Анализ вербализации концепта ПОЛИТИКА в политическом дискурсе XXI века как в России, так и в США, указывает на важность первичного значения слов, которое определяет начальную, базовую семантику политических терминов. Политическая лексика в обоих дискурсах основывается на значениях, которые дают четкие представления о политических процессах и событиях, создавая рамки для последующего анализа и интерпретации.

В русском политическом дискурсе часто используются термины, которые подчеркивают динамику политической борьбы, а в американском – лексика, направленная на представление политических деятелей как участников стратегических игр. Эти различия в речевом оформлении позволяют лучше понять, как в разных культурах воспринимаются политические события и какие акценты расставляются в контексте политических событий и действий.

Концепт ПОЛИТИКА наиболее частотно вербализуется с помощью метафор, которые играют важную роль в формировании образов и символов в политическом дискурсе. Метафоры становятся инструментом для создания разнообразных образов – будь то предметный образ, социальный образ, образ власти или образ врага. В политическом контексте метафоры служат не только для описания политической реальности, но и для манипуляции общественным восприятием. Например, концепт ПОЛИТИКА может быть представлен как поле битвы, на котором происходят столкновения интересов, или как шахматная доска, где каждый ход политического деятеля имеет стратегическое значение. Эти метафоры не только отражают, но и формируют отношение общественности к политическим событиям, создавая на их основе определенные ментальные модели.

Заключение. Сравнительно-сопоставительный анализ концепта ПОЛИТИКА в русском и американском политическом дискурсе демонстрирует его значимые различия в функционировании в обоих видах дискурса, обусловленные культурными и идеологическими факторами. Дальнейшее изучение данного концепта позволит глубже понять механизмы политической коммуникации и их влияние на общественное мнение.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Карасик, В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – Москва: Издательство Лабиринт, 2007. – С. 162–197. – EDN IXLREK.
2. Кокорина, К.А. Репрезентация концепта «Power» / «Сила» в дискурсе политика (на материале публичных выступлений Терезы Мей): 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Кокорина Ксения Александровна. – Москва, 2021. – 246 с.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – 2004. – 560 с.
4. Пименова, М. В. Политическая концептуальная система / М. В. Пименова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2(32). – С. 47–55. – EDN MLZUPB.
5. Фатьянова, И. В. Особенности функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе XX - начала XXI веков (на материале публичных выступлений президентов) / И. В. Фатьянова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2023. – Т. 19, № 4(62). – С. 50–62. – EDN YBVIPD.

УДК 81’36:811.11:811.16

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО УСТНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Чупахина Е.И., ORCID 0009-0004-5328-960X,
Подгайская И.М., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0000-4230-2988
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
alenachupahina-20@mail.ru, irina-podgaiskaya@mail.ru

Введение. Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу грамматических особенностей устного академического дискурса английского и русского языков. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью международного академического обмена и необходимостью глубокого понимания национально-специфичных моделей научной коммуникации, лежащих в их основе грамматических структур [1, с. 45].

Проводимый анализ нацелен на выявление и систематизацию этих глубинных различий и сходств, что позволяет перейти от поверхностного наблюдения к пониманию того, как грамматические средства обслуживают ключевые коммуникативные задачи академического дискурса: обеспечение точности, логической последовательности, объективности изложения и установление контакта с аудиторией [2, с. 112]. Сопоставительный подход дает возможность не только описать специфику каждого из языков, но и выявить универсальные грамматические стратегии, присущие устной научной речи в целом.

Цель работы заключается в выявлении сходных и отличительных черт в использовании морфологических единиц и синтаксических конструкций в англоязычном и русскоязычном устном академическом дискурсе.

Исследование проводится на материале видеозаписей лекций выдающегося британского филолога и языковеда-англиста Дэвида Кристала и российского лингвиста с мировым именем, академика РАН Андрея Зализняка.

Основная часть. Анализ материала показывает, что лекции ведущих ученых-лингвистов отличаются грамматическими особенностями, которые касаются структуры предложений, использования залоговых форм, личных местоимений и особенностей выражения модальности.

1. Синтаксическая структура предложения. Анализ синтаксического строя речи двух лекторов выявляет принципиально разные подходы к организации высказывания, обусловленные коммуникативными установками [2, с. 115].

Д. Кристал сознательно конструирует свой дискурс как диалогический, даже в условиях монолога. Это достигается за счет

преобладания коротких, простых и сложносочиненных предложений (parataxis) [1, с. 134]. Подобная структура имитирует естественную разговорную речь, что значительно снижает когнитивную нагрузку на слушателя и облегчает восприятие сложного материала на слух. Ключевым инструментом интерактивности выступают риторические вопросы и вопросно-ответные единства (*Why does this happen? Well, the reason is quite simple...* ‘Почему это происходит? Ну, причина довольно проста…’). Эти конструкции не требуют ответа от аудитории, но создают иллюзию беседы, вовлекая слушателей в совместный процесс размышления.

А. Зализняк, напротив, строит речь в традициях классического академического монолога, для которого характерна приоритетность сложноподчиненных предложений (hypotaxis) с развернутой иерархией придаточных [1, с.136]. Подобные конструкции позволяют с максимальной точностью выражать сложные причинно-следственные, условные и определительные отношения между идеями (*Тот факт, что мы наблюдаем данное явление именно в берестяных грамотах, указывает на то, что оно не было маргинальным…*). Здесь главная мысль обрамляется двумя придаточными, уточняющими основание для утверждения. Такой синтаксис отражает стремление к логической полноте и неопровержимости: каждое положение тщательно аргументируется и встраивается в единую, непротиворечивую систему доказательств.

2. Залоговые формы.

В текстах лекций Д. Кристала преобладает активный залог, что характерно для устного дискурса, ориентированного на диалог [3, p. 145]: *If you don’t follow the rules, nobody understands what you’re doing!* ‘Если вы не следуете правилам, никто не понимает, что вы делаете!’.

А. Зализняк чаще использует пассивный залог, а также безличные и неопределенно-личные конструкции, что смещает фокус с личности лектора на предмет исследования: *Следует отметить, что...; Можно предположить, что...; Это явление было неоднократно засвидетельствовано в памятниках письменности.*

3. Использование личных местоимений.

Для стиля Д. Кристала характерно активное использование личных местоимений 1-го и 2-го лица (*I* ‘я’*, you* ‘ты’*, we* ‘мы’), что создает эффект личного контакта с аудиторией и вовлекает слушателя в процесс рассуждения: *So, what I'm going to show you today is...* ‘Итак, сегодня я покажу вам...’*; If we look at this example, you can see...* ‘Если мы посмотрим на этот пример, вы увидите…’.

У А. Зализняка местоимение *мы* используется в авторском или обобщенно-личном значении (*мы видим* вместо *я считаю*), что соответствует традициям русской академической речи [1, с. 102].

4. Средства выражения модальности.

Д. Кристал широко использует модальные глаголы разной степени уверенности (*can* ‘мочь, быть в состоянии’*, could* ‘прош. вр. от *can*’, *might* ‘прош. вр. от *may*’*, must* ‘должен’), а также вводные слова и наречия, выражающие предположение или оценку (*probably* ‘вероятно, наверное’*, maybe* ‘возможно’, *interestingly* ‘любопытно’): *This might be due to...* ‘Это может быть связано с…’*; That's probably the best example* ‘Наверное это лучший пример’. Такой выбор выполняет две функции: смягчение категоричности – лектор представляет знание не как догму, а как интерпретацию, оставляя пространство для сомнения и обсуждения; демонстрация научной честности – он открыто указывает на степень достоверности своих утверждений, что соответствует научному тону [3, с. 201].

А. Зализняк строит речь на основе категорической модальности, которая передается с помощью лексико-грамматических средств. Утверждения формулируются в изъявительном наклонении и подкрепляются лексическими маркерами уверенности: *Очевидно, что данная форма является результатом..., Это несомненно свидетельствует о….*, что создает тон непререкаемой авторитетности и доказательности. Лектор излагает знание как установленный, проверенный факт, не подлежащий сомнению. Такая стратегия направлена на укрепление доверия аудитории к представляемым данным и позиционирует лектора как наиболее компетентного источника в обсуждаемом вопросе [2, с. 156].

Заключение. Анализ грамматических особенностей академического дискурса Д. Кристала и А. Зализняка выявляет значительные различия, обусловленные коммуникативными целями и отражающие разные модели академической коммуникации, сложившиеся в соответствующих лингвокультурных традициях. Грамматический строй лекций Д. Кристала нацелен на доступность и вовлечение, что достигается через простой синтаксис, личный контакт и смягченную модальность. Напротив, грамматика лекций А. Зализняка служит цели доказательности и формальной строгости, что реализуется в сложных синтаксических конструкциях, безличном изложении и категорической модальности.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7)

Список литературы

1. Биболетова, М. А. Грамматические аспекты устного научного текста / М. А. Биболетова. – М.: Наука, 2015. – 256 с.
2. Дунев, А. И., Ефремов В. А. Синтаксис современной русской научной речи / А. И. Дунев, В. А. Ефремов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. – 304 с.
3. Biber, D., Conrad, S. Register, Genre, and Style / D. Biber, S. Conrad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 438 p.

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

УДК 81’373+81’12

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ

Бакина А.Д., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел, РФ
Heart-anna@yandex.ru

Введение. Перевод фразеологических единиц (ФЕ) с антропонимическим компонентом представляет большую сложность, что обусловлено их культурно-историческим контекстом и семантической структурой [7]. В исследовании проанализированы основные проблемы и ошибки, которые могут возникнуть при переводе ФЕ, включая фразеологизмы библейского происхождения [2; 4], а также будут рассмотрены причины их возникновения. Сложности идентификации и понимания [3], включают в себя: ложное распознавание; непонимание культурного кода; трудности перевода семантических и прагматических компонентов; идиоматичность; национально-культурную специфику; стилистическую окраску; эмоциональный компонент.

Одной из основных проблем является ложное распознавание ФЕ, то есть его неверную идентификацию как свободного словосочетания. Это приводит к буквальному переводу, который может сильно исказить смысл. Например, фраза *“He was in a brown study”*, если ее перевести как *«Он был в коричневом кабинете»*, полностью потеряет свое истинное значение *«он глубоко задумался»*. ФЕ с антропонимическим элементом могут содержать культурно-исторические отсылки, которые будут непонятны для носителей другого языка. Например, фразеологизм *to be a doubting Thomas* (*быть Фомой неверующим*) будет непонятен без знания библейского контекста [8].

Это непонимание приводит к буквальному или неадекватному переводу. ФЕ с антропонимами обладают идиоматичным значением, которое не выводится из значений отдельных компонентов. Попытка перевести ФЕ пословно, без учета целостного значения, приводит к семантическим искажениям; антропоним в ФЕ может нести национально-культурную коннотацию, которую сложно передать в переводе. Например, если *every Tom, Dick and Harry* в английском языке выражает идею *любого человека* или *всех*, то в русском языке не все имена будут иметь такой же смысл. Фразеологизмы могут обладать определенной стилистической окраской (архаичной, ироничной и др.), которую необходимо сохранить в переводе. Например, если в оригинале используется устаревшее имя, то

использование современного аналога будет ошибкой. Кроме того, переводчик должен учесть эмоциональное отношение говорящего к персонажу (которое является субъективным), заложенное во фразеологизме. Например, отношение к Иуде в христианской культуре будет отличаться от отношения к нему в прочих контекстах [1].

Основная часть. Ошибки и неточности, связанные с применением переводческих стратегий, включают в себя следующие аспекты:

1) неудачный выбор эквивалента или аналога [6]. При выборе фразеологического эквивалента или аналога переводчик может допустить ошибку, выбрав неверный вариант, который не соответствует ни семантически, ни прагматически. Например, попытка использовать *каждый встречный и поперечный* в любом контексте для перевода *every Tom, Dick and Harry* может оказаться неверной, так как в определенных контекстах может подразумеваться большая негативная коннотация, например, *первый попавшийся*;

2) чрезмерное калькирование. Калькирование ФЕ с антропонимами, когда их национально-культурной специфика не учтена, может привести к абсурдному переводу;

3) неадекватное описательное пояснение. Описательный перевод может быть неадекватным, хоть он и является распространенной стратегией (если пояснение получается слишком громоздким или не передает нужных коннотаций);

4) недостаток прагматической адаптации. Недостаточная адаптация текста перевода под конкретную аудиторию. Например, если целевая аудитория не знакома с библейскими сюжетами, то прямой перевод “doubting Thomas” может оказаться неэффективным.

5) проблемы, связанные с контекстом. Наличие слишком узкого контекста, в котором употреблен фразеологизм, может привести к ошибочному пониманию значения фразеологизма и неверной интерпретации всей ситуации. Аналогичная ошибка может быть обусловлена слишком широким контекстом, не учитывающим культурные особенности, национальную историю, мифологию, литературу [5].

6) влияние лингвистических факторов. Несоответствие грамматических структур ФЕ в разных языках. Например, в английском может использоваться пассивный залог, который не имеет аналога в русском. Возможна также лексическая несовместимость: несовпадение лексического состава ФЕ, когда одно слово имеет несколько эквивалентов, но выбор должен быть сделан, учитывая контекст.

Влияние контекста на выбор переводческой стратегии при переводе фразеологизмов с антропонимами значимо. Так, например, в научной статье важна точность и однозначность. Переводчик не должен допускать двусмысленности и избегать смыслового искажения. В научных текстах часто используется описательный перевод или транслитерация с пояснениями. В художественной литературе, особенно в прозе, передача

стиля автора, эмоциональной окраски и культурного колорита особенно важна, потому что литература несет в себе культуру и «дух народа», а также потенциально может стать источником устойчивых выражений. Переводчик может стремиться к максимальной эквивалентности, даже если это требует адаптации или замены фразеологизма на другой, более понятный целевой аудитории. В рекламном тексте важна привлекательность продукта и убедительность. Переводчик может адаптировать фразеологизм, чтобы он лучше соответствовал целевой аудитории и привлекал внимание. Допустимы замены на более яркие и запоминающиеся выражения. В юридических документах важна предельная точность и соответствие юридическим нормам. Переводчик должен использовать официальные термины и вовсе избегать фразеологизмов, которые могут быть интерпретированы неоднозначно;

На адекватность перевода ФЕ с компонентом-антропонимом также в значительной степени влияет целевая аудитория. Например, для образованной аудитории можно использовать более сложные и стилистически окрашенные фразеологизмы, чего стоит отказать, если целевая аудитория иная; для детской литературы необходимо упрощать фразеологизмы и заменять их на более понятные выражения, чтобы донести смысл даже до самых маленьких читателей, не исказив его; переводчик должен учитывать культуру целевой аудитории и выбирать фразеологизмы, которые будут понятными и близкими для людей. Если фразеологизм в целевой культуре аналога не имеет, необходимо пояснение.

Чтобы успешно передать информацию и достигнуть коммуникативной цели в адаптации (для целевой аудитории) ФЕ с антропонимами, переводчику нужно приложить немало усилий, его роль является критически важной и многогранной. Переводчик должен уметь объяснить культурные нюансы, адаптировать фразеологизмы к пониманию и восприятию целевой аудиторией, а не только перевести слова.

Рассмотрим основные аспекты роли переводчика при передаче ФЕ с антропонимическим компонентом. Необходимо осознание и понимание культурных различий и лакун. Такие «пробелы» изнутри нельзя заметить, если человек владеет всего лишь одним, родным, языком. В этом отношении переводчику необходимо уметь выявлять культурные лакуны, для этого нужно определить, какие фразеологизмы с антропонимами могут вызвать непонимание или неправильное толкование или не имеют прямых аналогов в целевом языке; уметь анализировать культурные различия, то есть понимать различия в исторических, социальных, религиозных и культурных контекстах, влияющих на восприятие антропонимов и фразеологизмов; уметь учитывать стереотипы и предрассудки, связанные с определенными антропонимами в целевой культуре, чтобы избежать нежелательных ассоциаций. Второй аспект – выбор адаптационной стратегии: поиск эквивалента; замена фразеологизма; описательный перевод; транслитерация/транскрипция с пояснением: в некоторых случаях

(например, при переводе исторических или литературных текстов) может быть использована транслитерация или транскрипция антропонима с добавлением примечания или комментария, объясняющего его значение и культурный контекст. Кроме того, необходим учет стилистики и эмоциональной окраски, что требует сохранения стилистических особенностей, например, иронии, юмора, сатиры, которые часто присутствуют во фразеологизмах; передачи эмоциональной окраски, чтобы сохранить его экспрессивность и воздействие на читателя. Задачами переводчика также являются: пояснение культурного контекста (вставка пояснений и примечаний для того, чтобы объяснить культурный контекст фразеологизма); предоставление информации об антропониме, о его происхождении, его историческом значении и культурных ассоциациях; сохранение ощущения «чужеродности» (в некоторых случаях, особенно при переводе исторических или литературных текстов, переводчик может намеренно сохранить ощущение «чужеродности» фразеологизма, это может быть сделано с целью заострения внимания на культурной специфике).

Заключение. Резюмируем. Переводчик играет ключевую роль в адаптации фразеологизмов с антропонимами для целевой аудитории. Он должен обладать глубокими знаниями культур, языков и лингвистических особенностей, чтобы эффективно передавать смысл, стиль и культурную окраску исходного текста. Его задача – сделать фразеологизмы понятными, интересными и уместными для целевой аудитории, обеспечивая успешную коммуникацию и межкультурное понимание.

Список литературы

1. Бакина, А. Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гум. и соц. науки». – 2022. – № 5. – С. 40–48.
2. Бакина, А. Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: монография / А. Д. Бакина. – Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева: «Картуш», 2023. – 452 с.
3. Бакина, А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Мир науки, культуры, образования. – 2023б. – № 4(101). – С. 384–387.
4. Бакина, А. Д. Интегративное описание библейской фразеологии: на материале английского и немецкого языков: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 5.9.6. / Бакина Анна Дмитриевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»; Диссовет 24.2.394.03 (24.2.394.03)]. – Архангельск, 2024. – 43 с.
5. Кибизова, Е. Р. Семантические особенности библейских аллюзий и специфика их перевода / Е. Р. Кибизова, А. Д. Бакина // Форум молодёжной науки. – 2020. – Т. 1, № 6. – С. 101–109.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 254 с.
7. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
8. Федуленкова, Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие / Т.Н. Федуленкова. – М.: Издательство дом Академии Естествознания – 2016. – 146 с.

УДК 811.133.1

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК КОЛОНИАЛИЗМА И КУЛЬТУРЫ

Болтаевский А.А., канд. ист. наук, ORCID 0000-0002-7866-0063
АНО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»,
г. Мытищи, Московская обл., РФ
boltaev83@mail.ru

Введение. За последние полтора столетия Франция сталкивалась с различными вызовами, многие из которых существенно поколебали ее роль на международной арене: это и мексиканская авантюра при Наполеоне III, и Фашодский инцидент, и катастрофа при Седане 1870 г., и унизительное Компьенское перемирие 1940 г., и печальное Дьенбьенфу 1954 г. И все же, несмотря на эти провалы, к которым можно смело прибавить и признание независимости Алжира (жесткие методы, используемые французской армией, с одной стороны, смогли подавить открытую борьбу Фронта национального освобождения, с другой стороны, в конечном итоге привели к стратегическому поражению в виде Эвианского соглашения 1962 г. [5, p. 18]), Французская республика по-прежнему является весомой геополитической силой, а роль французского языка, как одного из важнейших составляющих «мягкой силы» Кэ Д'Орсе, трудно переоценить. Все вышесказанное заставляет обратиться к изучению эволюции геополитических аспектов французского языка.

Основная часть. Одним из важнейших средств продвижения французского языка в современном мире является франкофония. По данным статистики, на 2024 г. численность франкоговорящих в мире оценивается примерно в 343 млн. человек, при этом за счет африканских стран цифра эта, по всем прогнозам, будет только расти. Впрочем, во многом знание этими людьми французского языка является в достаточной мере условным, ведь согласно определению, предложенному Международной организацией франкофонии, «франкофоны включают в себя всех людей, которые владеют французским языком и способны использовать его для общения (говорить и/или понимать), независимо от уровня владения другими навыками, такими как письмо или чтение» [4, p. 21].

И все же даже в этом случае можно говорить о том, что французский язык входит в пятерку самых распространенных языков мира, уступая только английскому, китайскому, испанскому, хинди. Разумеется, в силу колониального прошлого французский язык за пределами Европы наиболее распространен на Африканском континенте, а столицу Демократической республики Конго Киншасу принято считать самым крупным франкоговоряшим городом на нашей планете. Кстати, именно за счет

африканских мигрантов растет число франкоговорящих и в Европе, например, в бельгийском Брюсселе. Да и португальским мигрантам, относящимся по своему языку к романской группе, гораздо проще адаптироваться к французскому языку в том же Люксембурге, где они стабильно выступают в качестве основной рабочей силы, нежели к немецкому.

Впрочем, сегодня статус французского языка отдельные исследователи называют неустойчивым, и, в условиях почти всеобщего распространения английского языка он за последнее столетие постепенно сдал свои позиции. Так, французский вряд ли можно назвать в настоящее время языком дипломатии, а численность российских школьников, изучающих французский язык, в 1990-е – 2000-е гг. упало почти в три раза: если в 1997/98 учебном году его учили более 1 млн. человек, то в 2011/2012 учебном году около 350 тыс. [1, с. 232]. Уместно указать в данной связи, что большая часть века девятнадцатого прошла под знаменем галломании, позиции которой не поколебало даже крушение ореола Наполеона Бонапарта.

Так в чем же выражались идейные основы распространения французского языка? Сегодня много говорят о провозглашенной в XIX в. европейскими колонизаторами так называемой «цивилизаторской миссии» среди народов Африки, о делении в тот период народов на цивилизованные и нецивилизованные. Однако, как ни странно, именно французы со времен Людовика XVI считали себя одним из самых цивилизованных народов, тем более что в континентальной Европе XVIII – первой половины XIX в. французский по праву выступал языком как дипломатии, так и культуры.

А. де Ривароль, предрекая универсальность французского языка, писал в 1780-е гг.: «кажется, пришло время говорить о французском мире, как некогда о римском» [6]. Ярким выражением этого взгляда служит изданная в 1933 г. в сенегальском Сен-Луи книга под названием «Французский язык, язык цивилизации Французской Западной Африки» [2]. Собственно, данная позиция оказалась окончательно повержена только в рамках процесса деколонизации 1960-х гг., когда «цивилизаторская миссия» стала рассматриваться исключительно в рамках колониального наследия.

Во второй половине XX в. французский язык отказывается от статуса языка цивилизованного («язык высшей цивилизации»), претендуя на статус языка культуры и развитой экономики. Так, в Кот-д'Ивуаре, полагали, что «выбрав французский язык, мы быстро достигнем уровня развития стран Севера» [2]. Примечательна в данной связи работа одного из основоположников негритюда Леопольда Седара Сенгора, вышедшая в 1962 г., то есть в самый разгар процесса деколонизации, уже после года Африки, под название «Французский язык, язык культуры». Сенгор призывает рассматривать французский не как язык бывших колонизаторов, но как язык культуры, язык, который позволяет лучше выражать эмоции и чувства, язык образности и, вместе с тем, язык конкретики [7]. Сенгор

подчеркивал, что признание французского не означает отказ от местных языков, но дает преимущества тем, кто владеет им. Начавшая свой путь в начале 1960-х гг. Франкофония должна была облегчить международное взаимодействие франкоговорящих стран, решив целый ряд внешнеполитических вопросов, а также обеспечить культурное взаимодействие бывших колоний. Вместе с тем последующие десятилетия заставили пересмотреть оптимистичные прогнозы африканской политической элиты. В условиях роста неоколониализма в рамках стратегии Франсафрик бывшие колонии все чаще стали рассматривать французский как язык поработителей, причем вернувшихся поработителей. Сами же французы, по меткому определению А. Гоэнекс, воспринимали позиции родного языка в Африке скорее как инструмент лингвистического национализма, то есть, иначе говоря, в качестве «признания положительных последствий колониализма» [3]. Разумеется, данные взгляды не отражали подлинную ситуацию и нуждались в пересмотре.

Заключение. Сегодня ряд африканских стран видит во французском прежде всего язык колонизаторов и справедливо рассматривает внешнеполитический курс Парижа как неколониалистский. Это обуславливает и причины отказа от французского как государственного (Буркина-Фасо, Мали), но, вместе с тем, французский является не только языком межэтнического общения в этих странах, но и языком культуры. Именно поэтому будущее французского в Африке видится оптимистичным. Что касается франкофонии, то объективно ее развитие будет обусловлено решениями властей Пятой республики, сегодня пытающимся уйти от облика агрессивного настроенной по отношению к бывшим колониям военно-политической силы к взаимовыгодным партнерским отношениям в экономической сфере.

Список литературы

1. Арефьев, А. Тенденции изучения французского языка в России // Меди@льманах. – 2020. – № 6 (101). – С. 230–261.
2. Abia, A. La Francophonie ivoirienne // Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde. – 2008. – № 40-41. – P. 163–178.
3. Goheneix, A. Les élites africaines et la langue française : une appropriation controversée // Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde. – 2008. – № 40-41. – P. 133–150.
4. La langue francaise dans le monde. 2019-2022. – Paris: Gallimard, 2022. – 361 p.
5. Ouellet, E. Ambushes, IEDs and COIN: The French Experience, // Canadian Army Journal. – 2008. – Vol. 11. – № 1. – P. 7–24.
6. Rivarol, A. Discours sur l'universalité de la langue française [Электронный ресурс]. – URL: https://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/Rivarol-Discours-universalite_fr.htm (дата обращения: 05.08.2025).
7. Senghor, L.S. Le français, langue de culture // Revue internationale des francophonies. 2022. № 10. [Электронный ресурс]. – URL: https://publications-prairial.fr/rif/index.php?id=1405 (дата обращения: 06.08.2025).

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СЕГМЕНТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Бортенева Е.А., ORCID 0009-0005-4919-2511
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.bortienieva@mail.ru

Речь является основной формой человеческого общения и может быть описана на нескольких уровнях абстракции. С физической точки зрения, речь вызывает изменение давления воздуха перед ртом и создаёт форму звуковой волны. Звуковую волну можно представить как акустический сигнал, содержащий определенные изменения давления воздуха во времени. С лингвистической точки зрения, акустический речевой сигнал содержит большой объём информации. Из этого сигнала можно выделить устный текст, личность говорящего или произношение и интонацию различных слов – так же, как это делают люди в процессе восприятия речи на слух. Устный текст обычно представляет особый интерес. Его также можно рассматривать как абстрактный уровень описания речевого сигнала. Один и тот же текст может быть воспроизведён множеством различных речевых сигналов, даже если его произносит один и тот же говорящий.

В обработке естественного языка человеческая речь обрабатывается компьютерами, и, таким образом, задействованы разные уровни абстракции. Текст является одним из высших уровней абстракции речевого сигнала. Спускаясь вниз по иерархии абстракций, можно выделить уровень, который имеет особое значение в обработке естественного языка и связан с произношением слов – фонетическое описание.

Фонетика описывает звуки, встречающиеся в языках мира [3]. Звуки, составляющие наименьшие значимые единицы высказываний, т. е. способные отличать одно слово от другого в языке, называются фонемами. Различные акустические реализации фонемы, которые не меняют значения слова, называются аллофонами этой фонемы. Термин «фон» обычно используется для наименьшей фонетически идентифицируемой сегментной единицы речевого сигнала. Каждое высказывание может быть фонетически описано последовательностью фонов. Если эта последовательность фонов состоит только из фонем, она называется фонологической транскрипцией или фонематической транскрипцией. В этом случае транскрипция описывает только основные звуки, но не детали их реализации. Если транскрипция учитывает все эти детали, она называется систематической фонетической транскрипцией. В качестве примера различия Ваценко Е.В. приводит слова cat и catty [1].

Первое слово произносится с глухим альвеолярным взрывным согласным (/t/) в конце. Несмотря на родство второго слова с первым, согласный в конце изменяется: он обычно произносится звонким (как /d/). Таким образом, эти два слова имеют фонологические транскрипции /kæt/ и /kæti/ и фонетические транскрипции [kæt] и [kædi] соответственно. Для cat транскрипции одинаковы, тогда как для catty они различаются. Использование термина «фонетическая транскрипция» часто неоднозначно. Это транскрипция, которая учитывает некоторый уровень аллофонической детализации, в отличие от фонологической транскрипции. Если уровень детализации высок, то это называется узкой фонетической транскрипцией, если же учитывается лишь небольшое количество деталей, используется термин «широкая фонетическая транскрипция» [1]. В данной работе, когда уровень детализации не важен, будет использоваться термин «фонетическая транскрипция». В тех случаях, когда он важен, будет использоваться один из вышеупомянутых терминов. В данной работе также будет использоваться общий стиль записи фонологических транскрипций, заключенных в слеши (например, /kæti/), и фонетических транскрипций в скобках (например, [kædi]).

Фонетическая сегментация высказывания выявляет положение и идентификацию его фонов. Это временное выравнивание фонетической транскрипции с акустическим сигналом. В данной работе термин «сегментация» используется для фонетической сегментации речевого сигнала, если не указано иное.

Ручная сегментация речи – сложная задача, которая становится довольно затратной для больших корпусов. Автоматическая процедура облегчает задачу сегментации. Общее преимущество автоматических методов сегментации речи, помимо стоимости и времени, необходимых для ручной сегментации, заключается в том, что границы сегментов, как правило, более последовательны, чем границы, создаваемые людьми-разметчиками.

Сегментация речи имеет различные применения в обработке речи, среди них – создание сегментных единиц, необходимых для обучения акустических моделей для автоматического распознавания речи. Обучение с более точной сегментацией приводит к получению более качественных моделей и повышению производительности распознавателя речи, использующего эти модели. Другое применение – точное аннотирование корпусов, которые впоследствии следует использовать для синтеза речи с выбором единиц. В этом подходе к синтезу речи синтетические высказывания создаются путем выбора и комбинирования уже записанных единиц в корпусе [2].

Многие автоматические процедуры сегментации речи основаны на канонической фонетической транскрипции высказываний. Каноническая

фонетическая транскрипция – это стандартное произношение, которое можно найти в словаре произношений языка, или выведенное из фонологических правил, а иногда и то, и другое. Во многих языках, однако, фактическое произношение может значительно отличаться от канонической фонетической транскрипции. Примерами служат спонтанная речь, диалекты и региональные языковые варианты.

Идеальная система автоматической сегментации и маркировки для региональных языковых вариантов должна быть способна выводить автоматическую фонетическую сегментацию с максимально возможной точностью, учитывая границы фонем и классификацию фонов. Она должна основываться только на представлении акустического сигнала и его орфографической транскрипции, но не должна зависеть от канонической транскрипции и выполнять точную сегментацию для каждого реализованного варианта произношения. В идеале она создает сегментацию, даже если доступны лишь некоторые данные о конкретном носителе определенного языкового варианта, и точное статистическое моделирование с этими данными невозможно. Такая система должна учитывать вариации произношения, которые не охватываются явными заранее известными правилами. При наличии достаточного количества данных она должна быть способна выводить новые правила произношения.

Список литературы

1. Ваценко, Е. В. Проявление немецко-английской и англо-немецкой фонетической интерференции на сегментном уровне / Е. В. Ваценко, Л. Г. Щербакова // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 17–27 апреля 2020 г. : в 5 ч. – Минск : МГЛУ, 2020. – Ч. 4. – С. 102–104.
2. Михайлова, О. Э. Методика обучения произношению на специальных факультетах педагогических институтов: учеб. пособие / О. Э. Михайлова. – М.: МГПИ, 1980. – 161 с.
3. Потапова, Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 568 с.

УДК 81’373.612: 005

ВАРИАНТЫ И ДУБЛЕТЫ В АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Жерденовская А.В., ORCID 0009-0002-3286-835X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.zherdenovskaya@mail.ru

Проведение исследований в области терминологии в период развития разных областей научно-технической сферы имеют большое значение как в теоретическом, так и в практическом плане. В настоящее время стремительно увеличивается объём научно-технической информации, что закономерно приводит к появлению значительного количества новых терминологических единиц. Создание упорядоченной терминологии приобретает международный характер. Однако, многие вопросы всё ещё остаются нерешёнными. Среди них значительное количество синонимических терминов, которые функционируют в терминосистемах в условиях их естественного употребления. Возникает необходимость глубокого и всестороннего анализа явления синонимии терминов, а также комплексного исследования лингвистических и экстралингвистических причин его возникновения.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью синонимии терминов, а также необходимостью объяснения закономерностей, характера, специфики, экстралингвистической составляющей употребления в устной и письменной речи терминов автомобильной промышленности. Это поможет найти решение многих вопросов, связанных с синонимией терминов, и особенностями их функционирования в различных сферах.

Синонимия в автомобильной терминологии имеет внешнюю форму и различную протяжённость синонимических рядов: она может быть представлена как двусловной синонимией, так и трёхсловной, многословной синонимией.

Двусловные или бинарные термины-синонимы в автомобильной терминологии встречаются наиболее часто. Абсолютными синонимами (или синонимами-дублетами) принято называть такие лексические единицы, которые способны замещать друг друга в любой речевой ситуации, и при этом не меняется смысловое содержание обозначаемого понятия [5, с. 27].

Рис. 1. Количественное соотношение вариантов и дублетов среди терминов-синонимов в русском языке

Автомобильная терминосистема английского языка в значительной степени характеризуется абсолютной синонимией (в том числе вариантаит и дублетами). Например, *fore axle-foremost axle-forward axle* – ‘ведущий мост’ (словообразовательные варианты), *clearance-gap*-‘зазор’ (дублеты), *autoroad-autoroute*-‘автострада’, (разноязычные дублеты, где второй из примеров имеет латинское происхождение), *gazoline-petrol*-‘бензин’ (дублеты, отличающиеся ареалом распространения, где первый пример взят из американского варианта английского языка или “национально-когнитивные синонимы” [1]), *anchor-brake*-‘тормоз’, *rust-corrosion*-‘ржавчина’ (дублеты, где первый в каждой паре примеров представляет собой более просторечный, обиходный вариант, а второй – научно-технический), *steering drop arm-steering arm*-‘рулевая сошка’ (дублеты-эллиптические варианты — морфолого-синтаксические варианты, образованные эллипсисом (пропуском одного из компонентов) многокомпонентного термина без изменения его значения.

Выводы.

1. В результате проведённого анализа английских автомобильных терминов было выявлено, что количество абсолютных синонимов превышает количество условных. Среди абсолютных синонимов преобладают дублеты.

2. В английском языке существуют термины-дублеты, где один термин имеет в составе ономастический компонент, а другой его не содержит, но дает более точное описание номинации.

3. Автомобильные термины-синонимы появляются из-за стремления языка выразить полнее некоторые понятия, а также возможностей английского языка дать несколько названий одному понятию.

4. Варианты и дублеты возникают в автомобильной терминологии английского языка и благодаря ряду экстралингвистических факторов: автомобили и сфера их обслуживания развиваются уже более столетия и являются значительной отраслью промышленности во многих странах, вместо многокомпонентных терминов часто употребляются более краткие, в результате в автомобильной терминологии английского языка функционирует полный термин и его краткая форма.

Статья опубликована в рамках инициативной НИР ДонГУ «Языковые категории и единицы в разноструктурных языках: теоретические и прикладные аспекты» номер госрегистрации 12411180021-7).

Список литературы

1. Бузинова, Л. М., Черникова Е. О. Особенности синонимии в англоязычной экологической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 6. – С. 1906–1910.
2. Головин, Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
3. Гринёв-Гриневич, С. В. Терминоведение – прошлое, настоящее, будущее // Вопросы терминоведения: Научный журнал. / под общей ред. С. В. Гринева. – М.: МГПИ. 2012. – Вып. 1. – С. 4–13.
4. Лейчик, В. М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: межвуз. сб. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1973. – Вып. 2. – С. 103–107.
5. Носович, Я. Ф., Сорокина Э. А. Синонимия в отраслевых терминологиях: особенности проявления в языках медицины и лингвистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 22–33.

Список лексикографических источников

1. Англо-русский словарь по автомобильной технике и автосервису / Б.В. Гольд, Р.В. Кугель и С.А. Шершер. – Минск: Новая звезда лтд, 1999. – 704 с.
2. Большой англо-русский автомобильный словарь / В.Р. Лесов. – СПб: «Б. С. К.», 1998. – 830 с.

УДК 811.112.2

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ОТРИЦАНИЯ С ИМПЛИЦИТНЫМ ЯДЕРНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Зимина М.В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-6851-9269,
Москалева С.И., канд. филол. наук., ORCID 0000-0001-6425-9984
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, РФ
m_zimina@mail.ru, svet.moskaleva@mail.ru

В современном языкознании исследуются вопросы, связанные с коммуникативными функциями отрицания, то есть с ролью отрицания в актуальном членении высказывания. Как известно, под актуальным членением понимается членение предложения, а также более сложных синтаксических единиц (сверхфразового единства и текста) на тему и рему. Темой принято считать исходный пункт сообщения, а то, что сообщается о теме – ремой. Рема представляет собой главную коммуникативную часть предложения [1]. Одним из средств маркирования ремы высказывания являются, по мнению некоторых ученых, логические частицы, а также отрицательная частица nicht [2].

Логические частицы относятся к классу частиц, которые характеризуются рядом признаков: они неизменяемы; не являются самостоятельным членом предложения; не могут самостоятельно занимать первое место в предложении; не могут самостоятельно служить ответом на вопрос. Но в ходе изучения функционирования частицы nicht в тексте было установлено, что данная частица в некоторых случаях может обладать большей самостоятельностью. Так она может функционировать без вербально-выраженного ядерного элемента, а иногда и самостоятельно служить ответом на вопрос. В такой позиции nicht можно определить как нечто среднее между логической частицей и отрицанием nein.

Как логическая частица nicht выполняет функцию соотнесения смежных понятий, но при этом ядерный элемент имплицитен.

Поскольку ядерный элемент не выражен вербально, он не является новой информацией, и не может выступать как рема сообщения, следовательно, nicht уже не выступает как маркер ремы. Отрицание в этом случае само несет на себе основную коммуникативную нагрузку и является самостоятельной ремой высказывания.

Существуют два варианта функционирования отрицания nicht в качестве самостоятельной ремы:

- без маркера ремы;
- с маркером ремы (в качестве маркера могут выступать другие логические частицы, модальные слова).

Обратимся к примерам.

Und er hatte keinen Glauben als den an bestimmte Menschen – die anderen glaubten ja an mehr als an die Menschen: an Gott, an abstraktes Geld, an etwas wie Staat und Deutschland. Edgar (T) *nicht* (R). [4, c. 231].

В данном примере частица nicht употреблена без ядерного элемента. Но при этом она связана с предтекстом. Из анализа прагматических связей частицы (ориентация на утверждение) читателю становится ясно, что под nicht подразумевается glaubte daran nicht. Отрицание вводит смысловой компонент и соотносит его с эксплицитным положительным коррелятом.

Если рассматривать данное сверхфразовое единство в коммуникативном плане, то становится очевидным, что слово Edgar является темой, так как оно связано с предтекстом er, а ремой является частица nicht. Именно в частице nicht заключена новая информация о положительном корреляте, который сам выполняет функцию ремы, поэтому на nicht падает основное логическое ударение. Отрицание в функции ремы и его рематический коррелят представляют собой рематический комплекс данного сверхфразового единства.

Самостоятельное функционирование частицы nicht может быть реакцией на ситуацию.

«Du bist so lieb», sagte sie, «so lieb und müde», aber als ich sie umarmen wollte, sagte sie leise: «Bitte, bitte, *nicht*» (R). [5, c. 53].

Реплика с отрицанием является реакцией на желание одного из коммуникантов совершить какое-либо действие. Поскольку оба партнера имеют представление о том, что хочет сделать один из них, а читателю это ясно из контекста, автору представляется возможным не воспроизводить отказ в вербальной форме полностью. Для автора важным является, согласен один из партнеров с действием другого или нет. Чтобы показать несогласие, автор использует отрицательную частицу nicht, в которой в имплицитной форме заключена фраза: Du sollst mich nicht umarmen. Данная частица содержит в себе наиболее важную информацию и является ремой высказывания.

Отрицание nicht как самостоятельная рема часто содержится в репликах с другими логическими частицами.

- Hast du schon einen Namen für ihn bestimmt?

- Noch *nicht* (R), Herr Vater [3, c. 15].

В данном примере логическая частица выделяет в качестве ядерного элемента отрицательную частицу nicht и отсылает читателя к предтексту, соотнося с коррелятом schon bestimmt. Частица noch маркирует в качестве ремы отрицание, которое содержит в себе имплицитную информацию, ясную из контекста (nicht bestimmt hatte).

В качестве маркера ремы может выступать и добавительно-отождествительная частица auch.

Ludwig, wer hasst, macht nicht Freude, dass vergiss nie und auch *nicht* (R), dass es nichts Schönes gibt, nichts, Ludwig, als andern und trotz allem Freude zu machen [3, c. 61].

Частица auch относится к отрицанию nicht, соотнося его с коррелятом vergiss nie. Коррелят выражает коммуникативное намерение говорящего, поэтому элемент частицы auch дублирует эту просьбу, хотя она не представлена вербально полностью. Автор эксплицирует лишь самый важный компонент – nicht, который и является ремой. Коррелят и частица nicht образуют комплексную рему сверхфразового единства.

Отрицательная частица nicht с имплицитным ядерным элементом может встречаться неоднократно, в сопровождении другой логической частицы или без нее.

Рассмотрим следующий пример:

- So wird bei uns nicht geschossen.

- Bei uns auch *nicht*. Gewöhnlich haben wir Kunden, die abnehmen, was sie bestellen.

- Kannst du mir das erklären?

- Ich *nicht* …[6, c. 257].

В данном примере отрицательная частица nicht встречается дважды с имплицитным ядерным элементом. В первом случае отрицание сопровождается логической частицей auch, которая маркирует отрицательную частицу в качестве ремы и соотносит ее с коррелятом bei uns. Во втором случае отрицание функционирует без маркера и является ремой высказывания. Ядерный элемент имплицитен, а его положительный коррелят kann erklären представлен эксплицитно в предтексте, где он также является рематическим элементом. Отсутствие вербально выраженного ядерного элемента никак не затрудняет понимание смысла высказывания, поскольку положительный коррелят в таких конструкциях, как правило, всегда эксплицитен.

Таким образом, из анализа фактического материала становится очевидным, что отрицательная частица nicht может функционировать самостоятельно, при этом она представляет собой наиболее важный элемент сверхфразового единства, то есть рему высказывания.

Список литературы

1. Русская грамматика – М.: Наука, 1980. Ч. 2. – 709 с.
2. Торопова, Н.А. Логические частицы как средство актуального членения предложения / Н. А. Торопова // Zeitschrift für Phonetik. Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Berlin, 1981. – S. 188–197.
3. Amenda, A. Appassionata / A. Amenda – Berlin, 1965. – 756 S.
4. Böll, H. Ansichten des Clowns / H. Böll – München, 1985. – 253 S.
5. Heiduczek, W. Mark Aurel oder ein Semester Zärtlichkeit / W. Heiduczek – Berlin: Verlag Neues Leben, 1971. – 146 S.
6. Remarque, E.M. Der schwarze Obelisk / E.M. Remarque. – Berlin, 1965. – 416 S.

УДК 811.112.2(091)(075)

ЭМОТИВНЫЕ ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Калиущенко В.Д., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0007-2183-4441
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.kaliushenko@mail.ru

Введение. Словообразование средневерхненемецкого языка (свн.), то есть, языка немецких диалектов середины XI в. – середины XIV в. стало в последние десятилетия актуальной темой исследования германистов [2; 5]. В данной работе рассматриваются отыменные глаголы (ОГ) или глаголы, образованные от имен существительных, обозначающих чувства, эмоциональные состояния в средневерхненемецком языке в сопоставлении с нововерхненемецким (нвн.), или современным немецким, например: свн. *minne* ‘любовь’ → *minnen* ‘любить’ [1, с. 134–135]. ОГ являются продуктивным словообразовательным типом [3].

Основная часть. Семантическая классификация ОГ основана на формулах их толкования, эксцилирующих смысловую связь между исходным именем и глаголом. Рассматриваемые ОГ включают две семантические группы, которые могут быть описаны следующими формулами толкования:

1) «X испытывает чувство Y (по отношению к Z) или находится в состоянии Y», например: *amur* ‘любовь’ → *amuren* ‘любить’; *un-gelücke* ‘неудача, несчастье’ → *un-gelücken* ‘терпеть неудачу’ [Kaliuščenko].

2) Второй тип эмотивных ОГ имеет следующее толкование «X каузирует Y испытывать чувство Z, быть в состоянии Z», например: свн. *un-wille* ‘отвращение’ → *un-willen* ‘вызывать отвращение’; *harm* ‘боль, страдание’ → *hermen* ‘причинять боль’.

Характерно, что большинство средневерхненемецких эмотивных ОГ сохранились в современном немецком, ср.: свн. *ahten* – нвн. *achten* ‘обращать внимание, уважать’; свн. *êren* – нвн. *ehren* ‘уважать, чтить’; свн. *giren* – нвн. *gieren* ‘испытывать сильное влечение’; свн. *sinnen* – нвн. *sinnen* ‘размышлять’; свн. *pînegen* – нвн. *peinigen* ‘мучить’.

Как в средневерхненемецком, так и в современном немецком языке среди эмотивных ОГ преобладают глаголы, выражающие негативные чувства и состояния, ср. примеры выше, а также следующие ОГ: свн.: *sich die-müeten* ‘унижаться’, *nôten* ‘быть в беде’, *wanhopen* ‘отчаиваться’; нвн. *verabscheuen* ‘презирать’, *neiden* ‘завидовать’, *langweilen* ‘скучать’.

Заключение. В средневерхненемецком отмечено серийное образование негативно маркированных ОГ, в том числе и эмотивных, от

имен существительных с префиксом *un-*, например: *un-lusten*, *un-willen* ‘испытывать отвращение’, *un-liumunden* ‘оклеветать’, *un-minnen* ‘ненавидеть’, *un-kreften* ‘обессилить’. Данный словообразовательный тип отсутствует в современном немецком языке. Следует отметить, что глаголы с префиксом *un-* часто имеют двойную мотивацию. Так, глагол vi. *un-tugenten* может рассматриваться как дериват от имени *un-tugent* ‘untüchtigkeit, schwäche, sittenfehler, laster, unedler sinn, mangel an feiner bildung’ ‘неспособность, слабость; грех, неблагородное поведение’; ‘*un–tudenden in untugend leben*’ ‘иметь черты характера, включаемые в понятие *un-tugent’,* vt ‘ослабить дух’ [4, S. 256]. Но возможна и трактовка этого глагола как образованного от глагола *tugenden* в цепочке *tugent/tugende* ‘brauchbarkeit tauglichkeit; mannesalter; männliche tüchtigkeit, kraft, macht; heldentat, gute eigenschaft, vorzüglicht’ - ‘способность, пригодность; возраст мужчины; мужская доблесть, сила, власть; подвиг, хорошее свойство, совершенство’ → *tugenden* vi. und refl. ‘tugent zeigen, tüchtig, tugendhaft sein oder werden’ ‘проявлять эти черты, быть или становится сильным’: vt. ‘mit tugent versehen’ ‘снабдить чертами, включаемыми в понятие *tugend*’ → *untugenden* (перевод см. выше).

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Калиущенко, В. Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология: Монография. – Донецк: ДОННУ, 2019. – 250 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 17).
2. Ягупова, Л. Н. Социативы с префиксом ge- в средневерхненемецких рукописях: корпусное исследование / Л.Н. Ягупова // Языковые и культурные сообщества в синхронии и диахронии: коллективная монография. – Москва: Издательство Московского университета, 2024. – С. 72-74.
3. Kaliuščenko, V.D. Deutsche denominale Verben. – Tübingen: Narr, 1988. – 180 S. – (Studien zur deutschen Grammatik; 30)
4. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – Stuttgart: Hirzel, 1992. – 506 S.
5. Wegera, K. P. Vorwort. Mittelhochdeutsche Grammatik als Aufgabe (Zeitschrift für deutsche Philologie; 110, Sonderheft). – Berlin: Schmidt Verlag. – S. 1-2.

УДК 81'373.612.2

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Петрищева Е.И., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-4937-8665
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
petrischewa-elen@mail.ru

Настоящее исследование посвящено изучению семантических особенностей фразеологических единиц со значением эмоционального состояния в немецком языке (далее ФЕЗЭС). Исследование данной темы вызывает множество споров, поскольку ключевой характеристикой эмоциональных состояний выступает невозможность их непосредственного изучения и наблюдения со стороны [1; 2; 3; 4; 5].

Объектом исследования являются фразеологические единицы со значением эмоционального состояния в немецком языке, а **предметом** – их семантические особенности.

Цель данного исследования заключается в изучении и анализе ФЕЗЭС в немецком языке.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**: 1) отобрать актуальный фактический материал; 2) произвести тематическую классификацию ФЕЗЭС и определить продуктивность тематических групп.

Материалом исследования послужили немецкие фразеологические единицы со значением эмоционального состояния, полученные из фразеологических словарей. Всего было проанализировано 103 ФЕЗЭС.

Семантический анализ ФЕЗЭС позволил сделать следующие **выводы**:

1. В зависимости от характера воздействия эмоций на человека материал исследования позволил выделить три группы ФЕЗЭС: 1) ФЕЗЭС, отражающие положительные эмоции; 2) ФЕЗЭС, отражающие отрицательные эмоции; 3) ФЕЗЭС, отражающие амбивалентные эмоции.

2. Самой продуктивной в немецком языке является группа ФЕЗЭС, отражающая **отрицательные эмоции** (49 ед.). Данная группа распадается на 7 подгрупп: 1) ФЕЗЭС со значением *страха* (10 ед.), ср. нем. *alles Blut wich aus ihrem Gesicht* ‘она побелела как бумага от страха’; 2) ФЕЗЭС со значением *отчаяния* (9 ед.), ср. нем. *sich wie gerädert fűhlen* ‘чувствовать себя будто погребенным заживо’; 3) ФЕЗЭС со значением *тревоги* (8 ед.), ср. нем. *mit Hangen und Bangen* ‘с большой тревогой’; 4) ФЕЗЭС со значением *огорчения/досады/сожаления* (6 ед.), ср. нем. *leider Gottes* ‘к сожалению!’; 5) ФЕЗЭС со значением *стыда* (6 ед.), ср. нем. *j-d wäre vor Scham am liebsten in ein Mausenloch gekrochen* ‘я готов был от стыда сквозь землю провалиться’; 6) ФЕЗЭС со значением *пренебрежения/*

неприязни/насмешки (6 ед.): *eine dufte Nudel* ‘ну и фрукт!’; 7) ФЕЗЭС со значением *недовольства/раздражения/гнева* (4 ед.), ср. нем. *ich kann das nicht mehr mitanhören!* ‘я этого больше слышать не могу!’.

3. ФЕЗЭС, отражающие **положительные эмоции**, (27 ед.) и ФЕЗЭС, отражающие **амбивалентные эмоции**, (27 ед.) занимают второе место по продуктивности и отличаются количественном набором тематических подгрупп.

4. ФЕЗЭС, отражающие **положительные эмоции**, распадается на 5 тематических подгрупп: 1) ФЕЗЭС со значением *восторга/восхищения* (7 ед.), ср. нем. *in j-s Banne sein* ‘быть очарованным кем-то’; 2) ФЕЗЭС со значением *заинтересованности* (6 ед.), ср. нем. *j-d ist gespannt wie ein Regenschirm* ‘кто-то сгорает от любопытства’; 3) ФЕЗЭС со значением *успокоения/облегчения* (6 ед.), ср. нем. *eine Last vom Herzen wälzen* ‘сбросить камень с души’; 4) ФЕЗЭС со значением *радости/счастья* (4 ед.), ср. нем. *ein Rad schlagen* ‘быть вне себя от радости’; 5) ФЕЗЭС со *влюбленности/любви* (4 ед.), ср. нем. *Liebe auf den ersten Blick* ‘любовь с первого взгляда’.

5. ФЕЗЭС, отражающие **амбивалентные эмоции**, распадается на 3 тематические подгруппы: 1) ФЕЗЭС со значением *безразличия* (11 ед.), ср. нем. *frag ich den Diebel danach* ‘мне нет дела до этого’; 2) ФЕЗЭС со значением *жалости/сочувствия* (9 ед.), ср. нем. *du kannst mir leid tun!* ‘мне тебя жаль!’; 3) ФЕЗЭС со значением *удивления* (7 ед.), ср. нем. *wie ein Auto gucken* ‘выкатить фары (широко раскрыть глаза от удивления)’.

6. Преобладание фразеологических единиц, описывающих негативные эмоции, в немецком языке объясняется тем, что отрицательные переживания требуют большей выразительности и детализации. Язык стремиться зафиксировать широкий спектр негативных состояний, таких как страх, тревога, гнев, отчаяние, поскольку они чаще становятся объектом обсуждения, жалоб и эмоциональных реакций.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Блытова, Е. В. Эмотивная семантика немецких фразеологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (49). – Ч. II. – С. 29–32.
2. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Залевская, Т. Е. Фразеологическое значение и его типы / Т. Е. Залевская, Л. И. Ибрагимова. – Дагестанский государственный университет, 2022. – С. 22–98.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 289 с.
5. Фомина, З. Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2006. – 336 с.

УДК 811.111

ВЕРБАЛЬНАЯ ИНВЕКТИВА И СТАТУС-КВО

Поляков А.Г., ORCID 0009-0002-8807-2668
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
PoljakovAG@mgpu.ru

Введение. Проблема инвективизации речи все чаще находит отражение в работах, посвященных речевой агрессии и языку ненависти (hate speech) в медиаполе. В связи с этим допускаются пробелы в оценке позитивного влияния вербальной инвективы на строение межличностной коммуникации. В настоящей работе под инвективой мы понимаем «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» [3]. На основе интенции автора инвектива и реализующая ее инвективная лексика способна включаться в ряд инструментов кооперативного общения и положительно влиять на динамику отношений между его сторонами. Процессы, сопутствующие нейтрализации инвективной лексики, то есть ее выходу из конфликтного дискурса – «речевого взаимодействия коммуникантов, в результате которого участники испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному и паравербальному воздействию друг на друга» [1], открываются нам при анализе отдельных коммуникативных ситуаций в рамках лингвистической прагматики.

Цель настоящей работы: исследовать инвективные высказывания в совокупности с их ядерной инвективной лексикой, проследить за тем, как они влияют на сохранение / восстановление статуса-кво между коммуникантами в процессе общения. Под статусом-кво мы понимаем существовавшее положение вещей, прежнее состояние отношений адресата и адресанта инвективного сообщения.

Основная часть. Практической базой для поиска материала исследования послужили такие проекты, как Daredevil (2015–2016), Shrinking (2023) и The Studio (2025). В рамках исследования мы выделяем несколько речевых ситуаций, в которых употребляются целевые инвективные высказывания. Под речевой ситуацией мы пониманием «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении» [4].

Первой является продолжительная коммуникация в рамках однократного вынужденного сотрудничества.

(K1) I don’t kill people. Not even scumbags like you who deserve it.

Пейоративная лексическая единица ‘scumbag’ имеет словарное определение – ‘a rude word for a very unpleasant person who has done something dishonest or unacceptable’ (грубое слово, обозначающее очень неприятного человека, который совершил что-то бесчестное или неприемлемое). Она является ядерной инвективной единицей высказывания. К1 внедряет ее в текст и адресует собеседнику, преследуя коммуникативную цель – установить и сохранить дистанцию. Такой ход не только подчеркивает негативное отношение, но и выносит его за скобки, помогает определить роли в рамках кооперации.

(К1) You’re not a dumb as you look. No, which is not saying much considering how dumb you look.

(К2) You know, Patty, you were lot nicer when you were an alcoholic.

Очевидно, что К1 конструирует речевое сообщение, имеющее конфликтный потенциал. Инвективная лексическая единица ‘dumb’ (тупой), адресованная К2, свидетельствует о пренебрежении и желании занять доминирующую позицию. Чтобы восстановить статус-кво, К2 обращается к коммуникативной тактике дуэли и отправляет ответное инвективное сообщение. При этом ироническая форма сообщения сохраняет диалог на уровне кооперативного.

Отметим, что вербальная инвектива как инструмент возвращения / сохранения статуса-кво в рамках речевой ситуации вынужденного сотрудничества имеет постоянные маркеры:

– Негативная оценка адресата, переданная ядерной инвективной лексикой (‘scumbag’, ‘alcoholic), имеет реальное основание, то есть отражает факт действительности с поправкой на эмотивные свойства используемых языковых средств;

– Перлокуцией является согласие адресата, молчаливое принятие.

(К1) Sometimes when I’m standing still, and I wanna take a step, I can’t.

(К2) That sounds awful.

(К1) Not as bad as being a vegan.

На языковом уровне определение ‘awful’ (ужасно) извещает о том, что К2 сомневается в социальной привлекательности К1, хотя и не имеет интенцию оскорбить К1 спонтанным речевым сообщением. В результате К1 формально обращается к речевой агрессии. Он пытается сохранить лицо за счет дискредитации «обидчика» и вместе с тем использует данную тактику для манифестации ложного «я» – собеседника, которого не следует жалеть ввиду нарушения им коммуникативных табу. Как итог, К1 достигает цели и возвращает статус-кво, а его высказывание не влечет за собой санкции и не провоцирует реакцию со стороны К2. Обращение к форме речевой агрессии в рамках кооперативного диалога становится возможным благодаря одному из аспектов речевой ситуации – высокой степенью отношений между коммуникантами.

(К1) Jimmy has been reinstated. He is once again performing my wedding ceremony.

(К2) Why did you let him back in?

(К1) Because I'm a kind and a benevolent prince.

(К3) I also guilted him for being a selfish son a bitch, so…

По словам М. Л. Курьян, «дружеская коммуникация отличается неформальностью и характеризуется высокой степенью коммуникативного комфорта» [2], в связи с чем выбор языковых средств не имеет строгой регламентации. Тем не менее, в настоящем фрагменте К3 вербально атакует К1 в соответствии с этимологическим определением инвективы (от лат. invehor – бросаюсь, нападаю). Его коммуникативная интенция – восстановить статус-кво по итогам истекшего конфликта. Для этого К3 презентует негативную оценку К1 факультативному участнику инвективного речевого акта (К2), сознавая, что К1 находится рядом и принимает данное публичное сообщение. Тем самым К3 совершает коммуникативный ход, цель которого высвободить эмоции и «быть в расчете». Отметим, что кооперативная интенция К3, подтверждающая наши выводы о природе исследуемой инвективы, прослеживается на уровне невербальных сигналов – улыбка, расслабленная поза.

Заключение. Вербальная инвектива и реализующая ее лексика является инструментом сохранения / восстановления статуса-кво. Она регламентирует позиции коммуникантов в рамках вынужденного кооперативного диалога, используется с целью защиты социального портрета, а также для высвобождения эмоций, разрешения внутреннего конфликта по истечению – внешнего. Объединяющей перлокуцией инвективного речевого акта в настоящем исследовании является принятие, молчаливое согласие адресата.

Список литературы

1. Белоус, Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н. А. Белоус, Н. В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2007. – Сер. 9, вып. 4-II. – С. 96–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-diskurs-vs-konfliktnyy-tekst-1 (дата обращения: 30.09.2025). – EDN RUBIDP.
2. Курьян, М. Л. Функционирование стратегии обращения в дружеской межличностной коммуникации / М. Л. Курьян // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2013. – №1-1 (77). – С. 112–118. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-strategii-obrascheniya-v- druzheskoy-mezhlichnostnoy-kommunikatsii (дата обращения: 01.10.2025). – EDN PVXQAT.
3. Можейко, М. А. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск: В. М. Скакун. – 1998. – 896 с. – ISBN 985-6235-17-0.
4. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – Москва: Русский язык. – 2002. – 214 с. – ISBN 5-200-03192-3.

УДК 81’373.7:81’25:811.11

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

Савченко В.И., ORCID 009-007-6269-246X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sawtschenkowiktorija@mail.ru

Введение. Фразеологизмы с онимным компонентом становятся сегодня предметом отдельного направления – ономастической фразеологии.

Целью исследования является выявление функций фразеологизмов с онимным компонентом (ФЕОК) в немецкой прессе, их роль в передаче смысла и воздействии на читателя.

Материл исследования составляют ФЕОК, функционирующие в текстах немецких СМИ. Источником фразеологического материала служит русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений Н.Л. Адамии 2023 г. издания. Для поиска и отбора ФЕОК, функционирующих в немецких СМИ, использовался корпус DWDS.de за 2020-2025 годы, в частности, издания «Der Tagesspiegel» (далее TS) и die Zeit.

У фразеологических единиц имеется набор определенных функций, которые предопределены их сущностью. Одни функции являются постоянными, или константными, то есть присущими всем фразеологическим единицам в любых условиях их употребления, другие же являются вариативными, то есть свойственными только некоторым типам фразеологизмов [2].

Как известно, фразеологизмы находят широкое применение не только в устной речи и художественной литературе, но и в медиатекстах, делая стиль изложения при этом более ярким, полным образов и привлекательным. Фразеологические единицы (далее ФЕ) несут функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную нагрузку в медиатексте [4, с. 4]. Фразеологизмы являются фигурами речи, т.е. переосмысленными оборотами, которые используются не в обычных, а в особых, переносных значениях. Поэтому четкая, правильная интерпретация их значений во многом способствует созданию образности, стилистических особенностей и эмоционально-экспрессивной специфики.

Большое число немецких фразеологизмов связано с античной мифологией, Библией, историй и литературой, например: *der Augiasstall* ‘Авгиевы конюшни’, *Faden der Ariadne* ‘Нить Ариадны’, *die Achillesferse* ‘Ахиллесова пята’, *Ein armer Lazarus* ‘Беден, как Лазарь’, *Buridans Esel* ‘Буриданов осел’, der Babelturm ‘Вавилонская башня’, *Gordischer Knoten* ‘Гордиев узел’, *das Damoklesschwert* ‘Дамоклов меч’ и т.д. ФЕ делают тексты

прессы выразительнее, помогают создать яркие образы и лучше донести мысль до читателя.

Функциональный аспект использования ФЕОК в немецкой прессе.

В результате изучения корпуса DWDS, ограниченного указанными выше изданиями, для данного исследования была составлена выборка в объёме 75 контекстов, включающих ФЕОК. Анализ отобранных контекстов выявил функционирование в них 25 ФЕОК в 75 употреблениях. Дальнейший анализ позволил установить ряд основных функций ФЕОК: номинативную, коммуникативную, результативную, стилистическую, директивную, экспрессивную, оценочную, характеризующую и обобщающую. Некоторые функции рассматриваются ниже на примерах.

1. ФЕОК *der Augiasstall* ‘Авгиевы конюшни’ выявлена в пяти примерах немецкоязычного корпуса DWDS.

Denn König Eurystheus hatte ihm zwölf Aufträge gegeben, die er der Reihe nach abarbeiten konnte: erst den Löwen töten, dann *den Augiasstall* ausmisten, dann die nächste Aufgabe. ‘Царь Эврисфей дал ему двенадцать заданий, которые он мог выполнять по очереди: сначала убить льва, затем вычистить Авгиевы конюшни, а затем выполнить следующее задание’ [DWDS, TS 2022]. В первоисточнике это выражение означало сильно загрязненное место, оно связано с подвигом Геракла, который очистил многолетние нечистоты царя Авгия, в периодическом издании употреблено, чтобы призвать читателя к решительным действиям. ФЕ выполняет номинативную функцию, показывает масштаб проблемы и необходимость решительных действий для наведения порядка. Анализируя употребление ФЕОК в данных контекстах СМИ можно выделить наиболее употребительные функции ФЕОК: номинативную, экспрессивную и коммуникативую.

2. ФЕОК *Faden der Ariadne* ‘Нить Ариадны’ отмечена в двух примерах немецкоязычного корпуса DWDS.

Als Lesende muss man sich darauf einlassen, den Faden der Ariadne mitzunehmen in das Labyrinth, um reicher wieder herauszukommen. Wenn ihr etwas durch den Kopf ging, schrieb Elke Erb es in ein Heft. ‘Как читателю, необходимо принять решение взять нить Ариадны с собой в лабиринт, чтобы вернуться богаче. Если что-то приходило ей в голову, Эльке Эрб записывала это в тетрадь’ [DWDS, TS 2024]*. ФЕ выполняет коммуникативную функцию, помогает образно объяснить выход из трудной ситуации.

3. ФЕОК *die Achillesferse* ‘Ахиллесова пята’ отмечена в 28 примерах немецкоязычного корпуса DWDS.

Dennoch bleibt die Wirtschaft "die Achillesferse von Erdogan", sagt Kilic, der europäische Sanktionen befürwortet. ‘Тем не менее, экономика остается "ахиллесовой пятой Эрдогана", говорит Килич, который поддерживает европейские санкции.’ [DWDS, TS 2025]*. ФЕ выполняет экспрессивную функцию, подчеркивает уязвимость экономики как слабое место политики

Эрдогана. В рассмотренных 28 контекстах ФЕОК также может выполнять оценочную, коммуникативную, номинативную и стилистическую функцию.

Выводы. Проведённый корпусный анализ позволил выявить 25 ФЕОК в 75 употреблениях и установить их функциональную нагруженность. Исследование показало, что основными функциями для ФЕОК рассмотренных изданий являются: номинативная, оценочная и экспрессивная.

При употреблении ФЕОК оним обобщает и типизирует значение всего выражения.

Имена собственные во фразеологизмах в основном номинирут предметы, но также выполняют и другие функции, которые не свойственны онимной лексике, главными из которых являются характеризующая и экспрессивная. ФЕ с онимным компонентом в средствах массовой информации помогают квалифицировать новость, формируют отношение читателя, создают авторский стиль и интригуют.

Список литературы

1. Адамия, Н. Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений/Н.Л.Адамия – 7-е изд.стер. – Москва: ФЛИНТА, 2023. – 344 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка:3-е изд. / А. В. Кунин – Дубна: Феникс+/, 2005. – 488 с.
3. Суперанская, А. В. Ономастика начала XXI века. / А. В. Суперанская – М.: ИЯ РАН, 2008. – 80 с.
4. Ухтомский, А. В. Фразеологизмы в современной английской прессе: изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 160 с.
5. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс] – URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения:29.09.2025)

УДК 811.112.2

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ус Ю.Н., канд. филол. наук, ORCID 0009-0005-1988-5747
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
iuliia.us@mail.ru

Введение. В работе рассматриваются цветообозначения (далее – ЦО) с компонентом «имя собственное» в немецком языке.

ЦО, в основе номинации которых лежат некоторые факты культуры, искусства, литературы, составляют периферийную, но весьма интересную в лингвокультурном отношении группу [1, с. 294].

При интерпретации ЦО, составной частью которых являются антропонимы либо топонимы, особенно важным представляется культурологический аспект, так как, чтобы представить, о каком цвете идет речь, необходимо либо точно знать значение данного ЦО, либо вывести его значение [2, с. 132].

Целью настоящего исследования является определение семантических особенностей сложных ЦО с компонентом «имя собственное» в немецком языке.

Материалом исследования послужил ряд ЦО, составной частью которых являются антропонимы, отобранных из второго тома исторического лексикона У. Джонса «Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen».

Основная часть. В основе семантики ЦО, в состав которых входит имя собственное, лежит пропорциональная модель «цвет, который ассоциируется с человеком».

Рассмотрим дефиниции сложных ЦО, составной частью которых являются имена собственные.

ЦО *Adam Creme* ‘Адам кремовый’ передает оттенок кремового цвета. Данное название связано с деятельностью Роберта Адама, архитектора XVIII века, внедрившего стиль неоклассицизма в архитектуру Британии. В своих творениях он опирался на эстетику архитектурных ансамблей Древнего Рима, строений Этрурии, домов знаменитой Помпеи. Для отделки фасадов своих сооружений Роберт Адам первым использовал «римский цемент» – гипс, выкрашенный в кремовый цвет.

Для обозначения цвета изделий из уранового стекла в немецком языке используются следующие лексемы: *Annagelb* ‘желтый цвет Анны’, *Annagrün* ‘зеленый цвет Анны’, *Eleonoren-Grün* ‘зеленый цвет Элеоноры’. Для правильного определения семантики данных ЦО необходимо объяснить значение первых компонетов *Anna-* и *Eleonoren-*. Анна Мария Ридель – дочь художника-стеклодела Франца Ксавьера Антона Риделя и жена его племянника и последователя Йозефа Риделя, который начал производство уранового стекла в Богемии. В зависимости от условий производства оттенок изделий из такого стекла вариьируется от желтого до зеленого. Обозначения *Annagelb* и *Annagrün* стали известными среди знатоков по всему миру, также как и оттенок *Eleonoren-Grün*, получивший название в честь сестры Анны - Элеоноры.

ЦО *bismarckbraun* и *Bismarckbraun,* образованы от красителя *Bismarckbraun* ‘Бисмарк коричневый’. Данный краситель представляет собой смесь близких по составу соединений и является одним из первых азокрасителей, открытых в 1863 году. Применяется в гистологии, как краситель для тканей, в кожевенной промышленности, в мыловарении для придания мылу янтарного цвета. Первым компонентом вышеуказанных ЦО выступает фамилия первого канцлера Германии – Отто фон Бисмарка.

Следует отметить, что данные ЦО зафиксированы в источниках конца XIX – начала XX веков, а в настоящее время они относятся к устаревшим названиям цвета.

Ряд ЦО, отобранных из исторического лексикона, образовался от названий красителей, полученных в конце XIX века. Существование многих из них было кратковременным и было связано со стремлением производителей привлечь внимание публики к новым товарам. Первым компонентом таких ЦО стали фамилии химиков, создавших эти красители, которые передавали оттенки голубого/синего и зеленого цветов.

Так, красителями и оттенками голубого/синего цвета стали лексемы *Bolleyblau* ‘голубой/синий цвет Боллея’, *Cassellablau* ‘голубой/синий цвет Касселы’, *Dumonts Blau* ‘голубой/синий цвет Дюмонта’, названные в честь профессора политехнической школы в Цюрихе Помпея Болея, производителя красок Леопольда Касселы и французского химика Дюмонта.

Оттенки зеленого передают красители *Bolleys Grün* ‘зеленый цвет Боллея’, *Böttgers Grün* ‘зеленый цвет Бетгера’, *Casaligrün*, *Casalis Grün* ‘зеленый цвет Казали’, *Casselmanngrün*, *Casselmanns Grün* ‘зеленый цвет Кассельманна’, *Charvins Grün* ‘зеленый цвет Чарвина’, *Dinglergrün*, *Dinglers Grün* ‘зеленый цвет Динглера’, *Duesburygrün* ‘зеленый цвет Дюйсбури’, *Elsners Grün* ‘зеленый цвет Эльснера’, которые появились благодаря деятельности химиков Рудольфа Кристиана Бетгера, Вильгельма Теодора Кассельманна, Йоханна Динглера и др..

Имя французского модельера Кристиана Диора упоминается в ряде оттеночных ЦО, также отобранных из исторического лексикона: *Dior-Farbe* ‘цвет Диор’, *diorrot*, *Diorrot* ‘красный Диор’. Словарная статья дает следующее определение ‘цвет моды, оттенок красного цвета, который был создан Диором’. Данные ЦО, начиная с 60-х годов XX века, часто используются в рекламных текстах, каталогах одежды для более образного описания предметов одежды подчеркивая их необычный цвет.

Следует отметить, что не всегда удается определить семантику ЦО с именем собственным. Так, для обозначения оттенков автомобильной краски используется ЦО *Catalinablau* ‘Каталина блю’, который трактуется как ‘почти ультрамариновый с сильным оттенком сапфира и тоном индиго’. Известно лишь, что Каталина - испанское женское имя, но происхождение данного ЦО невозможно определить.

Заключение. Учитывая высшеизложенное, можно сделать следующие выводы.

ЦО с компонентом «имя собственное» достаточно употребительны в немецком языке. Они могут быть условно разделены на следующие группы, в основе которых лежит: цвет красителя (*Bismarckbraun, Cassellablau*), цвет отделочного материала (*Adam Creme*), цвет ткани или одежды (*Diorrot*), цвет стекла (*Annagelb*, *Annagrün*). Для правильной интерпретации подобных ЦО необходимо привлекать экстралингвистические знания, однако не

всегда удается определить значение имени собственного в составе ЦО (*Catalinablau*).

Большинство вышеперечисленных ЦО зафиксировано в источниках XIX – начала XX веков, что связано с развитием химической промышленности и появлением многочисленных красителей.

Перспективным и актуальным представляется дальнейшее исследование ЦО с компонентом «имя собственное» в немецком языке.

Список литературы

1. Матасова, О. В., Уфимцева О. А. Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках / О. В. Матасова, О. А. Уфимцева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. – 2019. – Т.19. – Вып. 3. – С. 293-297. – DOI: https:doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-292-297.
2. Молибога, Г. Л. Цветообозначения, образованные от имен собственных / Г. Л. Молибога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №7(18), Ч II. – С130-134. – ISSN 1997-2911.

УДК 81'373.2: 811.111

КОНТАМИНАЦИЯ В ПОЭТОНИМИИ

Усова Н.В., д-р. филол. наук, ORCID 0000-0003-1515-913X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.usova@donnu.ru

Введение. Конструктивная роль онимной лексики в художественном тексте, в том числе поэтическом, доказана рядом исследований последних десятилетий и не вызывает сомнений. Однако вопрос о том, в какой мере используемые автором приёмы создания поэтонимии способны влиять на формирование структурно-семантической и семиотической специфики произведения, остаётся не вполне раскрытым. В частности, контаминация, о которой пойдёт речь в данной работе, представляет собой достаточно редкий приём, характерный для творчества писателей и поэтов, пользующихся методом “звукописи”. Среди многих определений контаминации наиболее приемлемым для данного исследования, рассматривающего поэтоним как графическое, фонетическое и семантическое единство, представляется следующее: «в языкознании – объединение в ходе речевого общения (а также в целях номинации предмета, понятия) структурных элементов (частей) двух языковых единиц на базе их структурного сходства, функциональной и смысловой близости, внешнего сходства. <…> Контаминация может служить источником возникновения языковых единиц» [1].

Цель исследования – выявление и доказательство факта контаминации, в результате которого возникает поэтоним, рассмотрение предпосылок возникновения поэтонима таким способом и его влияния на структуру и семантику целого произведения. Исследование проводится на материале поэмы Э. А. По «The Raven» («Ворон») [2].

Основная часть. Термин “контаминация” в современной лингвистике и стилистике трактуется по-разному, в зависимости от понимания его в узком либо в широком смысле. Общим в определениях является выделение лежащего в основе механизма контаминации взаимодействия разных языковых единиц, «приводящего к семантическому или формальному изменению этих единиц, а также к образованию на их базе нового слова или выражения, называемого контаминантом» [3, с. 5].

Изучение текста широко известной поэмы Эдгара Аллано По с точки зрения ономастики позволяет открывать новые детали её скрытых смыслов. Вопрос о контаминации возникаете здесь в связи с фонетической, графической и семантической составляющей поэтонима *Aidenn*. В результате художественного преобразования фонетических и семантических значений исходных онимных единиц *Hades u Eden* возникает поэтоним-контаминант: *Eden* + *Hades* = *Aidenn.* Мотивацией к созданию контаминации послужил поиск автором новой формы для выражения нового содержания, заключающего в себе амбивалентность понятия. Произведённая таким образом онимная единица обладает не только расширенными информационными и эмотивными свойствами, но и с мощным фоносемантическим потенциалом. Это следует как из звучания самого поэтонима /eɪdən = heɪdi:z + i:dn/, так и из семантики контекста. Фонетическая структура поэтонима-контаминанта одновременно является и семантическим новообразованием, совмещая два противоположных понятия: Ад и Рай. Э. По изобретает новый поэтоним с целью соединения воедино в одной номинативной единице обеих частей потустороннего мира.

Амбивалентность этого фоносемантического единства вскрывает неожиданные отношения между семантикой контаминанта и других проприальных единиц произведения. Фонетическая соотнесенность поэтонима *Aidenn* с его прототипами *Hades* ‘Эдем’ – *Eden* ‘Аид’ связывает все онимные единицы произведения по признаку семантической общности, вплетая их в единое пространство и одновременно разделяя на две диаметрально противоположные сферы. На одной стороне оказывается понятие *Eden* ‘Эдем’ – синоним Рая, символично означающий позитивную сферу света, небесного, божественного начала. Эта сфера дополняется поэтонимами *Lenore* ‘та, которая в раю’; *Hope* ‘Надежда’; *Heaven* ‘Небеса’; *God* ‘Бог’. На другой стороне оказывается поэтоним с противоположной семантикой – *Hades* ‘Аид’*,* объединяющее ряд поэтонимов с близкими значениями*: Horor* ‘ужас, который вселяет ад’; *Disaster* ‘потеря любимой — горе, трагедия, сравнимая с муками ада’; *Tempter* ‘сатана, дьявол-

искуситель, представитель ада, посыльным которого является ворон’; *(Night`s) Plutonian* ‘то же, что и Аид’; *Nevermore* ‘крик явившегося из мрака ночи и/или из ада’; *Pallas* ‘Афина Паллада’ – богиня, шлем которой имеет форму ворона и который ранее принадлежал богу Аиду, одновременно с этим постамент для Ворона и знак его силы. Особняком стоит поэтоним *Raven* ‘Ворон’, который относится к обеим сферам, как медиатор между верхом и низом, между жизнью и смертью; как дурной вестник, а согласно некоторым традициям – как воплощение дьявола.

Контаминант употреблён однократно, в 16-й строфе произведения. Вынесенный в концовку третьего стиха строфы, он становится семантико-синтаксическим и ритмико-интонационным центром. Его фонетический состав диктует организующие стиховое пространство ассонансы, внутренние рифмы *laden, maiden*: (16) *Tell this soul with sorrow laden if, within the distant* ***Aidenn****, / It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore / Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore.” / Quoth the Raven “Nevermore”.*

В композиции произведения поэтоним-контаминант выполняет функцию центра пересечения множественных смысловых направлений, скрытых в тексте поэмы. Необычность звучания, а также особенности расположения в стиховых структурах придают ему значение точки, фокусирующей связи с другими онимными единицами стихотворения, объединяя их в структурированную совокупность. По-видимому, номинативная единица *Aidenn*, как фонетическая и графическая структура, представлялась автору более эффективной, чем каждая из исходных номинативных единиц, структурные компоненты которых положены в основу контаминации.

Семантика контекста и значительное сходство звучания объясняют трактование его переводчиками на русский язык как *Эдем* (М. Зенкевич, Д. Мережковский) или *Рай* (С. Андреевский, К. Бальмонт, В. Брюсов, Л. Пальмин) [4]. Однако приведённые факты раздвигают рамки семантики этого поэтонима, декодируют его внутреннюю форму и корректируют понимание его значения.

Эксперимент в случае с *Aidenn* оказался успешным, как можно считать не только по тому, как органично этот контаминант включился в многоплановые внутритекстовые связи, но и по тому, что поэтоним не ограничился одномоментным окказиональным употреблением. Он приобрёл интертекстуальное звучание, перейдя рамки одного произведения. В дальнейшем контаминант *Aidenn* нашёл употребление в произведениях ряда англоязычных авторов в значении, заданном Э. А. По.

Заключение. В результате исследования установлен факт контаминации как способа образования новой, ранее не существовавшей в языке лексической единицы, поэтонима *Aidenn*. Автору это изобретение было необходимо для использования его в качестве означающего для

означаемого, совмещающего противоположные значения. Произведённый поэтоним одновременно является не только графическим и фонетическим единством двух исходных фонографем *Hades – Eden*, но и амбивалентным семантическим новообразованием, допускающим соотнесенность как с Эдемом, так и с Аидом.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. КОНТАМИНА́ЦИЯ / БРЭ 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2093124 (дата обращения: 01.10.2025).
2. По, Э.А. Стихотворения. Сборник. – М.: Радуга, 1988. – 414 с.
3. Ефанова, Л.Г. Контаминация. Часть 2. Основные разновидности контаминации // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – №1 (39). – С. 5–14. – DOI: 10.17223/19986645/39/1
4. Усова, Н.В., Сергиенко Е. А. Вариативность переводческих стратегий передачи поэтонимии англоязычного произведения (поэма Э.А. По «Ворон») // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2023. – № 1. С. 3-10. – EDN: TEFKAH.

УДК 811.111:81’373.72

ОСНОВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ДЕЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С КОМПОНЕНТОМ *FUND*

Федуленкова Т. Н., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-5039-5827
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Архангельск, РФ
fedulenkova@list.ru

Введение. В последние десятилетия проблемы деловой фразеологии и терминологии неустанно обсуждаются на лингвистических форумах разного уровня. Если в конце прошлого века большая часть таких проблем обнаруживалась в области делового дискурса, моделей его построения, ситуативного выбора деловых формул, соответствующих правил этикета и т. д., то в настоящее время наблюдается переход внимания лингвистов к более узким, но не менее глубоким проблемам исследования линейной структуры отдельных терминологических кластеров, принадлежащих к одному домену и связанных тем или иным общим компонентом.

Поэтому данное исследование направлено на выявление структурных характеристик современной английской терминологии домена ЭКОНОМИКА с компонентом *fund***,** которая была образована на основе переосмысления компонентного состава устойчивого сочетания слов, то есть имеет признаки фразеологичности.

Объект исследования. В качестве объекта исследования избираются словарные статьи из словаря делового английского языка LBED под редакцией М. Мерфи, которые предлагают строгие дефиниции и краткие иллюстрации экономических терминов-фразеологизмов, или ФЕ-терминов, современного английского языка с компонентом *fund* [1, с. 224–226].

Цель исследования. Цель нашего исследования состоит в анализе синтаксической структуры деловых экономических терминов с компонентом *fund*, которые по существу своему являются фразеологизмами, и в выявлении их основных структурных, или синтаксических, моделей.

Для поисков дополнительного иллюстративного материала обращаемся к интернет-ресурсам, представляющим материалы национальных корпусов современного английского языка BNC и его американского варианта COCA.

Теоретическая база данного исследования основана на структурном методе и компонентном анализе как одном из его составляющих [2, с. 412–436] и на методе фразеологической идентификации, предложенного выдающимся лингвистом А.В. Куниным [3, с. 38].

Основная часть. Результаты исследования. Исследование выборки из названного словаря дает возможность сделать ряд конкретных выводов, дающих представление о краткости синтагматической организации изучаемых терминов фразеологического характера. Анализируемое поле данного словаря содержит 59 терминов делового английского языка, принадлежащих к сфере экономики, которые по структурным признакам распределяются следующим образом:

(а) 55 терминов включают компонент *fund* в группе синтаксических моделей в позиции ядра и

(б) 4 термина включают компонент *fund* в группе синтаксических моделей в позиции адъюнкта [4, с. 149].

Непосредственным объектом нашего анализа являются экономические термины-фразеологизмы группы (а), в которых компонент *fund* выступает в ядерной позиции.

Объектом рассмотрения в данной работе является группа структурных моделей (а). В этой группе выявляем четыре основные подгруппы синтаксических моделей:

1. Nr + Nf (однокоренное существительное + fund), например:

There, they continued their protest through intermittent rain on Tuesday and Wednesday, under the shelter of portable canvas tents. "Some contractors have tried to bully the workers by threatening to fire them if they don't get back on the job, but it didn't work," said Lee Cheuk-yan, a unionist lawmaker in Hong Kong who is helping to organize the walkout. He said the union had raised 650,000 dollars for a ***strike fund****.* (COCA) — Там они продолжили свой протест, несмотря на кратковременный дождь во вторник и среду, под прикрытием переносных брезентовых палаток. «Некоторые подрядчики

пытались запугать рабочих, угрожая уволить их, если они не вернутся на работу, но это не сработало», — сказал Ли Чук-Ян, член профсоюза Гонконга, который помогает организовать забастовку. Он сказал, что профсоюз собрал 650 000 долларов в *фонд для забастовок*.

2. Nder + Nf (производное существительное + fund), например:

Following this initial increment of the full grant, additional funding up to the amount approved will be made available as the state demonstrates a continued need for assistance. # National Emergency Grants are part of the secretary of labor's ***discretionary fund*** *and are awarded based on a state's ability to meet specific guidelines <...>.* (COCA) — # После первоначального увеличения гранта в полном объеме будет предоставлено дополнительное финансирование в размере утвержденной суммы, поскольку штат будет демонстрировать постоянную потребность в помощи. # Национальные чрезвычайные гранты являются частью *дискреционного фонда* министра труда и предоставляются в зависимости от способности штата выполнять конкретные требования <...>.

3. Ncomp + Nf (сложное существительное + fund), например:

<...> "run on the bank" wasn't by mom and pop depositors. It was a run largely by financial firms on one another as they backed away from short-term loans that had flowed easily before 2007. <...>. In good times, banks thrive by loaning money long term, at a relatively high interest rate, using ***short-term funds*** *that they borrow at a lower rate. But in hard times, their* ***short-term funds*** *can disappear if investors or depositors have reason to worry about the bank's solvency.* (COCA) — «Наезжать на банк» могли не только вкладчики-родители. В основном финансовые компании обманывали друг друга, отказываясь от краткосрочных займов, которые легко выдавались до 2007 года. <...>. В хорошие времена банки процветают, предоставляя деньги в долг на длительный срок под относительно высокие проценты, используя *краткосрочные средства*, которые они берут взаймы по более низкой ставке. Но в трудные времена их *краткосрочные средств*а могут исчезнуть, если у инвесторов или вкладчиков появятся основания беспокоиться о платежеспособности банка.

4. Adj + Nf (прилагательное + fund), например:

Are there any ways to weaken the vicious cycle of spiraling campaign costs and fundraising? There are plenty of ideas. Using only ***public funds****, like in some European countries, is one. Another is to use vouchers: Americans could be given a small amount of public money to give to the campaign of their choosing. But the trends are moving in the other direction.* COCA) — # Есть ли какие-либо способы разорвать порочный круг растущих расходов на кампании и сбор средств? Есть много идей. Одним из них является использование только *государственных средств*, как в некоторых европейских странах. Другой способ — использовать ваучеры: американцам можно было бы

выделить небольшую сумму государственных денег на проведение кампании по их выбору. Но тенденции развиваются в другом направлении.

Выводы. В результате структурно-квантитативного анализа выявляем четыре вида синтаксических моделей ФЕ-терминов экономической сферы деловой терминологии в современном английском языке: 1) Nr + Nf, 2) Nder + Nf; 3) Ncom + Nf, 4) Adj + Nf, которые охватывают, соответственно, 26%, 28%, 22% и 13% изучаемой области экономической терминологии.

Список литературы

1. Murthy M. (Ed.) Longman Business English Dictionary. Harlow: Pearson, 2007. — 594 p.
2. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. — М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. — 820 с.
3. Кунин А.В. Английская фразеология. Теоретический курс / А.В. Кунин. — М.: ВШ, 1970. — 344 с.
4. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. — Л.: Просвещение, 1979. — 258 с.

УДК 811.133.1

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ И ОЦЕНОЧНЫХ КОННОТАЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИДИОМАТИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Черная М.Е., ORCID 0009-0005-7680-4405
ФГБОУВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.chernaya86@mail.ru

Введение. В данной статье рассматриваются основные особенности национально-культурных и оценочных коннотаций, отражающие национальный менталитет французского народа через идиоматический пласт французского языка.

Цель. Определить понятие «коннотация» и проследить отражение национально-культурных и оценочных коннотаций во французской идиоматической топонимике.

Основная часть. Топонимическая фразеология, чутко реагирующая на все значительные исторические события, социальные изменения, происходившие на данной территории, несет в себе как лингвистическую, так и страноведческую информацию. Неоспорим тот факт, что именно в топонимах отражаются особенности ландшафта, флоры и фауны, черты природы той или иной страны.

Культурная специфика фразеологии по мнению В.Г. Гака определяется соотнесением ее с элементами материальной или духовной

жизни общества, его истории, верований, традиций, природно-географического кадра, в котором живет тот или иной народ [2, с.261]. Во французском языке традиции и обычаи французского народа представлены в таких культурно-маркированных фразеологических единиц, как *Grandes eaux de Versailles* ‘день пуска всех фонтанов в Версале’, *fete a Neuneu* ‘ярмарка, незатейливое торжество’.

Национально-культурная специфика фразеологических единиц неразрывно связана с присущими им национально-культурными коннотациями.

По мнению В.Н. Телии, коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [6, с. 56].

В составе фразеологических единиц, связанных с известными историческими событиями, топонимы развивают исторически-окрашенные коннотации, локализируя события, становясь известным местом благодаря определенному историческому факту. Так, история Франции отражена, к примеру, в таких идиомах, как: *fuite de Varennes* ‘бегство в Варен (попытка Людовика XVI бежать 20 июня 1791 года была сорвана революционерами, задержавшими короля в Варенне)’, *les fils de France* ‘законные сыновья французского короля’, *homme de Sedan* ‘герой Седна (о Наполеоне III)’, *le retour de l’ile d’Elbe* ‘возвращение к своим пенатам (намек на бегство Наполеона I в марте 1815 года с острова Эльбы)’, *fossoyeurs de la France* ‘могильщики Франции (о правителях Франции, подготовивших капитуляцию и разгром 1940 года)’.

Топонимы в составе фразеологических оборотов приобретают также характеризующие коннотации, основой которых являются различные признаки, связанные с деятельностью человека, с уровнем общественной и социальной жизни в определенной местности: франц. *etre de la Champagne pouilleuse* ‘быть бедняком’, *dames de la Halles* ‘рыночные торговки’.

Во фразеологическом фонде французского языка увековечены наименования центров самых распространенных религий: франц. *Jerusalem celeste* ‘небесный Иерусалим, обитель мира и спасения’, *tous chemins va a Rome* ‘все дороги ведут в Рим’.

Следует отметить, что наряду с национально-культурными коннотациями, важное значение приобретают также тесно связанные с ними оценочные коннотации. По мнению Е.Ф. Арсентьевой, оценочный компонент, т.е. одобрительная или неодобрительная оценка, является основным в коннотативном значении фразеологизмов, в силу его социолингвистической природы [1, с. 40]. А.В. Кунин отмечает, что оценка – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение

человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно [5, с. 181]. В. П. Жуков понимает под оценочным значением положительную или отрицательную характеристику лица или предмета со стороны его устойчивых, постоянных свойств, а не случайных и временных [4, с. 57]. С точки зрения И. А. Гусейнова, основой оценки является определенное желание, основанное, в свою очередь, на целях и потребностях субъекта. [3, с. 9].

Основываясь на классификации, предложенной Е.Ф. Арсентьевой, согласно которой выделяются отрицательный, положительный и нейтральный компоненты фразеологического значения [1, с.40], нетрудно убедиться, что нулевую оценку обычно имеет дескриптивное слово, обозначающее какое-либо явление как стандартное, нормативное, типичное, и, что очень важно, в границах меры, которая определяется социумом. Положительные и отрицательные оценки также определяются социальными нормами, поэтому слова с положительной оценкой в известной степени обозначают некий социальный образец, а слова с отрицательной оценкой – явления, которые выходят за пределы нормы, установленной обществом. В соответствии с классификацией, предложенной Е.Ф. Арсентьевой, топонимический пласт французской фразеологии можно разделить на 1) отрицательно-окрашенный, 2) положительно-окрашенный и 3) нейтрально-окрашенный.

Фразеологические единицы, обладающие **нейтральной оценкой,** являются наиболее распространенными. Например: франц. *Les oies du Capitole* ‘капитолийские гуси (по преданию спасли Рим)’, *Qui langue a, a Rome va* ‘язык до Киева доведет’, *Berger de Mantoue* ‘пастух из Мантуи (о Вергилии)’.

Следующими по продуктивности являются **отрицательно-окрашенные** идиомы. Частота отрицательно-окрашенных значений объясняется закономерностями человеческого бытия, способностью языка немедленно реагировать на негативные стороны общественной жизни, отрицательные черты характера людей, а также тем, что человеку свойственно сталкиваться с преодолением недостатков, ошибок. Фразеологические единицы, составляющие данную группу обычно выражают неодобрение, презрение, осуждение, порицание, безнадежность и т.д. Например: франц. *Paysan de Danube* ‘грубый на вид человек, поражающий своей резкой откровенностью’, *etre sorti de la cote de Charlemagne* ‘слишком много мнить о себе, задаваться’, *cheval de Troie* ‘троянский конь (символ вероломства)’, *cretin des Alpes* ‘круглый дурак, полный идиот’, *marriage d’Afrique* ‘незаконный брак, сожительство, связь’. Интересен факт, что как во французском, так и в других языках, существует несколько фразеологических оборотов, связанных с Вавилоном, который, согласно библейскому рассказу, был городом, полным соблазнов, матерью “блудницам и мерзостям людским”. Однако, если в русском языке Вавилон

– это символ разврата, блуда, пьянства, в английском и французском языках Вавилон связан, прежде всего, с представлением о смешении языков, и отсюда уже возникает образ путаницы, неразберихи, суматохи: *la tour de Babel* ‘вавилонская башня, путаница’. Тем не менее, во всех языках фразеологические обороты, связанные с Вавилоном, имеют яркую отрицательную окраску.

Наименее часто встречающимися являются фразеологизмы, имеющие **положительную оценку**. Положительно-оценочные коннотации среди фразеологических единиц встречаются реже, поскольку к положительным явлениям жизни народный язык относится более спокойно, это – норма, обычное состояние вещей. Фразеологические единицы, входящие в данную группу могут выражать одобрение, похвалу, восхищение, величие, поклонение, уважение и т.д. Например: франц. *La pucelle d’Orleans* ‘Орлеанская дева (о Жанне Дарк)’, *dieu de Parnasse* ‘бог искусств, Аполлон’, *le cygne de Mantoue* ‘мантуанский лебедь (о Вергилии)’, *de France et de Navarre* ‘самый известный, лучший из всех’, *nouvelle Athenes* ‘новые Афины (о Париже)’.

Список литературы

1. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека. – Казань, изд-во Казанского университета, 1989. – 123 с.
2. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260–265.
3. Гусейнов, И. А. Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских пословиц: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М.: Московский государственный педагогический ин-т иностранных языков им. Мориса Тореза, 1981. – 21 с.
4. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., «Просвещение», 1978. – 160 с.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., «Высшая школа», 1996. – 383 с.
6. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Шк. яз. рус. культуры,1996. – 287 с.

УДК 81-119 : 811.112.2

СТАНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ В АВСТРИИ КАК СЛЕДСТВИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1848–1849 ГГ.

Шкапова А.В., ORCID 0009-0005-0622-9177
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, РФ
a.shkapova@yspu.org

Введение. Появление германской филологии как академической дисциплины в немецкоязычных государствах заняло с начала XIX в. не одно десятилетие. В университетах Австрии создание первых кафедр немецкого языка и литературы в 1850-1851 гг. преследовало не только методические цели подготовки преподавателей для гимназий, лицеев и университетов, но и имело национально-политические причины.

Цель исследования – представить общественно-исторические предпосылки и значение создания кафедр немецкой филологии в университетах на территории Австрийской империи.

Основная часть. Выделение германистики в отдельное академическое направление в крупнейших немецкоязычных университетах продолжалось все первую половину XIX вв. Первым ординарным профессором-германистом стал *Salomo Heinrich Michaelis* в Тюбингене в 1811 г. Затем кафедры немецкого языка и литературы были открыты в 1817 г. в Бреслау и 1824 г. в Берлине (*Friedrich Heinrich von der Hagen*), в Кенигсберге (1827 г., *Eberhard Gottlieb Graff*), в Мюнхене (1835 г., *Ferdinand Maßmann*), в Лейпциге (1843г., *Moriz Haupt*) [1, с. 201-203].

Германистика в Австрии по содержанию и структуре развивалось аналогично Пруссии и позднее Германской империи, тем не менее она уникальна тем, что ее ранний этап начался значительно позже: кафедры немецкой филологии появились в университетах Вены, Праги и Кракова в 1850 г., годом позже – в Граце и в 1859 г. – в Инсбруке. Причиной отсутствия германистики в университетах империи Габсбургов П. Визингер называет реакционную академическую политику режима канцлера Меттерниха. После Венского конгресса 1814/15 г. возглавляемое им правительство стремилось не допускать новые интеллектуальные течения, тем самым препятствуя развитию науки [2, с. 444]. Какая-либо индивидуальная педагогическая деятельность осуществлялась в рамках, установленных придворными учебными планами, отражающими представление монарха о желаемом виде предметов.

Только с вынужденным уходом канцлера с политической арены и его фактическим бегством из страны ситуация кардинально изменилась. В 1848 г., вследствие революции в Париже, Австрийская империя оказалась

перед фактической угрозой распада. Группы студентов, ремесленников и либерально настроенной буржуазии в Вене, Чехии, Венгрии и итальянских провинциях требовали отставки канцлера, отмены цензуры и провозглашения политических свобод, закрепленных в конституции.

В ходе революции развернулась война венгерского народа за независимость, начались выступления радикального крыла чешской буржуазии за отделение их земель. Хотя для подавления второй волны массовых выступлений потребовалось привлечение армии, монархия была вынуждена разработать проект конституции, предусматривавший создание федерального законодательного органа с участием различных национальных групп и равенство наций. Однако ни эта конституция, ни последующая единая имперская конституция не вступили в силу, созданный национальный парламент (рейхстаг) был распущен [3, с.18-19]. Символом реакции стало преследование независимой прессы и возобновление деятельности ордена иезуитов, под контролем которого находилась сфера образования. По соглашению с Ватиканом католическая церковь получила особые права и ее деятельность частично финансировалась австрийским государством [4, с. 25].

Внутренняя политика Габсбургов с 1850-х гг. направлена на решение национального вопроса и подавление восстаний в различных частях империи. Тем нем менее молодой император Франц Иосиф был вынужден учитывать опыт революционных возмущений среди представителей различных сословий и национальностей, что привело к реформе высшего образования по принципу свободы обучения. На смену придворной комиссии высшего образования (*Studienhofkommission*) приходит Министерство открытого обучения (*Ministerium des öffentlichen Unterrichts*), преобразованное в дальнейшем в Министерство культуры и обучения (*Ministerium für Cultus und Unterricht*).

В послереволюционное время философским факультетам, учебные планы которых носили пропедевтический характер, вменяется подготовка педагогических кадров для гимназий, что объективно влечет за собой изменение образовательных программ и введение новых дисциплин [5, с. 368]. Помимо решения первостепенных задач по методике и дидактике обучения немецкому языку, создание кафедр германистики имело под собой и национально-политические причины. Через немецкий язык государство стремилось достичь духовного единения образованных слоев многонациональной империи путем воспитания национальной идентичности. Данное намерение не было беспочвенным, т.к. отражало представление о немецкой культуре существенной части австрийских студентов и преподавателей немецкого происхождения.

Третьей важнейшей задачей кафедр германистики стала подготовка собственных академических кадров, которые могли бы преподавать и вести научно-исследовательскую работу. Необходимо констатировать тот факт, что первыми преподавателями германистики в Венском университете стали

не имеющие академической степени бывший студент-медик из Швейцарии *Franz Pfeiffer* и библиотекарь Венской придворной библиотеки православный грек *Theodor Georg von Karajan*. Э. Грабенвегер характеризует данный этап политикой национальной и конфессиональной открытости [6, с. 8]. Несмотря на реставрацию влияния римско-католической церкви в послереволюционной Австрии, практика показала, что германистике не обойтись без филологов-протестантов, которых министерство приглашало из немецких земель. Примером тому служит *Karl Weinhold*, сын лютеранского пастора, который по указанию императора был переведен с кафедры германистики в Кракове в университет Граца, как и еще один представитель протестантской конфессии, профессор классической филологии из Гейдельберга *Karl August Hahn*.

Одним из наиболее значимых достижений в реализации задачи подготовки национальных преподавательских кадров стал выдающийся филолог *Wilhelm Scherer* (1841-1886), который на протяжении длительного времени оказывал влияние на германистику всего немецкоязычного культурного пространства и внес в нее неоценимый вклад своей деятельностью в университетах Вены, Страсбурга и Берлина, а также подготовил плеяду блестящих немецких филологов и историков литературы.

Заключение. Германистика Австрии прошла свой уникальный путь становления, непосредственно связанный с общественно-политическими событиями и новыми социальными вызовами. Перед созданными в середине XIX в. кафедрами немецкой филологии были четко сформулированы задачи, отражающие интегративную функцию германистики в многоязычном и мультикультурном государстве.

Список литературы

1. Meves, U. Zum Institutionalisierungsprozeß der Deutschen Philologie: Die Periode der Lehrstuhlerrichtung (von ca. 1810 bis zum Ende der 60er Jahre des 19. Jahrhunderts) / U. Meves // Fohrmann, J., Voßkamp, W. Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert. – Stuttgart u. Weimar, 1994. – S. 115-203. – ISBN 978-3-47-600990-6.
2. Wiesinger, P. Die Entstehung der Germanistik in Wien im 19. Jahrhundert / P. Wiesinger // Fürbeth, F., Krügel, P., Metzner, E., Müller, O. Zur Geschichte und Problematik der Nationalphilologien in Europa. – Tübingen, Niemeyer:1999. – S. 443-469. – ISBN 3-484-107783.
3. Макарова, Н. А. Австрия: Учебное пособие / Н. А. Макарова, Ю Г. Коротких, И. Б. Сычева. – Орел: ОрелГТУ, 2004. – 69 с.
4. Ватлин, А. Ю. Австрия в XX веке: учебное пособие для вузов / А. Ю. Ватлин. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 240 с. – ISBN 978-5-4475-2503-3.
5. Egglmaier, H. H. Die Einrichtung von Lehrkanzeln für Deutsche Philologie in Österreich nach der Universitätsreform der Jahre 1848/49 / H. H. Egglmaier // Höflechner, W. Beiträge und Materialien zur Geschichte der Wissenschaften in Österreich. – Graz, 1981, – S. 360-411.
6. Grabenweger, E. Germanistik in Wien. Das Seminar für Deutsche Philologie und seine Privatdozentinnen (1897–1933) / E. Grabenweger.– Berlin: De Gruyter, 2016. – 280 S. – doi:10.1515/9783110459272.

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Щербатенко О.А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0002-4312-1227
Степанова О.С., ORCID 0009-0009-8453-8070
Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ
shcherbatenkoWork@yandex.ru, stepanovaolga0204@yandex.ru

Введение. Английский, как и любой другой язык содержит в себе разные диалекты, каждый из которых имеет характерные лингвистические особенности, включающие в себя лексику, грамматику, фонетику и орфографию языка. В статье приведены характеристики англоязычных диалектов: британского, американского, австралийского, канадского, ирландского с анализом их фонетики, грамматики и лексики.

Цель статьи – дать характеристику британскому, американскому, австралийскому, ирландскому и канадскому диалектам английского языка, определить их особенности.

Основная часть. Британский является основным вариантом английского языка, который изучают русские школьники. Каждый диалект обладает фонетическими особенностями. Для британского диалекта характерно опускание звука [r] на конце слов. Например, слово «butter» произносится как [bʌtə], или, например, такие слова, как «motorway» или «dinner» носители британского английского не произносят звук [r] перед согласными звуками и на конце слов. Еще одна отличительная особенность заключается в том, что некоторые гласные произносятся закрыто и более округло: в словах «path», «bath», «dance» произносится долгий звук [ɑ:]. Звук [əʊ] произносится в таких словах, как «go» или «home», в Америке те же слова будут звучать со звуком [oʊ]. Ещё один звук – [ju:], который используется при произношении слов student, duty, new и других.

Касаемо грамматической составляющей британского диалекта, следует выделить следующие особенности. Первая характерная особенность, которую следует выделить, это использование времени Present Perfect в тех случаях, когда речь идет о действиях, которые были совершены недавно. Сравнивая эту черту с американским вариантом английского языка, можно увидеть разницу: американцы обычно используют Past Simple вместо Present Perfect.

Правописание слов в британском и американском английском также отличается. В Америке люди упрощают язык, как в грамматике, так и в написании. Например, британский вариант написания слова «colour», где слово оканчивается на «our», в американском варианте пишется без «u» – color. Еще одна отличительная черта – в суффиксе –ise пишется «z»: memorize, organize. Также, если британец напишет centre, theatre с окончанием –er, то американский вариант будет выглядеть так: center, theater [1].

Начало формирования австралийского английского приходится на конец XVIII века вследствие смешения диалектов при колонизации материка. Как самостоятельный языковой вариант австралийский английский был признан к середине XIX века. Фонетика австралийского английского включает в себя особенности британского и американского диалектов, однако имеет и свои характерные черты. Первая особенность – замена [æ] на [e], таким образом, слово «cat» произносится, как [ket]. Вторая особенность – произношение дифтонга [ai], как [эi] (night, right, knife) . Звук [ei] звучит как [ai] (day, pale, plate). Общей чертой с британским английским является произношение звука [r], который так же опускается. Ещё одна особенность произношения – потеря нового звука: [ŋ] в конце слова произносится как [n], например слово king [kin] [2].

Формирование канадского английского произошло на почве иммиграций и расселений на протяжении более чем двух столетий. Языки местных коренных народов также оказали значительное влияние на формирование этого диалекта. Канадский вариант языка включает в себя как слова, пришедшие из американского английского, так и слова носителей британского диалекта. То же самое относится и к фонетическим особенностям. Для канадского английского так же, как и для американского характерно произношение [r] в конце слов и перед согласными Фонетика канадского английского имеет свои характерные черты. Сочетание «ou» произносится, как [u:] или [ou] [3].

Канадская лексика сочетает в себе особенности американского и британского диалектов, поэтому имеет с ними много схожих черт, однако канадский английский включает в себя и уникальную для языка лексику: washroom (bathrooms), homo milk (whole milk), parkade (parking garage). Одной из особенностей канадского английского является использование междометия «eh» в конце предложений: «Thanks, eh». Эта особенность пришла из французского языка, французское «hein» трансформировалось в «eh». Предложение, начинающееся с «as well», может употребляться в значении in addition.

Одной из наиболее сложных разновидностей английского языка является ирландский вариант языка. На формирование этого диалекта оказал влияние ирландский язык, взаимодействуя с которым, английский заимствовал лексику и грамматические конструкции.

Началом формирования ирландского языка является период с начала XIX века. Так как в Ирландии в то время преобладал английский язык, это привело к тому, что основная часть ирландского населения свободно им владело. Фонетика ирландского диалекта имеет значительные отличия от фонетики британского или американского диалекта. Согласные в данном случае звучат мягче: слово «cat» произносится как [kyat], a garden –[gyarden]. Звук [r] перемещается вперед ближе к зубам, значительно меняясь. Звук [th] походит на [d], примером являются слова three, thief, thing и так далее [4].

Шотландский диалект включает в себя следующие особенности грамматики: употребление глаголов состояния во временах группы continuous (I’m wanting to sleep). Конструкция am not сокращается и переходит в amn't

вместо стандартной краткой формы: I amn't from Moscow = I'm not from Moscow. Также в шотландском диалекте есть слова, которые употребляются не в привычном значении. Еще одна особенность шотландского диалекта – это употребление уменьшительных форм слов, например sweetie, shoppie, которые образуются путем прибавления окончания –ie. Также, следует отметить уникальное правописание в шотландском английском: прелог «to» пишется как «tae». Местоимение «I», пишется, как «A», так же и произносится. Слово «with» в шотландском английском трансформируется в «wae». В шотландском диалекте правильные глаголы в прошедшем времени оканчиваются на –it и –t. Например: endit, chargit [5].

Заключение. Таким образом, каждый из рассмотренных англоязычных диалектов обладает своей спецификой, отражающей культурные, исторические и лингвистические особенности. Изучение данных диалектов помогает лучше понять многообразие английского языка и его адаптации в различных странах и языковых сообществах.

Список литературы

1. Британский и американский английский: различия языков: сайт школы английского языка SkyEng. [Электронный ресурс]. – URL: https://skyeng.ru/articles/chem–otlichayutsya–amerikanskij–i–britanskij–anglijskij/ (дата обращения: 25.09.2025).
2. Aussie English: особенности австралийского английского: сайт школы английского языка инглекс. [Электронный ресурс]. – URL: https://englex.ru/talking–about–aussie–english/ (дата обращения: 26.09.2025).
3. Азаренко Е.С. Основные фонетические особенности канадского варианта английского языка // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 5. – С. 77–78. – URL: https://expeducation.ru/ru/article/view?id=408 (дата обращения: 26.09.2025).
4. В чем особенности ирландского английского? Сайт школы английского языка lingua Airlines. [Электронный ресурс]. – URL: https://lingua–airlines.ru/articles/v–chem–ossobennosti–irlandskogo–angliyskogo/ (дата обращения: 23.09.2025).
5. Шотландский вариант английского языка: сайт свободной энциклопедии Википедия. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 26.09.2025).

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

УДК 81-2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В АНГЛИЙСКОЙ, ЧУВАШСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Андреева Е.В., ORCID 0009-0005-6303-2506
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
kate016@mail.ru

Введение. В настоящей статье анализируется концепт «семья» в английской, чувашской и турецкой лингвокультурах на материале пословично-поговорного фонда. Сопоставление пословично-поговорного фонда позволит определить содержание концепта «семья» в сознании английского, чувашского и турецкого этноса, его специфику.

Цель статьи – установление и выявление общего и особенного в выражении морально-этнических ценностей рассматриваемых лингвокультур.

Основная часть. С древнейшей поры по настоящее время семья являлась и является фундаментом формирования культурного общества, и подтверждается следующими наблюдениями ученых разных направлений: «общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства; <…> » [3, с. 5], «семья – это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой социальной группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [7, с. 5] «самоидентичность личности в отношениях супружества, родительства и общества в целом» [8, с. 140]. Многочисленные исследования, посвященные концепту «семья» в психологии, педагогике, социологии, нашли отражение и в лингвокультурологии, где «язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [2, с. 48]. В связи с этим актуальным является изучение культурного компонента на материале языковых единиц, в частности паремий, отражающих «понятия,

фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом» [5, с. 21].

Таким образом, необходимо знать не только структуру языка, но и культурные особенности того или иного этноса.

В результате сопоставительного анализа паремий общим для трех языков в понимании концепта «семья» признается роль семьи в жизни каждого члена семьи, тем самым подчеркивая значимость института семьи в лингвокультурах рассматриваемых языков, напр.: *His hat covers his family*. – Его шляпа покрывает его семью [6]. *Пурнăçа темиçе çын тытмасть, пĕр çын тытать.* – Жизнью управляют не многие, а один [1]. *Bekarın parasını it yer, yakasını bit.* – Деньги холостого ест пес, а воротник – вши [9].

О важности появления детей в семье представляется в следующих поговорках, напр.: *The house without children is a cemetery* – Дом без детей – могила [6]. *Ача-пăча çитĕнтернĕ чух пĕр аллинче вут, тепĕр аллинче шыв*. – Пока воспитываешь детей, в одной руке огонь, в другой – вода [1]. *Evladın varsa bin derdin var, evladın yoksa bir derdin var.* – Есть ребенок – тысяча бед, нет ребенка – одна беда [9].

В трех рассматриваемых лингвокультурах роль отца является весомой, напр.: *Men make houses, women make homes*. – Мужчины строят здания, а женщины превращают их в дома [6]. *Арăм вилсен тӳшек çĕнелет, арçын вилсен кил-çурт саланать.* – Жена умрет – перина обновится, муж умрет – дом разорится; *Yuvayı yapan dişi kuştur.* – Гнездо вьет птица-мать [9].

В английской лингвокультуре *дом* олицетворяет материальное воплощение семейной жизни и является ключевым в воспитании детей, в выборе супругов, напр.: *There is no place like home*. – Нет места, подобного дому или *My house is my castle*. – Мой дом – моя крепость [6]. В отличие от английских паремий в чувашских и турецких паремиях прослеживается значимость отца в обучении своих детей, напр.: *Devlet oğul, mal tahıl, mülk değirmen*. – Счастье – сын, товар – зерно, имущество – мельница. *Babanın sanatı oğula mirastır*. – Искусство отца наследуется сыном [9]. *Ывăла шаннă – хуран çеклинчен тытма хушнă*, *хĕре шаннă* – Так уж принято: на сына надейся, держись за очажную цепь, на дочь надейся, держись за дверную скобу. *Çичĕ хĕр паракан юра ернĕ, çичĕ ывăл авлантаракан çĕрме пуян пулн.* – Выдавший семь дочерей обеднел, женивший семь сыновей разбогател [1].

Заключение. Сопоставительный анализ концепта «семья» на примере пословично-поговорного фонда из английского, чувашского и турецкого языков выявил:

4) семья является ценностью и показателем гармоничных отношений между поколениями;

5) семья играет важную роль в воспитании детей;

6) ярким отличием английской лингвокультуры от чувашской и турецкой лингвокультур в утверждении значимости *дома.* Дом является символом материального и духовного благосостояния;

7) общее сходство чувашской и турецкой лингвокультур заключается в подчеркивании значимости патриархальности в семье. Большое количество паремий свидетельствует о том, что сыновья предпочтительнее, чем дочери.

Таким образом, сопоставление паремий, отражающих морально-этнические ценности в трех лингвокультурах, может позволить избежать межкультурных конфликтов, связанных с формированием определенных культурных стереотипов в отношении концепта «семья».

Список литературы

1. Ваттисен самахĕсем, каларашсем, сутмалли юмахсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Сост. Н.Р. Романов. – 3-мĕш каларам. – Шупашкар: Чаваш кĕнеке изд-ви, 2012. – 351 с.
2. В. фон. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Гуслова, М.Н. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей, семьи: учеб. пособие для нач. проф. Образования / М.Н. Гуслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 272 с.
4. Зарипова, А. М. Сходства и отличия в репрезентации концепта «семья» в английской и турецкой лингвокультурах / А. М. Зарипова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 1(459). – С. 77-82. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shodstva-i-otlichiya-v-reprezentatsii-kontsepta-semya-v-angliyskoy-i-turetskoy-lingvokulturah (дата обращения: 07.09.2025).
5. Падучева, Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 5–32.
6. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. – Смоленск: Русич, 2001. – 560 с.
7. Харчев, А.Г. О путях дальнейшего укрепления семьи в СССР: Социальные исследования. / А.Г. Харчев. – М., 1965. – Вып. 1. – С. 5.
8. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 186 p.
9. Türk Dil Kurumu Sözlükleri. – URL: http: // sozluk.gov.tr (дата обращения 07.09.2025).

УДК 811.111:81’42

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИКОДОВОСТИ ОБЛОЖЕК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

Быкова М. А., ORCID 0009-0005-0558-3633,
Бессонова О. Л., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-5171-9790
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
xsorina@mail.ru, o.bessonova.2023@list.ru

Введение. Обложка англоязычного журнала выступает информационно насыщенным поликодовым артефактом, где визуальные, вербальные, типографические, цветовые и пространственные коды работают синхронно. Ее задача – не только «захватить взгляд», но и запустить эмоции, задать рамку интерпретации и побудить к действию (покупке, переходу, обсуждению). В логике социальной семиотики и мультимодального анализа [3; 4] обложка рассматривается как организованная система ресурсов смыслопорождения, где композиция, цвет, взгляд, шрифтовая иерархия и лексика обложечных линий настраивают читателя на определенный режим чтения и оценки.

Целью работы является установление прагматического потенциала поликодовых обложек англоязычных журналов через призму трех взаимосвязанных групп стратегий – внимания, эмоций и интерпретации.

Основная часть. Поликодовость обложки понимается как организованная интеграция разнородных семиотических кодов – иконического, индексального, символического, вербального, типографического, цветового и пространственного, – которые совместно производят смысл и управляют чтением [3].

Обложка выступает как информационно насыщенный коммуникативный узел, где композиция, цветовая палитра, шрифт, а также вербальные средства работают на достижение прагматической цели – привлечения внимания, оказания информационного и эмоционального влияния, формирования нужной интерпретации. Эмпирический корпус включает 100 обложек англоязычных журналов, представляющих как качественную, так и популярную прессу. Среди них «Time», «The Economist», «The New Yorker», «Newsweek», «New Scientist», «Sports Life» и другие.

В основу описания прагматического потенциала англоязычной обложки положена модель Р. Барта «внимание – эмоции – интерпретация» [1], которую можно рассматривать как комплекс трех взаимосвязанных стратегических контуров. По мнению Р. Барта, контур внимания обеспечивает первое впечатление зрителя – за счет композиционного центра, цветовой стратегии, контраста модальностей, уникальности жеста / взгляда. Используя выражение лица, позу, температуру и насыщенность изображения, визуальные тропы и лексические маркеры оценки, образуется

контур, отвечающий за эмоциональную составляющую – контур эмоций. Контур интерпретации фокусируется с помощью заголовков, подзаголовков, интертекстуальных аллюзий, числовых и графических элементов, а также жанровых особенностей [1].

Как показывает анализ эмпирического корпуса, управление вниманием базируется на контрасте: крупный центральный объект, резкие пары тонов (красный / черный, желтый / черный), насыщенные цветовые «пятна» и изоляция на негативном поле создают своеобразный визуальный магнит. Например, «National Geographic» характеризуется узнаваемой жёлтой каймой (рис. 1), а «The Economist» содержит красный мастхед (рис. 2). Такие устойчивые маркеры бренда повышают заметность и узнаваемость изданий.

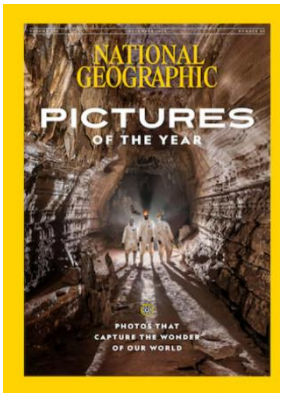

Рис. 1. National Geographic

Рис. 2. The Economist

Аффективный контур в первую очередь кодируется изображением лица и мимики. Так, например, в обложке журнала «The New York Times Magazine» (рис. 3) крупный план с читаемыми эмоциями усиливает эмпатию, а направление взгляда регулирует вовлечённость. Колористика задаёт эмоциональную температуру: холодные палитры ассоциируются с рациональностью и дистанцией; приглушённые тона – с серьёзностью и зрелостью. Для журнала «The New Yorker» (рис. 4) характерно использование пикториальных тропов (термин Ч. Форсвилла [2]). С помощью такого приема кодируются сложные смыслы. Набор знаков (жест присяги, книга, гипербола, частичные фигуры участников) задаёт тему власти и её сатирическое переосмысление, одновременно привлекая внимание и усиливая эмоции.

Интерпретативный контур в основном строится на заголовках. Например, броский заголовок *A LOSING BATTLE* обложки журнала «Newsweek» (рис. 5) следует понимать как рамку проигрыша, усиленную бейджами с символикой кампании и израильским флагом. Подзаголовок *Cancer Prevention's Problem* и надзаголовок (кикер) *How Kamala Harris' Stance on Israel Could Cost Her THE PRESIDENCY* интригуют читателей, мотивируя узнать больше о причине проигрыша кандидата от демократической партии в президентских выборах.

Рис. 3. The New York Times Magazine

Рис. 4. The New Yorker

Идею обложки журнала «Time» (рис. 6) можно декодировать по культурным кодам и интертекстуальным намёкам: фирменная красная рамка и логотип, чёрно-белый портрет в профиль, сложенные у лица руки и лаконичные даты – это язык памяти и прощальной обложки. Доверие и позиционирование читателя задаёт строгая верстка: фирменные цвета, крупный мастхед и чёткая иерархия (сначала образ, затем сдержанная подпись) подчёркивают серьёзность.

Рис. 5. Newsweek

Рис. 6. Time

Заключение. Прагматический потенциал поликодовых обложек связан с тремя группами стратегий: внимания (выделение и иерархия), эмоций (впечатление и вовлеченность) и интерпретации (смысл и подтекст). Эти стратегии могут быть обусловлены брендовыми и жанровыми особенностями и интегрированно реализовываться с помощью композиции, цвета, типографики, пикториальных тропов и вербальных элементов.

Список литературы

1. Barthes, R. Image – Music – Text / R. Barthes. – New York: Hill and Wang, 1977. – 224 p.
2. Forceville, C. Pictorial Metaphor in Advertising / C. Forceville. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. – 259 p.

3. Jewitt, C. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis / C. Jewitt. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 2014. – 352 p.
4. Van Leeuwen, T. Introducing Social Semiotics / T. van Leeuwen. – London; New York: Routledge, 2005. – 294 p.

УДК 81

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА «ЧУВСТВА – ЭТО РИСК» В АМЕРИКАНСКОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Воложанина Т.С., канд. филол. наук, ORCID 0000-0003-3158-7011,
Лужникова В.В., ORCID 0009-0004-2831-0788
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ
evita22@bk.ru, vera.luzhnikova@gmail.com

Введение. Данная статья посвящена анализу использования когнитивной метафоры ЧУВСТВА – ЭТО РИСК в творчестве современных американских поп-исполнителей. Изучению песенного дискурса посвящены многие работы современных исследователей [Клычкова, 2018; Плотницкий, 2023]. Мы будем рассматривать песенный дискурс через призму метафор, изучению которых также посвящены многочисленные работы [Мурашова, Демченко, 2021].

Цель исследования – изучение особенностей использования когнитивных метафор для создания образного измерения песенного дискурса.

Основная часть. Теоретической основой статьи стала когнитивная теория метафоры, сформулированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Согласно авторам, суть метафорического мышления заключается в том, что одна сущность осмысливается через термины, относящиеся к другой. Метафоризация происходит за счет взаимодействия двух когнитивных структур: «источника» и «цели». Модель метафоры выглядит так: «источник» – это «цель» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Когнитивные метафоры помогают нам осмысливать сложные концепты человеческого опыта, например, чувства.

Мы провели анализ семи песен американских поп-исполнительниц: Тейлор Свифт, Ланы Дель Рей, Холзи и Грейси Абрамс. Когнитивные метафоры, обнаруженные в текстах, будут рассмотрены далее.

В поп-музыке нередко встречаются когнитивные метафоры про чувства, так как основными темами песен этого жанра являются любовь и эмоции. Одной из распространенных моделей является метафора ЧУВСТВА – ЭТО РИСК. Эта когнитивная метафора использована в песне

«Red» Тейлор Свифт. Песня повествует о сильных эмоциях, испытанных лирической героиней в прошлых романтических отношениях. В тексте песни используются фразы, связанные с риском, в том числе с автомобильной катастрофой: *drive a new Maserati – ехать за рулем нового скоростного автомобиля, dead-end street – тупик, faster than the wind – быстрее ветра, end suddenly – резко оборваться, fly through the free fall – лететь в свободном падении, lose all – потерять все.*

Любовь лирических героев была рискованной, необузданной, подобной катастрофе. Последняя строчка песни это подтверждает:

«His love was like driving a new Maserati down a dead-end street» [10].

Метафора ЧУВСТВА – ЭТО РИСК присутствует и в других песнях Свифт, например, в песне «The Albatross». В песне все предупреждают потенциальных партнеров лирической героини о том, что чувства к ней – большой риск. К указанной метафоре нас отсылают следующие слова и фразы: *cautions – предостережения, warn about – предупреждать о, thoughtless heart – бездумное сердце, she is here to destroy you – она пришла тебя уничтожить, she's the death you chose – она – смерть, которую ты выбрал, terrible danger – страшная опасность* [11].

У Тейлор Свифт чувства – это риск, несущий смертельную опасность, на который влюбленные идут осознанно. Так, в финале песни, лирический герой выбирает свои чувства к лирической героине, и идет на этот риск:

«I'm the life you chose

And all this terrible danger» [11].

Когнитивная метафора ЧУВСТВА – ЭТО РИСК присутствует и в творчестве Ланы Дель Рей. Она описывает чувства как риск, похожий на последствия природных бедствий. Например, в песне «White Mustang» на это указывают слова *armageddon – армагеддон, конец света, и lightning – молния*. Чувства лирической героини ощущаются как природная катастрофа, в которую она попала:

«You're gonna hit me like lightnin'» [8].

Лана Дель Рей использует метафору ЧУВСТВА – ЭТО РИСК, в песне «Thunder». Само название уже указывает на это. Помимо того, в песне упоминаются и другие природные явления: *wind, lightning, rainbow, rain*, а также используются такие фразы как: *roll like thunder – греметь как гром, crash in – обрушиваться, you're on fire – ты горишь, keep me ablaze – распали меня, keep burning – продолжать гореть*. С помощью этой метафоры автор раскрывает в песне тему токсичных отношений, где присутствует сильное, но разрушительное влечение [9].

Еще один автор – американская певица Холзи нередко связывает чувства с риском, похожим на вред здоровью. Например, в песне «Graveyard» она описывает, как человек готов пройти через трудности и жертвы ради любви, даже если это приводит к боли или саморазрушению. К этому нас отсылают слова и фразы, связанные с физическим состоянием

человека: *detriment – ущерб, you're nothing but skin – ты – лишь тонкая оболочка, I keep diggin' myself down deeper – я продолжаю все глубже закапываться, I keep running when both my feet hurt – я продолжаю бежать, несмотря на боль в ногах*. А также слова и фразы, связанные с опасностью для жизни: *make a mistake – совершать ошибку, warning signs – предупреждающие знаки, weapon – оружие, I would've followed all the way to the graveyard – я бы следовала за тобой вплоть до пути в могилу* [7].

В песнях каждого из исполнителей метафора ЧУВСТВА – ЭТО РИСК раскрывается по-разному. Так, например, в творчестве Грейси Абрамс риск представляется как становление уязвимым. Это отражено в ее песнях «Risk» и «I should hate you» такими словами и фразами, как: *I'm actually invested – я действительно увлеклась, wrong thing – нечто неправильное, jump in the deep end – бросаться в омут с головой, heard the risk is drownin' – слышала, что есть риск утонуть, bend 'til break – гнуться пока не сломаешься, you'll be my favorite mistake – ты станешь моей любимой ошибкой, you're the risk I'm gonna take it – ты – это риск, на который я пойду* [6]*, I feel stupid – чувствую себя глупо, and I swear to god I'd kill you if I loved you less hard – клянусь богом, что убила бы тебя, если б не любила столь сильно, I would bend back to you – я бы поддалась и вернулась к тебе* [5].

Заключение. Таким образом, метафора ЧУВСТВА – ЭТО РИСК обретает уникальные оттенки в творчестве каждой из исполнительниц, но каждая из них так или иначе связывает чувства с риском, заставляя задуматься о смелости любви.

Список литературы

1. Клычкова М.А. Современный англоязычный песенный дискурс: история изучения // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – 2018. – №16. – С. 54–59.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Мурашова Л.П., Демченко С.С. Концептуальная метафора в лингвокультуре // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций. сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – 2021. – С. 263–267.
4. Плотницкий Ю. Е. Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2023. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-pesennyy-diskurs-v-kontekste-obschestvennoy-zhizni (дата обращения: 24.09.2025).
5. Gracie Abrams «I should hate you» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Gracie-abrams-i-should-hate-you-lyrics (дата обращения 25.09.2025).
6. Gracie Abrams «Risk» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Gracie-abrams-risk-lyrics (дата обращения 25.09.2025).
7. Halsey «Graveyard» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Halsey-graveyard-lyrics (дата обращения 25.09.2025).
8. Lana Del Rey «White Mustang» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Lana-del-rey-white-mustang-lyrics (дата обращения 25.09.2025).

9. Lana Del Rey «Thunder» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Lana-del-rey-thunder-lyrics (дата обращения 25.09.2025).
10. Taylor Swift «Red» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Taylor-swift-red-lyrics (дата обращения 25.09.2025).
11. Taylor Swift «The Albatross» Lyrics [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Taylor-swift-the-albatross-lyrics (дата обращения 25.09.2025).

УДК 811.111.134.2.161.1'373.7:17

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АНТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Гармаш Д.А., ORCID 0000-0001-5724-1989
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
daria.garmash@list.ru

Введение. В фокусе внимания находятся языковые единицы, являющиеся фразеологическими антонимами, вербализующими отрицательный полюс оппозиции ценность / антиценность. Такими единицами являются, например, в английском языке фразеологизм *to work one's fingers to the bone* 'работать не покладая рук' и его фразеологический антоним *to twiddle one's thumbs* 'лодырничать, бить баклуши'; в испанском языке фразеологизм *laborioso como (más laborioso que) una hormiga* 'трудолюбивый как муравей' и его фразеологический антоним *zángano de colmena* 'трутень, бездельник'; в русском языке фразеологизм *засучив рукава* 'работать, взяться за дело энергично, со всем усердием и старанием' и его фразеологический антоним *собак гонять* 'бездельничать'.

Антонимия фразеологизмов (ФЕ) рассматривается в работах Д. М. Алибековой, А. М. Дибировой [1], О. Л. Бессоновой, Д. А. Гармаш [2], Э. Р. Мардиевой [5], Н. В. Соловьева, В. П. Шабанова [6], которые изучают семантические и формальные критерии антонимичности и синонимичности фразеологических единиц как в отдельных языках, так и в сопоставительном аспекте.

Согласно А. В. Кунину, фразеологические антонимы являются кореферентными фразеологизмами, относящимися к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общий семантический компонент при наличии полярных значений и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении. В случае несовпадения лексического состава фразеологических антонимов формальными показателями их антонимичности могут служить антонимичные элементы в

составе их словарных дефиниций [4, с. 70], например, фразеологизм *to give free rein to someone* ‘дать кому-л. полную свободу действий’ – to allow someone to be completely in charge (of something) и его фразеологический антоним *to keep (wrap) smb. (up) in cotton-wool* ‘держать кого-л. под стеклянным колпаком’ – to be overprotective towards someone.

Д. О. Добровольский и А. Н. Баранов уточняют, что большая часть антонимов сосредоточена внутри одного семантического поля, потому как антонимия выражается в противопоставлении по какому-то одному семантическому признаку, например, ‘низкий’ – ‘высокий’ как значения признака ВЫСОТА [3, с. 53].

По мнению Н. В. Соловьевой и В. П. Шабановой, антонимия является универсальным явлением, присущим естественным языкам, в основе которого лежат мыслительные механизмы, не имеющие национально-индивидуальной или национально-своеобразной специфики [6, с. 41].

Целью данного исследования является выявление сходств и отличий фразеологической антонимичности на материале того фрагмента концептуальной картины мира, который связан с морально-нравственными ценностями. Явление фразеологической антонимичности рассматривается в исследовании в таких разноструктурных языках, как английский, испанский и русский.

Основная часть. Фразеологические единицы, вербализующие морально-нравственные ценности, являются позитивно оценочными, так как в их значении узуально закреплено одобрение, социальные нормы, констатирующее морально-правильные характеристики личности. Однако ценности имеют релятивный характер, определяемый через связь с неценностью, т.е. раскрытие содержания ценности, ее структурной организации зависит от оппозиционной единицы: понятия «хорошо» и «плохо» имплицируют наличие друг друга и формируют вокруг себя семантическое пространство, также представленное фразеологическими единицами. В корпус языкового материала включены 513 фразеологических антонимов (англ. 136 ФЕ, исп. 190 ФЕ, рус. 187 ФЕ).

Согласно результатам анализа, в материале исследования отмечено примерно одинаковое количество фразеологических антонимов, вербализующих морально-нравственные ценности, при некотором преобладании в испанском (24%) и русском (23%) языках по сравнению с английским (18%).

Часть фразеологических антонимов, вербализующих морально-нравственные ценности, является фразеологическими эквивалентами, т. е. практически идентичными единицами с точки зрения актуального значения, синтаксической и лексической структуры и внутренней формы. Русской ФЕ *лить крокодиловы слезы* ‘лицемерно жаловаться, притворно, неискренне сожалеть’ эквивалентны *to shed crocodile tears* в английском языке и *lágrimas de cocodrilo* в испанском языке. Данные единицы имеют

сходную структурно-грамматическую организацию в английском и русском языках, а также идентичный компонентный состав (*crocodile / cocodrilo / крокодиловы, tears / lágrimas / слезы*).

В английском языке наибольшим количеством фразеологических антонимов вербализованы ценностные понятия *honestidad* ‘честность’ (24%), *justice* ‘справедливость’ (14%), *conscience* ‘совесть’ (11%). В испанском языке аналогичная тенденция прослеживается в вербализации ценностных понятий *honestidad* ‘честность’ (28%), *labor* ‘труд’ (14%), *amistad* ‘дружба’ (12%). В русском языке наибольшим количеством фразеологических антонимов репрезентированы понятия *любовь* (20%), *честность* (18%), *труд* (15%).

Отдельного изучения заслуживают фразеологические антонимы, не имеющие эквивалента в сопоставляемых языках, так как безэквивалентность объясняется какими-либо культурно-историческими реалиями, особыми традициями народа, зафиксированными во внутренней форме фразеологизма. Примерами могут послужить единицы, вербализующие ценностное понятие *честность*:

- в английском языке ФЕ *to talk (cold) turkey* ‘говорить прямо, начистоту’ и его фразеологический антоним *to pull the wool over smb’s eyes* ‘обманывать, заговаривать зубы’. Происхождение фразеологического антонима связано с мужскими париками, которые иногда иронично называли «шерстью», потому что они были похожи на овечье руно. Легко было натянуть парики на глаза людей, то ли в шутку, то ли для того, чтобы их ограбить;

- в испанском языке ФЕ *cumplir la palabra* ‘сдержать слово’ и его фразеологический антоним *llamarse andana (iglesia me llamo)* ‘брать свои слова обратно, идти на попятный’. Первоначальным значением фразеологзма-антонима было ‘избавиться от наказания, бежать’. Речь идет о существующем праве на убежище в церквях, куда нельзя было войти вооруженным, а также был запрещен арест преступников, поэтому многие из них укрывались в храмах, чтобы уклониться от действий правосудия;

- в русском языке ФЕ *идти прямой дорогой (путем)* ‘ жить честно, действовать без уловок и обмана для достижения чего-л.’ и его фразеологический антоним *брать (взять) на арапа* ‘действуя обманным путем, прибегая к различным уловкам, добиваться чего-л. от кого-л.’. Происхождение фразеологического антонима связано с древнерусской лексемой *воропъ* (*врапъ*), которое означало ‘нападение разведывательного отряда’, т.е. изначально выражение означало ‘захватить что-то грубой силой’.

Заключение. Таким образом, в основе формирования значений фразеологизмов, находящихся в антонимических отношениях, лежит взаимодействие глубинных когнитивных механизмов и образов. В ходе исследования фразеологизмов-антонимов, репрезентирующих морально-

нравственные ценности в английском, испанском и русском языках, установлено, что в анализируемых языках зафиксировано примерно одинаковое количество таких единиц с незначительным преобладанием в испанском и русском, что свидетельствует об универсальности явления антонимии. К понятиям, вербализованным наибольшим количеством фразеологических антонимов, относятся: в английском (*honestidad* ‘честность’, *justice* ‘справедливость’, *conscience* ‘совесть’), в испанском (*honestidad* ‘честность’, *labor* ‘труд’, *amistad* ‘дружба’), в русском (*любовь*, *честность*, *труд*). Одним из важных этапов сопоставительного исследования фразеологических единиц нескольких неродственных языков является рассмотрение межъязыковых отношений, предполагающих выявление полных, частичных эквивалентов, а также безэквивалентных единиц. Рассмотрение безэквивалентных фразеологических антонимов, отражающих историю лингвосоциума, его своеобразные традиции и обычаи, позволяет проследить специфику репрезентации морально-нравственных ценностей в анализируемых языках.

Список литературы

1. Алибекова Д. М., Дибирова А. М. Антонимические и синонимические отношения в ФЕ русского языка / Д. М. Алибекова, А. М. Дибирова // МНКО. – 2021. – №2. – С. 505–506.
2. Бессонова О. Л., Гармаш Д. А. Фразеологическая репрезентация понятия *труд* в англоязычной и русскоязычной картинах мира // Известия ЮФУ. Филол. науки. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 59–71.
3. Добровольский Д. О., Баранов А. Н. Семантические отношения во фразеологии / Д. О. Добровольский, А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции, Бекасово, 25–29 мая 2011 года. – Том Выпуск 10 (17). – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – С. 51–60.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – 3-е изд., стер. – Дубна: Феникс+, 2005. – 479 с.
5. Мардиева Э. Р. Своеобразие антонимической парадигмы фразеологических единиц русского языка / Э. Р. Мардиева // Вестник Башкирск. ун-та. – 2013. – №1. Т. 18. – С. 174–176.
6. Соловьева Н. В., Шабанова В. П. Антонимия фразеологизмов: формальное и семантическое сходство как критерий противопоставленности единиц / Н. В. Соловьева, В. П. Шабанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 5. – С. 41–46.

УДК 81'44

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В «СЕМЕЙНЫХ» НЕОЛОГИЗМАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗАПАДНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

***Гордиенко Е.В.*[1],** канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-7759-0518,
***Бессонов Н.Ю.*[2],** канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8383-8065
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
[1]*gordienko-ev@ranepa.ru,* [2]*bessonov-ny@ranepa.ru*

Введение. Изучение лингвокультуры в аксиологическом аспекте предполагает сопоставление языковых картин мира на основе ценностных доминант. В качестве таких доминант, отражающих контрастность актуальной тенденции к деглобализации и формированию многополярного мира, целесообразно рассматривать ценности, закрепленные в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809). В документе к числу таких ценностей отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [5]. Указанные ценности рассматриваются как основа российской идентичности и одновременно как предмет аксиологического противостояния между Россией и Западом.

Семья является одной из фундаментальных традиционных ценностей, и ее изучение приобретает особенную важность в условиях трансформации семейных ориентиров на Западе, что позволяет выявить специфику их сохранения и переосмысления в российском обществе. Данная статья продолжает цикл публикаций, посвященных реализации ценностного отношения к институту семьи в англоязычной картине мира [2; 3; 4].

Основная часть. Появление большого числа неологизмов указывает не только на естественные процессы языковой эволюции, но и на более глубокие социальные трансформации, затрагивающие институт семьи. Вполне логично, что в данной понятийной сфере наблюдается появление значительного количества новых слов – неологизмов, требующих изучения с точки зрения соединения влияния экстралингвистических факторов на способы создания лексических инноваций, их введение в контекст, их лексикографическую репрезентацию и др.

Как отмечает А. В. Белова [1], классификация семантических инноваций возможна с позиции новизны обозначаемого явления. Однако в современных условиях данная классификация приобретает дополнительное социокультурное измерение: многие из новых слов фиксируют тенденции, связанные с изменением традиционных представлений о браке, родительстве и семейных отношениях, что в конечном счете свидетельствует о постепенном подрыве устоявшихся семейных ценностей в англоязычном сообществе. Предлагаем обратиться к некоторым примерам, наиболее иллюстративно отображающим происходящие трансформации.

Одну из групп составляют неологизмов, которые появились для обозначения фрагмента действительности, давно существовавшего и отраженного в языковом сознании говорящих, но еще не вербализированного. Выделенные в ходе анализа единицы *flee-ancee* ‘невеста, которая убегает из-под венца перед началом венчания’, *bridezilla* ‘невеста, которая, планируя свадьбу, становится чрезвычайно эгоистичной, заносчивой и несносной’, *bridechilla* ‘невеста, которая, планируя свадьбу, остается спокойной и расслабленной’ не столько описывают институт брака, сколько подчеркивают его коммерциализацию, психологическое давление и эмоциональные перегрузки, связанные с подготовкой к свадьбе. Новые номинации членов семьи (*nephew-in-law* ‘супруг племянницы’, *niece-in-law* ‘супруга племянника’, *mother-out-law* ‘мама бывшего супруга / супруги’) расширяют систему родственных терминов, но часто делают ее ироничной и пародийной. Это свидетельствует о снижении ценностного статуса семьи, которая все чаще воспринимается как объект языковой игры. Можно сделать вывод о том, что лексические единицы данной группы не просто восполняют лакуны в языке, но и закрепляют в сознании носителей индивидуалистические модели поведения, которые слабо соотносятся с традиционной моделью семьи.

Еще одной выделенной группой являются инновации, созданные для обозначения совершенно новых понятий, появившихся сравнительно недавно в англоязычном обществе. Именно эта группа наиболее явно фиксирует изменения, затрагивающие основы традиционной семьи. Выделенные трансформации чаще всего фиксируют влияние цифровых технологий на семейные роли и отношения как, например, в единицах *cyberwidow* ‘жена, которая много времени проводит одна, потому что ее муж занят работой или игрой на компьютере’, *computer mom* ‘замужняя женщина, уделяющая много времени за компьютером вместо воспитания детей’, *mommy hacker* ‘мама, «взламывающая» домашние компьютеры для защиты детей от влияния интернета’.

Последнюю группу неологизмов образуют единицы, дающие название предмету, у которого уже есть номинация в английском языке. Именно в инновациях этой группы можно проследить, насколько

значительно трансформируется система родственных номинаций. Появление таких лексем как *bonus family / forever family* ‘приемная семья’, *bonus mom* ‘приемная мама’, демонстрирует смещение акцента с традиционной кровнородственной семьи на социальные и искусственно формируемые объединения. Особенно показательно появление новых терминов для обозначения однополых браков: *garriage / larriage* / *parriage* ‘брак между лицами одного пола’. Эти лексемы указывают на то, что англоязычное сообщество закрепляет на уровне языка явления, которые принципиально пересматривают традиционное понимание брака как союза мужчины и женщины.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что неологизмы, возникающие в сфере «Семья», не просто отражают изменения в языке, но и выступают индикатором культурных процессов, свидетельствующих о подрыве традиционных семейных ценностей в англоязычном сообществе. Возникающие лексические инновации все чаще закрепляют индивидуалистические и прагматические модели поведения, которые подменяют коллективно-семейные ценности, а также фиксируют радикальную переоценку семьи, включая легитимацию однополых союзов и снижение ценности традиционной родственной системы.

Список литературы

1. Белова А. В. Современная семья в зеркале английской неологии / А. В. Белова // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 21. – С. 28–35.
2. Гордиенко Е. В. Английские неологизмы тематической группы «Родители-дети» понятийной сферы «Семья» / Е. В. Гордиенко // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: Материалы I Международной научной конференции, Донецк, 16–18 мая 2016 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 5. – Донецк: Южный федеральный университет, 2016. – С. 119-121. – EDN LBGFSX.
3. Гордиенко Е. В. Семантико-идеографическая классификация английских неологизмов понятийной сферы «семья» / Е. В. Гордиенко // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации: сборник научных статей: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – С. 134–141. – EDN YTJQSD.
4. Слышкин Г. Г. Неологизмы тематической группы «Брачные отношения» как проявление кризиса традиционных семейных ценностей в англоязычной лингвокультуре / Г. Г. Слышкин, Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: Сборник научных статей. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. – С. 165–170. – EDN CVLCIH.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 21.03.2024).

УДК 811.112.2

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ЯДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ «DIE HAND» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Горягина А. Е., ORCID 0009-0001-4637-998X,
Малахова Т. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3543-0751
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
goryaginaae@yandex.ru, tatmal2000@mail.ru

Введение. Исследование соматических фразеологизмов, включающих названия частей тела, представляет значительный интерес для современной лингвистики, поскольку они являются, как пишет В. Н. Телия, концентратом культурно-национального мировидения [2, с. 605]. Фразеологические единицы с лексическим компонентом «die Hand» занимают особое место в немецкой языковой картине мира в силу высокой частотности и семантической многогранности, так как отражают ключевые антропоцентрические концепты деятельности человека в области власти, доверия и морали [1, с. 45].

Цель исследования – выявление и анализ лингвокультурологических и лингвокогнитивных особенностей фразеологизмов с ядерным компонентом «die Hand» на материале современного немецкого языка.

Задачи: определить семантическое поле данных фразеологических единиц, проанализировать их функционирование в художественном дискурсе и систематизировать в соответствии с коммуникативно-функциональной типологией.

Материалы и методы. Материалом послужили данные авторитетных лексикографических источников [5; 8] и примеры из произведений немецкой литературы XX века таких писателей, как Г. Грасс, Г. Бёлль, З. Ленц, М. Вальзер и др. В работе применялись методы контекстуального, семантического и функционального анализа, а также была проведена классификация фразеологизмов по функционально-коммуникативному принципу с выделением номинативных, пропозициональных и коммуникативных устойчивых выражений в соответствии с теорией Х. Бургера [4, с. 115] стилистически адаптированная для задач исследования.

Основная часть. Изучение теоретического и практического материала показало, что лексема «die Hand» демонстрирует высокую фразеологическую продуктивность, выступая в качестве концептуального

полисеманта [8, с. 234] в составе устойчивых выражений немецкого языка. Анализ словарных статей и корпусных данных выявил более 80 устойчивых выражений [5; 8], семантика которых охватывает широкий спектр значений: от конкретного физического действия, например: «Hand anlegen», т.е. «приложить руку», – до абстрактных социальных и этических категорий, например: «reine Hände haben» – букв. *иметь чистые руки*, что означает «быть честным, справедливым»; «Hand und Fuß haben» – «быть обоснованным», «die Hand im Spiel haben» — «быть причастным к чему-либо», «быть замешанным во что-либо».

Контекстуальный анализ данных фразеологических единиц в художественных текстах позволил раскрыть их ключевые лингвокультурологические функции. Так, идиома «das Heft in der Hand haben» – букв. *держать тетрадь в руке* – актуализирует концепт власти и контроля, что позволяет автору выразит свое критическое отношение к влиянию промышленной элиты на современную политику. Фразеологизм «jemandem die Hand reichen», что означает «протянуть руку» – функционирует в романе «Жестяной барабан» Г. Грасса [6] как мультифункциональный маркер, выражающий одновременно физическую помощь, моральную поддержку и идею социальной солидарности в условиях послевоенной травмы. В романе Г. Бёлля «Глазами клоуна» [3] единица «die Hände in den Schoß legen», т.е. *сидеть сложа руки*, становится средством социальной критики, символизируя общественную апатию, охватившую население Германии в послевоенный период, и отказ человека от моральной ответственности за свои поступки, нежелание брать на себя ответственность за судьбы своих близких.

Важным аспектом исследования стала функциональная типологизация фразеологических единиц по модели Х. Бургера [4, с. 128–140]. Большинство проанализированных единиц относятся к номинативным полным идиомам с референциальной функцией, например: «die Hand ins Feuer legen» – ручаться, букв. *положить руку в огонь*, что подчеркивает их роль в обозначении устойчивых концептов доверия и лояльности, характерных для немецкого национального сознания. Пропозициональные фразеологизмы, такие как «mit offener Hand geben», что означает «дарить щедро», букв. *давать открытой рукой*, – в «Уроке немецкого» З. Ленца [7], выполняют коммуникативно-этическую функцию. Таким образом автор противопоставляет альтруизм формальному долгу и выражает свою гуманистическую позицию.

Заключение. Проведенное исследование подтвердило, что соматические устойчивые выражения с компонентом «die Hand» представляют собой значимый фрагмент немецкой языковой картины мира. Они служат не только для номинации действий и состояний, но и являются мощным средством репрезентации культурных кодов, социальных норм и этических ориентиров немецкого народа и играют большую роль для его

национальной самоидентификации. Высокая степень метафоризации и устойчивости данных выражений позволяет рассматривать их как ключевые маркеры национального сознания. Перспективы исследования видятся в проведении сопоставительного анализа с аналогичными фразеологическими группами в других языках (например, русском) для выявления универсальных и культурно-специфических черт в осмыслении концепта «рука» [1, с. 89].

Список литературы

1. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – Москва: Высшая школа, 1980. – 143 с.
2. Телия, В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Русский язык: энциклопедический словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. – Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 605–607.
3. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] / H. Böll. – Санкт-Петербург: КАРО, 2013. – 352 с. – (Moderne Prosa). – URL: https://archive.org/details/ansichteneinescl0000boll_i3l3 (дата обращения: 29.05.2025).
4. Burger, H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – 4., überarb. Aufl. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. – 298 S. – ISBN 978-3-503-12235-2.
5. Duden: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Hrsg. von der Dudenredaktion. – 5., vollst. überarb. Aufl. – Berlin: Dudenverlag, 2020. – 928 S. – ISBN 978-3-411-91305-3.
6. Grass, G. Die Blechtrommel / G. Grass. – Frankfurt am Main: Luchterhand, 1959. – 464 S. – ISBN 978-3-630-62095-8.
7. Lenz, S. Deutschstunde / S. Lenz. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1968. – 480 S. – ISBN 978-3-455-65020-5. – EDN JKLMNO.
8. Schemann, H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext / H. Schemann. – 2., durchges. Aufl. – Berlin: De Gruyter, 2011. – 456 S. – ISBN 978-3-11-023696-4. – DOI 10.1515/9783110236964.

УДК 81-119 + 811.16

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» / «ŻYCIE» И «СМЕРТЬ» / «ŚMIERĆ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Деева Н.В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1772-0218,
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», г. Кемерово, РФ
deeva24@list.ru

Введение. В репрезентации абстрактных концептов, под которыми понимаются ментальные образования, «не имеющие отчетливого визуального образа, непосредственно соответствующего имени концепта» [2], большую роль играют метафоры. С точки зрения когнитивной

лингвистики последние представляют собой определенную форму «организации мысли в ее настойчивых попытках понять окружающий мир» [1, с. 25]. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, метафора «служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям» [3, с. 72]. Благодаря свойству метафоры «видеть X как Y» абстракции (жизнь, смерть, вера и под.) обретают некоторую определенность.

Цель исследования заключалась в выявлении типов гастрономической метафоры, репрезентирующей абстрактные концепты «жизнь» / «życie», «смерть» / «śmierć» в русском и польском языках.

Основная часть. Гастрономическая метафора, являющаяся одним из основных средств реализации гастрономического кода культуры, активно используется как средство репрезентации в русском и польском языках таких абстракций, как «жизнь» и «смерть». Одним из видов такой метафоры выступает именная (выделяется на основе частеречной принадлежности первичной номинации как носителя исходного мотивирующего образа): *На войне слишком остро чувствуешь* ***вкус жизни*** (С. Лукьяненко); ***Smak życia*** *czuliśmy szczególnie w soboty i niedziele oraz każdego dnia po szesnastej, kiedy kończyła się praca i można było wrócić do domu* (W. Kowalewski); *Они шли дальше с великой поспешностью, сжигаемые зноем, познавшие* ***вкус смерти*** *на своих губах* (И. Ефремов); *W obojętności bliskiej osoby grzęźniemy jak w cmentarnym błocie, a w ustach jest* ***smak śmierci*** (T. Jastrun).

Жизнь и смерть как нечто съедобное в сознании носителей обоих языков наделяются определенным вкусом, имеют характерные вкусовые особенности, о чем свидетельствуют и функционирующие в этих языках сочетания: *привкус жизни / posmak życia, привкус смерти / posmak śmierci* (ср.: *Но я уже привык к этой горечи, и, пожалуй, без нее* ***привкус жизни*** *лишился бы существенного компонента.* А. Ким; *Однако не только воспоминаниями о том моросящем и тихом, с ужасными громкими звуками, дне объяснялся* ***привкус смерти*** *в томлении Софьи.* О. Славникова; *Prawie namacalna obecność Gdańska, gdzie toczy się znaczna część akcji, nadaje tej powieści ‹...› konkretny wymiar,* ***posmak życia*** *i wyrazistość...*Gazeta Wyborcza, 03.04.1999; *O usunięcie z naszego życia tego wszystkiego, co ma* ***posmak śmierci****: obłudy w wierze, niszczącej krytyki innych, ‹...› zaapelował papież w rozważaniu przed południową modlitwą «Anioł Pański»*. Gość Niedzielny, 29.03.2020). Отсюда возможность репрезентации анализируемых концептов посредством глагольной метафоры, в основе которой лежит стереотипная ситуация: то, что съедобно, X может вкусить, попробовать на вкус, отведать (*Милый, наивный, даровитый Страхов жаловался, что ученые занятия не дают ему* ***вкусить жизни***. Ю. Нагибин; *Ему надо немного* ***отведать жизни***. *Но куда же ты его отправляешь?*

Н. Алексеев; *Для того, кто* ***попробовал смерть на вкус****, былые привязанности не имеют никакого значения, что бы он сам об этом не думал.* М. Фрай). В польском языке метафора подобного типа представлена сочетанием глаголов *posmakować* (первичным значением которого выступает – «zjeść lub wypić trochę czegoś w celu poznania smaku» / «съесть или выпить немного чего-либо, чтобы узнать вкус» [4]) и *popróbować* («zjeść lub wypić trochę czegoś, aby sprawdzić, jak to smakuje» / «съесть или выпить немного чего-либо, чтобы проверить, насколько это нравится» [там же]) с существительными, являющимися именами концептов. Например: *Chce się dalej uczyć, chce* ***posmakować życia*** (Dziennik Bałtycki, 02.05.2003); *Dał mi* ***popróbować śmierci****, a stworzył mnie tak, jakbym konał* (J. Krzysztoń).

Еще одним способом репрезентации концептов «жизнь» / «życie», «смерть» / «śmierć» выступает признаковая гастрономическая метафора. Из всего многообразия признаков вкуса в репрезентации анализируемых концептов чаще всего используются два: сладкий и горький (*Это была наша* ***сладкая жизнь****, но вам я не желаю такой.* Ю. Нагибин; *Всем рабочим* ***горькая жизнь*** *одна – вместе с нами пойдут все фабрики, все заодно, – так али нет?* Д. Фурманов; ***Słodkie życie*** *słono kosztuje.* S. Lec; *Spotkania pod hasłem «Słodka krew –* ***gorzkie życie****» weszły już w Wodzisławiu do tradycji.* Trybuna Śląska, 05.05.2001). Приписывание признака сладости или горечи абстрактным феноменам является не только способом их характеристики, но и экспликации оценки: положительной (*А тут с милым вместе! По крайней мере,* ***сладкая смерть****!* А. Куприн) или отрицательной (*Но негоже убивать мать на глазах у сына, поэтому убей прежде меня, чтобы не видел я* ***горькой смерти*** *матери моей!* Т. Муравьева).

Дистрибутивный анализ конструкций с именами анализируемых концептов показал, что и в русском, и польском языке характеристика (и оценка) через признак вкуса разнообразнее представлена у концепта «жизнь». Последняя может определяться и как тошнотворная (***Тошнотворная*** *лагерная* ***жизнь*** *дает языку преференцию особой выразительности*. С. Довлатов; *To nie było jednak mlekiem i miodem płynące,* ***mdłe życie***. T. Drozdowski), кислая (*И я подумал, что при таком изобретении у меня начинается довольно* ***кислая жизнь.*** Ю. Драгунский; ***Życie*** *bywa* ***kwaśne*** *jak cytryna*. Forum Internetowe, 11.01.2025), соленая (***Жизнь*** *была и сладкой, и* ***соленой***. Н. Старшинов; ***Życie*** *jak ciasto. Czasem słodkie, czasem* ***słone***. Forum Internetowe, 27.06.2017). Амбивалентность жизни иллюстрируется метафорами, в структуру которых входят сложные прилагательные *сладко-кислый* или *горько-сладкий*: *В каждом дворе, обнесенном плетнями, под крышей каждого куреня коловертью кружилась своя, обособленная от остальных, полнокровная,* ***горько-сладкая жизнь****...* (М. Шолохов); ***Życie jest słodko-kwaśne*** *jak wiśnia, ale ciasto z wiśni rozpływa się w ustach!* (Forum Internetowe, 12.04.2018). В русской лингвокультуре жизнь репрезентируется, в том числе, и через признаки черствости (и в этом

случае она воспринимается как утратившая свежесть, мягкость), пресности (т.е. может быть лишена определенного, характерного вкуса): ***Черствая жизнь*** *обернулась своей съедобной стороной* (М. Веллер); *Такая* ***пресная жизнь****, – продолжала Алкина. Крутишься в сетях маленьких неприятностей* (Ф. Сологуб).

Заключение. Гастрономическая метафора как средство репрезентации концептов «жизнь» / «życie», «смерть» / «śmierć» в русском и польском языках представлена схожими типами: именной, глагольной и признаковой метафорами. При этом последний тип метафоры обладает не только объяснительным потенциалом (жизнь или смерть, подобно продуктам имеют особенный вкус, который можно попробовать), но и оценочным.

Список литературы

1. Баранов, Г. С. Философия метафоры: монография / Г. С. Баранов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 472 с. – ISBN 5-202-00509-1.
2. Дмитриева, О. А., Мурзинова, И. А. Теория лингвокультурных типажей: учебное пособие, 3-е изд. / О. А. Дмитриева, И. А. Мурзинова. – [б. м.]: «Издательские решения», 2016. – URL: https://фб2.рф/teoriya-lingvokulyturnyh-tipaghey-uchebnoe-posobie-3-e-izdanie-22073907/read/part-2 (дата обращения: 27.08.2025).2.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: сборник / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 72–82. – ISBN 5-01-001599-4.
4. Słownik języka polskiego PWN. – URL: https://sjp.pwn.pl (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 811

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЗВАНИЙ КОМИКСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫПУСКОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА)

Камаева А.С.[1], ORCID 0009-0002-0623-0619,
Николаева Л.В.[2], канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-0224-3415
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, РФ
[1]*kamaeva.nastasya@list.ru,* [2]*tankists@bk.ru*

Введение. В настоящее время значительную часть современной популярной культуры составляют комиксы. Формат комикса стал активно развиваться в 30-е годы XX века и претерпел многочисленные структурные и жанровые изменения. Сильное влияние на этот формат литературы оказал Серебряный век комиксов. При этом изменения коснулись не только сюжетного наполнения произведений, но и названий комиксов.

Цель настоящего исследования – проанализировать названия комиксов, которые были впервые опубликованы в период Серебряного века, и описать характерные им языковые особенности.

Основная часть. В современном языкознании названия, заглавия и заголовки относятся к разряду малоформатных текстов, основной характеристикой которых является визуальная краткость, напрямую связанная с глубинно-схематическими и коммуникативными аспектами высказывания [1]. Названия комиксов обладают обозначенными ключевыми чертами, что позволяет отнести их к текстам малого формата.

Заглавия комиксов являются неотъемлемой частью литературного произведения и могут быть отнесены к художественному типу дискурсивного пространства, который несёт в себе отражение культуры определённой эпохи и представляет собой сложный комплекс смыслопорождения и его языкового форматирования в совокупности со всеми смысловыми приращениями, возникающими в ситуации реального речепроизводства и речевосприятия [3].

С целью оказать воздействие на «духовное пространство» читателя как реципиента и внести в него некоторые изменения [2], художественный дискурс характеризуется использованием в тексте различных языковых средств. Являясь составной частью художественного произведения, названия комиксов выполняют важную функцию привлечения внимания, максимально ёмко выражают главную мысль каждого отдельно взятого произведения и легко запоминаются читателями. Значительный воздействующий потенциал заглавий комиксов обоснован тем, что с этим элементом текста вероятные читатели сталкиваются в первую очередь. С их помощью авторы привлекают внимание целевой аудитории к отдельным произведениям и удерживают его.

Серебряный век комиксов в США, длившийся с начала 50х до начала 70х годов XX века, известен жёсткой цензурой графических историй. После принятия в стране в 1954 году Кодекса комиксов каждое произведение проверялось перед публикацией и, при отсутствии нарушений Кодекса, получало на обложку метку о прохождении цензуры. Жанры триллера и хоррора были полностью запрещены, из-за чего внимание издателей и аудитории вновь обратилось на проверенный годами жанр супергероики. Также в этот период часть издательств сконцентрировала приоритет своих интересов на аудитории детей 6-12 лет. Это повлекло за собой переосмысление образов и сюжетных линий персонажей Золотого века комиксов, а также создание большого количества новых героев.

При работе с фактическим материалом объёмом в 50 единиц названий американских комиксов того периода было отмечено, что их характерной чертой является широкое использование имён собственных, репрезентирующих главного действующего героя отдельной истории (*«Batman», «Jughead», «Richie Rich»*) или команду (*«The Avengers»,*

«The Defenders», «Fantastic Four», «Justice League of America», «The X-Men»). Имена собственные в заглавиях произведений жанра комикса воздействуют на целевую аудиторию реципиентов, концентрируя её внимание на главных действующих лицах отдельных историй.

Заглавия художественных произведений формируют у читателей определённые представления о том, что его ждёт в сюжете. Анализируя названия комиксов, репрезентирующих названия команд, можно определить, что происходит это путём использования существительных во множественном числе (*avengers, defenders, men*) или собирательных существительных (*four, league*). Подобные лексемы помогают читателю сосредоточиться на ключевых идеях сюжета, в данном случае – на взаимодействии группы героев.

При дальнейшем рассмотрении заглавий, содержащих обозначения команд героев, было отмечено, что только в 3 из них присутствует определённый артикль the. На обложках серий *«Fantastic Four»* и *«Justice League of America»* артикль опущен, хотя в названиях команд на страницах комиксов он присутствует. Можно предположить, что это связано с необходимостью разместить на ограниченном пространстве обложек более объемные названия союзов героев. Издатели делали больший акцент на лексемах, несущих ключевые для первичного понимания сюжета смыслы.

Обращаясь к заглавиям серий комиксов, содержащих в себе имена собственные отдельных персонажей, можно проследить в части из них описание репрезентируемого героя, которое выносилось на обложку рядом с именем героя. Можно выделить два способа описания: через приложение, выраженное нарицательным существительным (*«Conan the Barbarian», «Dennis the Menace», «The Friendly Ghost, Casper»*), и с помощью качественных прилагательных (*«The Amazing Spider-Man», «The Incredible Hulk», «Playful Little Audrey»*). Ключевые черты сути героя, отражённые в названии, помогали обратить внимание потенциальной аудитории читателей на менее популярного или совершенно нового персонажа в комиксе.

При дальнейшем рассмотрении заглавий, содержащих в себе дополнительное описание героя, прослеживается частотное употребление прилагательного *little*: *«Hot Stuff, the Little Devil», «Little Archie», «Little Lotta».* Наличие этой лексемы в названиях серий свойственно издательствам, чьей целевой аудиторией были дети. Это прилагательное формировало в реципиентах понимание, что история ориентирована на детей. Лексема *little* помогала юным читателям отождествить себя с главным героем комикса, который также являлся ребёнком. Читательское сопоставление себя и главного героя оказывало влияние на решение реципиента о приобретении произведения при соответствии комикса его предпочтениям. Кроме того, после общественных возмущений о тлетворном влиянии комиксов на детей, взрослые также оказывали больше доверия произведениям, посвящённым детям.

Заключение. В рамках настоящего исследования был описан ряд особенностей языкового воплощения названий американских комиксов Серебряного века. В этот период перед авторами встала необходимость переосмысления ранних сюжетов и создания персонажей, которые были бы одобрены при прохождении цензуры, что привело к повышению внимания к супергероике. Переосмысление героев Золотого века и создание большого количества новых повысили количество комиксов, посвящённых отдельным персонажам или их союзам, что отразилось на заглавиях.

Малоформатные тексты заглавий комиксов привлекают и удерживают внимание реципиентов путём использования различных языковых средств. Имена собственные на обложках изданий помогали читателям сделать предположение о возможном сюжетном наполнении комикса. Также этому способствовало употребление специфических лексем, дающих реципиентам большее понимание сути действующего лица или команды.

Список литературы

1. Кузнецова, Л. В. Анализ названий произведений американского изобразительного искусства в терминах малоформатных текстов / Л. В. Кузнецова // Наука и культура России. – 2016. – Т. 1. – С. 255-258. – EDN WISMGN.
2. Самарская, Т. Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 10. – С. 20-34. – EDN VORVYR.
3. Черкунова, М. В. Дискурсивный потенциал стилистических приемов в малоформатных жанрах современной англоязычной сетевой литературы / М. В. Черкунова // Язык в пространстве и времени: Материалы международной научной конференции, Самара, 25 декабря 2021 года. – 2021. – С. 154-165. – EDN ALTMYA.

УДК 811.111’42:32

К ВОПРОСУ ДИАЛОГИЧНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОЛЕКЦИЙ Д. КРИСТАЛА)

Кишко С. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-8251-3146
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
svetnick2401@mail.ru

Исследование академического дискурса вызывает профессиональный интерес ученых-лингвистов в силу непосредственной вовлеченности в эту сферу коммуникативной деятельности. **Актуальность** данной работы обусловлена необходимостью комплексного изучения академического дискурса как важной составляющей современной образовательной культуры,

что может способствовать решению научной проблемы организации текстовой информации как в содержательном, так и структурном плане с учетом норм и специфики национального стиля научной коммуникации.

В своих ранних работах мы рассматривали особенности академического дискурса с точки зрения его коммуникативно-прагматических характеристик, в частности в свете реализации коммуникативной стратегии модерации (от англ. *moderation,* т.е. придание высказыванию более умеренного, менее категоричного, безапелляционного и т.п. тона) [3].

Цель данной работы – анализ академического дискурса с точки зрения категории диалогичности, а именно исследование дискурсивных средств, направленных на установку диалога между лектором и аудиторией.

Объектом данного исследования послужили видеолекции известного британского языковеда Д. Кристала «The future of Englishes» и «The effect of new technologies on English» [8; 9].

Понятие диалогичности имеет давнюю историю и восходит к трудам М. М. Бахтина, в которых открытый диалог рассматривался как «единственно адекватная форма для вербального выражения подлинной человеческой жизни» [1]. Данное утверждение как никогда актуально в настоящее время в академической среде: лектору не только необходимо предоставить огромное количество информации, но и «повести аудиторию за собой», чтобы добиться желаемого результата. Соответственно, для реализации цели необходимы определенные «инструменты», которые позволят говорящему удержать фокус внимания адресата.

В современном понимании диалогичность академического дискурса представляет собой такую же дискурсивную категорию, как связность, целостность и т.д. [2]. Диалогичность как категория дискурса ориентируется на мотивы и ценности адресата и реализуется с помощью определённых дискурсивных (вербальных и невербальных) средств [4]. Степень интенсивности диалогичности связана с традициями коммуникативной культуры, принятыми в том или ином лингвокультурном социуме. Прежде всего, риторические традиции англоязычного мира обусловлены воздействием коммуникативных моделей, типичных для низкоконтекстуальной культуры индивидуалистов, что находит максимально чёткую вербализацию авторами своей идентичности в дискурсе [6]. Во-вторых, англоязычный академический дискурс имеет высокую конкурентоспособность в мировой академической среде, что, по-сути, и обусловливает его насыщенность средствами диалогичности, к которым относятся такие языковые единицы, как инклюзивные местоимения, директивы, ссылки на общеизвестную информацию, пояснительные вставки, вопросы [7].

Обобщение научно-теоретических источников исследований научного дискурса в проекции на проанализированный эмпирический материал позволяют сделать следующие выводы.

Дискурсивными средствами реализации диалогичности в лекциях Д. Кристала являются РА приветствия и прощания, вопросительные и повелительные структуры, структуры с местоимениями *you, I, we* и др.

Наиболее продуктивным средством диалогизации, т.е. намеренного наделения монологической речи чертами диалога, лекции Д. Кристала являются вопросительные предложения. Придание вопросам стратегического характера может быть объяснено их высоким прагматическим потенциалом в академической речи [5].

Анализ эмпирического материала позволил выявить такие интенции говорящего при постановке вопроса: вопрос для активизации коммуникации; вопрос для стимуляции размышлений; вопрос для осмысления \ анализа собственных взглядов; вопрос для реализации фатических целей, таких как привлечения внимания, установления контакта, поддержки \ сохранения общения, создания позитивного настроения, выражения интереса к мнению адресата.

Основными типами вопросов в лекциях Д. Кристала являются уточняющие, конкретизирующие (вопрос-утверждение), риторические, которые, в свою очередь, являются открытыми или закрытыми вопросами. Уточняющие вопросы (как правило, по структуре они представляют собой разделительные вопросы) предполагают короткие лаконичные ответы. Цель уточняющих вопросов – восстановить опущенную информацию, выяснить личное представление собеседника о каком-то вопросе, перепроверить сказанное. Например: *So, text messaging is 160 characters, isn't it? Very introvert, isn't it?* [9] С помощью вопроса-утверждения Д. Кристал проверяет заинтересованность слушающего или ищет подтверждение своему мнению: *Anybody read other people's tweets very much?* [9]. Или лектор сам дает ответ на поставленный вопрос: ***You get it****? Heineken refreshes the parts; Heineken refreshes the pie ruts.;* ***You know*** *what the slogan is now? «The pilots are the beers do not reach»* [8]. С помощью риторических вопросов Д. Кристал стремится привлечь \ усилить внимание адресата к предмету обсуждения, что способствует интерактивности лекции. Например, *Who would have predicted 1000 years ago that Latin would no longer be used in 1000 years time?* [8]. Риторические вопросы придают лекции, с одной стороны, большей экспрессивности, с другой, обеспечивают интерактивность общения, например: *And for people who ask that question, implicit in it, I think is the question what English will it be that continues for a while to be the global language?* [8].

Открытые вопросы, так называемые «why-questions»: *What about…? What do you think about …? What is it? When did that come in?* и т.п., которые традиционно используются для акцентирования внимания на отдельных информационных частях высказывания, в лекциях Д. Кристала служат как элемент повествования, повествования эмоционально насыщенного, направленного на адресата, например, *Later I ask my host,* ***what*** *did I say*

wrong? And he explained, ***can any of you guess? What*** *did I do wrong?* ***What*** *have I not understood culturally to do with streets and street numbering in that part of Europe?* [8]. Закрытые вопросы, традиционно требующие подтверждения в формате «да» или «нет», остаются без ответа, по сути, выполняя фатическую функцию привлечения внимания: *And are you aware that there's a Twitter storm going on at the moment?* [9].

Проведенный анализ показал, что вопросительные структуры являются одной из наиболее эффективных тактик для трансформации монологической лекции в диалогическое общение, поскольку прагматическая установка вопросов способствует взаимодействию между адресантом и адресатом.

С целью создания впечатления общности интересов, взглядов говорящего и адресата используются местоимения *I \ me, you, we*, структуры y*ou know,* y*ou have to know* и т.д. Например, *So, the center of gravity has shifted in the last 50 years, from people like* ***me*** *who have English as a first language to people like many of* ***you*** *who have English as a second language, or foreign language* [8]. ***Some of you*** *will think it's simply a metaphorical expression of some kind. But no, of course it isn't.* [8]*; Wherever* ***you*** *go, these differences are culturally important* [8]. Обращение к личному опыту\ знаниям адресата: ***You know****, he has a wooden leg.* ***You know****, he has a crutch?* ***You know****, he has an eyepatch?* ***You know****, he has a hook for a hand? It's broken.* ***You kno****w he has a parrot?* [8]. *So, if* ***we*** *allow, say, 2/3 of them in as competence speakers of English* [8]. *For that one, of course,* ***you*** *need a little bit of cultural background* [7]. ***You have to know*** *that it's a phrase associated with buying a second-hand car, which has had only one careful lady owner, and therefore it's going to be a lovely condition* [8]. Речевые акты с местоимениями *I\we\you* как бы создают круг «своих», что является очень важным для англоязычной коммуникативной культуры.

С помощью повелительных структур лектор управляет общением, сохраняя контакт с аудиторией: ***Notice****, what are you doing?* [8]*;* ***Let's do*** *a quick thought experiment* [8]. ***Think*** *of the technologies of the past, printing arrives in the 15th century* [9]. *And* ***look*** *at the style of a newspaper with its headlines and all the cartoons and the captions and the editorials and all the things* ***you*** *now know about a newspaper* [9]. ***Think*** *twice about it* [8]. Повелительные структуры, несмотря на свою природную токсичность, в академическом дискурсе активно способствуют налаживанию диалога между лектором и адресатом, реализуя коммуникативную функцию языка в диалоге.

РА приветствия помимо конвенциональных формул могут содержать и неконвенциональные, в частности языковые единицы, порождающие юмор. Например, приветствуя огромную аудиторию, собравшуюся в зале, Д. Кристал использует прецедентное имя *Marks and Spencers* – название престижной, известной во всем мире, британской компании в сфере

розничной торговли, заявляя, что компания в ярости, так как аудитория отдала предпочтение его лекции (*Marks and Spencers are furious about this being upstaged in this way*, буквально: ‘*компанию отодвинули на второй план’*) [8]. Такое метафорическое сравнение вызывает смех в зале и создает благоприятную атмосферу для продолжения общения. РА прощания, как правило, носят конвенциональный характер, иногда может реализоваться через РА благодарности.

Таким образом, диалогичность является неотъемлемым текстообразующим признаком академической лекции, пронизывая все ее содержательно-композиционные части, а лекции Д. Кристала демонстрируют особенности национального англоязычного коммуникативного поведения, в том числе и национального стиля научной коммуникации. Рассмотренные дискурсивные средства реализуют принципы речевой кооперации и способствуют взаимодействию говорящего с адресатом, тем самым подчеркивая диалогический характер лекции.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. К 100-летию со дня рождения М. М. Бахтина / М. М. Бахтин. – 5-е доп. – Киев : Next, 1994. – 509 с.
2. Бурмакина, Н. Г. Академический дискурс в теории институциональных дискурсов [Текст] / Н. Г. Бурмакина // Язык. Культура. Общество. – 2010. – № 2. – С. 21–27.
3. Кишко, С. Н. К вопросу модерации высказывания в академическом дискурсе / С. Н. Кишко // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 155–157.
4. Хутыз, И. П. Диалогичность как средство управления вниманием адресата / И. П. Хутыз // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 301–309.
5. Чернявская, В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. / В. Е. Чернявская – Изд. стереотип. – Москва, 2017. – 240 с.5.
6. Hall, E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. – New York, Anchor Books, 1976. – 320 p.
7. Hyland, K. Academic Discourse / K. Hyland. – New York, Continuum, 2009. – 256 p.

Источники иллюстративного материала

8. The future of Englishes. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=MqqlSb9uGUQ
9. The effect of new technologies on English. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=qVqcoB798Is

УДК 372.881.111.1

ФЕНОМЕН ТЕОРИИ АРХЕТИПОВ: РУССКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ

Колодиенко Е.А., ORCID 0009-0001-5745-0825
ГБПОУ КК «Краснодарский педагогический колледж», г. Краснодар, РФ
kolodiienkoelena92@gmail.com

Введение. Изучение феномена культурного архетипа проводится учёными по всему миру на протяжении многих столетий. С каждым годом понятие «архетип» становится все более многогранным и насыщенным, так как человеческая культура продолжает эволюционировать.

Цель. Выявление общих и отличительных черт архетипов, что может способствовать лучшему пониманию культурных различий и сходств между Россией и США.

Основная часть. В психологии архетип представляет собой древний и универсальный образ, который существует в коллективном бессознательном человечества. Этот образ передаётся из поколения в поколение на протяжении тысячелетий и оказывает влияние на действия и поведение людей. Архетипы проявляются в различных аспектах духовной жизни через символы и образы, которые содержат скрытый смысл и требуют соответствующей интерпретации.

Понятие архетипа рассматривается с разных точек зрения. С позиций философии материализма теория архетипов трактуется в рамках идеи о материальном единстве мира. Любая культура формируется и развивается в процессе коллективного освоения мира, и потому в различных культурах встречаются одни и те же символы: жизни и смерти, порядка и хаоса, мужского и женского начал.

Архетипы впервые ярко проявились в мифологии – древней форме осмысления и описания реальности. Это отметил и Карл Юнг, создатель развёрнутой теории архетипов [3]. Согласно его теории, архетипы представляют собой фундаментальные элементы психики, которые находятся в коллективном бессознательном, общему для всего человечества. Эти архетипы передаются из поколения в поколение, подобно физическим чертам, и служат основой для формирования человеческого опыта. Они являются первичными образами и универсальными символами, которые находят своё отражение в мифах, фольклоре и культурных традициях различных народов. Архетипы помогают объяснить общие темы и мотивы, которые присутствуют в человеческих историях и верованиях, подчёркивая связь между людьми на глубоком психологическом уровне [6, с. 10–25].

Однако многие культурологи и литературоведы выступают против генетического подхода к архетипам. Л.Б. Переверзев рассматривает архетипы как динамичные схемы и шаблоны, проявляющиеся в поведении и творчестве людей на протяжении времени и в разных культурах. Он подчёркивает, что архетипы адаптируются к историческим и культурным контекстам, сохраняя при этом универсальность и отражая общие человеческие переживания. Таким образом, архетипы связывают культуры и помогают понять изменения в обществе и индивидуальном сознании [5].

Г.Д. Гачев рассматривал архетип как важный элемент художественной культуры, отражающий образные представления о мире и роль человека в нём. Он утверждал, что каждая культура имеет уникальный культурный код, включающий цивилизационные и национальные идеи, архетипы и особенности менталитета. Этот код формирует культурно-исторический тип, охватывающий целые цивилизации. Архетипы определяют идентичность и ценности народа, его мировосприятие и взаимодействие с окружающим миром, что помогает глубже понять динамику культурного развития и связи между цивилизациями [2, с. 12].

Космо-Логос США основывается на представлении о мире как результате труда, который преодолевает природу. Эта культура формировалась неестественным образом, как в Евразии, а была искусственно создана усилиями переселенцев. В ней преобладает индивидуализм, а не единство, что находит отражение в девизе страны: E Pluribus Unum («Из многих – единое»). В отличие от народов Евразии, американское население не представляет собой этнический народ, а является совокупностью иммигрантов. Переселенцы не смешались с коренными жителями, а уничтожили их, что контрастирует с латиноамериканской моделью. Таким образом, истребление индейцев стало основой американской цивилизации [1].

Ключевым элементом американского архетипа становится труд как высшая ценность. В американской культуре труд – это праздник действия, а не обязанность. Безработица воспринимается как трагедия, и трудовая занятость становится навязчивой идеей. Исторически эта установка закрепилась в протестантской этике, согласно которой Бог благословляет homo faber – трудящегося человека [1, с. 194].

Природа в американском восприятии изначально рассматривается как ресурс и сырьё, предназначенное для эксплуатации и переработки. Идея свободы, которая занимает центральное место в американской культуре, часто предшествует более глубокому осмыслению связи с природой. На протяжении времени американцы начали осознавать природу не только как источник материальных благ, но и как важный элемент экосистемы, который нуждается в защите и уважении. Это осознание привело к развитию экологического сознания, что стало особенно актуальным в последние десятилетия. Таким образом, американское восприятие природы

эволюционировало от чисто утилитарного подхода к более комплексному и сбалансированному отношению [1].

В Евразии – и особенно в России – жизнедеятельность человека тормозится воздействием природы. Природа оказывает угнетающее воздействие, отсюда и застенчивость, склонность к церемониальности, страх быть осмеянным (например, у французов), сдержанность (у англичан), ритуальность (в Китае и Японии). Для американца это нехарактерно – он свободен, раскован, не боится показаться смешным. Это сближает его с европейским архетипом «естественного человека» и русским архетипом «Ивана-дурака». Однако в отличие от русского «авось», американец действует целенаправленно, рационально, а не наугад [4].

Русский человек, напротив, не может рассчитывать на стабильность природы, а потому действует интуитивно, эмоционально. В условиях сурового климата и непредсказуемой природы формируется особый подход к жизни – поклонение перед природной стихией, уважение к её силе, но также вера в случай и удачу [4].

Соборность является ключевой чертой русского архетипа, в отличие от американского индивидуализма. Русская культура ценит коллективизм, равенство и справедливость выше личной свободы, а в принятии решений важную роль играют общественное мнение и традиции [1].

Общим элементом для обоих архетипов является восприятие пространства. В США оно воспринимается как поле возможностей, символом чего служат небоскрёбы, тогда как в России пространство ассоциируется с бескрайностью и незавершённостью, что Г.Д. Гачев обозначал знаком бесконечности [1].

Заключение. Понимание архетипов способствует межкультурному диалогу и уважению к разнообразию традиций. В итоге, теория архетипов становится важным инструментом для анализа художественных произведений и социальных процессов в обществе.

Список литературы

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством / Г. Д. Гачев. – М.: Раритет, 1997. – 676 с. – ISBN 5-85735-053-0.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М., 1995. – 480 с. – ISBN 978-5-902768-09-8.
3. Иудин, А. А. Архетипы в брендинге: специфика русской культурной традиции. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2008. – 36 с. – ISBN 978-5-93116-099-3.
4. Культурология: Учебное пособие / Под ред. проф. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М, 2003. – 432 с. – ISBN 5-98281-003-7.
5. Переверзев, Л. Б. Проектная мифопластика предметного мира жилища как комплексного объекта // Художественное моделирование комплексного объекта. Труды ВНИИТЭ, серия Техническая эстетика. Вып. 31. М., 1981. – 37 с.
6. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс СП «ИВО-СИД», 991. – ISBN 5-7664-0462-X.

УДК 81.42

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ МИЛИТАРИЗАЦИИ ДИСКУРСА В ПУБЛИКАЦИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

***Кузьминская С.И.*[1],** канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-9335-3409,
***Аблеев С.С.*[2],** ORCID 0009-0004-0532-989X
[1]ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
kuzminskaya-si@ranepa.ru, ableevsimon@yandex.ru

Введение. В англоязычном политическом дискурсе значительное распространение получили языковые манипуляции, связанные с военной тематикой. Данный вид манипуляций стал встречаться с большой частотой после начала специальной военной операции на Украине, когда в западных средствах массовой информации развернулась масштабная кампания по очернению России и её политического руководства.

Цель нашего исследования – выявить основные тактики, используемые политиками и СМИ коллективного Запада для реализации стратегии милитаризации дискурса. Исследование проводилось на основании высказываний западных политических деятелей и публикаций СМИ в 2022–2025 гг.

Основная часть. Стратегия милитаризации дискурса направлена на привлечение внимания общества к возможным военным конфликтам и увеличение количества публикаций по военной тематике в СМИ. Она реализуется для повышения военной тревожности населения и подготовки массового сознания к принятию тех или иных непопулярных решений. Рост числа публикаций в СМИ и высказываний, в которых обнаруживается данная стратегия, связан с обострением политического противостояния между Россией и коллективным Западом в ходе конфликта на Украине.

В рамках стратегии милитаризации дискурса используется ряд манипулятивных тактик. Под манипулятивной тактикой мы понимаем «*речевое действие, направленное на скрытое внедрение в сознание адресата установок, выгодных манипулятору»* [3, с. 49]. Манипулятивные тактики, как правило, включают в себя определенный набор языковых средств, необходимых для успешного воздействия на адресата.

Одной из тактик является насыщение дискурса лексикой, принадлежащей к семантическому полю «война». Цель данной тактики – повышение военной тревожности населения и настраивание общественного мнения против России, назначенной элитами Европы и США на роль абсолютного врага. Например, в статье, составленной на основе речи командующего ВВС США, используются лексемы «*war*», «*nuclear war*»,

словосочетания «*ready for war*» и «*prepare for the next war*» [4]. Повторение словосочетаний с лексемой «war» призвано создать у аудитории представление о неминуемости военного столкновения России и Запада и привести её к мысли о необходимости готовиться к войне.

Можно предположить, что высказывания такого рода направлены также на оправдание роста военных расходов в условиях нарастающих экономических трудностей в Европе и США. Помимо лексемы «war», в публикациях появляются такие лексемы как «military», «defense», «weapons» и т.д. [5]. Заметим, что данные лексические единицы употребляются не только в публикациях по сугубо военной тематике, но и в более широком круге статей, освещающих внешнюю политику России и меры, принимаемые США и европейскими государствами для её «сдерживания».

Для усиления манипулятивного эффекта в высказывания зачастую включается глагол в повелительном наклонении или в сочетании с модальным глаголом долженствования, который «подсказывает» обществу, что необходимо делать [1]. В заявлении ещё одного американского генерала, возглавляющего войска США в Европе, можно обнаружить такие сочетания как «*NATO must prepare for dual war with Russia and China*» или «*NATO alliance should prepare*», содержащие глагол действия в сочетании с модальным глаголом [5]. В данном случае указанные глаголы необходимы для привлечения внимания европейского общества к возможному военному конфликту и легитимизации в его глазах увеличения трат на военное производство в странах Евросоюза.

Другая распространенная тактика – использование стилистических средств для конструирования «образа врага». Стилистические средства являются мощным манипулятивным инструментом, способным вызывать эмоциональный отклик у аудитории. Во многих публикациях, посвящённых противостоянию коллективного Запада и России, можно обнаружить тропы, которые необходимы для создания ярких и легко запоминающихся образов.

В частности, для демонизации России и её политического руководства применяются метафоры, которые необходимы для создания у населения образа идейного противостояния Европы и России [2]. В одной из статей журнала «The Economist», описывающей конфликт на Украине можно найти метафору «Putin’s hunger to destroy», которая призвана создать у англоязычного читателя негативный образ российского президента [6].

В другой публикации этого же издания используется эпитет «besieged economy» для поддержания у аудитории уверенности в том, что российская экономика находится в плачевном состоянии [7]. Отметим, что стилистические средства обычно сочетаются с описанной выше тактикой насыщения дискурса «военной» лексикой, что усиливает манипулятивный потенциал высказывания.

Заключение. Таким образом, стратегия милитаризации дискурса необходима для внедрения в массовое сознание образа военной угрозы и

оправдания военных приготовлений. Для реализации этой стратегии применяются тактики насыщения дискурса лексикой, принадлежащей к семантическому полю «война», и стилистическими средствами.

Список литературы

1. Даренская И.В. Использование стилистики текстов общественно-политического дискурса для милитаризации сознания: возможности реализации сравнительно-исторического анализа в учебном процессе // Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – С. 49–56.
2. Долгова Е.В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе // Филология и человек. – 2018. – №1. – С. 19–30.
3. Копина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 176 с. – ISBN 978-5-9765-0060-0.
4. Chan R. US Air Force Chief's Stark Warning About War With Russia and China // Newsweek [Эл. ресурс]: 2024. 26 ноября. – URL: https://www.newsweek.com/us-news-air-force-chief-stark-warning-about-war-russia-china-1991619 (дата обращения: 22.09.25)
5. "NATO must prepare for dual war with Russia and China," warns US commander // Telegraphi [Эл. ресурс]: 2025. 20 июня. – URL: https://telegrafi.com/en/nato-duhet-te-pergatitet-per-lufte-te-dyfishte-rusine-dhe-kinen-paralajmeron-komandanti-larte-amerikan-ne-evrope/ (дата обращения: 27.09.25)
6. Putin's hunger to destroy Western unity rages on // The Economist [Эл. ресурс]: 2025. 19 августа. – URL: https://www.economist.com/europe/2025/08/19/putins-hunger-to-destroy-western-unity-rages-on (дата обращения: 29.09.25)
7. Russia's besieged economy is clinging on // The Economist [Эл. ресурс]: 2025. 21 сентября. – URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/2025/09/21/russias-besieged-economy-is-clinging-on (дата обращения: 27.09.25)

УДК 811.111

РЕАЛИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

***Максимчик О.А.*[1],** канд. фил. наук, доц., ORCID 0009-0002-7412-0032,
***Головина П.А.*[2]**

[1]ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», г. Самара, РФ

[2] ЧОУ «Лицей №1 «Спутник», г. Самара, РФ

maksimchik@pgsga.ru, golovina.polina@sgspu.ru

Введение. В современном мире взаимовлияние языка и культуры выступает одним из ключевых аспектов исследований в области лингвокультурологии, что подчеркивает неразрывную связь языковой картины мира с культурными ценностями, которая наиболее отчетливо отражается в лингвокультурных реалиях. Несмотря на многообразие

современных научных исследований, посвященных вопросам изучения реалий, в основном в них акцент ставится на проблеме их перевода и активизации, в то время как проблемы изучения реалий в интерлингвокультурологическом аспекте остаются малоизученными, чем определяется *актуальность* настоящего исследования.

Цель работы – ввести понятие «реалии русской лингвокультуры», описать некоторые проблемы их изучения, предложить тематический подход к их упорядочиванию и представить результаты экспериментального исследования.

Основная часть. Ввиду того, что языковые реалии представляют одну из самых серьезных трудностей при межкультурной коммуникации, возникает необходимость передачи блока культурных знаний в язык реципиента посредством иноязычных наименований реалий. В. В. Кабакчи, описывая *реалии русской культуры* [2], рассматривает их с точки зрения интерлингвокультурологии – междисциплинарной лингвистической дисциплины, которая изучает язык в его вторичной культурной ориентации. Развивая данное понятие, под *реалиями русской лингвокультуры (РРЛК)* мы понимаем англоязычные наименования языковых единиц, обозначающих предметы и явления русской культуры, связанных с различными сферами жизни, т.е. реалии в интерлингвокультурологическом аспекте *(e.g. the Sea of Azov, the Central Bank, the State Tretyakov Gallery, Tatars, Pushkin, etc.)*.

Рассматривая лингвистические проблемы изучения РРЛК, следует отметить проблему их упорядочивания, вызванную отсутствием инвентаря реалий. Посвященные им лексикографические источники не вполне отвечают задачам настоящего исследования. Большой лингвострановедческий словарь «Россия» [4] включает русскоязычные реалии, а значит возникает проблема их передачи на английский язык. Содержащий значительное количество РРЛК на английском языке словарь русской культурной терминологии В. В. Кабакчи [1], изданный в 2002 году, нуждается в актуализации. Кроме того, мы полагаем, что использование тематического, а не алфавитного принципа упорядочивания реалий будет способствовать их более полному освещению. Приведем пример реализации тематического подхода к классификации РРЛК. Так, в теме *Достопримечательности России / Russian sights* можно выделить следующие подтемы:

Природные объекты / Natural objects *(Lake Baikal, the Altai Mountains, the Valley of Geysers and Volcanos of Kamchatka, etc.)*

Парки и сады / Parks and gardens *(the Summer Garden, the Field of Mars, etc.)*

Музеи, памятники и мемориалы / Museums, monuments and memorials *(the Kremlin Armoury, the Hermitage, the Kunstkamera, etc.)*

Площади и дворцы / Squares and palaces *(Red Square, Palace Square, Peterhof Palace, etc.)*

Религиозные строения / Religious buildings *(Saint Isaac's Cathedral, the Central Juma Mosque of Makhachkala, St. Sophia Cathedral, etc.)*

С целью актуализации инвентаря реалий и отображения современного образа России через РРЛК, было проведено экспериментальное исследование – опрос среди 32 студентов факультета иностранных языков СГСПУ. Респондентам было предложено привести примеры реалий в рамках 14 тематических блоков. Был получен корпус из 533 единиц. Для визуализации образа России мы составили тематические облака реалий с применением сервиса Wordclouds. Приведем пример облака реалий к теме “Russian literature and folklore” (рис. 1).

Рис. 1. Облако реалий темы “Russian literature and folklore”

Облака по другим темам размещены на разработанном нами на базе сервиса Google-сайты цифровом ресурсе Россиеведение. Russian Studies [3] в разделе «Облака реалий».

Лингвистический анализ полученных в результате опроса реалий позволяет выделить ономастические реалии, выраженные топонимами *(e.g. Baikal, the Ural Mountains, Siberia)* и антропонимами *(e.g. Peter the Great, Vladimir Lenin, Ivan the Terrible)*; апеллятивные реалии, включающие важные для культуры имена нарицательные *(e.g. tundra, balalaika, samovar)*; реалии-ассоциации, представленные словами-символами, фразеологизмами, вегетативной и анималистической лексикой *(e.g. chamomile, bear, white, etc.)*.

Что касается состава реалий, в корпусе присутствуют однословные реалии, выраженные именами существительными *(e.g. Domovoy)*, глаголами *(e.g. to dekulakize)*, прилагательными *(e.g. Orthodox)* и аббревиатурами *(e.g. KGB, USSR, RF, etc.)*. Также встречаются реалии-словосочетания *(e.g. Red Square, the two-headed eagle, the Trans-Siberian Railway)*, содержащие разное количество компонентов, и реалии-предложения *(e.g. Don’t teach a learned one, “And Quiet Flows the Don”)*.

Предложенный тематический подход к изучению РРЛК и проведенное экспериментальное исследование позволили уточнить инвентарь РРЛК и описать их некоторые лингвистические особенности, а современные ИКТ-средства – визуализировать их в виде облаков реалий.

Заключение. Таким образом, мы определили ряд проблем изучения РРЛК в интерлингвокультурологическом аспекте и предложили некоторые подходы к их решению, однако проблема описания РРЛК далека от своего окончательного решения, и мы надеемся внести вклад в дальнейшие изыскания в данной области.

Список литературы

1. Кабакчи, В. В. The Dictionary of Russia (2500 cultural terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В. В. Кабакчи. – СПб.: Издательство «Союз», 2002. – 576 с.
2. Кабакчи, В. В. Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре / В. В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1(45). – С. 16-22. – EDN VBCXHF.
3. Россиеведение. Russian Studies. – URL: https://sites.google.com/view/rossievedenie?usp=share_link (дата обращения: 01.10.2025).
4. Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / В. И. Борисенко, Ю. А. Вьюнов, С. К. Милославская [и др.]. – Москва: АСТ-Пресс, 2007. – 736 с. – ISBN 978-5-462-00590-9. – EDN QUPLQV.

УДК 811.112.2’42

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СЪЕЗДЕ 2024 ГОДА

Мифтахова О.В., ORCID 0009-0000-9252-2305
ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», г. Луганск, РФ
olga_miftakhova@mail.ru

Введение. Публичные выступления – это устная речь перед целевой аудиторией. Это своего рода суперсила, которая позволяет оратору высказывать свои мысли, информировать, вдохновлять, транслировать определенные эмоции. Публичные выступления могут быть академическими, социальными, политическими, религиозными, судебными. Каждому виду публичных выступлений присущи свои цели, формы подачи информации, лингвистические особенности, эмоциональный окрас. Безусловно, свою лепту в успешность или провал публичного

выступления вносит оратор, поскольку его основная задача – установить контакт с реципиентами.

Политическое публичное выступление апеллирует к широкой аудитории. При реализации политического публичного выступления оратору необходимо не только донести актуальные нарративы, но также убедить аудиторию в правдивости излагаемых нарративов, обозначить свою позицию, создать эмоциональный фон.

В мире публичных выступлений Дональд Трамп занимает важное место – он известен своей манерой говорить и тем влиянием, которое он оказывает, нравится это людям или нет. Он не просто оратор, он умеет использовать слова так, чтобы заинтересовать людей, даже если они не всегда с ним согласны.

Стиль общения Трампа в первую каденцию президентства, особенно в социальных сетях, был беспрецедентным и вызывал как поддержку, так и осуждение. Его президентство также сопровождалось двумя процедурами импичмента: в 2019 и 2021 годах, что усилило поляризацию его правления.

У Дональда Трампа много публичных выступлений, которые характеризуются связью с аудиторией посредством использования инклюзивных местоимений мы/вы, созданием ощущения общей цели и вовлеченности, четкостью и простотой изложения сути затрагиваемых тем, способностью четко формулировать конкретные политические цели, яркостью и экспрессивной стилистикой.

Проанализировав выступления Дональда Трампа, можно выделить некоторое количество советов, как успешно провести публичные выступления: важно быть собой, не стоит усложнять, необходимо выделять и повторять основные мысли, говорить от чистого сердца, используя эмоции, контактировать с аудиторией [1].

Цель исследования – с помощью предвыборной речи Дональда Трампа 2024 года рассмотреть, как он реализует стратегии и тактики политической риторики в выступлении.

Основная часть. Предвыборная речь Дональда Трампа на Республиканском национальном съезде состоялась аккурат после покушения на него во время субботнего митинга. Открыл свое мероприятие Дональд Трамп как раз с повторяющимися словами благодарности собравшимся:

Let me begin this evening by expressing my gratitude to the American people for your outpouring of love and support following the assassination attempt at my rally on Saturday.

Позвольте мне начать этот вечер с выражения благодарности американскому народу за вашу любовь и поддержку после покушения на меня во время субботнего митинга.

Thank you very much.

Большое вам спасибо.

Thank you very, very much.
Большое вам, огромное спасибо.
Thank you [2].
Спасибо.

На этапе приветствия используется тактика благодарности, когда при реализации актов позитивной оценочности ожидается повышенный уровень внимания и доверия со стороны адресата. Тактика благодарности предполагает манипулятивное воздействие на свою аудиторию.

Friends, delegates and fellow citizens. I stand before you this evening with a message of confidence, strength and hope. Four months from now, we will have an incredible victory, and we will begin the four greatest years in the history of our country.

Together, we will launch a new era of safety, prosperity and freedom for citizens of every race, religion, color and creed [2].

Друзья, делегаты и сограждане. Сегодня вечером я обращаюсь к вам с посланием, полным уверенности, силы и надежды. Через четыре месяца мы одержим невероятную победу и начнем четыре величайших года в истории нашей страны.

Вместе мы откроем новую эру безопасности, процветания и свободы для граждан всех рас, религий, цветов кожи и вероисповеданий.

Тактика оптимистического прогнозирования как элемент стратегии убеждения – неотъемлемая составляющая политического дискурса 45-го и 47-го президента США. На тот момент он уверен в своей победе, в восприятии аудитории создается картина будущего, в которой успех уже предопределен. Эту тактику реализуют такие концепты, как *incredible victory / невероятную победу, the four greatest years in the history of our country / четыре величайших года в истории нашей страны, a new era of safety, prosperity and freedom / новую эру безопасности, процветания и свободы.*

As you already know, the assassin's bullet came within a quarter of an inch of taking my life. So many people have asked me what happened. "Tell us what happened, please." And therefore, I will tell you exactly what happened, and you'll never hear it from me a second time, because it's actually too painful to tell [2].

Как вы уже знаете, пуля убийцы была всего в четверти дюйма от того, чтобы лишить меня жизни. Так много людей спрашивали меня, что произошло. «Расскажите нам, пожалуйста, что произошло». И поэтому я расскажу вам, что именно произошло, и вы никогда не услышите этого от меня во второй раз, потому что на самом деле это слишком больно, чтобы говорить об этом.

В этой части выступления применяется стратегия театральности, цель которой – впечатлить адресата, повлиять на сознание масс. Подобная стратегия предполагает драматизацию политического посыла через эмоциональную подачу и перформативный контент. Особенностью имплементации театральной стратегии в этой части выступления является

задействование нескольких тактик, которые осуществляют данную стратегию: тактика единения, тактика обещания и частично тактика побуждения, поскольку имплицитно подразумевается принятие общей точки зрения.

This is a shame, what this administration, the damage that this administration has done. And I say it often. If you took the 10 worst presidents in the history of the United States. Think of it. The 10 worst. Added them up, they will not have done the damage that Biden has done. Only going to use the term once. Biden. I'm not going to use the name anymore. Just one time. The damage that he's done to this country is unthinkable. It's unthinkable [2].

Это позор, то, что сделала эта администрация, тот ущерб, который она нанесла. И я часто это говорю. Если взять 10 худших президентов в истории Соединённых Штатов. Подумайте об этом. 10 худших. Если их сложить, они не нанесут такого ущерба, как Байден. Я использую этот термин только один раз. Байден. Я больше не буду использовать это имя. Только один раз. Ущерб, который он нанес этой стране, невообразим. Это невообразимо.

В данной части выступления четко прослеживается стратегия понижения, которая направлена на дискредитацию и ослабление позиций политического противника. Данная стратегия выражена через тактики обвинения и обличения.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что любое политическое публичное выступление реализуется посредством использования стратегий и тактик политического дискурса, поскольку цель подобного выступления заключается не только в передаче информации, но и эмоциональном воздействии, побуждении аудитории к определенным действиям.

Список литературы

1. Analyzing Donald Trump's Speeches for Public Speaking Tips [Электронный ресурс] – URL: https://franticallyspeaking.com/analyzing-donald-trumps-speeches-for-public-speaking-tips/ (дата обращения: 11.09.2025).
2. Donald J. Trump's R.N.C. 2024 Election Speech (19.07.2024) [Электронный ресурс] – URL: https://advocatetanmoy.com/donald-j-trumps-r-n-c-2024-election-speech/ (дата обращения: 14.09.2025).

УДК 615.849

МЕХАНИЗМ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Морозенко Е.А., ORCID 0009-0009-2962-3627
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elena.morozenko82@list.ru

Введение. Данная работа посвящена описанию особенностей семантической деривации оценочных прилагательных в английском языке. Проанализированы разные подходы к изучению механизмов семантической деривации прилагательных. Описаны основные механизмы изменения значения прилагательных в ходе развития языка.

Целью данного исследования является описание механизмов семантической деривации оценочных прилагательных с семой «характер» в английском языке.

Основная часть. Проблема эволюции лексических единиц и, в частности, имен прилагательных по-прежнему является актуальной в связи с широким распространением системного подхода применительно к лексико-семантическому уровню языка и появлением новых лингвистических парадигм. Исследование оценочных прилагательных в рамках диахронического подхода позволяет установить и описать особенности эволюционных изменений, механизмов и их результатов. Наличие в языке специфических способов, которые выражают процесс возникновения оценочного значения, свидетельствует о значимости категории оценки в лингвистике.

Человек постоянно оценивает себя, других людей, окружающую его действительность, выражая свое отношение разнообразными средствами в процессе коммуникации. Как показывает исследование, одними из наиболее продуктивных лексических средств выражения оценки являются прилагательные. Имена прилагательные подвергаются значительным семантическим изменениям в связи с переменами в реальной жизни, вместе с тем, они, легко приспосабливаясь, к выражению новых значений, лучше сохраняются как лексемы в истории языка [2].

Необходимо отметить, что полисемия является одним из когнитивных механизмов языка, поскольку сам процесс образования новых значений является одним из способов концептуализации нового опыта. Возникновение оценочного значения как одного из самых важных путей семантической деривации и его переход в употребление отображает беспрерывность процесса познания, что является общим принципом когнитивной деятельности человека. Образование оценочного значения базируется на семантическом потенциале слова [5].

Как свидетельствует исследование эмпирического материала, большинство оценочных прилагательных являются многозначными. Например: *ill (of a person) – morally evil, wicked, depraved, immoral* ‘злобный, испорченный, извращенный, аморальный’ (arch. ME); 2. *Malevolent, hostile, unkind, harsh* ‘жестокий, недружелюбный, злой, суровый’ (ME); 3. not in a good health, sick (of health) ‘больной' (LME - NE) [8].

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что одним из источников оценки может являться внутренняя форма слова. В данном исследовании мы руководствуемся концепцией А.А. Потебни, который рассматривает внутреннюю форму слова как самое близкое этимологическое значение слова, способ, которым выражается содержание. Слово выражает не все содержание понятия, а один из признаков, который в мировоззрении народа является самым главным [5]. По результатам исследования именно внутренняя форма является мотиватором для образования оценочного значения. Например: *Fair* "справедливый" [Old English *fäger "beautiful"* "красивый'= Old Saxon, Old High German f*agar* "*beautiful",* Gohic fagrs "*fil*" "подходящий" from Germanic]. – 1. *pleasing to sight, smell, hearing, (of a person, esp. woman) beautiful* "приятный взгляду, на запах, слух; (о человеке, особенно женщине) красивый" arch. (OE); 2. *(of a person) just, unbiased, equitable, impartial*; "справедливый, беспристрастный, объективный, непредвзятый" (ME) [9].

Как свидетельствует пример, этимологическая информация позволяет понять внутреннюю форму слова, которая в приведенном примере помогает осмыслению семантики слова fair и в особенности мотивации оценочного значения. Также интересным является тот факт, что внутренняя форма слова позволяет выявить положительную окраску оценочного значения.

Имя прилагательное имеет сложную семантическую структуру, что позволяет проследить возникновение и развитие оценочного компонента, который входит в состав его семантической структуры. Анализ материала свидетельствует о том, что в значениях оценочных прилагательных происходят определенные семантические изменения благодаря сосуществованию нескольких сем в семантике слова. В семантической структуре каждой единицы можно выделить архисему «характер», дифференциальную сему «черта характера» и сему оценки со знаком «-» или «+».

Анализ материала показал, что наиболее продуктивным механизмом деривации оценочных прилагательных с семой «характер» является метафоризация, в результате чего денотативное значение расширяется, а коннотативное значение приобретает признаки пейорации. Например: *sour* ‘кислый’ – 1. *Having a tart or acid taste, as of unripe fruit, lemon, vinegar* ‘едкий или кислый вкус как у неспелого фрукта, лимона, уксуса’ (OE), 2. *of food (esp. milk or bread) acidic as a result of fermentation; bad, fermented* ‘о еде (особенно о молоке или хлебе) кислый в результате ферментации; плохой, забродивший’ (ME); 3. *of a person, a person’s disposition etc.: harsh, sullen,*

morose “о человеке, поведении: грубый, угрюмый, замкнутый” (ME). *Dowf* ‘унылый’ – 1. *Of a sound or (formerly) the weather: dull* ‘о звуке (раннее о погоде): пасмурная’ (OE); 2. *Of a person - lacking spirit or energy; gloomy* ‘о человеке, которому не достает энергии и силы духа; унылый’ (ME – NE) [9]. Расширение значения происходит в результате ассоциативного переноса. В производном значении возникает дифференциальная сема «черта характера» и оценочная сема со знаком «–».

Заключение. Эволюция семантики оценочных прилагательных происходит благодаря механизмам метафоризации и метонимизации, в результате денотативное значение расширяется или сужается, а коннотат приобретает признаки амелиорации или пейорации. Количественный анализ показал, что наиболее продуктивной моделью развития оценочного значения является модель, где значение развивается от нейтрального к отрицательному и возникает в производном значении полисемантичного слова в результате метафорического переноса.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Бессонова, О. Л. Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка // Человек. Язык. Культура. К юбилею В.И. Карасика. – К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 1. – С. 5–11.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Эдиториал УРССР, 2002 – 280 с.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: [учеб. пособие] / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык. Собрание трудов. / А. А. Потебня. – М., 1999. Т. 1.
6. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – М, 2007.
7. Arnold, I. V. The English word / I. V. Arnold. – M.: Высшая школа, 1986.
8. Bickerton, D. Language evolution: A brief guide for linguistics. – Lingua, 2007. – V. 117. – P. 510–526.
9. The New Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles / Oxford University Press, 2002. – Vol. 1, 2. – 3809 p. [NSOED]

УДК 81'42:81'38

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА BRITISHNESS В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Мосягина М.С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7481-8978
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»,
г. Саранск, РФ
mmashamos@yandex.ru

Введение. Когнитивная лингвистика рассматривает концепты как ментальные единицы, связывающие язык, мышление и культуру. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «когнитивная лингвистика исходит из признания концепта как базовой единицы хранения и переработки знаний в сознании человека» [2, с. 21]. В этом контексте концепт BRITISHNESS предстает как сложная когнитивная структура, репрезентирующая национальную идентичность и включающая широкий спектр социально-культурных, политических и исторических значений. Согласно В.И. Карасику, «концепт – это основная смысловая единица культуры в ментальном мире человека, представленная в языковом сознании» [1, с. 24], что делает его продуктивной единицей анализа дискурсивных практик. Особое значение приобретает исследование его репрезентации в медиапространстве, которое, будучи важным каналом общественной коммуникации, активно участвует в закреплении и трансформации когнитивных образов.

Цель исследования – установить когнитивные механизмы формирования и закрепления образа Британии в медиатекстах, выявив ведущие метафорические модели и сценарии, репрезентирующие национальную идентичность.

Основная часть. В контексте репрезентации концепта BRITISHNESS когнитивные метафоры позволяют наглядно моделировать сложные абстрактные характеристики национальной идентичности через конкретные образы и символы. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что «наше повседневное мышление, поведение и даже язык пропитаны метафорами» [3, с. 3]. Данное положение особенно актуально в медиадискурсе, где когнитивные метафоры играют ключевую роль в репрезентации национальных концептов.

Медиадискурс выступает дискурсивным пространством репрезентации концепта BRITISHNESS посредством процессов метафоризации и моделирования типовых сценариев. Концептуальные сценарии обеспечивают динамическую организацию содержания концепта BRITISHNESS и служат основой для дальнейшего анализа его репрезентации в медиадискурсе.

Материалом исследования послужили тексты англоязычного медиадискурса, опубликованные в периодических изданиях The Guardian и The Independent в 2025 г.

В результате анализа медиадискурса были выявлены ключевые когнитивные метафоры, репрезентирующие концепт BRITISHNESS. Метафора острова реализуется в контексте представления о замкнутости и культурной самодостаточности: *«The island nation charts its own path amid global migration pressures»* [5], что активирует ментальную модель территориальной изоляции и политической автономии. Данная метафора формирует образ Британии как ограниченного, но самостоятельного пространства, ориентированного на внутренние ценности.

Данный образ актуализируется через идею избирательного взаимодействия с внешним миром и защитной самоизоляции: *«Fortress Britain is once again closing its gates – this time, in the face of global instability»* [5]. В рамках данной метафоры Британия предстает как укрепленное пространство с четко контролируемыми границами, сосредоточенное на внутренней стабильности и сохранении суверенитета.

Образ сердца империи отсылает к колониальному прошлому, символизируя историческую мощь и глобальное значение Британии. В ряде текстов Лондон метафоризируется как «сердце» или «центр»: «London remains the symbolic heart of the empire, a city where echoes of Britain's global past continue to shape its present identity» [4]. Данная метафора актуализирует культурную память, в которой Лондон предстает не только столицей современного государства, но и символом преемственности и влияния. Она формирует сценарий идентичности, опирающийся на прошлое величие и закрепляющий образ Британии как государства с «особой миссией».

Метафоры в медиатекстах закрепляют образ национальной идентичности, но BRITISHNESS репрезентируется также через сценарии, которые актуализируют его в разных социокультурных и политических контекстах.

Одним из таких сценариев является «Британия в осаде» («Britain under siege»), формирующийся в ментальном пространстве угрозы и внешнего давления. Он активируется в условиях политической нестабильности и миграционного кризиса, когда Британия предстает как государство, вынужденное защищать границы, идентичность и культурные ценности. Его структура включает типичные роли: внешние силы как источник опасности, Британия как осажденная крепость, народ как коллективный субъект, проявляющий стойкость и сплоченность. Иллюстрацией служит пример: «Britain stands alone, facing geopolitical uncertainty with steely resolve» [5], создающий образ нации, противопоставленной враждебному окружению и демонстрирующей решимость сохранить независимость. Сценарий закрепляет в коллективном сознании модель защитной

самоизоляции, где BRITISHNESS связывается с устойчивостью, сопротивлением вызовам и готовностью противостоять угрозам в одиночку.

Другой ключевой сценарий – «Британия как носитель традиций и преемственности» («Britain as the guardian of tradition and continuity») строится вокруг ментального пространства культурной памяти. Особую роль здесь играют символы – Юнион Джек, Букингемский дворец, Тауэр, регулярно упоминаемые в медиадискурсе как знаки исторической преемственности и национального величия. Букингемский дворец предстает как «the eternal symbol of British stability» [4], что закрепляет образ Британии как монархии с устойчивыми институтами и глубокой исторической памятью. Данный сценарий укрепляет представление о BRITISHNESS как совокупности ценностей, связанных с уважением к прошлому и преемственностью культурной идентичности.

Сценарий «Британия как центр рациональности и порядка» («Britain as the centre of rationality and order») проявляется в текстах, освещающих парламентские процессы и международные инициативы. Британия предстает как государство, действующее *«with measured resolve and procedural clarity»* [5], что формирует ментальное пространство институциональной устойчивости, основанной на законе и логике. Данный сценарий структурирован вокруг образа государства как рационального арбитра и организующей силы. В рамках этой модели BRITISHNESS ассоциируется с сдержанностью, умеренностью и взвешенностью, выступая когнитивным маркером стабильной и разумно организованной нации.

Заключение. Медиадискурс не только фиксирует, но и активно конструирует концепт BRITISHNESS, закрепляя в общественном сознании образ Британии как суверенной, устойчивой и культурно самодостаточной нации. Регулярное обращение к метафорам и сценариям свидетельствует о их концептуальной стабильности и высокой репрезентативной ценности, что позволяет рассматривать медиадискурс как один из ключевых механизмов формирования и трансформации национальной идентичности.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – ISBN 5–88234–552–2. – EDN: UGQAMP.
2. Кубрякова, Е. С. Концепт как операциональная единица сознания // Язык и знание: на пути получения знаний о языке / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 20–34. – ISBN 5-94457-174-8.
3. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
4. The Guardian [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.theguardian.com/international (дата обращения: 01.09.2025).
5. The Independent [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 81’42

ПРЕСКРИПЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВАХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТУРИСТОВ

Онал И.О., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-6739-9464,
ФГКВОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»,
г. Новосибирск, РФ
inna762006@gmail.com

Введение. Современная лингвистика все активнее обращается к исследованию цифрового дискурса, который становится основным пространством для формирования и трансляции культурных ценностей и поведенческих моделей. В этом контексте особый интерес представляет жанр интернет-отзыва, совмещающий черты устной речи и письменного текста и выполняющий не только информирующую, но и суггестивную функцию. Данная статья посвящена анализу прескрипционных высказываний в онлайн-отзывах российских и американских туристов. **Цель** работы заключается в выявлении лингвистических, прагматических и культурно обусловленных особенностей выражения рекомендаций, советов и указаний в рамках двух лингвокультур. Материалом данного исследования послужили отзывы российских (276) и американских (271) туристов о посещении Собора Св. Софии в Стамбуле с порталов *Tripadvisor.com* и *Яндекс-карты (Yandex.ru.maps)*.

Основная часть. Прескрипция – языковая стратегия, направленная на предписание определенных действий адресату. «Прескрипционная составляющая носит предписывающий (что надо делать и как это надо делать в общении) и запретительный характер (чего не надо делать)» [2, с. 98]. Согласно Н. Б. Руженцевой, прескрипционные высказывания в межнациональном дискурсе, как правило, трехсубъектны: первым субъектом является автор (КТО?), вторым – тот, о ком идет речь (О КОМ?) и, наконец, третий субъект – это тот, кому предназначено высказывание (ДЛЯ КОГО?) [3]. Поскольку *Tripadvisor.com* и *Яндекс-карты* представляют собой ресурсы с функцией автоматического перевода отзывов, в качестве адресата могут выступать представители любых культур; однако прескриптивы, содержащиеся в отзывах туристов, в первую очередь адресованы соотечественникам. Реже встречаются обращения к другим туристам, персоналу, обслуживающему достопримечательность, и даже руководству страны, в которой находится достопримечательность. Соответственно, наиболее распространенной прескрипционной моделью для текстов данного вида является модель «МЫ – О НИХ – ДЛЯ НАС» и реже – модель «МЫ – О НИХ – ДЛЯ НИХ». Отметим, что жанр интернет-

отзыва туриста не является прескрипционным в чистом виде: статистические данные, полученные на основе исследуемого материала, показывают, что только около 46% отзывов российских и 54% отзывов американских туристов содержат выражения/ высказывания с прескриптивной семантикой.

Прескрипция в туристических интернет-отзывах может быть выражена прямо или косвенно. Прямая прескрипция может быть представлена в «жесткой» либо «мягкой» форме. «Жесткие» формы прескрипции характеризуются доминирующей позицией автора высказывания по отношению к адресату, эксплицитно или имплицитно репрезентируют пресуппозицию типа: «Вам будет плохо, если вы…» [3, с. 159] и выражаются следующими способами:

1) глаголами в форме повелительного наклонения: росс. ***Не пожалейте*** *своего времени на посещение Софии. Заходя внутрь,* ***не забудьте*** *спрятать волосы под головной убор.* амер. ***Go*** *at sunrise; you won't regret it;* ***Do not skip*** *this tour*.[1]

2) сочетаниями с лексемами (наречиями, глаголами, существительными) с семантикой долженствования или запрета: росс. *Великолепное место в Стамбуле, которое вы обязательно* ***должны*** *посетить! Это первое, что* ***нужно*** *посмотреть в Стамбуле. Софию просто* ***необходимо*** *посетить каждому, кто гостит в этом городе.* амер. *Everyone* ***must see*** *here once in a lifetime. If you haven't been, you* ***need to go****. Simply put, if you're in Istanbul, you* ***have to visit. A must place to see*** *when in Istanbul. If you look up Istanbul,* ***you're bound to see*** *a pic of the Hagia Sophia.*

«Мягкие» формы прескрипции, в свою очередь, позиционируют автора и адресата/ адресатов высказывания в одно коммуникативное пространство и могут быть вербализованы следующими конструкциями:

1) сочетаниями с лексемами *стоит / worth, лучше / would better, можно / can* и др., например: росс. ***Лучше всего ходить*** *после 21.20 и до закрытия в 22.00. Только ради этого места* ***можно отправляться*** *в Стамбул!* амер. *Hagia Sophia* ***is well worth enjoying****, especially with a great guide.*

2) безличными и неопределенно-личными предложениями: росс. *Тёплые носочки* ***будут очень кстати****. Впечатление о Стамбуле* ***не будет полным, если не посетить*** *Айю-Софию и не погулять по прилегающим улочкам)))* амер. ***Its simple enough to wear*** *a longer dress.* ***The best time to go is*** *when it opens at 9 am. Either way,* ***why go*** *all the way to Istanbul and* ***NOT go inside*** *the Hagia Sofia?*

Промежуточное положение занимают прескриптивные высказывания перформативного типа, содержащие совет или рекомендацию: росс. *Туристам* ***советую посетить*** *в будний день, меньше туристов; Я*

[1] Здесь и далее в текстах отзывов сохранена орфография и пунктуация авторов.

пожалела, что пошла. ***Не рекомендую****; Но перед посещением* ***советую*** *сначала музей АйСофии.* амер. *I highly* ***recommend*** *everyone to check it out and enjoy a great time! I* ***suggest going*** *right away in the morning to avoid the crowds; I* ***would recommend*** *only viewing from the outside.*

В высказываниях, содержащих косвенные прескрипции, адресату предоставляется информация, на основе которой он сам должен сделать определенные выводы. Так, приведенные ниже фрагменты отзывов содержат скрытое указание на необходимость посещения достопримечательности: росс. *Быть в Турции и не зайти сюда — странное решение.* амер. *Even if you are not religious, it's an important part of human history.* Отметим, что в количественном отношении косвенные прескрипции в исследуемом материале значительно уступают прямым.

Анализ содержательной стороны прескрипций, репрезентированных в исследуемых отзывах, позволяет проследить сходства и различия в картине мира российских и американских туристов. Согласно В. И. Карасику, предписания (прескриптивы) поведения соотносятся с ценностями, определяющими выбор приоритетов говорящего, и конкретными способами коммуникативного воплощения в виде привычек, обыкновений и традиций [1, с. 680]. Так, если указания о необходимости посещения собора содержатся примерно в 1/3 интернет-отзывов туристов обеих культур, то количество прескриптивных высказываний, касающихся формы одежды и необходимости снять обувь перед посещением храма, а также целесообразности воспользоваться услугами гида, в отзывах американских туристов значительно (в 2-3 раза) превышает количество соответствующих высказываний в комментариях российских туристов. Данный факт может свидетельствовать о том, что американские туристы проявляют б*о*льшую озабоченность практическими аспектами; им необходимо предоставить детализированную инструкцию, в то время как российские авторы чаще ограничиваются общей эмоциональной рекомендацией.

Заключение. Таким образом, жанр туристического онлайн-отзыва, хотя и не является исключительно прескриптивным, регулярно использует данную стратегию; при этом доминирующей моделью прескрипционного высказывания, содержащегося в интернет-отзыве туриста, является обращение к соотечественникам с рекомендациями о посещении чужой культурной реалии. Как в способах выражения прескрипций, так и в их тематике отражаются модели поведения, ценностные ориентиры и коммуникативные установки, свойственные представителям соответствующей лингвокультуры.

Список литературы

1. Карасик, В.И. Прескриптивы в сетевом дискурсе / В.И. Карасик // Коммуникативные исследования. 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 678–695. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).678-695.

2. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 4-е издание, стереотипное. – Москва: ФЛИНТА, Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр “Наука”», 2011. – 328 с. – ISBN 978-5-89349-812-7. – EDN UVSTNN.
3. Руженцева, Н. Б. Прескрипции в межнациональном дискурсе: субъектная организация и жанровая специфика / Н. Б. Руженцева // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 157–164.

УДК 811.352.2.3

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, АДЫГЕЙСКОГО, АБХАЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Павловская О.Е. [1] д-р филол. наук, проф.,
Ежик Е.С. [2], ORCID 0000-0002-5316-096X
[1]ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар, РФ
[2]ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко», г. Краснодар, РФ
oepa@mail.ru, eshik-94@mail.ru

В условиях растущей миграции населения усиливаются процессы ассимиляции и интеграции различных культур. В связи с этим, для эффективного общения и налаживания межкультурной коммуникации, важно открывать новые способы устранения возникающих конфликтов и противоречий.

Перспективным направлением в данном случае выступает сравнительная концептология, в рамках которой изучаются концепты разных лингвокультур. В российской лингвистике в последнее время именно это научное направление является одним из наиболее востребованных. Работы многих известных ученых заложили методологическую основу изучения концептов: Н. Д. Арутюновой, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Д. С. Лихачева, В. А. Масловой, В. Н. Телия, А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова.

В данной научной статье предпринята попытка сопоставления концепта «честь» в русском, адыгейском, абхазском языках на материале лексикографических данных и паремиологии.

Концепт, по определению Е.С. Кубряковой, – «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга,

всей картины мира, квант знания» [5, с. 90]. В.И. Карасик определяет концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [3, с. 71].

Концепт «честь» относится к ключевым концептам русской языковой картины мира. Проанализировав словарные статьи В.И. Даля, М. Фасмера, Н.М. Шанского, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, «Малый академический словарь русского языка», мы построили модель лексического значения слова «честь», в которую вошли следующие признаки:

1. Совокупность внутренних нравственных качеств: достоинство, доблесть, честность, благородство, совесть.

2. Почет, уважение, незапятнанная репутация.

3. Высокое звание, должность.

4. Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах) [7, с. 72].

В русских пословицах и поговорках выделяем следующее признаки концепта «честь»:

Честь ценнее, чем жизнь (*За бесчестье голова гинет; Честь дороже жизни; Лучше умереть с честью, чем жить с позором; За честь хоть голову с плеч* и т.д); ценнее, чем материальные блага (*Честь лучше богатства; Честь никогда не может быть возмещена деньгам*и); честь реализуются в благородных поступках (*Честь ценят не по словам, а по делам; По заслугам и честь*).

Понятие чести у адыгов закреплено в особом кодексе, имеющем название «адыгагъ». «Адыгагъ» представляет собой совокупность морально-этических норм, регулирующих жизнь, и включает в себя человечность (ц1ыфы́гъ), почтительность (нэмыс), мужество (л1ыгъэ), честь (напэ).

Напэ – честь в лексикографических словарях описывается так:

1. ш1ыхь – честь в значении близком к почёту, славе;

2. пш1э – честь в значении «авторитет»;

3. нэмыс – достоинство, приличие;

4. напэ – (буквально *лицо*) – честь с акцентом на репутации, совести.

Примечательно, что в паремиях адыгов встречаются и другие значения: лицо отражение чести (*Напэ зимы1* (букв.: не имеющий лица) – бессовестный; без чести, без совести; *Напэм къемызэгъын* – (букв.: то, что не подходит лицу) – считать что-либо неудобным для себя, ниже своего достоинства; *напит1 йы1эщ* – букв: «имеет два лица», то есть двуличный, лицемерный [2, с. 92].

У абхазов также имеется подобное понятие «апсуара» – буквально «абхазство», подразумевающее совокупность самобытных абхазских традиций и обычаев. Апсуара заключает в себе такие черты личности как

честь, совесть, благородство, мужество, человеколюбие, гостеприимство, уважение к старшим, скромность, терпение. «Аламыс – превыше смерти» – говорят абхазы.

В русско-абхазском словаре честь:

1. Почет, уважение (áпату, áҳаҭыр) [1, с. 21].

2. Воинская честь (áрԥсшәа аҳәарá) [4, с. 501].

Пословицы и поговорки абхазов классифицируют честь по следующим значениям:

1. Честь превыше всего (Аԥсны ауапа цыхәла иакароуп, аха ламысла идууп – *Абхазия размером с подол бурки, но велика честью*. [5, с. 16], Аԥсуа иламыс еищау баагъара ыйам – *Крепости выше чести у абхазов нет*; Аԥсуа! Иаҳаҭыр егьа дазгәдуузаргьы, уи еснагь ихәычуп! – *Абхаз! Сколько бы честью своей ни гордился, мало всегда*) [6, с. 12].

2. Бесчестие – смерть (Аԥсуа иԥсра иламыс ауп – *Абхаза смерть – его честь*) [6, с. 23].

Таким образом, в русском, абхазском и адыгейском языках можно выделить общие значения лексемы честь: почет, уважение слава; воинская честь. В русском языке под честью подразумеваются и другие внутренние качества: достоинство, доблесть, честность, благородство, совесть. В абхазском и адыгейском языках эти качества входят в широкие понятия «апсуара», «адыгагъ».

Работа над изучением концепта «честь» в межкультурной коммуникации и выявлением общих значений для представителей разных лингвокультур оказывается крайне важной и актуальной, в особенности в последние годы, когда солдаты многих народов России стали участниками спецоперации РФ по денацификации и демилитаризации Украины. Как известно, русские, адыги, абхазы служат в зоне СВО под одним флагом. «Все как один защищаем Родину. Когда ты патриот, не имеет значение национальность. Когда мусульманин делает намаз, спину его прикрывает христианин», – так о сохранении единства говорит военнослужащий спецназа «Ахмат» Леча Зулаев.

Братство по духу, смыслу и целям – это то, к чему необходимо стремиться вне зависимости от того, какой ты нации и вероисповедания. Исследование конфептосферы разных народов призвано тому помочь и достигнуть мира и взаимопонимания как в мирной жизни, так и в зоне специальной военной операции.

Список литературы

1. Абхазско-русский словарь: В 2 т. /В.А. Касланзиа. – Сост. В.А. Касланзиа. Т.2. – М.; Сухум: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 704 с.
2. Гучепшокова, С.А. Особенности семантики концепта напэ лицо/честь/совесть в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – №4. – С. 89–93.

3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград. Гос. Пед. Ун-т; Н.И. Лаб. «аксиол. Лингвистика». – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с. – библиогр.: С. 435–476.
4. Касландзия, В. А. Джонуа, Б. Г. Русско-абхазский словарь. В трех томах. Том третий. Р-Я/сост. В. А. Касландзия, Б. Г. Джонуа. – Сухум: «Дом печати», 2016. – 562 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
6. Крылатые слова. Пословицы абхазов, проживающих в Турции / Соб., сост., пер. О. Шамба. – Сухум: АГУ, МАААН. – 2005. – 57 с.
7. Орехова, Е.С. Воинская честь (опыт этимологического анализа) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2020. – №3 (262). – С. 69–74.

УДК 811.111’42

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Рысёва Т.В., ORCID 0009-0005-3359-3505
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dtenglish@yandex.ru

На современном научно-техническом этапе развития мира, технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) достигли значительных успехов и вызывают не только восторженную реакцию, но также опасения и страх, что находит отражение в информационной повестке современного медиадискурса.

На данном этапе нет универсального общепринятого определения понятия ИИ (artificial intelligence/AI), поэтому обратимся к дефиниции термина, изложенной в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года [3]. В стратегии ИИ представлен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [3]. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Данное исследование посвящено установлению аксиологических особенностей англоязычных медиатекстов, отражающих вопросы использования ИИ. Материалом послужили англоязычные медиатексты

аналитического и рекламного жанров из американского издания Forbes периода с января по сентябрь 2025 года. Отобранные медиатексты посвящены таким аспектам ИИ, как области применения технологии, принципы работы, этика и безопасность его использования, применение ИИ-технологий в военных целях, преимущества ИИ в разных областях, основные тенденции его развития в 2025 году. Целью анализа являлось определение характера оценки в отобранных медиатекстах с точки зрения реализации в них аксиологической оппозиции «хорошо» / «плохо».

Вслед за А.В. Куниным оценка трактуется как субъективно-объективное или объективно-субъективное отношение человека к объекту, представленное эксплицитно или имплицитно языковыми средствами [2]. Оценка может даваться по самым разным признакам, однако основная сфера значений, которые обычно относятся к оценочным, связана с признаком «хорошо/плохо» [1, 4]. Таким образом, характер оценки определяется тем фактом, расценивается предмет как «хороший» или «плохой».

Как показал анализ, в аналитических статьях автор – он же субъект оценки – является экспертом в области ИИ. В анализируемом примере представлена экспертная оценка технологических трендов и разработок в области ИИ-2025 соучредителя и гендиректора компании ‘Neurond AI’ – доктора Сон Нгуена.

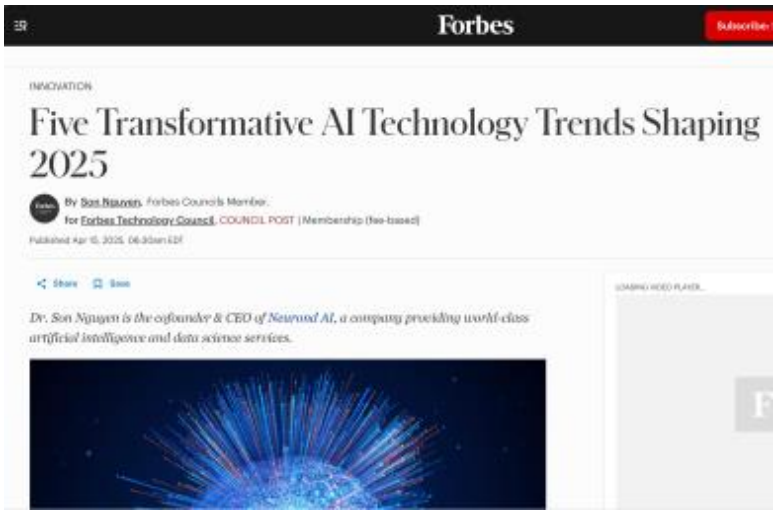

Рис. 1. Five Transformative AI Technology Trends Shaping 2025, Forbes, Apr 15, 2025.

В аналитических медиатекстах функция информирования (information function) связана с функцией влияния (impact function), реализуемой путем аксиологического выражения личного мнения эксперта. Основываясь на собственном исследовательском опыте и опыте управления ИИ-компанией, автор статьи выделяет революционные технологические тренды в сфере ИИ, определяющие развитие в 2025 году: ИИ-агенты; более интеллектуальные ИИ-системы, с улучшенной «мыслительной

подготовкой» во время логического вывода; большие и малые языковые модели; расширенные функции памяти.

В примере (1) *These trends* ***will blur the lines*** *between* ***human and machine intelligence****, unlocking productivity and creativity* глагол в форме будущего времени *will blur* указывает на уверенность в развитии будущих событий, а метафора *blur the lines* и антитеза *human and machine intelligence* противопоставляют человеческий и машинный интеллект, одновременно подчеркивая их различие и сближение. Все эти приёмы служат для описания положительных перспектив развития ИИ.

В статье широко используются сравнения для выражения положительного отношения к развитию ИИ-технологий:

(2) *Artificial intelligence technologies are changing* ***faster than ever.***

(3) *What started as tools that could answer questions or generate images is now developing into systems that plan, adapt and collaborate* ***like never before****.*

(4) *... autonomous agents that* ***strategize like seasoned professional.***

(5) *... models* ***small enough*** *to fit in your pocket yet* ***powerful enough*** *to compete against supercomputers*.

Важным средством выражения положительной оценки является метафора:

(6) ***AI*** *in 2025 isn't just a tool—****it's a teammate, a strategist*** *rolled into one* [5].

Наличие и характер оценки определяется типом издания (качественная или жёлтая пресса). Анализ показал, что для медиатекстов аналитического жанра характерна как положительная, так и отрицательная оценка ИИ. С одной стороны, ИИ рассматривается как благо, позволяющее анализировать, оптимизировать и автоматизировать технологические, вычислительные и производственные процессы, тем самым открывая новые возможности для развития науки. С другой стороны, ИИ несёт опасность, связанную с угрозой безопасности личных данных, неоднозначностью в принятии решений, неопределенностью в вопросе гуманности использования этой технологии. Изучение выражения оценочного значения в медиатекстах, посвященных ИИ, позволяет осуществлять их корректную аксиологическую интерпретацию.

Список литературы

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 139 с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пос. ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 3-е изд., стереотип. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
3. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года утверждена Указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 №490. (В редакции от 15.02.2024 № 124). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731

4. Bessonova, O. L. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community [Text] / O. L. Bessonova // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová. – Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. – Pp. 259–284.
5. Five Transformative AI Technology Trends Shaping 2025, Forbes, Apr 15, 2025.

УДК 81’23’25’42:008

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Санченко Е.Н., канд. филол. наук, доцент, ORCID 0009-0008-0649-5776
Захаров Е.Д.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
ghostofangel25@mail.ru, zakharovegor2003@gmail.com

Введение. Современные социокультурные трансформации детерминируют расширение исследовательского поля лингвистики и переводоведения, актуализируя изучение ранее не исследуемых аспектов коммуникации. Актуальность исследования особенностей восприятия креолизованных текстов обусловлена их доминирующей ролью в коммуникативном пространстве современной массовой культуры. Повседневное информационное поле современного человека формируется не одним вербальным массивом, а полимодальными сообщениями, интегрирующими слово и изображение. Рекламные баннеры, посты в социальных сетях, инфографика и киноплакаты представляют собой классические примеры креолизованных текстов, понимаемых как целостные смысловые структуры, фактура которых состоит из двух негомогенных частей – вербальной и невербальной.

Целью данной работы является выявление и комплексный анализ ключевых особенностей восприятия креолизованных текстов в контексте продуктов массовой культуры. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: определяется лингвосемиотическая природа креолизованного текста, уточняются механизмы взаимодействия его вербального и визуального компонентов и описываются когнитивные стратегии, используемые реципиентом для декодирования целостного сообщения.

Основная часть. В современной лингвистике и семиотике коммуникация все чаще рассматривается как многоканальный процесс, где смысл рождается из взаимодействия различных знаковых систем. Ключевым понятием для описания этого феномена выступает креолизованный текст. Под этим термином понимается целостное

семиотическое образование, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют нерасторжимое структурное и смысловое единство, совместно обеспечивая комплексное воздействие на реципиента [1, с. 45].

Визуальный компонент данного типа текста (изображение, шрифт, цвет, композиция) не выполняет функцию простой иллюстрации к вербальной информации. Оба элемента вступают в сложные семиотические отношения: отношения дублирования, уточнения, расширения или даже контраста, что приводит к генерации новых, нередко ироничных или парадоксальных смыслов [2, с. 105]. Именно данное синергетическое взаимодействие составляет сущность процесса креолизации, выводя финальное сообщение на качественно новый уровень восприятия. Феномен креолизованного текста, объединяющего вербальные и иконические компоненты, представляет значительный интерес для лингвистики и семиотики в аспекте создания синергетического эффекта.

Основу механизма синергии составляет принцип комплементарности вербального и визуального рядов. Как подчеркивает А. А. Бернацкая, изображение и текст в креолизованном тексте вступают в отношения взаимного дополнения и семиотического обогащения. Визуальный компонент обеспечивает мгновенную идентификацию основной темы и вызывает эмоциональный отклик, тогда как вербальный актуализирует конкретные смыслы, устанавливает контекст и направляет интерпретацию.

С когнитивной точки зрения, синергия креолизованного текста обеспечивается одновременной активацией двух каналов обработки информации: образного и вербального [5, с. 50]. Их коактивация создает расширенную сеть ассоциативных связей и когнитивных референций для памяти, что повышает устойчивость сообщения к воздействию информационного шума.

Феномен информационного шума утвердился в качестве неотъемлемой характеристики современного медийного ландшафта. В теории коммуникации под данным понятием подразумевается избыточный поток фрагментарных, малозначимых или противоречивых сообщений, препятствующий восприятию релевантной информации [3, с. 136].

В современной лингвистике и коммуникативистике утвердился термин «клиповое мышление», обозначающий специфический способ восприятия информации, характерный для цифровой эпохи. Данный когнитивный стиль отличается фрагментарностью и нелинейностью. Его генезис связывают с воздействием массмедиа, в частности телевидения, рекламы и социальных сетей, где информация репрезентируется в форме коротких, интенсивных «клипов» [4, с. 15].

С лингвистической позиции клиповое мышление находит непосредственное отражение в трансформации языковых форм и коммуникативных практик. Наиболее рельефно это проявляется в жанрах цифровой коммуникации. Клиповое восприятие также модифицирует

архитектуру развернутых текстов. Линейные текстовые структуры уступают место гипертекстовым моделям, организующим информацию вокруг ключевых слов, гиперссылок и визуальных элементов. Примером такой модели текста может выступать цифровой комикс, называемый webtoon. Webtoon – это особая форма цифровых комиксов, разработанная в Южной Корее и адаптированная для вертикального скроллинга на смартфонах и других электронных устройствах.

Клиповое мышление как когнитивный феномен цифровой эпохи обнаруживает существенную корреляцию с семиотической организацией комикса. Оба феномена основываются на принципе дискретного восприятия информации, структурированной в виде последовательности семантически автономных фрагментов. Комикс, репрезентирующий синтез визуального и вербального компонентов, функционирует в качестве оптимальной модели для рецепции в условиях клипового сознания. Его архитектура, состоящая из изолированных кадров-панно с минималистичными текстовыми элементами, соответствует характерному для современного человека паттерну скачкообразного восприятия информации.

Параллельно отмечается воздействие клипового мышления на эволюцию языковой структуры комиксов. Вербальный компонент подвергается интенсивной компрессии: диалогическая составляющая редуцируется до лаконичных реплик, нарративные блоки минимизируются, усиливается значимость интертекстуальных отсылок и имплицитных смыслов. Визуальный ряд синхронно интенсифицируется посредством динамизации композиционных решений, усиления экспрессивности графики и усложнения системы визуальных метафор. Данные трансформации направлены на оптимизацию коммуникации с поколением, сформированным в условиях быстрого информационного потребления.

Заключение. Таким образом, клиповое мышление, как часть феномена цифрового шума, репрезентирует собой значимый лингвокультурный феномен, активно формирует новые языковые конвенции, актуализируя изучение креолизованного текста, который находится на стыке лингвистики, семиотики и теории коммуникации и является ключом к пониманию принципов работы современных медиа и эффективных стратегий воздействия в массовой культуре.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков вузов / Е. Е. Анисимова. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с. – ISBN 5-7695-0961-9.
2. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизованного текста»: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.

3. Кирия, И. В. Теория и практика медиавоздействия : монография / И. В. Кирия. – Москва: Издательство Московского университета, 2018. – 232 с. – ISBN 978-5-7598-2116-8.
4. Федоров, А. В. Цифровая медиаграмотность и клиповое мышление: вызовы для образования в XXI веке / А. В. Федоров // Медиаобразование. – 2021. – № 1. – С. 8–23.
5. Paivio, A. Mental representations: A dual coding approach / A. Paivio. – New York: Oxford University Press, 1986. – 322 p. – ISBN 9780195039368.

УДК 811.112.2’37

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Скляр Н.В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
nataliesklјar@mail.ru

Изучения художественно-документального текста в системе современных «мемори-стадий» не теряет своей актуальности. Такой факт связан с особенностями его жанра – сочетанием документальности и художественной обработки материала. Природа памяти же в такой тексте носит двойственный характер: личная и коллективная память. Личная память – это отражение субъективных переживаний, воспоминаний автора, а второй ее вид – исторический и культурный контекст, общие ценности. Тогда как текст видится неким медиатором между этими двумя видами.

Специфика художественно-документального текста как формы сохранения индивидуальной и коллективной памяти в этом контексте позволяет определить его жанровые особенности следующим образом: художественно-документальный текст – это сочетание фактографичности (достоверное описание исторических событий, реальных биографических фактов) и художественной интерпретации, субъективных авторских описаний (нарративные стратегии, стилистические приёмы). В отличие от чисто документального текста, он не только фиксирует события, но и осмысляет их через субъективное восприятие автора.

В этом контексте роль художественно-документальной литературы особенно важна, ведь автобиографический текст трансформирует частные воспоминания в универсальные истории, передавая при этом культурный код, сохраняя взаимосвязь автобиографической и исторической памяти и способствуя межкультурному диалогу.

Анализ способов языковой репрезентации концептов в тексте автобиографии Марселя Райх-Раницкого «Моя жизнь» позволяет не только

выявить механизмы сохранения личной и коллективной памяти, но и реконструировать фрагменты языковой картины мира определённой эпохи.

Трактуя, в след за Ю.С. Степановым, концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1, с. 43] в языке, а также, рассматривая его как единицу, где язык пересекается с культурой, предполагаем, что концепты выполняют функцию хранителей памяти, так как в них закреплены культурные смыслы и ценности.

В ходе исследования выделены некоторые концептуальные метафоры, транслирующие авторское мировоззрение автора, как представителя немецкой культуры и раскрывающие значение концепта Kultur в контексте жизнеописания писателя.

Лексическая репрезентация концепта Kultur реализуется лексемами Kultur 'культура', Kunst 'искусство', Zivilisation 'цивилизация', Bildung 'образование', Erziehung 'воспитанность', Aufklärung 'просвещение', Tradition 'традиции', Erbe 'наследие'. Обратимся к рассмотрению языковой реализации концепта Kultur именно через его одноименную лексему в контексте его роли при описании автобиографической и коллективной памяти. В самом начале автобиографии упоминается фраза, сказанная его учительницей при отъезде в Берлин: «*Du fährst, mein Sohn, in das Land der Kultur*» [2, с. 4] 'Мой сын, ты едешь в страну Культуры'. Германия описывается как общество, с высоким уровнем культурного развития, в которое погружался главный герой.

Концепт Kultur в контексте передачи индивидуальной памяти передает функции формирование юношеского идеала. С самого детства он впитывал от своего окружения Восхищение. Любовь к немецкой литературе, театру, культуре в целом, к немецкому языку привила ему мать: «… sprach sie zwar ein makelloses, ein besonders schönes Deutsch» '… мать говорила на безупречном, особенно красивом немецком языке'. Сам образ матери выстроен с помощью описания немецкой культуры: «… *zumal sich meine Mutter in der Stadt großer Beliebtheit erfreute: Man schätzte ihr ruhiges, ja nobles Wesen, das man auf ihre Herkunft aus der Welt der deutschen Kultur zurückführte»* [2, с. 25] '… тем более что мать в городе очень любили. Горожане ценили ее спокойную, даже благородную натуру, которую объясняли происхождением из мира немецкой культуры'. Концептуальное значение *aus der Welt der deutschen Kultur* подчеркивает, что её идентичность и особенности восприятия воспринимались под влиянием культурных норм, ценностей и традиций Германии. Словосочетание «мир немецкой культуры» усиливает описание его матери как части этого мира, который сформировал среду его воспитания и образования.

В следующем примере находим метафору «Bann der deutschen Literatur, der deutschen Musik» 'плен немецкой литературы, немецкой музыки', выражающую мысль о том, что главный герой вырос в окружении этих проявлений немецкой культуры, и именно их красота и сила оказали на

него огромное влияние: «*Und die deutsche Kultur, die mir das Fräulein Laura so nachdrücklich und schwärmerisch angekündigt hatte? Auch sie ließ nicht lange auf sich warten. Ziemlich schnell geriet ich in den Bann der deutschen Literatur, der deutschen Musik*» [2, с. 33–34] 'А что же немецкая культура, знакомство с которой так настойчиво и так мечтательно обещала мне фройляйн Лаура? Оно не заставило себя долго ждать. Довольно скоро я оказался в плену немецкой литературы и немецкой музыки'. Отношение к немецкой культуре сформировало его как личность, определило весь жизненный путь. Рассмотренные примеры позволяют нам раскрыть авторскую трактовку его восприятия немецкой культуры и выстроить концептуально-метафорическую схему «НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА – ЭТО ФУНДАМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ЛИЧНОСТИ». Тем самым раскрывается реализация личных воспоминаний автора о восприятии немецкой культуры, передавая автобиографическую память в тексте.

Таким образом, анализ лингвистической репрезентации культурно-языковых концептов в художественно-документальном тексте выявляет механизмы взаимодействия языка и культуры, а также способы сохранения и передачи культурной идентичности через литературное творчество. Изучение художественно-документальных текстов способствует более глубокому пониманию взаимосвязи между языковыми структурами и культурными кодами. Приведенный фрагмент построения концептуально-метафорической схемы позволяет глубже толковать авторские интенции.

Список литературы

1. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов, изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
2. Reich-Ranicki M. Mein Leben: Autobiographie / M. Reich-Ranicki. – Stuttgart: DVA Verlag, 1999. – 566 s.

УДК 81'373.7:159.942:811.111

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ ГНЕВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Трофимова Е. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-8845-1162
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elenatrofimova_vl@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей метафорической концептуализации эмоции «гнев» на материале фразеологизмов английского языка.

Процессы концептуализации внутреннего мира человека, а также языковые способы выражения и описания эмоциональной сферы остаются одной из актуальных проблем и широко исследуются в современной лингвистике (см. работы Ю. Д. Апресяна, В. Ю. Апресян, В. И. Шаховского, В. И. Карасика, Н. А. Красавского, А. Вежбицкой, Е. Ю. Мягковой, С. В. Ионовой, А. Зализняк, Л. Н. Иорданской и др.). Эмоциональный концепт ГНЕВ также становится объектом исследования (О. Ю. Любимова, М. В. Маркина, И. Ю. Никишина, К. О. Погосова, Е. Е. Стефанский и др.).

Гнев – одна из важнейших эмоций человека [1, с. 241; 6, с. 56]. Несмотря на то, что гнев является базовой эмоцией, универсальной для большинства культур, исследования показывают, что концепт ГНЕВ имеет ярко выраженный лингвокультурный характер, характеризуется культурной и этнической ценностью [4, с. 1–2]. Лингвисты подчеркивают богатую концептуальную структуру слова «гнев» [4; 5]: лексема «гнев» служит доминантой, обладая наиболее общим значением, кроме этого, зафиксирован целый ряд синонимов – репрезентантов эмоционального концепта, – обозначающих различные оттенки гнева (fury, indignation, ire, wrath, annoyance, rage, temper и проч.).

Н. А. Красавский указывает на высокую теоретико-прикладную релевантность лингвистических изысканий, имеющих своим предметом исследования концепты эмоций, не только для филологии, но и для целого ряда других наук, в том числе, психологии, психоанализа, педагогики, социологии, культурологии [2, с. 823]. Известно, что наиболее культурно ценностные факты человеческого бытия, к которым можно отнести и эмоциональный опыт человека, находят свое отражение во фразеологии языка. Исследование особенностей концептуализации и вербализации эмоций посредством метафоры представляет особый интерес для исследования лингвокогнитивных механизмов деятельности человеческого сознания, дает ключ к анализу внутренней формы языка, позволяет проследить специфику вербальной репрезентации и метафорического переосмысления эмоциональных концептов, характерную для данной языковой культуры.

Рассуждая о роли и сущности метафоры, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути [3]. В когнитивных исследованиях метафора понимается как осмысление явлений одной области в терминах другой области, отражая опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Благодаря существованию таких глубинных структурных отношений между группами понятий элементы более понятной сферы-источника структурируют менее когнитивно освоенную сферу-цель.

Метафорическая концептуализация эмоции «гнев» осуществляется по разным моделям. Физиологический тип эмоциональной метафоры является одной из самых продуктивных моделей в связи с антропоцентрическим

принципом познания действительности человеком. Источником физиологической (телесной) метафоры становятся разнообразные физиологические реакции, сопровождающие процесс переживания эмоции.

Одним из признаков физического состояния человека в момент приступа гнева является повышенная температура тела, повышенное давление. «В гневе человек чувствует, что у него «вскипает» кровь, лицо горит, мышцы напряжены. Ощущение собственной силы побуждает его броситься вперед, напасть на обидчика, и чем сильнее гнев, тем больше потребность в физическом действии, тем более сильным и энергичным чувствует себя человек. В ярости мобилизация энергии столь велика, что человеку кажется, что он взорвется, если каким-либо образом не даст выхода своему гневу» [1, с. 253]. Посредством температурной метафоры эмоция концептуализируется как жар, высокая температура: *get hot under the collar* ‘разозлиться’. Температурная метафора может быть связана с описанием физиологического признака гнева – покраснения лица, например, *purple with rage* ‘очень сердитый’; *see red* ‘прийти в ярость, рассвирепеть’. Гнев может вызывать и побледнение лица: *white fury* ‘неистовство, бешенство, ярость’; *white as a sheet* ‘белый как полотно’. Среди колоративных метафор, репрезентирующих эмоцию гнева, зафиксированы фразеологизмы с компонентом цветообозначения *black*: *black in the face* ‘побагровевший от гнева’.

В материале исследования представлены фразеологические единицы, характеризующие другие симптомы гнева: *grind one’s teeth* ‘скрипеть зубами, скрежетать зубами от злости’; *foam at the mouth* ‘брызгать слюной, приходить в ярость, быть в бешенстве’. Лексема *blood* участвует в формировании физиологических метафор, выражающих эмоцию гнева: *be after someone's blood* ‘жаждать чьей-л. крови, быть злым на кого-л.’; *get (have) one’s blood up* ‘разгорячиться, выйти из себя’; *make one’s blood boil* ‘выводить из себя’. Традиционной является метафора ЭМОЦИЯ – КОНТЕЙНЕР, согласно которой гнев – это контейнер с горячей жидкостью, гневаясь, человек закипает, выпускает пар и проч.: *reach (achieve) the boiling point* ‘терпение лопнуло’.

Психологи отмечают, что переживание гнева сопровождается сильным чувством импульсивности и низким уровнем контроля, что объясняет, почему общество устанавливает ограничения и запреты на проявление гнева [1, с. 254-255]. С идеей потери контроля над собой, иррационального поведения (человек достигает определенного предела, человек теряет терпение) связаны следующие фразеологизмы: *lose (one's) head* ‘терять голову’; *blow a fuse* ‘выйти из себя от гнева, сорваться’; *go ballistic* ‘выйти из себя, потерять над собой контроль’, *blow top* ‘снести крышу’. Во фразеологии гнев концептуализируется как сумасшествие: *as mad as a wet hen* ‘спятить, взбеситься’; *drive someone to distraction* ‘приводить кого-либо в ярость, бешенство, злить, доводить, выводить из себя’.

В пространственной метафоре эмоция «гнев» ассоциируется с движением вверх и наружу: *be (get, go) up in the air* ‘выйти из себя, взбеситься, взорваться’; *get up one’s nose* ‘раздражать, нервировать, бесить’; *go off at the deep end* ‘вспылить’; *go out of one’s skull* ‘сильно нервничать’; *mounting anger* ‘возрастающий гнев’; *be climbing the walls* ‘очень нервный, раздраженный’.

В рамках зооморфной метафоры отражаются черты поведения животных в состоянии злости, агрессии: *rattle smb’s cage* ‘злить кого-л.’; *rub smb the wrong way* ‘раздражать кого-л.’; *ruffle someone's feathers* ‘злить’; *with one's hackles up* ‘в бешенстве’; *as fierce as a tiger* ‘свирепый как тигр’.

Изучение особенностей процессов метафоризации эмоции «гнев» на материале фразеологии английского языка дает возможность описать специфическую для конкретного языка природу вербализации и метафорического осмысления эмоций. Проанализированный материал свидетельствует о том, что во фразеологии английского языка находят отражение разные способы метафорической концептуализации гнева, отражая национальную специфику лингвистического выражения и процессов концептуализации данного эмоционального состояния.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.
2. Красавский, Н. А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц) / Н. А. Красавский // Молодой учёный. – 2015. – № 6 (86). – С. 823-826.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Никишина, И. Ю. Выражение концепта ANGER («ГНЕВ») в современной английской и американской художественной литературе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2008. – 26 с.
5. Силинская, Н. П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира: специальность 10.02.04 – германские языки: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2008. – 214 с.
6. Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V. Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology. – Russian Journal of Linguistics. – 2024. – V. 28. – № 1. – P. 55–79. – URL: https://doi.org/10.22363/2687-0088-34834.

УДК 821.111-98-048.445

АНГЛИЙСКИЕ ЗАГАДКИ: ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ

Тышлек Д.А., ORCID 0009-0000-9774-2403,
Войтенко Е.Ю., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-9643-2275
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tyshlekd@inbox.ru

Введение. Жанр загадки в английской фольклорной традиции – это языковая игра, в которой проявляются механизмы образного мышления и особенности национального мировосприятия.

Целью исследования является изучение и анализ структурно-семантических особенностей английских загадок.

Актуальность работы обусловлена повышенным интересом к когнитивным аспектам языка, а также проблеме межкультурной коммуникации. Загадки как феномен фольклора позволяют проследить, как язык отражает мышление носителей культуры, какие метафоры и символы оказываются значимыми для лингвокультурного сообщества. Изучение структурно-семантических особенностей английских загадок позволяет не только лучше понять их художественную и познавательную ценность, но и раскрыть специфические черты английского языка и культуры, способствуя развитию межкультурного диалога, а также дает возможность выявить системные закономерности в организации данного фольклорного жанра.

Исследователи отмечают, что существующие типологии английских загадок демонстрируют определенную ограниченность, сводя классификацию к тематическому принципу либо к бинарному противопоставлению загадок-вопросов и загадок-утверждений [2]. Подобное упрощение не позволяет в полной мере раскрыть лингвистические механизмы, лежащие в основе создания и функционирования загадки как культурного и языкового феномена.

Рассмотрим основные подходы к классификации английских загадок. Структурный критерий, будучи наиболее формальным и очевидным, обеспечивает первичное членение корпуса исследуемого материала. В данной классификации первую группу составляют загадки-вопросы, например *‘What has keys but can’t open locks?’ (a piano)*. Такая коммуникативная структура имитирует прямой запрос информации, который активизирует познавательные процессы у реципиента и вовлекает его в имплицитный диалог [1]. Вторую группу формируют загадки-утверждения, построенные на метафорическом описании объекта, например, *‘I have a spine but no bones’ (a book)*. Подобные формулировки

требуют от отгадывающего активного декодирования скрытого сравнения через идентификацию признаков, присущих разным семантическим полям.

Если структурный анализ отвечает на вопрос о внешней организации высказывания, то лингвистический критерий позволяет проникнуть в саму природу загадочности, выявив конкретные языковые средства [3]. Лингвистический критерий рассматривает инструменты языка, формирующие основу для разгадки и создающие семантическое напряжение. Наиболее распространенными и изученными являются загадки, построенные на каламбуре и игре омофонов, в которых разгадка возникает в зоне столкновения звуковой формы и значения [4]. Яркой иллюстрацией служит пример: *‘Why is Europe like a frying pan?’ (because it has Greece at the bottom)*. В данном случае омофон *Greece / grease* создает мгновенный семантический сдвиг, переводя восприятие с географического на бытовой уровень. Другой механизм – использование метафоры и метонимии, которые демонстрирует загадка, например, *‘What has a heart that doesn’t beat?’ (an artichoke)*. В данном случае метонимический перенос, при котором *heart* обозначает не орган, а сердцевину растения, заставляет пересмотреть привычные семантические связи. Также следует рассмотреть загадки, использующие буквализацию идиом, как в известной загадке-шутке: *‘Why did the kid throw the clock out the window?’ (to see time fly)*. Аналогичные примеры показывают, как устойчивое выражение, подвергнутое буквальной интерпретации, формирует основу создания абсурдной и комичной ситуации.

Содержательный критерий предлагает тематическую группировку загадок, хотя его самостоятельная ценность представляется спорной. Традиционно исследователи выделяют загадки о явлениях природы, например, *‘What gets wetter as it dries?’ (a towel)*, о человеке и его теле: *‘I have a head and a tail, but no body. What am I?’ (a coin)*, о предметах быта *‘I have keys but no locks. I have space but no room. You can enter but can't go outside. What am I?’ (a keyboard)* и абстрактных понятиях *‘The more you take, the more you leave behind. What am I?’ (footsteps)*. Данный критерий является наименее строгим, поскольку идентичные структурные и лингвистические модели могут с равным успехом применяться для описания объектов из разных тематических групп.

Заключение. Таким образом, более продуктивным является не изолированное применение данных критериев, а их синтез, позволяющий рассматривать каждый экземпляр загадки как единое явление, обладающее структурной формой, лингвистическим механизмом и тематическим наполнением. Такая классификация позволяет систематизировать корпус текстов с большей точностью и понять когнитивные процессы, связанные с восприятием загадки, где происходит столкновение буквального и переносного смыслов, обыденного и метафорического видения мира.

Список литературы

1. Врублевская, А. М. Методический потенциал английских загадок / А. М. Врублевская // Система непрерывного филологического образования. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2024. – С. 318–321.
2. Палашевская, И.В., Кондрашова С.С. Английские загадки: агонические, миметические и фасцинативные характеристики социальной игры // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023. – № 2. – С. 84–98.
3. Языковая картина мира в английской загадке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Кондрашова Светлана Сергеевна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 2017. – 198 с.
4. Zakaulova, N. A. Peculiarities of the English riddles / N. A. Zakaulova // Актуальные вопросы современности глазами молодых исследователей: материалы I Международной научно-практической конференции. – Омск: Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ), 2017. – P. 358–362.

УДК 81’42:811.111

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «НАРОД» В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Фатьянова И.В. [1]**,** д-р. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2870-1275,
Непран Я.В. [2]
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irenefatianova@mail.ru, vegansalami@gmail.com

Введение. Политический дискурс является важным инструментом формирования общественного мнения и передачи идеологических ценностей. Одним из ключевых концептов, используемых в политической риторике, является концепт НАРОД. Данное исследование посвящено изучению актуализации этого концепта в русском и американском политическом дискурсе XXI века на основе анализа публичных выступлений президентов РФ и США.

Основная часть. Концепт НАРОД рассматривается как ключевое понятие лингвокультурологии, отражающее национально-культурные особенности. В структуре концепта выделяются понятийно-ценностный и образно-ценностный компоненты [4; 5]. В русском политическом дискурсе (далее РПД) концепт НАРОД часто ассоциируется с единством, справедливостью и исторической памятью: *«Народ России всегда стремился к справедливости и равенству.»* (В.В. Путин). В американском политическом дискурсе (далее АПД) акцент делается на демократических ценностях, гражданском единстве и свободе выбора: *"The American people deserve leaders who put their interests first"* (Дж. Байден).

Концепт PEOPLE (НАРОД) как ключевой концепт англо-американской культуры является важнейшей составляющей АПД XXI в., что обосновывается неразрывной связью данного феномена как с дискурсообразующими концептами ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ / СИЛА, ГОСУДАРСТВО, так и национально-маркированными АМЕРИКА, НАЦИЯ и ДЕМОКРАТИЯ, по отношению к которым он выступает архиконцептом, прототипом [5]. В начале XXI века основное содержание концепта представляют признаки демократия (*democracy), сторонники партии (supporters of the party), патриоты (patriots)*, что обусловлено сложившейся социально-политической обстановкой как в стране, так и в мире. Универсальные черты концептуализации понятия *people* связаны с концептами личности, населения, нации, политического и социального субъекта, что зафиксировано в ядерной части семантического пространства концепта PEOPLE. Инвариативная модель расширяется за счет признака семьи *(family)* и отношений *(relationship)* как внутри семьи, так и в определенном сообществе, государстве и шире – между государствами, что свидетельствует о значимости определенных понятий в концептуальном пространстве АПД XXI века [5].

Сравнительное изучение речей президентов РФ и США в XXI в. позволяет выявить фундаментальные различия в обращении к народу, отражающие особенности национального сознания. В РПД концепт НАРОД приобретает особое звучание через призму коллективных ценностей и исторической преемственности. Как показывает анализ выступлений российских лидеров, здесь доминирует представление о народе как о фундаментальной основе государственности, где народ предстает одновременно и источником, и гарантом стабильности. АПД предлагает иную перспективу, где концепт НАРОД вплетается в ткань демократического нарратива. В выступлениях американских президентов, таких *как "The power of this nation lies in the hands of its people"* (Дж. Байден), народ выступает прежде всего как носитель суверенитета и движущая сила политических изменений.

Особый интерес представляет анализ темпоральных акцентов в двух политических традициях. РПД демонстрирует устойчивую ориентацию на историческую память, что проявляется в частых отсылках к прошлому, как в примере *«Наш народ помнит своих героев и чтит традиции»* (Д.А. Медведев). Эти исторические параллели служат не только инструментом легитимации текущей политики, но и способом поддержания национальной идентичности. В противоположность этому, американская риторика чаще всего обращается к будущему, как в высказывании *"Our children deserve a better tomorrow, built by us today"* (Д. Трамп), что отражает характерную для американского сознания ориентацию на прогресс и изменения. Семантический анализ выявляет и другие существенные различия. В РПД преобладает лексика единства *(«Мы сильны, когда мы*

едины» (В.В. Путин, тогда как в АПД заметен акцент на многообразии *("We are a nation of many voices"* (Б. Обама). Это различие не просто стилистическое – оно отражает глубинные расхождения в понимании природы политического сообщества: от идеи органического единства в русской традиции до концепции плюралистического общества в американской.

Сравнительное исследование также показывает, как по-разному реализуется связь между народом и властью. В РПД власть чаще предстает как продолжение народной воли, тогда как в АПД – как производное от народного выбора. Эти различия проявляются не только на уровне отдельных высказываний, но и в общей структуре политических нарративов, где РПД тяготеет к монологичности, а АПД – к диалогичности. Таким образом, анализ понятийно-ценностного компонента концепта НАРОД позволяет сделать вывод о существенных различиях в политической культуре России и США, которые сохраняются, несмотря на процессы глобализации. Эти различия проявляются в темпоральных акцентах, соотношении коллективных и индивидуальных ценностей, а также в способах концептуализации отношений между народом и властью.

Концепт НАРОД в РПД в большинстве случаев метафорически описывается как природное явление (например, «народ – это мощная река»). Образно-ценностный компонент концепта НАРОД реализуется в АПД при помощи различных разноуровневых языковых средств. Наиболее продуктивным средством объективации концепта PEOPLE в АПД XXI в. является концептуальная метафора, которая демонстрирует различные модели, среди которых доминируют природоморфные, зооморфные и социоморфные. Появление новых или видоизменение устоявшихся метафорических моделей обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как научно-технический прогресс, идеология и пропаганда, смена власти, международные отношения, изменения в укладе жизни лингвокультурного сообщества, влияние СМИ и общественных движений [4].

Заключение. Проведенное исследование концепта НАРОД в РПД и АПД XXI в. выявило существенные различия в его концептуализации, отражающие глубинные особенности национального политического сознания. В американской традиции концепт НАРОД органично вплетается в систему ключевых политических ценностей, образуя смысловое единство с такими архиконцептами как DEMOCRACY, NATION и FREEDOM. Его семантическое поле строится вокруг идеи народного суверенитета, где граждане выступают одновременно как субъекты и бенефициары власти. Характерно сочетание правового формализма ("We the People") с эмоциональной риторикой национальной исключительности. Русская концептуализация НАРОДА отличается акцентом на соборном единстве и исторической преемственности. Концепт вплетается в метафорические ряды, подчеркивающие органическую связь народа с государством и

территорией. В отличие от американского индивидуалистического подхода, здесь доминирует коллективистская перспектива, где народ мыслится как единый организм с общей исторической судьбой. Особое значение приобретают концепты СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПАМЯТЬ и ЗАЩИТА. Оба дискурса демонстрируют сложную многоуровневую организацию концепта, где правовые и политические категории сочетаются с эмоционально-ценностными компонентами. Однако если американская традиция делает акцент на вызовах современности и изменениях, то русская – на устойчивости и преемственности. Эти различия отражают фундаментальные особенности национальных политических культур и продолжают эволюционировать под влиянием современных социальных трансформаций.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Карасик, В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – Москва: Издательство Лабиринт, 2007. – С. 162–197. – EDN IXLREK.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – 2004. – 560 с.
3. Пименова, М. В. Политическая концептуальная система / М. В. Пименова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2(32). – С. 47–55. – EDN MLZUPB.
4. Фатьянова, И. В. Вербализация образно-ценностного компонента концепта PEOPLE в американском политическом дискурсе XX-XXI ст / И. В. Фатьянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 2. – С. 24–32. – EDN UYGUMQ.
5. Фатьянова, И. В. Лингвальное воплощение концепта PEOPLE в американском политическом дискурсе XX-XXI ст / И. В. Фатьянова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2022. – Т. 18, № 1(55). – С. 5–30. – EDN ETZIOM.

УДК 81(470-194)"312"(043.2)

ОТОБРАЖЕНИЕ ОБРАЗА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Федорова Ю.Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-8325-6439
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
in.yaz@mgumariupol.ru

Введение. Исследование образа мира, формируемого и репрезентируемого в пространстве текста, является актуальной и интересной проблемой для многих исследователей в области

культурологии, литературоведения и языкознания. Основной задачей таких исследований является выявление особенностей представления мира через язык и литературу, а также изучение того, каким образом эти представления влияют на мировоззрение людей. В основе лингвокультурного изучения образа мира лежит понятие репрезентации, являющееся центральным для лингвокультурологии и когнитивной лингвистики в целом. Концепция когнитивной репрезентации базируется на тезисе о том, что окружающий мир не может быть отражен человеческим сознанием во всем многообразии свойств и корреляций, вследствие чего человек воспринимает и отражает мир субъективно и фрагментарно, основываясь на таких взаимокоррелирующих параметрах, как *салиентность* (акцентуация того или иного признака, свойства или параметра при восприятии), *релевантность* (полезность воспринимаемого для формирования опыта человека и оптимизации его взаимодействия с внешней средой) и *телесность*. Тот факт, что наш опыт воплощен – то есть структурирован отчасти устройством наших тел и организацией нашей нервной системы – в существенной степени определяет траекторию и механизмы нашего познания. Другими словами, специфика окружающего мира, о которой мы думаем и говорим, является функцией нашего восприятия, опосредованного нашей нервно-физиологической организацией.

Цель – проанализировать и актуализировать представление мира посредством языка, а также определить роль политического дискурса в отражении образа мира.

Основная часть. Вследствие такого отражения мира формируется его *образ* (картина), включающий когнитивные структуры (фреймы по Ч. Филлмору или когнитивные области, если воспользоваться терминологией Р. Лэнекера), имеющие непосредственное отношение к семантике языковых и речевых единиц. Значение лексических единиц основывается на наборе когнитивных областей, которые регулярно активируются отдельно или в комплексе при употреблении единиц такого рода. В грамматике речи репрезентируются корреляции когнитивных областей.

Основная проблема, которую необходимо решить в контексте изучения репрезентации образа мира посредством языковых единиц, заключается в том, что когнитивные области, которые представлены в значении лексемы, не могут быть легко исчислены. Вместо того, чтобы быть отдельными и обособленными, они связаны посредством наложения, включения, взаимной активации или объединения в более сложные когнитивно-концептуальные структуры. Помимо этого, нет очевидной основы для установления определенной границы между «лингвистическими» и «внелингвистическими» структурами такого рода.

Ряд исследователей, таких как М.М. Бахтин, Ю. Лотман, Р.О. Якобсон и др., занимались исследованием образа мира в языковом и литературном

пространстве и пришли к выводу о том, что тексты практически любого рода и объема являются не только средством передачи информации, но также отражают мировоззрение как конкретного автора, так и общества в целом. В свою очередь, образ мира, представленный в тексте посредством отдельных языковых единиц и их корреляций, формирует восприятие читателя или слушателя, тем самым трансформируя его собственный образ мира.

Образ мира может быть представлен в тексте различными способами и на различных уровнях: через языковые средства, сюжетные повороты, характеры героев, метафоры и символы. Изучение этих способов репрезентации образа мира позволяет лучше понять то, как литературные и обиходные тексты формируют идеологию и мировоззрение общества, а также то, как они способствуют конструированию культурной памяти и идентичности.

Предметом исследования в рамках проекта выступают фрагменты языковой картины мира, репрезентируемые на различных уровнях системы языка. Исследование проводится апробированными методами современной лингвистики и ее отдельных направлений: истории языка, диалектологии, лексикологии (фразеологии, ономастики), лингвогеографии, когнитивной лингвистики, социолингвистики, теории межкультурной коммуникации, что определяет комплексный характер изучения эмпирического материала.

При изучении языка, особенно в его специфических проявлениях, таких как политический дискурс, становится очевидным, что язык представляет собой не просто инструмент коммуникации. Это сложная система, в которой заключены культурные, социальные и политические значения и который функционирует как средство формирования общественного мнения, отражения и создания образа мира. В последние десятилетия заметно возросло внимание исследователей к анализу языка и дискурса (в том числе и политического) с использованием методов корпусной лингвистики. Это направление научных изысканий позволяет более глубоко понять то, каким образом формируются и отображаются политические концепты в языковом и текстовом пространстве.

Одной из главных задач политического дискурса является создание определенного образа мира, который способствует актуализации тех или иных социальных, политических и экономических проблем и нахождению возможных путей их решения, а разнообразные языковые и речевые средства, такие как метафоры, аналогии и риторические вопросы, играют важную роль в обеспечении восприятия транслируемого в политическом дискурсе образа мира. С помощью корпусного анализа можно выявить частоту использования определенных слов и выражений, исследовать семантику и синтаксис, а также анализировать динамику семантических приращений языковых единиц. Это позволяет лучше понять то, как меняется политический дискурс в ответ на социальные и экономические

изменения. Например, исследование миграционной политики через призму корпусной лингвистики позволяет выявить то, каким образом менялось отношение общества к мигрантам, какие страхи и опасения поднимались в разных периодах и как это отражалось в официальной политической риторике

В данной области активно работают такие лингвисты, как Н. Фэйрклав, исследующий язык и власть, а также М. Рима. Их работы акцентируют внимание на том, как язык создает и поддерживает иерархическую организацию власти.

Другим значимым именем в этой области является Р. Карл. Его исследования посвящены тому, как лексику и стилистику политических текстов можно анализировать с помощью корпусной лингвистики. Он обращает внимание на новые тенденции в языке, которые возникли в ответ на социальные изменения. Провокативность и манипулятивность в изучении образа мира в языковом пространстве отражают способы воздействия на аудиторию через использование определенных языковых средств. Корпусные исследования дискурса таких президентов, как, например, В.В. Путин, Д. Трамп и Дж. Байден, могут помочь выявить особенности их коммуникаций, а также способы, которыми они структурируют и репрезентируют собственный образ существующего или проектируемого в перспективе мира.

Заключение. Таким образом, изучение динамики репрезентации образа мира в контексте практико-целевого подхода связано с постоянно меняющимися социально-политическими реалиями и новыми вызовами, перед которыми стоит общество. Президенты как ключевые фигуры в политической сфере играют важную роль в формировании образа мира своих стран и мировоззрения граждан.

Анализируя дискурс президентов, можно выявить то, как они используют провокативные и манипулятивные техники для достижения своих целей, а также как они влияют на общественное сознание и восприятие реальности.

Список литературы

1. Кибрик, А.А., Кошелев А.Д. – Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федоров. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 848 с., ил. – (Вклейка после с.368). – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). – ISBN 978-5-9906039-9-8.
2. Филлмор, Ч. – Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – Когнитивные аспекты языка. – Москва. – 1988. – URL: https://djvu.online/file/0adj2pi88ygbi.

УДК 81’373.21:321

РОЛЬ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТОВ США XXI СТ.

Цыкало Д. С., ORCID 0009-0003-5501-7109
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
d.tsykalo@list.ru

Введение. Инаугурационная речь входит в подвид ритуального жанра и занимает высокое положение в системе политического дискурса. Выступая ключевым ритуалом американской политической культуры, инаугурационная речь президента США выполняет не только церемониальную, но и стратегическую функцию. В день инаугурации новоиспеченной президент излагает принципы, которыми будет руководствоваться во внутренней и внешней политике, закладывает идеологический фундамент предстоящего срока, что составляет актуальность исследуемой темы.

Цель работы – проанализировать дискурсивные функции и стратегическую роль топонимического пространства в инаугурационных речах президентов США XXI ст.

Основная часть. Политический дискурс как область реализации манипулятивного воздействия американских политиков вызывает интерес современных ученых. Р. Водак [5], Т. М. Новикова [2], Э. В. Будаев [1], И. В. Фатьянова [3; 4] исследуют коммуникативные механизмы, при помощи которых американские политики продвигают идеи своего лидерства и стратегии воздействия политиков на аудиторию.

Топонимическое пространство является одним из мощных, но недостаточно изученных лингвистических явлений в политической коммуникации. Географические названия, используемые в речи, несут не только географическую, но также историческую, идеологическую и символическую нагрузку. Топонимы служат символами национальной идентичности, истории, борьбы и общих ценностей.

Внутренние топонимы выполняют важную функцию в рамках политического дискурса, так как выступают не просто географическими объектами, а символами национального единства и социальными маркерами.

Самым встречаемым топонимом у всех президентов США XXI ст. можно назвать топоним *America* и его вариации – *the United States, the United States of America, US*. Высокая частотность данного топонима объясняется необходимостью национальной идентификации и служит символом единства нации, поскольку позволяет президенту определять себя как лидера всей нации, а не отдельных групп населения.

В инаугурационной речи Джо Байдена встречается следующий пример топонима *America* как символа национальной идентичности:

"This is democracy's day...Through a crucible for the ages ***America*** *has been tested anew and* ***America*** *has risen to the challenge"* [J. Biden, January 20, 2021].

В данном примере топоним *America* не просто географический объект, а символ возрождающейся демократии, идеалы которой противопоставляются кризису предшествующего периода.

В инаугурационной речи 2013 года Барак Обама делает отсылку к городам *Detroit* и *Appalachia* в контексте общенационального единства. Названия этих городов прозвучали не случайно, ведь в 2013 *Detroit* был связан с банкротством и разрушающейся инфраструктурой, большой процент жителей находился за чертой бедности, а город *Appalachia* ассоциировался с кризисом в энергетической промышленности, высоким процентом бедности населения и проблемами в сфере образования населения. Отсылкой к данным топонимам Барак Обама акцентирует внимание на том, что проблемы данных городов требует коллективного решения и символизируют единство нации.

Упоминание одного и того же топонима в речах разных президентов может иметь различное символическое значение. К примеру, упоминание центра власти США – топонима *Washington, DC* в инаугурационной речи Д. Трампа в 2017 г. имело негативную коннотацию. Д. Трамп использовал топоним *Washington, DC* как символ коррупции, обвиняя политиков, которые процветали и обогащались, в то время как простой народ все это оплачивал. Трамп также обвинил оппонентов, находящихся в столице в оторванности от реальной жизни обычных американцев.

В свою очередь, Дж. Байден описывает столицу как цитадель демократии, как место, которое может выстоять, несмотря на любые трудности. Называя столицу «священной землей», президент придает ей сакральный характер. В отличие от Д. Трампа, который считал, что власть нужно «забрать» у Вашингтона и «передать» народу, в политической риторике Дж. Байдена столица уже является собственностью всех граждан.

Внешние топонимы используются политиками для построения картины международных отношений, отражающих текущий политический настрой. В обращении Д. Трампа в 2025 г. отражаются сложные политические отношения с другими странами:

"And above all, ***China*** *is operating* ***the Panama Canal****. And we didn't give it to* ***China****. We gave it to* ***Panama****, and we're taking it back"* [D. Trump, January 20, 2025].

В приведенной цитате Д. Трампа Китай упоминается как стратегический противник США через призму управления Панамским каналом. Присутствие китайских компаний в районе канала трактуется как установление контроля Китаем над Панамским каналом и создает эффект внешней угрозы. Такой прием позволяет политику обосновать жесткую

торговую политику и объединить сторонников с целью защиты национальных интересов. Д. Трамп создает искусственный контраст между эпохой могущества в XX ст. в период американского контроля и «унизительным настоящим», где канал находится под контролем Китая. Такую стратегию политик использует с целью оправдания более агрессивной внешней политики и критики сделок предыдущих администраций президентов.

Заключение. Топонимы в инаугурационных речах президентов США XXI ст. выходят за рамки просто географических объектов. Географические названия становятся мощными инструментами создания политической реальности, отражением американской идентичности, национальных интересов и роли США в мире. Анализ топонимов в политических речах позволяет расшифровать скрытые смыслы политической риторики президентов и прогнозировать реальные политические действия.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Введение в политическую лингвистику: учебное пособие / Э. В. Будаев. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. – 168 с. – ISBN 978-5-6044793-7-7.
2. Новикова, Т. М. Роль языковых средств в речевом воздействии политического дискурса / Т. М. Новикова // Вестник Саратовского государственного университета. – 2020. – С. 13-18.
3. Фатьянова, И. В. Особенности функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе XX - начала XXI веков (на материале публичных выступлений президентов) / И. В. Фатьянова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2023. – Т. 19, № 4(62). – С. 50-62. – EDN YBVIPD.
4. Фатьянова, И. В. Американский политический дискурс XX-XXI столетия: коммуникативные стратегии манипулирования и давления в президентских выступлениях / И. В. Фатьянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 1. – С. 54-63. – EDN XNTQOC.
5. Wodak, R. The Politics of Fear: The Shameless Normalization of FarRight Discourse / R. Wodak. – L., SAGE Publications Ltd, 2020. – 356 p. – ISBN 978-1-526-49921-9.

УДК 811.111’42:808.53

ФЕНОМЕН ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Чуйко С.А., ORCID 0009-0005-1404-5810
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.a.chuyko@mail.ru

В последнее время в науке наблюдается неугасающий интерес к лингвокогнитивным исследованиям, поскольку они дают возможность выявить особенности влияния языка на понимание и восприятие окружающей

действительности. Эмоции выступают одним из ключевых элементов процесса познания. Выражаясь и понимаясь через язык, эмоции являются отражением определенной лингвокультуры, однако проникая в определенный дискурс и текст, способны стать средством влияния на лингвообщество и формирования в нем необходимой эмоциональной атмосферы.

Избранная тема становится особенно актуальной в нынешних геополитических реалиях, где мир развивается с невероятной скоростью, а вместе с ним меняется и наша жизнь. Новая реальность формируется на фоне многочисленных достижений научно-технического прогресса (искусственный интеллект, виртуальная реальность, 3D печать и т.д.), социально-культурных изменений и глобальных вызовов. Все еще находящийся под влиянием глобализации, мир оказался в ситуации ожесточенного открытого противостояния западной и восточной культур, вследствие чего человек вынужден находится в процессе постоянной адаптации к новым обстоятельствам и нормам и, соответственно, меняется также и его сознание. СМИ немедленно реагируют на изменения в мире, а потому всё большее внимание приковывает к себе медиадискурс. Эмоциональное коммуникативное воздействие на массовое сознание через СМИ, а также средства и механизмы его реализации – это мощный инструмент формирования у аудитории необходимого отношения к окружающей действительности и происходящим событиям.

Объектом исследования выступает эмоциональное коммуникативное воздействие в англоязычном медиадискурсе.

Предмет исследования – вербальные и невербальные эмотивные средства выражения коммуникативного воздействия в медиадискурсе.

Материалом послужили медиатексты, отобранные из качественной и популярной британской и американской прессы.

Говоря об эмоциональном коммуникативном воздействии, следует разграничить понятия «эмоциональность» и «эмотивность». Согласно В. И. Шаховскому, ключевое отличие между двумя понятиями заключается в наличии или отсутствии фактора воздействия: эмоциональность ассоциируется с произвольным выражением эмоции говорящего, в то время как эмотивность подразумевает оказание влияния на адресата. Поскольку категория эмотивности позволяет проследить не только процесс и результат выражения эмоций в коммуникативном пространстве, но главным образом – процесс воздействия на адресата, она представляется важной частью современного лингвистического анализа [3].

Поскольку данное исследование сконцентрировано на осуществлении и проявлении эмоционального коммуникативного воздействия в СМИ, центральными понятиями работы становятся «медиадискурс» и «медиатекст».

Рассматривая суть дискурса, исследователи в области лингвистики сходятся во мнении, что дискурс – это многоаспектное явление, включающее в себя как речевую деятельность, так и семиотическое

пространство. Обратимся к определению Т. Г. Добросклонской, согласно которому, под медиадискурсом следует понимать «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 21].

Текст, функционирующий в массовой коммуникации, или медиатекст, представляет собой семиотически неоднородную структуру и, выходя за рамки вербального уровня, включает в себя также экстралингвистические факторы, присущие конкретному каналу коммуникации, в котором он представлен. Это объясняется тем, что информация лучше воспринимается и запоминается, когда она представлена ярко, воздействует на чувственное восприятие и способна вызвать определенный эмоциональный отклик. А благодаря тому, что в процессе передачи такого текста задействуется сразу несколько каналов восприятия (аудиальный, визуальный), нужное сообщение с большей долей вероятности закрепится в сознании реципиента. В этой связи в современных СМИ целесообразно рассматривать медиатекст как поликодовую структуру, которая представляет собой комбинацию вербальных и невербальных компонентов, способствующих передаче закодированного сообщения. Таким образом, вербальный уровень медиатекста представлен непосредственно текстом, а в роли невербальных элементов могут выступать фото, картинки, диаграммы, видеоматериалы. Примечательно, что сами слова также могут рассматриваться как визуальные элементы, если выделены цветом или другим шрифтом.

В качестве примеров проявления эмоционального коммуникативного воздействия в медиадискурсе в данной работе были рассмотрены статьи из британской и американской качественной прессы. Обе статьи посвящены определенным проблемам окружающей среды.

В статье “Los Angeles against the flames”, взятой из британского еженедельного новостного журнала The Economist, освещаются стихийные массовые пожары, охватившие Южную Каролину в январе 2025 года, которые повлекли за собой человеческие, серьезные материальные потери, а также нанесли ущерб окружающей среде.

“The five fires that on January 9th were still blazing in and around Los Angeles were already among (1) ***the most destructive*** *in California’s history. The scale is (2)* ***staggering****, even for a state accustomed to natural disasters”.* В данном контексте коммуникативное воздействие осуществляется при помощи вербальных средств. В первом примере можно наблюдать употребление грамматического средства. Прилагательное “*destructive*”, которое само по себе ассоциируется с отрицательными эмоциями, усиливается превосходной степенью в аналитической форме “*the most destructive*”. Во втором случае воздействие актуализируется благодаря лексеме “*staggering*”, что означает “*very shocking and surprising*”. Таким образом автор подчеркивает степень разрушительности бедствия.

Рассматривая невербальный аспект данной статьи, можно отметить, что эмоциональное воздействие осуществляется благодаря прикрепленным фотоматериалам. На фото можно увидеть пожар, пострадавшего человека и смог, что акцентирует внимание читателей на многоаспектности последствий катастрофы.

Из американского еженедельного издания The Week была отобрана статья “Earth's climate is in the era of 'global weirding'”, которая проливает свет на проблему глобального потепления, ее проявления и очередные последствия. Уже в самом названии мы можем заметить проявление эмоционального коммуникативного воздействия на примере игры слов, что является стилистическим средством воздействия. Выражение *“global weirding”* (рус. – глобальная странность) отправляет нас к хорошо известной фразе “global warming”, однако подчеркивает, что климат не просто меняется, а создает в климатической системе некий хаос, последствия которого могут быть совершенно непредсказуемы.

“As a part of global weirding, many places are experiencing (1) ***climate whiplash****, or extreme opposite weather conditions in the same region. Cities across the globe have experienced "droughts that dry up water sources followed closely by floods that (2)* ***overwhelm*** *infrastructure, (3)* ***destroying*** *sanitation systems and (4)* ***contaminating*** *drinking water," said a new report by WaterAid.”* В данном контексте в первом примере можно наблюдать применение стилистического средства коммуникативного воздействия: уже устоявшийся термин *“climate whiplash”* основан на ассоциации с ударом плетью, что понимается как тяжкое испытание или наказание. Вербальные средства воздействия представлены в примерах 2, 3 и 4. Лексемы *“overwhelm”*, *“destroy”*, *“contaminate”* характеризуются отрицательной коннотацией и обозначают отрицательное, даже разрушительное, воздействие. Статья также сопровождается фото с изображением мужчины, который идет по разрушенной вследствие наводнения улице в Испании.

Благодаря комбинации вербальных и невербальных средств эмоционального коммуникативного воздействия, описанные в статьях ситуации представляются таким образом, что человек ощущает страх из-за бессилия и беспомощности перед разрушительной силой природы.

Список литературы

1. Добросклонская, Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации/ Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского ун-та. Серия 10 Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.
2. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Изд-во полит. литературы, 1978. – 272 с.
3. Шаховский, В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 128 с.

УДК 811.512.141

КОНЦЕПТЫ КАК ЕДИНИЦЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Шевчик А.С., ORCID 0000-0001-7749-4190
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
Sevcika07@gmail.com

Введение. На стыке лингвистики, культурологии и когнитивных наук возрастает значимость концептов как ключевых элементов национального мировоззрения. Концепт выходит за рамки простого языкового явления, выступая в качестве сложного ментального образования, в котором кристаллизуются исторический опыт, культурные ценности, а также коллективные представления и стереотипы. Исследование концептов открывает доступ к глубинному пониманию того, как конкретный этнос воспринимает и осмысляет окружающий мир.

Являясь основополагающими единицами сознания, концепты тем не менее специфически проявляются в каждой культуре. Их анализ позволяет обнаружить глубинные ценностные ориентиры и идеалы народа, что приобретает особую актуальность в условиях современного межкультурного диалога.

Целью настоящей работы является системный анализ концепта как единицы лингвокультурного пространства, с целью выявления его характерных черт и ценностного наполнения.

Основная часть. Изучение концепта в отечественной науке было начато в 1928 году С. А. Аскольдовым, который впервые ввёл этот термин. Он рассматривал концепт как своего рода «заместителя» понятий, выполняющего роль мыслительного инструмента. Этот подход заложил основу для понимания того, как ментальные структуры человека находят своё отражение в языке, подчёркивая когнитивную природу концепта. [2, с. 267–279]. В свою очередь, Д. С. Лихачев развил эту идею, представив концепт как «алгебраическое выражение значения», которое существует не для слова, а для каждого его основного смысла отдельно. Его научный взгляд подчеркнул абстрактную, структурную природу концепта, его независимость от конкретной лексической единицы [3, с. 280–287].

Наиболее глубоко и полно концепт был осмыслен Ю. С. Степановым, который дал ему ставшее классическим определение: «сгусток культуры в человеческом сознании». Он рассматривал концепт как «пучок» представлений, ассоциаций, образов и знаний, которым сопровождается слово. Эта концепция стала основополагающей для лингвокультурологии, так как она прямо указывала на неразрывную связь концепта с культурной средой [5, с. 342].

В дополнение к этому, Н. Д. Арутюнова вносит в понимание концепта идею, что он является продуктом «обыденной философии». Под этим она подразумевает, что концепты формируются не только на основе систематизированных научных знаний, но и в результате повседневного взаимодействия человека с миром. Эта «философия» складывается из фольклора, национальных традиций, религиозных верований, бытового опыта, образов искусства и коллективных ценностей [1, с. 265].

Такой подход подчёркивает, что концепты – это живые, динамичные образования, глубоко укоренённые в культурной среде. Они служат своеобразным мостом между сознанием индивида и коллективным опытом, позволяя осмыслить мир на интуитивном, ценностно-ориентированном уровне. Таким образом, Н. Д. Арутюнова показывает, что для полного понимания концепта необходимо обращаться не только к его словарному значению, но и к богатому культурному слою, который его окружает и придаёт ему уникальные смыслы [1, с. 267].

В своих научных трудах, С. Х. Ляпин, рассматривает концепт как многогранное и многоуровневое образование, которое формируется в коллективном сознании общества. Он считал, что концепт обладает не только ментальной, но и социальной природой, поскольку его содержание обусловлено взаимодействием людей, культурными нормами и общественными установками. Таким образом, концепт, с его точки зрения, является социопсихическим феноменом, который объединяет индивидуальные психические образы с коллективными, общественно значимыми смыслами [4, с. 11–35].

Мы считаем, что истинная ценность концепта как объекта научного исследования заключается именно в его многомерности. Ни один из представленных подходов не является исчерпывающим в отдельности, однако в своей совокупности они создают целостный методологический аппарат. Концепт выступает в роли своеобразного моста, соединяющего три фундаментальные сферы: мышление, язык и культуру. Он позволяет увидеть, как абстрактная мысль воплощается в конкретных языковых формах и, в свою очередь, как эти формы отражают и формируют культурную идентичность. Это делает концептуальный анализ незаменимым инструментом для понимания глубинной психологии этноса и его взаимодействия с окружающим миром.

Ключевые черты концепта проявляются в его сложной структуре: он включает в себя не только понятийную основу, но и образные ассоциации, а также ценностное наполнение. Именно этот ценностный компонент делает концепт уникальным для каждой культуры.

Ценность концепта проявляется в том, как народ окрашивает определенные явления и идеи эмоциональными и этическими оттенками. Возьмем, к примеру, такие понятия, как «правда», «справедливость» или «свобода». В разных языковых и культурных средах они могут иметь схожие

словарные определения, но их истинная ценность, их «вес» в сознании людей, будет разниться, неся отпечаток уникальной истории и социокультурного уклада. Таким образом, ценностное наполнение концепта – это концентрированная культурная эссенция, передаваемая из поколения в поколение и выковывающая национальный менталитет.

В **заключение** стоит подчеркнуть, что концепт – это краеугольный камень, формирующий лингвокультурное пространство. Он несет в себе не только словарное значение, но и ценностный, образный и понятийный багаж, выходящий далеко за его пределы.

Детальное исследование концептов демонстрирует их сложную и многогранную природу. Внешнее проявление концепта неразрывно связано с глубинными этическими и духовными смыслами, которые он несет. Концепты являются зеркалом культуры, отражая ее специфические черты, склонность к определенным мировоззренческим дилеммам и способность присваивать явлениям глубокое нравственное значение.

Таким образом, концепт выходит за рамки исключительно лингвистического анализа и становится ключевым элементом в системе национальных ценностей. Изучение таких единиц позволяет проникнуть глубже в понимание особенностей национального менталитета, что приобретает особую актуальность в условиях современного глобализирующегося мира.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [переиздание]. – 2-е изд. испр. – Москва: Языки русской культуры, 2024. – 896 с.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [переиздание] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва: Академия, 2024. – С. 267–279.
3. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [переиздание] // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва: Академия, 2024. – С. 280-287.
4. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода [переиздание] // Концепты. Научные чтения. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2024. – С. 11–35.
5. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования [переиздание]. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 2024. – 824 с.

УДК 82

СВОЕОБРАЗИЕ ТИПИЗАЦИИ ХАРАКТЕРОВ РОЛЛАНА СЕЙСЕНБАЕВА

Абдыханов У. К. [1], канд. филол. наук, проф.,
Латышев О.Ю. [2], канд. филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-6164-0015
[1]Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
г. Шымкент, Казахстан
[2]Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
г. Москва, РФ
[1]uali.kibray@mail.ru, [2]papa888@list.ru

Introduction. This article examines the role of the intelligentsia, which, while adhering to humanistic principles, makes a significant contribution to the spiritual development of society. This issue is explored through a comparison of works by Kazakh and Russian writers. The authors note that this theme is vividly explored in the works of Rollan Seisenbayev, who, continuing this tradition and highlighting new facets of the pseudo-intelligentsia's lack of spirituality, created remarkable images of the true creators of a humanistic society.

Objective - to study the means and ways of character typification of Rollan Seisenbaev.

Main part. Rollan Seisenbayev doesn't unfold scenes of life nor describes events in detail. This is explained by the writer's reliance on the previous experience of M. Zoshchenko, M. Alekseyev, Ch. Aitmatov, V. Shukshin, and others in his portrayal of the intelligentsia, especially school teachers. In the 1970s, the Kazakh writer succinctly conveys tense, conflict-ridden situations.

As a master of dialogic speech, he selects from the distinctive vocabulary of his time those words that, in a given context, acquire a special, universally understood meaning and significance, vividly revealing a particular phenomenon, such as "to negotiate," "to get," "to give" (meaning "to sell," and others). They serve as subtle touches that illuminate the hidden or obvious driving forces of the events unfolding and the motives of the characters' actions. Through the lines of Meruert and Seil (in the story "So I Waited for That Summer"), the author, as if on stage, reveals the characters' personalities and actions, "through spoken language, not descriptive language" (M. Gorky).

There was time when critics condemned Chingiz Aitmatov's manner of conveying the depth of his characters' experiences with few words, overlooking his mastery and the uniqueness of his portrayal of the problem. "I recall," writes

Rasul Gamzatov, "how the author of 'Topolok' was criticized for insufficient psychological justification of his actions. The unspoken love of two young people and their hasty wedding seemed to be questioned. ...It must be taken into account... that Aitmatov's creative principle, as well as the love tradition of his people, always shuns the verbosity of people in love. It is precisely through actions and subtle details that the writer shows the unity of loving hearts. A declaration of love is not love itself. After all, Jamila and Daniyar (from the story "Jamila") realized they loved each other without much explanation. Tolganai's love for Suvankul remained with her until the end of her days (from the story "Mother's Field"). Their love is revealed in their actions. Remember how Aliman, during the harvest, secretly picked wild mallow flowers and secretly presented them to her Kasym? She was wearing a red headscarf then. A stunning detail: the same Aliman, another time, but with the same trepidation, as if in a daze, was picking a bouquet of red tulips when suddenly—she was dumbfounded—her beloved Kasym was at war. In despair, she fell face down and began tearing her flowers to shreds, whipping the ground with them" [1, p. 10].

Gamzatov convincingly demonstrates that such wonderful discoveries and the Kyrgyz writer's techniques for depicting them are also present in the story "My Poplar in a Red Scarf." "Among the tire tracks of a dozen other cars, Asel recognizes the tracks of Ilyas's truck. Here, Aitmatov used a folkloric detail appropriately and creatively. In this region, where the story "Poplar" takes place, a girl, especially two days before her wedding, would not go out on the road in broad daylight to wait for a man she doesn't love. Love brought Ilyas and Asel to the road, and here words are superfluous, authorial remarks are unnecessary, because the act is psychologically justified" [1, p. 10].

The outstanding poet's judgment of the mastery and originality of Aitmatov's style can be fully applied to the assessment of the creative style of Seisenbaev, who, following the Kyrgyz writer, succinctly reflects the specifics of the era. The dialogue between seventh-graders Meruert and Seil from Seisenbaev's novella "So I Waited for This Summer" is a visual representation of the emerging vices of society that will take root in the future. With Meruert's words at the beginning of the dialogue, the author portrays the teacher in the eyes of the students as an honest, principled, and fair educator, and with the girl's final question, he expresses the surprise, confusion, and anxiety of the young heroine. In this short passage, the author shows the self-confidence of Seil and the collective farm chairman, who has no doubts about the correctness of his actions. Thus, the farm manager resolved two pressing problems: production and the requirements of universal compulsory education.

The educators' concession to the immoral demands of their leaders demonstrates that the teacher is caught between a rock and a hard place, and that educators sometimes act immorally. The state program for universal, compulsory, and free secondary education, which fails to take into account the objective

conditions and factors of its development and runs counter to the interests of the people, forced the teacher to formally implement it. On the other hand, even in peacetime, to fulfill rural production quotas, which were being disrupted due to the incompetent management of the national economy, students were recruited for several months during school hours. This trend became widespread. It contributed to students' indifference to learning, the irresponsibility of some amoral teachers, and a decline in the level of education and literacy in society. In the signs of their times, Zoshchenko, Alekseyev, Aitmatov, and Seisenbayev saw signs of another disaster: society's disrespect for teachers and their work, revered by the people for millennia. The state of schools and teachers causes heartache and anxiety in writers.

In his story "The White Steamship," Aitmatov briefly depicted the critical state of small rural schools and teachers, which does not even inspire respect among the population. "What a shame," ponders Orozkul, a ranger at the nature reserve. "What a fool. Who is she, this teacher? She's been wearing the same coat for five years. All you see is notebooks and bags. "She hitches a ride on the road—she needs everything in the district, she's always short of something—either coal for the school, or glass, or chalk, or even rags. Would a decent teacher go to a school like that? What a name they came up with—a dwarf school. It really is a dwarf. What good is it? Real teachers are in the city. Schools are all made of glass, teachers wear ties" [2, pp. 55–56].

Conclusion. The writers' forebodings arose from miscalculations in societal development, the contradictions of the preceding and contemporary eras, and the hypocrisy, spinelessness, incompetence, and opportunism of a section of the intelligentsia. They condemn its actions.

Список литературы

1. Гамзатов, Р. Размышления о творчестве Чингиза Айтматова // Айтматов Ч. Т. Повести гор и степей. – М., Художественная литература, 1980.
2. Айтматов, Ч. Т. Белый пароход. Повесть. И дольше века. Плаха. Романы. – М., Художественная литература, 1988.

УДК 82-21:82-98

ПОЭТИКА ТАКТИЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ В ПЬЕСЕ О. УАЙЛЬДА «САЛОМЕЯ»

Бабий А.В., ORCID 0009-0008-2466-2312
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.babiy@donnu.ru

Чувство холода или тепла, восприятие боли и другие тактильные ощущения часто занимают значительное место в произведениях О. Уайльда, так как они служат полноте раскрытия образов и важны на концептуальном уровне. В особую группу выделяются осязательные ощущения.

В начале пьесы обозначено время действия – события разворачиваются ночью. Светит луна, и Саломея говорит, что она «<…> холодная и целомудренная <…>» [2, с. 5] (“<…> cold and chaste” [3, p. 6]). Для царевны луна ассоциируется с «красотой девственности» [2, с. 5], с девушкой, скромной и сдержанной (“<…> the beauty of a virgin” [3, p. 6]), в то время, как пажу Иродиады луна кажется похожей «<…> на мёртвую женщину» [2, с. 1] (“She is like a dead woman” [3, p. 2]). Как видно, холод в этом контексте имеет такие парадоксальные значения, как связанная с целомудрием сдержанность и смерть. Образ луны явно соотносится в пьесе с образом главной героини. Н. В. Тишунина пишет: «Сложность образа Саломеи заключается в том, что это одновременно существо, несущее смерть, губящее все вокруг себя, и юная, невинная, влюблённая девушка» [1].

Несмотря на то, что ночь холодна, царь Ирод чувствует жар, услышав взмахи крыльев птицы в воздухе: «Это холодный ветер… Но нет, здесь совсем не холодно. Напротив, очень жарко. Очень жарко. Я задыхаюсь, воды, полейте мне на руки. <…> Это мне больно от моего венка, от моего венка из роз. Цветы… Как будто из огня. Они сожгли мне лоб» [2, с. 18] (“It is a chill wind. Nay, but it is not cold, it is hot. I am choking. Pour water on my hands. <…> It is my garland that hurts me, my garland of roses. The flowers are like fire. They have burned my forehead” [3, p. 23]). Жар и боль – субъективные ощущения царя, вызванные беспокойством, предчувствием, нервным напряжением, страхом.

Боль и мучительная смерть являются ключевыми образами пьесы. Вместе с тем тактильные ощущения в произведении не всегда обозначаются своими прямыми названиями. Так, они неизбежно возникают при упоминании о распятии («И ещё он [Цезарь] обещал мне отозвать в Рим царя каппадокийского, моего врага. Быть может, в Риме он распнёт его» [2, с. 17] (“But Caesar will crucify him [the King of Cappadocia]

when he comes to Rome" [3, p. 24])) или ударах («Ударь [Иоканаана], ударь, Нааман, ударь, говорю я тебе…» [2, с. 22] ("Strike [Iokanaan], strike, Naaman, strike, I tell you…" [162, p. 30])). В конце трагедии Саломею раздавливают щитами ([2, с. 23] ("The soldiers rush forward and crush beneath their shields Salome, daughter of Herodias, Princess of Judaea" [3, p. 32])). Всё это отражает не только законы и обычаи древней Иудеи – в контексте пьесы упоминание казней и насилия поддерживает атмосферу постоянного ожидания смерти, зачастую – мучительной.

Одним из важных тактильных образов становится поцелуй. Царевна стремится поцеловать пророка во время их свидания, но только после его гибели ей удаётся прикоснуться к его губам: «<…> ты не хотел дать мне поцеловать твой рот <…> теперь я поцелую его. Я укушу его зубами своими, как кусают зрелый плод. Да, я поцелую твой рот <…> Я поцелую его теперь» [2, с. 22] ("<…> thou wouldst not suffer me to kiss thy mouth<…> I will kiss it now. I will bite it with my teeth as one bites a ripe fruit. Yes, I will kiss thy mouth<…> I will kiss it now...." [162, p. 30]). Поцелуй – одна из ключевых деталей драмы, он связывает не только страсть и страдание: в этом поцелуе, неистовом и кусающем, сочетается эротическое влечение и жажда мести, что характерно для английского эстетизма и декаданса в целом.

Таким образом, тактильные ощущения в пьесе (холод и жар, боль от сдавливания и при распятии, амбивалентный характер поцелуя) подчёркивают трагизм истории всех персонажей, которые так или иначе становятся жертвами: Иоканаан – человеческих интриг, Саломея –безумной страсти, а царь Ирод – своей слабости и греховности. В образе холодной луны или кажущегося палящего солнца персонажи чувствуют смертельную опасность, а жажда поцелуя приводит главных героев к гибели.

Список литературы

1. Тишунина, Н. В. Формирование символистской драмы в Западной Европе в 60-ые-90-ые годы XIX века: автореф. дис. … д-ра искусствоведения: 17.00.01 / Тишунина Наталия Викторовна ; РосГПУ им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 1996. – URL: cheloveknauka.com/formirovanie-simvolistskoy-dramy-v-zapadnoy-evrope-v-60-ye-90-ye-gody-xix-veka (дата обращения: 29.09.2025).
2. Уайльд, О. Саломея / О. Уайльд / Пер. с англ. К.Д. Бальмонта. – 23 с. – URL: https://balmont.online/assets/templates/art/library/perevody/avtor/wilde/salomeya.pdf (дата обращения: 29.09.2025).
3. Wilde, O. Salome / O. Wilde. – 32 p. – URL: http://www.pinkmonkey.com/dl/library1/salome.pdf (date of access: 29.09.2025).

УДК 821.111(73)

АНОНИМНОЕ ПОСЛАНИЕ КАК СРЕДСТВО ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ДИСКУРСА В «ФИНАНСИСТЕ» Т. ДРАЙЗЕРА

Баранов М.А., ORCID 0009-0001-7541-5062
ФГАОУ ВО «Балтийский Федеральный университет им. И. Канта», г. Калининград, РФ
barmysh21@gmail.com

Введение. Роман Т. Драйзера «Финансист», являющийся этапным произведением натуралистической традиции в американской литературе, демонстрирует исключительное единство тщательно выстроенной нарративной структуры и идейного содержания. Несмотря на пристальное внимание исследователей к различным аспектам концептосферы («деньги». «успех»), социально-экономической проблематике и образу главного героя (З. С. Гусейханова, К. Г. Султанов [3]; Е. С. Грушевская, Е. А. Бобрышова [2]; Е. А. Дичковская, М. И. Ерофеева [4]; Т. П. Пинчукова, О. Ю. Халявкина [5]), поэтика ключевых сюжетных элементов, важных для архитектоники романа, остается недостаточно изученной. К ним относится эпизод с анонимным посланием – нарративный ход, производящий радикальный перелом в повествовании. Этот прием, будучи инструментом авторского контроля, знаменует столкновение философии самодостаточности героя с мощным нормативным дискурсом общественной морали и репутации, которое и становится для него непреодолимым препятствием. Актуальность исследования заключается в анализе конкретного элемента поэтики Драйзера, позволяющего раскрыть некоторые закономерности его творческого метода.

Цель работы – проанализировать функции анонимного послания как инструмента дестабилизации дискурса в романе «Финансист», определяющего поворотные моменты в развитии конфликта и раскрытии авторского замысла.

Основная часть. Непосредственным объектом анализа выступает эпизод, относящийся к кульминационной фазе романа. После чикагского пожара, пошатнувшего финансовую империю Каупервуда, но до ее окончательного падения, отец возлюбленной протагониста, Эдвард Батлер, получает анонимное письмо. Автор послания, скрывшийся за неразборчивым почерком, напрямую обвиняет молодых людей в аморальном поведении и указывает на конкретный адрес, где происходят встречи. Разрабатывая систему персонажей, Драйзер наделяет отправительницу письма чертами, превращающими ее из случайного действующего лица в выразителя коллективной морали: «Бледное, худосочное, вечно неудовлетворенное создание – одна из тех натур, которые почитают своим долгом следить за чужой нравственностью» [6].

Образ демонстрирует характерную черту приема: удар по герою наносит безличный продукт среды, движимый искаженным чувством справедливости. Впрочем, сила дестабилизирующего воздействия письма ощущается героями еще до того, как оно материализуется. Фрэнку и Эйлин неоднократно казалось, что за ними следят, что их уединению может грозить опасность. Это давящее «присутствие» возможного доноса подтачивало изнутри иллюзию свободы и самодостаточности, на которой была построена связь персонажей.

Идейная нагрузка эпизода с письмом особенно явно проступает в контрасте с предшествующим кризисом, отразившимся на финансовой стабильности Соединенных Штатов. Если пожар в торгово-промышленных районах Чикаго был внешней, стихийной катастрофой в сфере бизнеса, которую Каупервуд планировал преодолеть расчетом и волей, то анонимное послание представляет собой катастрофу внутреннюю, социальную. Против этой иррациональной силы, порожденной самой средой, философия героя оказывается бессильной. Не менее важную роль в этом поражении играет фигура Эдварда Батлера. Крах негласного «джентльменского соглашения» мира большого бизнеса – вот что на самом деле означает реакция ирландца, выходящая далеко за рамки гнева обманутого отца. Батлер – олицетворение патриархальной морали и финансовой мощи – своими действиями доказывает неразрывную связь этих сфер. Его моральное осуждение мгновенно трансформируется в экономический разрыв и лишение поддержки, что и наносит Каупервуду удар, сопоставимый по силе с биржевым крахом.

Примечательно, что деструктивный эффект анонимного послания множится, также достигая жены главного героя, Лилиан. Главное отличие ее письма – отсутствие имени любовницы, хотя автор и указывал на личную неприязнь отправительницы именно к Эйлин. Возникает нарративная нестыковка: прямое обвинение ложится на Каупервуда, а его связь, вопреки мотивам доносчицы, остается для Лилиан завуалированной, превращаясь в источник мучительных догадок. Подобный ход позволяет Драйзеру добавить в кризис специфическое, ограниченное измерение и создать драматургический резерв – потенциальный скандал, который так и не разгорается, но постоянно висит над Каупервудом дамокловым мечом.

Анализ эпизода позволяет уточнить особенности художественного детерминизма Драйзера, который не сводится к простой демонстрации власти среды над индивидуумом через череду фатальных событий. Анонимное послание, будучи формально неожиданным происшествием, раскрывает работу скрытых принципов отбора: среда порождает именно тот тип случайности, который наиболее эффективно «исправляет» отклоняющегося от ее норм индивида. Не личная месть, а обезличенный отбор – так можно определить действие сил, приводящих к краху Каупервуда. Подобные «роковые случайности», в корне меняющие

траекторию героя, являются характерным элементом поэтики Драйзера и могут быть прослежены в других его произведениях (незапланированная встреча Керри с Друэ, роковым образом открытый сейф Герствуда в «Сестре Керри»; импульсивное движение Клайда, приводящее к удару Роберты в «Американской трагедии» [1]), что может указывать на устойчивость этого приема в его творческом методе.

Заключение. Анонимное послание выполняет в романе роль агрессивного нарративного триггера, который выявляет глубинное столкновение рационально-индивидуалистической установки протагониста и безличного морально-репутационного дискурса среды. Эта оппозиция переводит конфликт из сферы индивидуальной воли в плоскость детерминизма среды, демонстрирует уязвимость философии героя перед прямым воздействием социальной морали на его экономическую судьбу. В этом проявляется суть поэтики драйзеровского натурализма: случайность становится у него не хаосом, а орудием безличного отбора, целенаправленно устраняющего чуждый системе элемент.

Список литературы

1. Баранов, М. А. Генезис гештальта убийцы в романе Теодора Драйзера «Американская трагедия» // Мультимодальность в культуре текста и тексте культуры: сб. ст. по материалам Четвертой междунар. науч. конф. «Homo loquens: Язык – Коммуникация – Культура» (Калининград, 12–13 декабря 2024 г.). – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2025. – С. 59–63.
2. Грушевская, Е. С., Бобрышова Е. А. Концепт «деньги» в художественном произведении (на примере романа Т. Драйзера «Финансист») // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2024. – № 4(347). – С. 38–44. – DOI 10.53598/2410-3489-2024-4-347-38-44. – EDN GPDTWA.
3. Гусейханова, З. С., Султанов К. Г. Роль концепта «деньги» в отражении языковой личности автора романа Т. Драйзера «Финансист» // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3(82). – С. 418–419. – DOI 10.24411/1991-5497-2020-00599. – EDN IBEERF.
4. Дичковская, Е. А., Ерофеева М. И. Образ успешного человека в романе Т. Драйзера «Финансист» // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного университета (Минск, 29–30 октября 2020 г.). – Минск: Белорусский гос. ун-т, 2020. – С. 151–156. – EDN RXEEAA.
5. Пинчукова, Т. П., Халявкина О. Ю. Образ главного героя в романе Т. Драйзера «Финансист» // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – I : сб. науч. ст. I Международной научно-практической интернет-конференции (Могилев, 03–17 декабря 2018 г.) – Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 134–137. – EDN FWIGDF.
6. Dreiser, T. The Financier. New York: Harper & Brothers, 1912. – P. 358-359. – URL: https://dn790006.ca.archive.org/0/items/financiernovel00dreiuoft/financiernovel00dreiuoft.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 821.111(73)

РОМАН ФИЛИПА К. ДИКА «ВАЛИС» КАК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Вихрова К.А., ORCID 0000-0003-4175-8005
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица», г. Санкт-Петербург, РФ
r2654256@gmail.com

Введение. Филип Киндред Дик входит в число наиболее значительных писателей-фантастов США второй половины XX в. На протяжении всей творческой карьеры он стремился выйти за рамки научно-фантастического жанра, однако реалистические романы Дика неизменно оказывались коммерчески неуспешными. С другой стороны, его научно-фантастические произведения также выходят далеко за пределы жанра: они поднимают вопросы философии и религии, психологии и природы реальности [1, с. 115]. Тексты Дика показывают, насколько зыбкой может быть граница между истиной и иллюзией, психическим заболеванием и мистическим откровением.

Роман Филипа Дика «ВАЛИС» («VALIS», 1981) [2] – одно из самых поздних его произведений. Это глубоко личный текст, в котором Дик напрямую обращается к собственным переживаниям: психотическим кризисам, религиозным видениям, попыткам зафиксировать и осмыслить опыт встречи с «высшим разумом».

Цель работы: выявить характерные особенности репрезентации личного опыта Филипа Дика в романе «ВАЛИС».

Основная часть. Главный герой романа «ВАЛИС» – Толстяк-Лошадник (в ориг. Horselover Fat; др.-греч. Φίλιππος – «любящий лошадей», нем. Dick – толстый). Это alter ego писателя, как и фигурирующий в романе самостоятельный персонаж Фил Дик. Такая раздвоенность подчеркивает внутренний конфликт автора – попытку осмыслить собственный опыт одновременно изнутри и извне.

Сюжетные события основаны на реальных переживаниях Дика, связанных с его видениями в феврале–марте 1974 г., когда у него случилась, как он считал, встреча с высшей силой – божественным разумом, явившимся в образе луча розового света [4, с. 375]. Этот эпизод в биографии писателя стал отправной точкой как для написания «ВАЛИСа», так и для многолетней работы над его «Экзегезой» [3] – философско-религиозным дневником.

Центральным событием романа «ВАЛИСа» становится опыт теофании Толстяка-Лошадника: уже не Филип Дик, а его герой сталкивается с феноменом, который он называет Зеброй, – лучом розового света,

обладающим разумом и способным открывать тайные знания о мире. Этот момент является переломным в повествовании: именно с него начинается поиск смысла, попытка интерпретации и фиксации опыта в «Экзегезе», которую в романе пишет Толстяк-Лошадник.

Сама сцена встречи с розовым светом двусмысленна. С одной стороны, ее можно интерпретировать как мистическое откровение: Зебра наделяет героя особым знанием, подтверждает существование высшего разума. С другой стороны, в тексте настойчивым лейтмотивом присутствует рационализация: Толстяк-Лошадник признает, что все это может быть лишь галлюцинацией, следствием болезни или воздействия психотропных веществ. Дик не предлагает читателю однозначного ответа: было ли видение объективным явлением или же субъективным срывом психики. Тем самым роман постоянно балансирует между религиозным свидетельством и психологическим отчетом о пережитом кризисе.

Опыт теофании становится для Толстяка-Лошадника источником новых идей и началом внутреннего пути. Герой переживает смерть близкой подруги, тяжелые психические состояния, навязчивые размышления о границе между реальностью и безумием, но прикосновение «высшего разума» выполняет функцию «спускового механизма» для создания «Экзегезы» и задает направление дальнейшего философского и религиозного поиска.

«Экзегеза» Филипа Дика включает более 8000 записей, над которыми он работал в течение последних восьми лет жизни, и только малая часть «Экзегезы» была опубликована спустя десятилетия после смерти автора. С другой стороны, в «ВАЛИСе» Толстяк-Лошадник начинает вести собственный дневник, фиксируя все свои теории, догадки, страхи и надежды, и его записи совпадают с реальной «Экзегезой» Дика: роман обрамляет философско-религиозные изыскания писателя, придает им сюжетное оформление. Таким образом, «ВАЛИС» можно рассматривать как введение к «Экзегезе», своеобразный комментарий и художественный контекст ее создания.

Именно через «Экзегезу» раскрывается особая природа «отчета о личном опыте» у Дика. Он описывает случившееся, стремится истолковать его, встроить в более широкую систему философских и религиозных идей. Для Толстяка-Лошадника ведение дневника – это также способ систематизации пережитого опыта и особая терапевтическая практика. Герой постоянно возвращается к проблеме природы розового света. Постепенно записи превращаются в способ совладать с сомнениями, не дать безумию разрушить личность и наконец признать, что он, Толстяк-Лошадник, и есть Фил Дик. Внутренняя полифония – напряжение между романными персонажами Толстяком-Лошадником и Филом Диком – позволяет одновременно критиковать и отстаивать аутентичность собственного опыта, сомневаться в нем и находить в нем спасение.

Роман наполнен многочисленными отсылками к гностицизму, христианской мистике, а также к античной философии – от досократиков до платонизма и неоплатонизма. Толстяк-Лошадник пытается осмыслить свой опыт через эти традиции, выстраивая собственную интерпретацию в форме философской герменевтики. Его записи напоминают комментарий к сакральному событию – своего рода «толкование Откровения». При этом особое место занимает идея мессианства. Переживание теофании подталкивает героя к мысли о том, что его опыт не должен остаться только личным: необходимо найти подтверждение наличия высшей силы в мире и, возможно, найти нового мессию. Эта миссия становится важнейшей частью самоидентификации Толстяка-Лошадника, помогает ему обрести душевное равновесие, восстановить связь с другим аспектом собственной личности – Филом Диком.

Поиски Святой Мудрости – Софии, представляющей собой маленькую девочку, воплощение истинного Бога, – придает смысл жизни Толстяка-Лошадника после трагических событий и психического кризиса. Основывая Рипидово общество и противодействуя ставленнику Демиурга Феррису Ф. Фримонту (прототипом выступает Ричард Никсон), Толстяк-Лошадник восстанавливает «доверие к себе».

Заключение. Тем самым «ВАЛИС» можно рассматривать как пример автобиографической прозы XX века, в которой отчет о внутреннем кризисе и видении превращается в литературную форму. Это произведение демонстрирует, что исповедь, дневник и философский трактат могут сосуществовать в одном тексте, образуя гибридный жанр. Философско-религиозный контекст в «ВАЛИСе» помогает Толстяку-Лошаднику вернуть себе целостность и объяснить то, что произошло с ним в опыте откровения. Дневник, который герой ведет в романе, становится способом удержаться на границе между безумием и ясностью сознания. В процессе записи Толстяк-Лошадник дистанцируется от своих переживаний, анализирует их, примеряет разные интерпретации.

Список литературы

1. Анцыферова, О. Ю. Осмысление проблемы инаковости Филипом К. Диком: постколониальный, антропологический и теологический аспекты / О. Ю. Анцыферова // Филология и культура. – 2019. – № 2. – С. 114–121.
2. Дик, Ф. Валис / Ф. Дик; пер. с англ. В. Баканова, А. Криволапова. – М.: Эксмо, 2021. – 352 с.
3. Дик, Ф. Экзегеза / Ф. Дик; пер. И. Ерзина. – М.: Касталия, 2020. – 264 с.
4. Сутин, Л. Дик. Жизнь и Всевышние вторжения / Л. Сутин; пер. Е. Беренштейна. – М.: Эксмо, 2020. – 608 с.

УДК 82 - 1/9:811.11(7/8)

ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ ГЕНРИ РОЛЛИНЗА

Волохов Д.В., ORCID 0009-0000-1302-590X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
danvolohov@gmail.com

Генри Роллинз (Henry Rollins, род. в 1961 году) – современный американский писатель, музыкант, общественный деятель, киноактер, артист в жанре «spoken word». Публикуя малую прозу с конца 1980-х, автор поднимает важную для него проблему потребления, связанную с человеческим существованием в условиях западного мира. Толкование феномена потребления в мировосприятии автора опирается на идеи Ж. Бодрийяра, исследовавшего потребительские аспекты жизни [1, с. 149]. Бодрийяр и Роллинз связывают потребление с видами смерти – не только физической, но и духовной. В предисловии к сборнику рассказов «Железо» Роллинз отмечает, что, гастролируя в молодости, он «начал писать в пути» [2, с. 9], и это передвижение по стране во многом открыло ему глаза на современный жизненный уклад. Характер изложения художественных событий, свойственный Роллинзу, сродни фиксации путешественником дорожных впечатлений, которая отмечена не только почти документальным, но и своеобразным «рваным» (разрушительным) стилем, весьма напоминающим музыкальные эксперименты автора. В композициях групп Black Flag и Rollins Band разрушению подвергся канонический панк-рок [3, с. 25, с. 391]. Разрушение как стилевая примета перекочевала и в малую прозу Роллинза – таковы «рваные», шокирующие переходы от одного события к другому. Особый смысл приобретает мотив разрушения в связке с мотивом безудержного и эгоистичного потребления. Недаром в одном из кровавых рассказов с его бессмысленной жестокостью смерть настигает героиню у супермаркета «Кей-Март»: этот «монтаж» позволяет связать смерть и товарно-валютный обмен [2, с. 14]. Потребление переходит грань нормального, когда герой пытается сохранить в фольге «частичку <…> взорванных мозгов» самоубийцы [2, с. 15]. Роллинз, как и другой писатель-музыкант авангардистского плана – Майкл Джира, развивает идею личностного распада, доводя ее до экзистенциального предела.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
2. Роллинз, Г. Железо. – М.: Эксмо. 2003. – 316 с.
3. Carducci, J. Rock And The Pop Narcotic. Redoubt Press, 2005. – 529 p.

УДК 811.111

“WHO CAN CONVERSE WITH A DUMB-SHOW?”: ОБРАЗ ЯЗЫКА В ПЬЕСЕ ШЕКСПИРА «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»

Кизилова Т. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-0598-6235
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
kayata@mail.ru

Введение. В выступлении рассматриваются Слово и смысл как предмет художественного изображения со стороны самого драматурга в пьесе Шекспира «Венецианский купец». Направление работы во многом определили концепции М.М. Бахтина и В.В. Виноградова об образе автора. Автор словно растворён в своих персонажах, но ему принадлежат мысли о формировании и становлении национального языка. Именно после Шекспира в мировой культуре укрепляется метафора «язык – одежда мысли» (Language is a dress of thought), традиционно приписываемая Самуэлю Джонсону, лексикографу и комментатору шекспировских пьес. То обстоятельство, что главным предметом пьесы становится образ национального языка, к сожалению, до сих пор не было освещено в полной мере. **Цель** исследования – функционально-стилистический анализ лексики, служащей индентификации образа языка в пьесе: вестонимов (наименований одежды), названия различных видов оружия и собственно языковых терминов.

Основная часть. Человек говорящий и слово как объект речемыслительной деятельности, философия слова Шекспира выступают в «Венецианском купце» в наиболее выпуклой форме. Любое описание костюма персонажа не может являться случайностью: в первую очередь, оно служит объёмной характеристике персонажа, давая представление о его социальном статусе, вкусах и т.п. Мотив переодевания составляет неотъемлемую часть театрализованного представления: условность Порции, переодетой судьёй, подчёркивает её ‘реальность’ в художественном мире. Одновременно он проводит идею необходимости выбора подобающего языкового стиля, соответствующих языковых средств. Своего рода метатекстовый комментарий о том, как (не) должен быть одет её герой (должен изъясняться человек), представляют рассуждения богатой наследницы итальянского Бельмонта о Фальконбридже, английском бароне: “How oddly he is suited! I think he bought his doublet in Italy, his round hose in France, his bonnet in Germany, and his behaviour everywhere”. В ироническом ключе обыгрывается внутренняя форма слова 'suitor', ’a man who wants to marry a particular woman’, обнажаются его корни как ‘a well suited man’, ‘a well dressed man, wearing a particular set of clothes/suit’. В параллельных синтаксических конструкциях

после сказуемого ‘bought’ перечисляются предметы одежды *'doublet', 'hose', ‘bonnet’*, взятые из разных стран. Обращает на себя внимание ‘лингвистически ориентированный’ выбор предметов одежды, дающих ‘a proper man’s picture’. Так, французское заимствование *doublet,* ‘double, twofold’ происходило из латинского *duplus* ‘twofold’ и означало как ‘type of tight fitting-men's outer garment,’ камзол, так и ‘дуплет’, ‘one of the two things that are alike’, originally words of the same language different in form but derived from the same ancestral word’. Другой предмет одежды *hose* тоже представляет собой пример семантического раздвоения (дублетов): слово голландского происхождения Dutch *hoos* "hose, stocking," чулки, а также означает "spout, waterspout", соотносимого с глаголом говорения ‘spout’ – ‘to come out with great force’ и 'to speak at length in a confident manner’, ‘ораторствовать’. ‘Bonnet’ (Old French ‘bonet’) также связывает головной убор 'man's soft, flat cap’ с силой слова и воображения в историзме 'an additional canvas laced to the foot of a sail to catch more wind', если принимать во внимание шекспировскую метафора театра (сознания) как корабля и паруса как мощи языка. Таким образом, выбранные заимствования – наименования одежды так или иначе содержат в себе отсылку к использованию языковых средств.

Более того, в творчестве Шекспира намечается ставшее привычным для Нового времени представление о поэзии как оружии, закладывается осознание искусства как социально значимого действия. В этой связи интересно употребление слова 'dagger,’ ‘edged weapon used for thrusting,’ как инструмента для поражения цели: сначала потрясенным бегством дочери Шейлоком в образном значении 'words as daggers': “Thou stick’st a dagger in me. I shall never see my gold again”, затем Порцией в прямом (I'll wear my dagger with the braver grace). Их взаимодействие приводит к полифоническому звучанию слова, когда звучат два мотива одновременно и острый ум и не менее острый язык Порции защищают Антонио не хуже кинжала. Подобная семантическая осложнённость характерна и для другого инструмента резания – ножа. Прямое значение реализовано в словах Порции-судьи “prepare your bosom for his knife”, “whet thy knife”; переносное значение резца мастера появляется в последнем акте пьесы “whose posy was like cutlers’ poetry// Upon a knife, “Love me, and leave me not.” Присутствует в пьесе и инструмент письма ‘pen': “Let anot me take him then,// For if I do, I’ll mar the young clerk’s pen”. В сцене суда идёт аттракция '*pen'*, '*pen*alty', 'im*pen*etrable', re*pen*t’, ‘*pen*ance’, усиливая мысль о раскаянии и расплате, об очищении души через страдание (катарсисе), возникающем при сопереживании в процессе восприятия искусства, о стремлении выразить пером невыразимое. Сталкиваются 'pen' и ‘painter’, с одной стороны, и выражения ‘to take pains’, ‘worth the pains’, ‘cope your courteous pains’ – с другой, приводя читателя к заключению, что истина должна быть

выстрадана, что художник вбирает боль в социальном организме, и его труд требует огромной отдачи творческих сил.

Творческий подход к языку, выявление его скрытых резервов и установление пределов в постижении истины позволяет обнаружить использование автором фразеологизмов: “Hanging and wiving goes by destiny”, “His reasons are as two grains of wheat hid in two bushels of chaff”, “you have “the grace of God”, sir, and he hath “enough”. Именно паремии как «сгущения мысли» (А. Потебня) выполняют текстоструктурирующую функцию, позволяя приподнять завесу над проходящими речемыслительными процессами.

Кроме того, в пьесе находим семантический ряд, широко представленный собственно языковыми терминами и задающий в тексте метафору книги жизни: 'letter', ‘line’, ‘page’, ‘word', ‘mean' / 'meaning’, ‘sentence’, ‘tongue’, 'pen'.

Заключение. Один из неявных планов пьесы – металингвистический – представлен во взаимодействии образных средств (язык – одежда мысли, язык – орудие, язык – плетение, слово – зерно смысла) с собственно языковыми понятиями, передавая мысли автора о роли и силе национального языка.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Слово в романе. – СПб. : Пальмира, 2017. – 229 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – Москва: Высшая школа. – 240 с.
3. Перцева Н.К., Жирякова С.М. Вестонимы в произведениях А.С Пушкина (функционально-стилистический аспект) // Инновация современность и современное общество: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 октября 2014 года. – Том Часть 2.– Уфа: Аэтерна, 2014. – С. 108-111.

УДК 82.0

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОВОКАЦИИ В РОМАНЕ П. КОРНЕЛЯ «ПУТИ К РАЮ»

Котомцев Д.О., ORCID 0009-0003-8882-3510

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ

dima_kot_94@mail.ru

Формы «пустого знака» в постмодернистской литературе многообразны. Один из ярких примеров структурного воплощения идеи «версии и варианта» художественного текста – это соотнесение текста и комментария к нему («Бледный огонь» В. Набокова, «Бесконечный тупик» Д. Галковского и др.). Роман, заявленный в теме, уникален в модификации описанной структуры: по существу, в произведении шведского писателя Петера Корнеля «Пути к раю» (1987) нет художественного текста, который

нужно читать и толковать, – ему на смену приходят квазинаучные «комментарии к потерянной рукописи». Они служат своеобразными «метатекстовыми нитями» (А. Вежбицка), с помощью которых читателю дарована удивительная возможность воссоздать некий утраченный текст. Это – венец нелинейного письма, расширяющий до логического предела стратегии чтения и рецепции, дающий читателю абсолютную свободу. Но свободу *провокативную* и *провоцирующую*.

Первая интеллектуальная провокация в романе «Пути к раю» заключается в том, что текста, который может «реконструировать» читатель, как-то интерпретируя оставшиеся комментарии, нет. Нет даже никакого «макета» текста – скелета, способного обрасти читательским воображением, – есть лишь *пустота*. Но пустота, требующая заполнения. Читатель, готовый к интеллектуальной игре, способен не воссоздать текст П. Корнеля, а сотворить своё собственное произведение, содержание которого – от сюжета до образности – полностью подчинено читательский фантазии и зависит от эрудиции и умственного усилия при понимании комментариев. Все комментарии содержат цитаты и ссылки на реальные книги – богословские трактаты, философские эссе, художественные произведения, научные изыскания, – смысл которых позволяет хотя бы приблизительно очертить облик книги под названием «Пути к раю», в центре сюжета которой *паломничество к земному раю, которое позволит приблизить к раю небесному*. Множество иллюстраций (репродукции картин, фотографии, схемы) искусственно заполняют пустое пространство, позволяя читателю сориентироваться в лабиринте идей. Очевидно, что при таких условиях *какой-то* текст – читательский – всё же создать можно: как раз пустота потерянной рукописи позволяет придумать «идеальный текст», почти полностью подчинённый читательской (а не авторской) воле.

Вторую провокацию можно сформулировать так: созданный читателем текст, выросший из сотни контекстов и интертекстов, *подлинно читательским* быть не может. Каждый комментарий так или иначе фокусирует внимание читателя на чём-либо – будь то образы *горы* (гора Синай, Храмовая гора, гора Чистилища у Данте, горы П. Сезанна и т. д.), *лабиринта* (от лабиринта Минотавра до дриппинга Дж. Поллока), *парка* (Эдемский сад, сады Семирамиды, парки Парижа) или же размышления о принципе автоматического письма сюрреалистов (А. Бретона и Л. Арагона «комментатор» бесконечно цитирует, как и вообще многих французских экспериментаторов – Ж. де Нерваля, С. Малларме, М. Пруста). Тем самым каждая версия сюжета книги и вариант её интерпретации направляются, устанавливаются комментариями. Но не только комментарии участвуют в текстопорождении. Например, «Предисловие», подписанное «П. Корнель», вводит в повествование новую загадку: кто является автором книги «Пути к раю», так называемой «потерянной рукописи»? «П. Корнель» – нарративная маска, позволяющая дистанцироваться от текста и реального автора-творца

П. Корнеля; маска позволяет создать установку на научность, достоверность, верифицируемость «Предисловия», автор которого якобы лишь опубликовал найденные комментарии. Однако указанные стилистические характеристики условны: *научность* не гарантирует точности и истинности; *достоверность* не может быть подтверждена, т. к. отсутствует художественный текст, единственное пространство фактов (точнее, *мнимо* отсутствует – художественным текстом является всё сложно устроенное композиционно-речевое целое романа); *верифицируемость* же ограничена читательской рецепцией, причём сугубо субъективной. При этом автор «Предисловия» позволяет себе вольности в обращении с текстом комментария – он нумерует его, т. е. устанавливает *заведомо ложные, отсутствующие* связи, предлагает *свой* вариант интерпретации текста (а произведение было призвано, по заверению его неизвестного автора, «выявить целый ряд до сих пор не замеченных связей» [2, с. 9]). Комментатор, впрочем, оговаривается, что возможна и другая последовательность, – следовательно, другая система смысловых связей.

Итак, очевидна зависимость читательского восприятия от комментатора, но и понятна невозможность творчества из «пустого знака»: ведь это пространство заполнения, а не только сотворения. Нарративная структура романа «Пути к раю» дарует читателю абсолютную свободу *поиска* не единой Истины, а одной из многих Истин (Ж. Деррида). Эта свобода закреплена в самом заглавии: как многочисленны и неисповедимы пути, которыми человек приходит к Богу, так и разнообразны читательские возможности в воссоздании собственной истины о мире, – но истина эта неизбежно связана с одиночеством – соответственно, и с точкой зрения. Не случайно *перспектива* – одна из важнейших тем романа. П. Корнель убеждён, что ошибочно считать, будто центр всегда располагается в фиксированном положении – напротив, центр устанавливает воспринимающее сознание. Такова и многомерность смысла, заложенная комментариями: выбрав ту или иную перспективу, читателю легче привести свою фантазию в стройную систему.

Третья провокация, предложенная П. Корнелем, – самая опасная: перед нами текст – источник потенциально неисчерпаемых смыслов, но источник этот не явлен материально – он закреплён лишь в читательском воображении. Ценностного идеала, свет которого мог бы стать основой целостности корнелевского романа, кажется, нет. Есть риск предположить, что роман «Пути к раю» не имеет смысла вообще – его заменяет интеллектуальный релятивизм и философский плюрализм. Толкования загадочного текста, который нам недоступен, подобны интеллектуальным изыскам, пространным размышлениям ради размышлений. Но вернёмся к заглавию: путь к небесному раю – смерть, конец жизни, неопределённость, ибо небесный рай – *Absens Paradisus* – рай отсутствующий; но его духовный облик открыт внутреннему зрению читателя, позволяющему увидеть

незримое, закрепить в телесной оболочке (тексте, метафоре) духовный смысл. В этом видится преодоление линейности читательского восприятия, в классическом искусстве часто скованного авторской волей. Главный парадокс романа – не отсутствие смысла, а возможность Смысла как такового, расширение интерпретационного горизонта читателя, готового к постижению загадок жизни и сознательному сотворчеству, соучастию в порождении текста – и Смысла.

Это далеко не все провокации, с помощью которых созидает «пустой знак» своего романа П. Корнель. Обратимся к мысли Дж. Барта: «Лабиринт, в конце концов, – это место, в котором, в идеальном случае, воплощены все возможности выбора (направления, в данном случае), и, за исключением особого положения Тесея, они должны быть исчерпаны, прежде чем будет достигнуто его сердце» [1]. Возможно, дойдя до «сердца» текстового лабиринта романа «Пути к раю», читатель, вооружённый привычным инструментарием для понимания классических текстов, ничего в итоге не найдёт – и это бы обрадовало автора. Но тот читатель, который видит самоценность в самом толковании, узнает в итоге, что он перестал быть толкователем – он обрёл статус поэта, творца: в его воображаемом тексте, цитируя П. Корнеля, во «все стороны разбегаются новые значения, открываются неожиданные пути, как бы предлагаемые тому, кто странствует, не имея точного маршрута» [2, с. 62].

Список литературы

1. Барт, Дж. Литература исчерпанности / Джон Барт. – Текст: электронный // Kongress W Press. – URL: https://kongresswpress.ru/theliteratureofexhaustion#s1 (дата обращения: 26.08.2025).
2. Корнель, П. Пути к раю: Комментарии к потерянной рукописи / Петер Корнель. – СПб. : Азбука, 1999. – 167 с. – ISBN 5-267-00073-6.

УДК 811.111-053.2

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИРОНИИ В РОМАНЕ У.М. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»

Кочерга Д.А. [1], ORCID 0009-0004-6897-8598
Серебрякова С.В. [2], д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0001-5743-3227
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
[1]*diana.kocherga.03@mail.ru,* [2]*svetla.na@mail.ru*

Введение. Творчество Уильяма Мейкписа Теккерея на протяжении многих десятилетий привлекает внимание исследователей различного профиля – как литературоведов, так и лингвистов. Интерес к изучению языка его произведений во многом обусловлен неповторимой способностью

автора сочетать разнообразные стилистические средства, обогащая их иронической интонацией. Ирония в ключевом романе Теккерея «Ярмарка тщеславия» выступает средством высмеивания социальных пороков современной автору эпохи. Изучение функциональных особенностей этого художественного приема позволит глубже изучить творческий стиль великого писателя.

Цель исследования – определить в лингвопрагматическом разрезе функциональные особенности иронии в романе У.М. Теккерея «Ярмарка тщеславия».

Основная часть. В современном лингвистическом исследовании иронии этот прием рассматривают не только как стилистический приём, но и как сложный коммуникативный механизм, зависящий от контекста. Как справедливо отмечает Т. И. Иваненко, создать иронию можно практически любыми языковыми средствами, но «высказывание становится ироническим лишь благодаря правильно выбранному контексту» [3, с. 73].

Именно контекстуальная природа иронии наиболее ярко проявляется в художественной системе У. М. Теккерея. Его мастерство заключается не столько в использовании отдельных тропов или фигур, сколько в умении вплетать ироническое начало в ткань повествования. С полной уверенностью можно сказать, что ирония в романе «Ярмарка тщеславия» выходит за рамки сугубо стилистического приема и становится многофункциональным инструментом.

Для понимания функционального своеобразия иронии в романе Теккерея важно учитывать, что исследователи выделяют несколько ключевых функций этого художественного приема. Так, В. В. Виноградов выделял:

– оценочную функцию, позволяющую автору выражать критическое отношение к явлениям, персонажам или идеям;

– сатирическую функцию, направленную на разоблачение и высмеивание пороков;

– характерологическую функцию, нацеленную на создание образов персонажей [1, с. 152-154].

Помимо этих трех функций, некоторыми исследователями признается, что ирония в структуре художественного текста может выполнять коммуникативную функцию (этого мнения придерживается, например Ю.Н. Караулов [4, с. 104]) и текстообразующую функцию, позволяющую связывать разные уровни текста между собой (ирония как организующий элемент рассматривается в работах И.Р. Гальперина [2, с. 218]).

В большинстве художественных текстов ирония используется эпизодически и реализует, как правило, одну-две функции, выступая лишь в качестве вспомогательного стилистического приема. Однако творчество У.М. Теккерея демонстрирует принципиально иной подход

к использованию этого языкового инструмента. Его роман «Ярмарка тщеславия» полностью построен на ироническом восприятии действительности: ирония не ограничивается локальными вкраплениями – она становится системообразующим элементом повествования. Именно за счет иронии возникает многослойность текста, демонстрирующая одновременную реализацию сразу нескольких функций.

Так, ирония в романе Теккерея проявляется в тонкой авторской оценке персонажей и социальных явлений, что достигается как семантическими, так и стилистическими средствами. Например, в этом отрывке: *«…a large family coach, with two **fat** horses in blazing harness, driven by a **fat** coachman in a three-cornered hat and wig, at the rate of four miles an hour*» [5, с. 34] обращает на себя внимание многократное использование эпитета «**fat»** применительно к лошадям и кучеру. Лексема «**fat»**, обладая негативной коннотацией, создаёт эффект недоброжелательной, слегка насмешливой оценки. Повторение усиливает иронический эффект и подчёркивает преувеличенность описания, что позволяет автору одновременно высмеять тщеславие владельцев экипажа и бюрократическую медлительность. Таким образом, ирония реализуется через выбор экспрессивной лексики и её контекстуальное повторение, формируя скрытую оценочную позицию автора.

Помимо оценочной функции, ирония в романе «Ярмарка тщеславия» проявляется и как инструмент социальной критики, позволяющий автору высмеивать пороки общества через выбор лексических и синтаксических средств. Например, в этом предложении «*Although schoolmistresses' letters are to be trusted no more nor less than churchyard epitaphs; yet, as it sometimes happens that a person departs this life who is really deserving of all the praises the stone cutter carves over his bones...»* [5, с. 40] сравнительная конструкция **«no more nor less than»** формально приравнивает письма школьных учительниц к эпитафиям на могилах. А синтаксическая структура сложноподчинённого предложения с уступкой (**although … yet …**) усиливает контраст между буквальной доверительной функцией письма и скрытым сатирическим посылом.

Репрезентация характерологической функции обнаруживает себя практически в каждом портретном описании персонажей романа. Острыми и сатирически емкими фразами Теккерей повсеместно высмеивает пороки своих героев. «*But that talking French to Miss Pinkerton was capital fun, wasn't it? She doesn't know a word of French, and was too proud to confess it*» [5, с. 49] – в этом фрагменте мы видим не только прагматический прием недосказанности, но и лексическую экспрессию («**capital fun**»), а также риторический вопрос, усиливающий уже заданную ироническую интонацию.

Помимо оценочной, сатирической и характерологической функций, ирония в романе Теккерея выполняет и текстообразующую функцию, связывая различные уровни повествования в единую структуру, а также

коммуникативную, воздействуя на восприятие текста читателем и побуждая его к интерпретации скрытого смысла.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, мы можем отметить, что подобная полифункциональность иронии в романе «Ярмарка тщеславия» подводит к её ключевому аспекту – социальному обличению. Ирония у Теккерея не ограничивается художественным эффектом, она служит инструментом критики общества. С лингвистической точки зрения это достигается через выбор экспрессивной и контекстуально многозначной лексики, структурные и синтаксические средства, а также прагматические механизмы, которые формируют скрытый смысл и позволяют автору репрезентировать иронию на разных уровнях текста.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Очерк литературного стиля / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1971. – 364 с.
2. Гальперин, И. Р. Теория текста: учеб. пособие / И. Р. Гальперин. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 312 с. – ISBN 5-211-04567-2.
3. Иваненко, Т. И. Контекст как приоритетный аспект формирования иронического смысла в романе У. М. Теккерея «Ярмарка тщеславия» / Т. И. Иваненко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25 (240). – С. 73-76. – DOI: https://cyberleninka.ru/article/n/kontekst-kak-prioritetnyy-aspekt-formirovaniya-ironicheskogo-smysla-v-romane-u-m-tekkereya-yarmarka-tscheslaviya
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 248 с. – ISBN 5-02-005245-8.
5. Thackeray, W. M. Vanity Fair: Official ITV tie-in edition / W. M. Thackeray. – London: Sphere, 2018. – 672 с. – ISBN 978-0-7515-7430-2.

УДК 821.133.1

ШАХМАТНЫЙ КОД: СИМВОЛИЗМ И МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ БЕРНАРА ВЕРБЕРА «ХОД КОРОЛЕВОЙ»

Максименко О.А., ORCID 0009-0008-2416-2350
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
o.a.maksimenko@yandex.ru

Введение. Современная литература всё чаще обращается к образу игры как к универсальной метафоре, позволяющей осмыслить сложные процессы личностного становления, интеллектуального роста и экзистенциального выбора. Особенно выразительно этот мотив реализуется в романе Бернара Вербера «Ход королевой», где шахматная партия становится не просто центральным сюжетным элементом, но и символом

внутреннего пути главной героини – Натали Пьер. Актуальность темы также обусловлена тем, что в XXI веке гуманитарные науки стремятся к синтезу дисциплин – философии, психологии, культурологии – и ищут в художественных текстах универсальные коды современности. В этом контексте произведение Вербера открывает широкие возможности для междисциплинарного анализа: здесь встречаются литература, наука, история, миф, а игра становится формой диалога человека с собой и окружающим миром. Особенно важно, что художественный образ может вдохновлять на личностную трансформацию, помочь формировать стратегическое мышление и внутреннюю свободу – качества, необходимые человеку современности. «Ход королевой» – произведение, в котором органично сочетаются философия, наука, мифология и элементы интеллектуального триллера.

Цель – анализ символизма и метафор в романе Бернара Вербера «Ход королевой» с целью раскрытия шахматного кода как центрального художественного механизма, через который автор интерпретирует глобальные конфликты, противостояние идеологий и устройство современного мира, на котором построена философская и политическая концепция романа.

Основная часть. В основе современных исследований метафоры лежит положение о метафорической природе мышления – человек воспринимает и познает мир посредством метафор (М. Блэк, Д. Дэвидсон, А. Вежбицка, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия и др.). В качестве теоретической базы нашего исследования мы опирались на работы таких авторов, как И. Б. Голуб, А. А. Реформатский, А. П. Чудинов, которые дали определение понятию «метафора»; В. К. Харченко, которая составила классификацию функций метафоры. О.И. Глазунова предложила следующее определение, которое наиболее распространено в лингвистике: «Метафора (метафорическая модель) – это ассимиляция одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, которые характеризуют эти явления, в результате чего слова (словосочетания, предложения), предназначенные для определенных объектов (ситуаций) реальности, используются для именования других объектов (ситуаций) на основе условной идентичности приписываемых им предикативных атрибутов» [2, с. 177-178].

Бернар Вербер создал уникальное произведение, где шахматная игра становится не просто фоном повествования, а глубоким философским инструментом для исследования человеческой природы. В романе «Ход королевой» автор виртуозно переплетает реальность и метафору, создавая многослойную аллегорию, где каждая шахматная фигура приобретает особое символическое значение. «Шахматная партия сродни шекспировской трагедии. Первые сцены – это экспозиция: раскрываются действующие лица, завязываются конфликты; дальше происходят столкновения точек зрения, влекущие дуэли и всеобщий хаос. Последняя

сцена – момент разоблачений и неожиданной развязки. Завершение – кульминация трагедии, когда эмоции достигают крайней степени. Конец всегда один и тот же – смерть короля» [1, с. 8]. Название романа отсылает к сильнейшей фигуре на шахматной доске – королеве. Король и королева в романе выступают как метафора власти и влияния. Король символизирует формальную власть, ограниченную правилами и условностями, тогда как королева представляет собой более гибкую и могущественную силу, способную действовать в разных направлениях. Ладьи в произведении олицетворяют стабильность и надёжность. Они символизируют людей, чья роль в обществе определена и неизменна, тех, кто выполняет важные, но не самые заметные функции. Слоны становятся метафорой духовного развития и интуиции. Их диагональные ходы символизируют нестандартный взгляд на вещи и способность видеть ситуацию в целом. Кони в романе представляют собой символ неожиданности и непредсказуемости. Их необычные ходы отражают способность человека совершать нестандартные поступки и выходить за рамки привычного. Пешки в произведении Вербера – это метафора обычных людей, их повседневной жизни и возможностей. Превращение пешки в ферзя становится символом социальной мобильности и личностного роста.

Шахматы в романе выступают не просто как игра, а как модель социальных отношений. «Политическая жизнь – как шахматная партия. Полагаю, из хорошего шахматиста получится хороший политик; обратное еще не доказано» [1, с. 27]. Различные шахматные стратегии отражают способы взаимодействия людей в обществе. «А по мне, человек позволяет себе быть собой только во время игры, – говорит она. – В игре он реализует все то, чего не смеет делать в реальной жизни, развивает свой потенциал. В игре душа освобождается от страха не понравиться, нарваться на чужое осуждение, забываются детские обиды, все заботы из-за здоровья, работы. Все, что остается, – это конкретный расклад в партии» [1, с. 42]. Гамбит символизирует готовность жертвовать малым ради большой цели. Размен фигур отражает принцип социального обмена и компромисса. Вилка становится метафорой ситуации выбора и принятия решений. Мат олицетворяет конечную цель любого противостояния. Метафоричен и язык романа. Вербер мастерски использует шахматную терминологию для описания человеческих отношений. Атака становится метафорой активного наступления в жизни. Защита символизирует способность противостоять трудностям. Жертва отражает готовность к самопожертвованию ради высшей цели.

Роман Бернара Вербера "Ход королевой" раскрывает тему игры не только как состязания умов, но и как глубокой философской метафоры личностного роста и внутренней трансформации. Через фигуру шахматной партии автор показывает, как героиня – Натали Пьер – постепенно переходит от состояния пассивного игрока к самостоятельному стратегу собственной судьбы.

Заключение. Роман «Ход королевой» представляет собой уникальное исследование человеческой природы через призму шахматной метафоры. Каждая фигура становится символом определённых качеств и ролей в обществе, а шахматные стратегии отражают различные аспекты социальных взаимодействий. Вербер создаёт сложную систему аллегорий, где игра в шахматы становится ключом к пониманию глубинных процессов человеческой жизни. Произведение демонстрирует, как через простую игру можно исследовать сложные философские вопросы, делая их доступными и понятными для читателя. Шахматный код романа становится универсальным языком, позволяющим говорить о вечных темах власти, любви, выбора и судьбы.

Список литературы

1. Вербер, Б. Ход королевой – Москва: АСТ, 2023. – 352 с. – URL: https://knigi-online.org/klassika/page-54-167886-hod-korolevoi-bernard-verber.html (дата обращения 15.08.2025)
2. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2000. – 190 с.; 20. – (Серия "Филологические исследования"); ISBN 5-8465-0012-9.

УДК 821.111

ПОЭТИКА НАЗВАНИЯ КНИГИ У.С. МОЭМА «НА КИТАЙСКОЙ ШИРМЕ»

Савро Е.Н., ORCID 0009-0009-3734-9920
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
savroevgeniia2000@mail.ru

Книга У.С. Моэма «На китайской ширме» («On a Chinese Screen») вышла в 1922 году. Она представляет из себя сборник путевых заметок (зарисовок) писателя, объединённых одним местом действия – Китаем.

Обратим особое внимание на название книги – оно далеко не случайно: в нём словно проступает канва повествования. Всем известно, что ширма была широко распространена в Китае как предмет мебели, который препятствовал потокам воздуха, свободно гуляющим по жилым помещениям вследствие особенностей их строения. Кроме того, ширма обрела и символическое значение. Как указывают в своей статье Н.В. Мартынова и Ян Цзымо, «в мировоззрении китайцев ширма как важный элемент меблировки интерьера выполняла функцию преграждения в дом отрицательной энергии и злых духов» [2, с. 4]. Исследователи также

говорят о том, что китайская ширма является объектом культурного наследия, отражает концепцию пустого пространства в китайской философии, идею взаимосвязанности и взаимозависимости вещей в мире, а также выстраивания связей в пространстве интерьера при его функциональном разделении. Немаловажен тот факт, что в китайской традиции пространство не может быть полностью замкнутым и изолированным, оно рассматривается как часть большого пространства, не отделённого от других соседних пространств. Так и Сомерсет Моэм композиционно не изолирует свои заметки друг от друга, они раскрываются перед читателем, как взаимосвязанные створки ширмы. Примечательно, что у китайской ширмы обе стороны являются лицевыми, что соотносится в произведении У.С. Моэма с двумя взглядами на человеческую жизнь – западным и восточным.

На метафорическом уровне ширмой выступает и сам рассказчик. Он одновременно занимает две позиции: разграничивающую и объединяющую культурное пространство. Рассказчик не принадлежит миру Китая, он – иностранец, Другой, наблюдатель, но в то же самое время – и соучастник событий, готовый к диалогу с Другим, открытый впечатлениям, обогащающий себя культурой национального Другого и взаимодействующий с ней на протяжении всего повествования.

Ширма упоминается в зарисовке под названием «Гостиная миледи», где рассказывается о том, как леди «преобразовывает» пространство вокруг себя – старинный храм превращает в обычный жилой дом. Так низводятся духовные ценности в угоду потребительским интересам, бытовая английская культура поглощает всё сакральное «китайское», беспардонно врывается в мир, построенный на совершенно других эстетических и философских принципах. Героиня, желающая создать маленький английский уголок в своём доме, сетует на то, что вынуждена поставить ширму, купленную в Китае. Однако она ободряюще замечает, что «<…> you might perfectly well have a Chinese screen in England» [4, с. 1] («<…> и в Англии вполне можно поставить у себя китайскую ширму» [3]). Для миледи не имеет значения, что китайская и английская ширма имеют разное назначение. Она не в состоянии увидеть и понять национальное Другое, и для неё тайна этого Другого так и останется спрятанной за ширмами.

Список литературы

1. Булашова, Н. М. «На китайской ширме» У.С. Моэма – галерея национальных характеров / Н.М. Булашова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Гуманитарные науки. – 2023. – № 1 (869). – С. 134–140. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/na-kitayskoy-shirme-u-s-moema-galereya-natsionalnyh-harakterov (дата обращения: 22.09.2025).
2. Мартынова, Н. В., Ян Цзымо. Особенности основных этапов развития традиционного искусства ширмы в истории Китая / Н.В. Мартынова, Ян Цзымо // The Scientific

Heritage. – 2020. – № 50-2. – С. 3–10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osnovnyh-etapov-razvitiya-traditsionnogo-iskusstva-shirmy-v-istorii-kitaya (дата обращения: 20.09.2025).
3. Моэм, С. На китайской ширме / С. Моэм. – URL: https://1.librebook.me/on_a_chinese_screen/vol2/1 (дата обращения: 18.09.2025).
4. Maugham, W. S. On a Chinese Screen / W.S. Maugham. – 14 p. – URL: https://royallib.com/read/MAUGHAM_W/on_a_chinese_screen.html#0 (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 81.38′42

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ТРУ-КРАЙМ

***Серебрякова С.В.*[1],** д-р. филол. наук, проф., ORCID 0000-0001-5743-3227,
***Мерзликина А.В.*[2],** ORCID 0009-0007-0327-1905
СКФУ «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
[1]svetla.na@mail.ru, [2] stasy.merzlikina@yandex.ru

Введение. В современном быстро развивающемся мире появляется все большее количество новых форм контента, новых жанров со своими содержательными и стилистическими особенностями, исследование которых становится важной задачей современной лингвистики. Так, значительный научный интерес представляет новый формат текста – лонг-форм контент и его разновидности.

Цель данной работы – исследовать речежанровую специфику лонг-форм контента на основе англоязычной статьи жанра тру-крайм «The girl in the picture», размещенной на иноязычном сайте The Atavist Magazine [1].

Основная часть. На первом этапе исследования мы попытались уточнить трактовку понятия «лонг-форм контент», а также определить его жанровые разновидности. Критический анализ научной литературы и соответствующих сайтов показал, что лонг-форм контент – это тип контента, значительно более объемный, традиционная статья. В подобных текстовых материалах глубоко проникают в определенную тему, осуществляя ее всесторонний анализ, включая в повествование множество документальных деталей. Cambridge English Corpus даёт следующее толкование: « (of a piece of writing or entertainment) longer than usual and with a lot of details» [2], т.е. речь идет «о литературном произведении или развлечении) более длинном, чем обычно, и с большим количеством деталей».

В процессе изучения данного типа текста мы обнаружили сайт [3], на котором указаны различные жанровые типы лонг-форм контента, а также

руководство по написанию такого контента самостоятельно, так как он считается востребованным и популярным в современном медиа. Согласно этим данным к жанровым разновидностям лонг-форм контента были отнесены: блоги; статьи; руководства; электронные книги; технические документы; тематические исследования.

В отношении рекомендуемого объема здесь же указывается примерное количество знаков, в зависимости от типа контента.

В качестве материала исследования мы использовали статью «The girl in the picture» жанра тру-крайм, который на настоящий момент остается мало изученным, но очень интересным пластом массовой литературы.

Этот жанр стал привлекать больше внимания как читателей, так и исследователей по всему миру. Повышенный интерес к этой теме обуславливается множеством факторов: подобные тексты позволяют разобраться в причинах и обстоятельствах совершения преступления, что особенно важно для читателей, ищущих истину, в условиях информационного пространства, склонного к искажению фактов. К тому же жанр тру-крайм является одним из инструментов для изучения психологии человека и мотивов преступников, а также для изучения юридических наук. Ведь многие учебные заведения используют его как способ привлечения внимания студентов к серьезным проблемам, связанным с преступностью. Развитие технологий сделало этот жанр более доступным для широкой аудитории через подкасты, документальные сериалы и социальные сети, что способствовало его интеграции в массовую культуру.

Ранее тексты жанра тру-крайм не так часто выступали в качестве объекта лингвистических, литературоведческих, переводческих и культурологических исследований. Но на данный момент они представляют значительный пласт современной публицистической литературы, обладающий несомненным прагматическим, стилистическим и жанровым своеобразием. Основная цель подобных текстов носит двойственный характер: с одной стороны, ознакомить адресата с реальными преступлениями, расследованиями и судебными процессами, проинформировать о них. Это позволяет понять, как совершаются преступления и как работает система правосудия. С другой стороны, тру-крайм часто поднимает важные вопросы морали, справедливости, человеческой природы и социальные проблемы, используя различные стилистические средства, что способствует более активному и открытому обсуждению этих вопросов в обществе.

Мы относим тексты тру-крайм к публицистическому стилю с использованием документальных сведений. Этот жанр отличается объективными данными, наличием терминологии, связанной с уголовным правом, криминалистикой и судебной системой, при этом авторы используют реальные документальные материалы, например, интервью с участниками событий, записи из суда, показания свидетелей, часто упоминаются имена реальных людей (жертв, преступников, свидетелей).

Однако данный жанр часто использует и элементы художественной изобразительности для создания напряженной атмосферы.

Опираясь на работу А.А. Евтюгиной [4], мы выделили следующие характерные черты текстов данного жанра.

– Использование терминов, хотя текст и не является специальным, но в силу своей тематики в нем присутствует юридическая терминология, а также терминология из области криминалистики и судмедэкспертизы.

– Исходя из требования объективности, автор включает в текст реальные имена собственные, иногда и аббревиатуры, а также разнообразные цифровые данные: даты, номера дел, суммы, расстояния и пр.

– Широкое употребление эмоционально-оценочных слов и высказываний, отражающих авторскую позицию. «Использование средств выразительности … объясняется необходимостью дополнения сообщения субъективным мнением и авторской оценкой» [5: 75]

– Выразительность, яркость, оригинальность изложения достигается за счет использования следующих художественных средств и приемов: (метафор, эпитетов, сравнений, оксюморонных сочетаний).

С грамматической точки зрения отметим прозрачность грамматических конструкций, а также прямую речь коммуникантов, обеспечивающую объективность излагаемой информации. Выразительность обеспечивается и синтаксическими средствами, в частности, вопросительными предложениями (риторическими вопросами) и парцеллированными конструкциями.

Особую прагматическую функцию выполняет в данной статье сквозной текстовый повтор, когда каждый заголовок начинается с предложения, которое встречается в предшествующем пассаже.

Заключение. Можно сделать вывод о том, что статья в жанре тру-крайм представляет собой уникальный документально-публицистический текст, обладающий своей речежанровой спецификой.

Список литературы

1. The Atavist Magazine [сайт]. URL: Режим доступа: https://magazine.atavist.com/2021/the-girl-in-the-picture-aundria-bowman-dennis-murder-michigan-cold-case (дата обращения: 28.09.2025). – Текст: электронный.
2. Cambridge English Corpus: [сайт]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/long-form?ysclid=mg82721ra9412992766 (дата обращения: 30.09.2025). – Текст: электронный.
3. Gigde: [сайт]. URL: https://www.gigde.com/blog/long-form-content-marketing (дата обращения: 29.09.2025). – Текст: электронный.
4. Евтюгина, А. А. Функциональная стилистика / А. А. Евтюгина. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. – 75 с. – ISBN 978-5-8050-0651-8.
5. Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) / С.В. Серебрякова, Р.И. Кибкало // Известия ЮФУ. Филол. науки. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 72–83. – DOI 10.18522/1995-0640-2024-3-72-83.

УДК 22.015

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА 20:24–28 КАК «ПРОРАБАТЫВАЮЩЕЕ» ПОВЕСТВОВАНИЕ

Ухов А.С., канд. филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-4422-2273
Северодонецкий технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Северодонецк, ЛНР, РФ
meon@yandex.ru

Доктор Кандида Мосс считает, что следы на теле Иисуса в отрывке Евангелия от Иоанна 20:24–28 (уверение Фомы) следует рассматривать не как открытые раны, а как шрамы, образующие «бугорок» на коже [5, с. 52]. Мосс основывает это предположение на грамматике греческого предлога εἰς, семантическом диапазоне τύπος, опираясь на древние труды по медицине, где τύποι лучше всего понимать как зажившие раны (шрамы) [4, с. 28], поскольку раны теперь стали шрамами с положительной коннотацией. Тем не менее, что еще предстоит изучить, так это то, как эти следы на теле появляются в тексте, и, что более важно, какие последствия это имело бы для сюжетного мира Евангелия от Иоанна и других персонажей, если бы следы на теле Иисуса понимались как шрамы, а не открытые раны.

Ученые предположили, что описанные раны и шрамы могут функционировать как воплощённые следы боли и насилия персонажей из их прошлого; шрамы, однако, добавляют к повествованию катарсический слой и обозначают процесс «проработки» повествования» [3, с. 77–90].

Интерпретация шрамов – это, по сути, аналитическое исследование кожного покрова, которое рассматривается в отношении и в рамках человеческих тел. Концептуальные теории тела, выдвинутые такими философами как Д. Батлер, Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, М. Фуко, М. Хайдеггер пытались вернуть телу статус источника знаний. Примечательно, что Мерло-Понти рассматривает тело как субъект мышления и восприятия, а также как объект мысли, воспринимаемый и концептуализируемый другими телами. Таким образом, смысл мира и тело взаимно конструируют и дополняют друг друга. Для Мерло-Понти тело выступает в качестве средства для включения и выражения как значений, так и знаний [2, с. 241–242]. Согласно Фуко и Батлеру, тела и их части не существуют без языка, и поэтому они формируются как текстовые репрезентации (но не сводятся к ним) со встроенными представлениями о культурных, социальных и идеологических ценностях.

Если мы допускаем возможность того, что знаки на теле Иисуса, описанные в Евангелии от Иоанна 20, – не раны, а шрамы, один из способов понять этот текст – исследовать, как эти шрамы создают и передают своё собственное значение в отличие от смыслов, которые несут гладкая

поверхность кожи или израненная плоть. Как отмечает Мосс, Шрам может инициировать историю, обеспечив канал в прошлое, но не может полностью рассказать её. Следовательно, именно здесь повествовательность играет ключевую роль в понимании того, как прошлое фиксируется и отражается в шрамах [5, с. 60]. Посредством повествовательного текста телесное увечье в прошлом может быть представлено как совершённое по собственной инициативе; поверхностным или экстремальным; восприниматься как результат наказания или несчастного случая. Следуя этой логике, временная трансформация от ран к шрамам в повествовании может обозначать способ, которым прошлое репрезентируется и повторно присваивается в настоящем, – это «прорабатывающее» повествование, в котором прошлые ранения персонажа видоизменяются в узнаваемые телесные шрамы в значимых формах.

Шрам фиксирует травму прошлого и в то же время обозначает форму исцеления от этого прошлого. Здесь понимание τύπος как «шрама» предполагает, что Фома прежде всего ожидает увидеть исцелённое тело. Внешний вид кожи отмечен телесными увечьями, свидетельствующими о первичных ранах, полученных во время распятия, но это уже не открытые раны, а закрытые шрамы, визуализируемые как непроницаемые, – Фома может положить свои пальцы на эти шрамы и осмотреть их. Такое описание воскресшего тела Иисуса несколько отличается от того, что мы видим в многочисленных греко-римских текстах и в еврейской традиции, где умершие часто сохраняют свои телесные раны и уродства в посмертных явлениях. В то время желание Фомы увидеть покрытое шрамами тело говорит о потребности убедиться в подлинности воскресшего тела, которое не просто воскресло из мертвых как статичная сущность или реанимированный призрак, но как живое физическое тело, продолжающее исцеляться [4, с. 34–38]. Таким образом, шрамы являются идентифицирующими маркерами, соответствуя расположению мест проколов, и не обязательно должны свидетельствовать исключительно о реальности физического тела Иисуса, поскольку являются отличительными знаками, которые подтверждают прошлый опыт. Этот воплощенный опыт страдания теперь преобразуется в виде шрамов.

Более того, желая не только увидеть, но и осязать шрамы от пронзенных частей тела, Фома констатирует потенциальную возможность осязать тело Иисуса как таковое, чего не могут предложить другие ученики. В тексте Фома отказывается воспринимать воскресение Иисуса, пока не увидит и не прикоснется к воскресшему телу, однако тут же становится на позицию воспринимающего части этого тела со шрамами. Текст вовлекает Фому в процесс трансформации, направленный на углубление его физических и развитие духовных чувств, необходимых для того, чтобы узнать воскресшего Иисуса. Автор Евангелия от Иоанна опосредует и придаёт значение телу Иисуса как холсту, на котором раны от распятия

Иисуса проходят повествовательное путешествие и вновь проявляются в виде видимых и ощутимых шрамов. Повторное появление покрытого шрамами тела Иисуса не только объединяет повествование по мере развития истории, но и отражает ретроактивную переоценку его страданий, точно так же как страдания из прошлого передаются в виде шрамов в настоящем. Таким образом, перед нами «прорабатывающее» повествование, которое пытается обратиться к раненому прошлому Иисуса.

Как пишет Р. Кирни, «повествовательная проработка – это катарсический процесс, который требует признания страданий из прошлого и одновременного переноса их в настоящее с переводом их в узнаваемые и раскрываемые формы повествования» [3, с. 82–84]. Заимствуя термины Аристотеля, катарсическое очищение «посредством сострадания и страха» (Поэтика VI.1449b) [1, с. 47] от позора и смерти на кресте происходит, поскольку шрамы напоминают навязчивое событие распятия. Но это прошлое теперь представлено осмысленным образом, когда раны превратились в шрамы. Именно благодаря этому очищающему и двунаправленному процессу «проработки» Евангелие от Иоанна предлагает новый способ восприятия и увековечения памяти о недавнем прошлом, поскольку оно выявляет переориентированную реальность посредством шрамов.

Таким образом, в целом, восстановление покрытого шрамами тела Иисуса можно рассматривать как процесс повествования, «прорабатывающий» страдания и боль, перенесённые Иисусом во время распятия. Покрытое шрамами тело делает видимой реальность распятия и воскресения Иисуса, реальность, которая никогда не сотрёт из памяти трагедию крестной смерти, но также никогда не положит конец попыткам покончить с прошлым. Это также реальность, которую автор Евангелия конструирует и даёт Фоме, ученикам и предполагаемым читателям, чтобы они могли её увидеть.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель; пер., введ. и примеч. Н.И. Новосадского. – Ленинград: Academia, 1927. – 120 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – М.: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с. – ISBN 5-87399-054-9
3. Kearney, R. Writing Trauma: Narrative Catharsis in Homer, Shakespeare, and Joyce / R. Kearney // Psychology and Philosophy for the Suffering Other. – Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 2016. – P. 77–90. – ISBN-10: 0820704989
4. Moss, C. R. Divine Bodies: Resurrecting Perfection in the New Testament and Early Christianity / C. R. Moss. – New Haven, CT: Yale University Press, 2019. – 208 p. – ISBN-10: 0300179766
5. Moss, C. R. The Marks of the Nails: Scars, Wounds and the Resurrection of Jesus in John / C. R. Moss // Early Christianity 8.1. – Birmingham, 2017. – P. 48–68. – DOI: 10.1628/186870317X14876711440088

УДК 821.111

КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ В РОМАНЕ С. РУШДИ «ЗОЛОТОЙ ДОМ»

Чуванова О.И., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5782-994X
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, РФ
lambent87@gmail.com

Современная литература тяготеет к использованию различных художественных средств, в том числе и киноязыка, расширяющего смысловое пространство текста. Интересным образом взаимодействует с кинематографом литература постколониального порядка. В данном случае сама идея кинематографического привлекательна: она обеспечивает осуществление культурного диалога и реализацию мечты об обретении своего места в многокультурном мире, позволяет отстранённо взглянуть на становление собственного Я через линзу киноаппарата.

Кинематографическое становится продуктивным материалом для эксперимента в творчестве англо-американского писателя индо-пакистанского происхождения Салмана Рушди. Уже в эссе «Из Канзаса» (*Out of Kansas*), включенного в сборник «Шаг за черту» [3], Рушди обращается к фильму «Волшебник Страны Оз» и анализирует этапы взросления главной героини Дороти. При этом автора интересуют не только приёмы и техники съемки, но и идея путешествия-становления, осуществлённого на экране. С этого фильма и начинается восхищение и увлечение кино, отражённое во многих произведениях С. Рушди. Так, в романе «Сатанинские стихи» наблюдаем двух актёров, радио (игра голосом) и кино (исполнение ролей индийских божеств). В центре романа «Земля под её ногами» – образы Орфея (Ормус Кама) и Эвридики (Вина Апсара), которые вновь и вновь возвращаются к жизни на экране, покуда проигрывают пленку с записью их концерта. Уже в этом произведении появляется и рассказчик (Умид «Рай» Мерчант), который работает с камерой.

Кинематографичность ещё более выражена в романе «Золотой дом» (*The Golden House*, 2017) и проявляется на различных уровнях: в визуальной составляющей текста, приёмах монтажа, камеры-пера, работы с планом и ракурсом, собственно образе рассказчика и кинематографических аллюзиях.

Начальная точка повествования – эпиграфы к роману, одним из которых является цитата Фр. Трюффо, одного из основоположников «новой французской волны»: «У жизни куда больше воображения, чем у нас» [2, с. 11]. В дальнейшем жизнь героев, наблюдаемая в романе, станет основой для киносценария. Ю.М. Лотман говорит в связи с дистанцией между романом

и фильмом следующее: «В кино <…> точка зрения как принцип построения текста однотипна не живописи, театру или фотографии, а роману <…> адекватом авторского повествования в романе в кинематографе будет образуемый цепью кадров кинематографический рассказ» [1, с. 60]. Рассказчик в романе станет медиатором между двумя художественными системами, это выражается и в том, как он себя представляет: «Зовите меня Рене» [2, с. 11]. Несмотря на очевидную шатобриановскую аллюзию и интертекстуальную «уловку» автора – намеренно упомянутую ассоциацию с интригой не называния подлинного имени в романе Г. Мелвилла «Моби Дик», в данном случае можно усмотреть отсылку и к фигуре из истории французского кино – режиссёру Алену Рене.

Текст романа богат кинематографическими отсылками: эта палитра охватывает и первые эксперименты Дзиги Вертова, и произведения известных представителей кино Франции, Испании, Германии, Японии, США (Фр. Трюффо, Л. Бунюэль, Фр. Ланг, А. Куросава, А. Хичкок), разножанровые кинофильмы – от американского «Шоу Трумана» к мюзиклам («Вестсайдская история»), и далее – экранизациям комиксов; в тексте даны списки имён известных актёров и актрис современного Голливуда. Если рассказчик – Рене, то Нерон Голден, история которого должна стать основой будущего фильма, схож с самым ужасным кинопреступником – Доктором Мабузе, а подруга младшего сына Нерона, Диониса, по имени Рийя, напоминает Анну Карину, музу Ж.-Л. Годара.

Рассказчик хочет стать «будущим сочинителем фильмов» [2, с. 36]: «В моих мечтах – режиссёром или даже, как некогда торжественно выражались, “автором-сценаристом”» [2, с. 36]. Это вновь обращает к точке зрения представителей «новой волны», которые оперировали термином автор: режиссер-автор снимал фильм по своему собственному сценарию. Рене хочет осуществить свой замысел, основав его на жизни семьи Голденов, поэтому вступает с каждым представителем семьи в диалог, чтобы узнать их секреты. Кинематографически это решается благодаря работе камеры, смене планов и ракурсов: «Камера приближается, съёмка осуществляется вблизи». Рене уточняет: «Я – камера с открытым объективом, совершенно пассивная, не мыслящая – только фиксирующая», «…я такая смарт-камера. Я записываю, но я не вовсе пассивен. Я мыслю» [2, с. 37].

Кинематографичность реализована и во внешнем членении текста, композиционных приёмах, организации повествования как бы посредством монтажа кадров. Отдельные главы визуально представляют собой чередование реплик актёров как в сценарии кинофильма. Текст «прерывается» авторскими ремарками, уточняющими вставками: «Появляется Василиса, девушка из России» [2, с. 105], «А вот лучшая подруга Василисы и её личный тренер по фитнесу, и зовут её, скажем, Маша» [2, с. 118]. В главах присутствует чередование «голосов», что видно

и в организации текста: «Монолог В. Арсеньевой о любви и нужде» и «Монолог Бабы-Яги в теле Василисы Арсеньевой» – пример удвоения голосов и образов, отсылающий и к фильму И. Бергмана «Персона».

Нарративные приёмы также связаны с открытиями «новой французской волны»: это не только заимствование техник «нового романа» (как у А. Рене), но и поток сознания, фрагментарность, «рапид». В текст включён и «рабочий» язык кино: «Вот мой ответ, – говорит он. Снято» [2, с. 134].

Одним из важнейших элементов становится камера: она постоянно находится в движении, обеспечивая смену планов и тем самым вовлекая читателей в пространство текста. Этим достигается и пластичность изображаемого. Камера удаляется, приближается («Рийя (*предельно крупным планом, обращаясь* к Апу и Пете)» [2, с. 116]), переключается на близкий план, кружит над героями: «*Камера кружит, наезжая всё ближе, нарезает круги над стоящими на сдуваемом ветром песке, висит у них над головой, словно дрон-разведчик*» [2, с. 115].

Финал романа означен доминированием кинематографического: «И вот мы втроем… в комнате без особых примет…Камера входит в центр нашего треугольника и начинает очень медленно вращаться вокруг своей оси, так что наши лица проплывают одно за другим <…> Камера вращается быстрее, ещё быстрее <…> уже камера кружится так стремительно, что лица исчезают, остаётся только пятно, инверсионный след, призрак движения. Люди – мужчина, женщина, ребёнок – не так важны. Есть только вращающаяся воронка жизни» [2, с. 475].

Обращение к кинематографическому в романе важно не только в связи с постмодернистской игрой, предполагающей намеренную ризоматичность. В романах Рушди рассказчик, как правило, пребывает в состоянии внутреннего конфликта (на пограничье культур). Это переживание расщеплённости, реализуемое множеством персонажей, благодаря киноприёмам компенсируется: все участники истории сливаются в одного. Дистанция, которая создаётся посредством работающей камеры, позволяет посмотреть на «конфликт между Я и Другим» опосредованно, что обеспечивает постепенное принятие героем своей парадоксальной разъятости.

Список литературы

1. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.
2. Рушди, С. Золотой дом: роман / С. Рушди; пер. с англ. Л. Сумм. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. – 480 с.
3. Рушди, С. Шаг за черту: [сборник эссе] / С. Рушди; [пер. с англ.]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. – 526 с.

УДК 811.133.1

В. РУЗО И ЕЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Шаркова С.М.
ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», г. Санкт-Петербург, РФ
sharkova_sm@voenmeh.ru

В современном мире, где границы стираются и культурное разнообразие становится все более ценным, творчество поэтов, способных гармонично сочетать различные культурные влияния, приобретает особое значение. Французский и английский – два глобальных языка, чье взаимодействие и взаимопроникновение неизбежно. Для французской культуры, особенно в последние десятилетия, английский язык стал не только языком международного общения, но и источником культурного влияния, проникающим в различные сферы жизни, включая искусство и литературу. Использование англицизмов во французском языке достаточно активно и является предметом изучения многих лингвистов (П. Гиро [3], М. Хофлер [4] Ж. Рей-Дебов [5],). Несмотря на то, что ученые уже давно занимаются проблемой классификации английских заимствований, до сих пор нет единодушного мнения относительно критериев распределения иноязычных элементов на группы. Важным также остается вопрос об особенностях перевода англицизмов во французском языке.

Произведения Валери Рузо, выросшей в эпоху глобализации, представляет собой интересный пример того, как английский язык может влиять на поэтический язык и творческое мышление французского автора. Рузо (Valérie Rouzeau, 1967 г.р.) – одна из самых ярких и самобытных фигур современной французской поэзии. Ее работы отличаются разговорным, часто ироничным тоном, вниманием к повседневности или решению глобальных проблем. В контексте французской литературной традиции, которая исторически стремилась к языковой чистоте и формальной строгости, поэзия Рузо выделяется своей открытостью и готовностью к экспериментам [1].

Завоевавшая международное признание, лауреат престижных премий Т. Тцара и Г. Аполлинера, Валери Рузо – автор более пятнадцати поэтических книг, признанных и переизданных во многих странах. Секрет уникальности стиля Валери Рузо кроется в необычной тональности французского языка, который в ее стихах словно преображается, приобретая "иностранное" звучание. Этот эффект достигается благодаря таланту поэтессы создавать новые слова и фразы, употреблению неологизмов, умелой игры со словами и синтаксисом, заимствованию слов из других иностранных языков [2].

Важно подчеркнуть, что Валери Рузо – не только поэтесса, но и переводчик, познакомившая французских читателей с Сильвией Плат и Уильямом Карлосом Уильямсом. Мастерство перехода с одного языка на другой придает ее произведениям индивидуальность и свежесть.

Произведения Валери Рузо оживают на сцене, спектакль «Parabole des Papilons» («Парабола бабочек») был представлен на Авиньонском фестивале и привлек внимание публики своей социальной направленностью. Кроме того, поэтесса сотрудничает с известной французской группой Indochine. Благодаря творческому союзу фронтмена группы Николя Сиркиса и Валери Рузо были созданы такие композиции, как «Comateen 2», «Ladyboy» и «Talulla». В текстах этих песен прослеживаются образы и отсылки к произведениям американской писательницы Сильвии Плат.

Наиболее заметным аспектом мультикультурности творчества Рузо является ее свободное и намеренное использование англицизмов. Однако это не просто механическое заимствование иностранных слов. В своем сборнике «Vrouz» (2012) Валери Рузо использует англицизмы осознанно и целенаправленно, часто придавая им особый смысл.

Les fumeurs meurent je ne vois pas la suite
Sur le paquet de cigarettes légères
Quelle nouvelle ça alors les fumeurs meurent
Comme tout le monde toi moi le buraliste
Qui vivra vieux sans pratiquer du tout
Pour sa santé une saine activité
Physique chaque jour manger bouger voilà
Aux heures de pointe j'assure jusque dans le métro
Publicité pour **des *chewing-gums*** sans sucre
Une fille sourit aux heures de pointe sourit
Dessus l'affiche collée un peu partout
Ainsi **les chewing-gums gomment** votre mauvaise haleine
Les chômeurs pleurent et ***les hommes d'affaires*** ferrent
Le train et ses wagons le requin capital [9].

Англицизм «Chewing-gums» (французский эквивалент «gomme à mâcher» или просто «gomme») ассоциируется с современной городской жизнью, потребительской культурой, рекламой. Это слово привносит в стихотворение оттенок американизации, поскольку жевательная резинка особенно популярна в англо-саксонских странах. «Hommes d'affaires», «Train» и «wagon»: хотя и французские слова, их использование в контексте «le train et ses wagons le requin capital» имеют оттенок англоязычного образа «train of thought», «fast train to success», подчеркивая динамичность и, возможно, безжалостность капиталистической системы, представленной в виде поезда, несущегося вперед.

Влияние английского языка на творчество Валери Рузо – многогранное и интересное явление. Оно проявляется как на лексическом уровне, в использовании англицизмов, так и на более глубоком уровне ритмики, синтаксиса и образности. Рузо не просто заимствует английские слова, но творчески их переосмысляет и интегрирует в свою поэзию, используя их для создания эффекта современности, иронии, игры со звуком и расширения смыслового пространства. В конечном итоге, влияние английского языка способствует формированию уникального и узнаваемого поэтического голоса Валери Рузо, делая ее творчество важным и актуальным явлением в современной французской литературе. Ее поэзия демонстрирует открытость французского языка к внешним влияниям и его способность к творческому развитию и обновлению в эпоху глобализации.

Список литературы

1. Балабан, А.И., Киселёв Д.С., Кондратьева Е.А. Переводы с французского на русский поэзии Валери Рузо: глубина семантики и сложность задачи // Лексикографическая копилка. Выпуск 16. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 16-25.
2. Балабан, А.И., Кондратьева Е.А., Мазняк М.М. Трудности перевода неологизмов Валери Рузо: синтаксис и семантика // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С.237-240.
3. Guiraud, P. Les mots étrangers / P. Guiraud. – P.: PUF, 1971. – 127 p
4. Höfler, M. Dictionnaire des anglicismes [Text]: словарь / Manfred Hofler. – Paris: Librairie Larousse, 1982. – 308 p.
5. Rey-Debove, J. Le Nouveau Petit Robert, en collaboration, 1993, réédition en 2006.
6. Rouzeau, V. Vrouz. – Paris: Editions de la Table Ronde, 2012. – p 161, 120.

Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации

УДК 81’25

РАСПОЗНАВАНИЕ РЕАЛИЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Альгина О.В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-1209-1169
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ
olga.alg@yandex.ru

Введение. Роль инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в современном обществе неуклонно возрастает. Одной из ключевых сфер их применения является переводческая деятельность. Еще с появления первых систем машинного перевода звучат прогнозы о скором исчезновении профессии переводчика, и сегодня, с развитием ИИ, эти предсказания обретают новую силу. Однако насколько они обоснованы? В данном докладе исследуется проблема передачи культурных реалий в произведениях нон-фикшн с помощью технологий искусственного интеллекта.

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к возможностям ИИ в сфере перевода.

Цель исследования – проанализировать способы передачи реалий в научно-популярных текстах, переведенных системами ИИ.

Материалом послужили научно-популярные тексты начала XX века, изобилующие культурно-специфическими реалиями.

Основная часть. Согласно Л. С. Бархударову, под реалиями понимаются «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу» [1, с. 95]. На данный момент существует множество различных классификаций реалий, основанных на разных принципах. Одна из самых полных классификаций принадлежит В. С. Виноградову, в нее входят: бытовые реалии, этнографические и мифологические реалии, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические), ономастические реалии др. [2, с. 104]. Также существует множество классификаций способов передачи реалий в условиях межъязыковой коммуникации. Так, С. Влахов и С. Флорин предлагают классификацию передачи реалий, где выделяют следующие виды

трансформаций: транскрипция; перевод (неологизмы, калька, полукалька, освоение, сематический неологизм); приблизительный перевод (родо-видовое соответствие, функциональный аналог); контекстуальный перевод [3].

Итак, в данном докладе будет исследоваться перевод реалий в научно-популярном тексте, переведенном при помощи систем искусственного интеллекта, будет изучаться степень распознаваемости ИИ отдельных реалий. Для исследования использовались такие переводчики, как Яндекс Переводчик, Google Translate, DeepSeek и др. В ходе исследования было выяснено, что наиболее известные реалии, в том числе, топонимические (названия местностей, городов), ономастические (имена известных личностей) вполне успешно распознаются искусственным интеллектом. Например, следующие реалии без труда интерпретируются искусственным интеллектом в связи с их высокой распространенностью: *Teutonic Tribes – Тевтонские племена, Nietzsche – Ницше, Æthelstan – Этельстан*. При этом более редкие реалии, которые представлены в виде словосочетаний, не только не распознаются искусственным интеллектом, но и могут быть им перефразированы таким образом, что полностью искажают смысл исходного сообщения в переводе. Так, в тексте, посвященном возникновению тюрем в Великобритании, говорится о *plea rolls*, которые относятся к документальным реалиям. Это *свитки судебных дел* или *свитки тяжб*, представляющие собой рукописные документы, в которых зафиксированы подробности судебных исков и разбирательств в Англии, были распространены с конца 12 века.

Оригинал:

On the plea roll the custodiatur which sends him to gaol is followed at once by 'Finem fecit per unam markam' (or whatever the sum might be), and then come the names of those who are pledges for the payment [4].

Перевод Яндекс Переводчик:

'В списке обвиняемых, которые отправляют его (обвиняемого) в тюрьму, сразу же указывается «Штраф за то, что он совершил» (или какая бы сумма ни была), а затем следует имена тех, кто вносит залог за выплату'.

Перевод DeepSeek:

'На судебном свитке запись custodiatur, которая отправляет его (обвиняемого) в тюрьму, тут же следует за пометкой 'Finem fecit per unam markam' (или любой другой суммой), а затем идут имена тех, кто поручается за уплату»'.

Как видно из данных примеров, Яндекс Переводчик не справился с задачей и не только не перевел данную реалию, но превратил ее в некий список обвиняемых. В результате ознакомления с текстом читателю будет совершенно непонятно, о чем идет речь. Он не сможет распознать, что здесь имеется в виду официальный документ, в результате чего будет полностью введен в заблуждение.

DeepSeek справился с задачей лучше, однако тоже не в полном объеме передал указанную реалию. В этом переводе уже есть слово *свиток*, что указывает на принадлежность указанной реалии к определенному типу документов, хотя в словарях данная реалия и ее перевод на русский язык имеются. При этом в данном переводе не уточняется, какие именно дела рассматриваются, в то время как в оригинальной реалии эта информация напрямую указана. В результате генерализации читателю будет не до конца понятно назначение документа.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что современные системы ИИ пока не способны адекватно распознавать и передавать весь спектр культурных реалий. Наиболее успешно обрабатываются единичные и широко известные реалии, в то время как узкоспециальные и составные понятия либо искажаются, либо передаются с потерей смысловых нюансов. Таким образом, профессиональное вмешательство переводчика по-прежнему остается незаменимым для точной передачи культурного контекста, особенно в специализированных текстах.

Список литературы

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. – 222 с.
3. Влахов С.А. Флорин С.П. Непереводимое в переводе / С.А. Влахов, С.П. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 334 с.
4. George Burnham Ives. Penal Methods of the Middle Ages: Criminals, Witches, Lunatics. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/59520 (дата обращения 21.09.2025)

УДК 378.016

ИННОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СМЕШАННЫХ ЭКИПАЖАХ

Банишевская Н. В., ORCID 0009-0004-0949-0795
ФГБОУ ВО «Херсонская государственная морская академия», г. Херсон, РФ
pikulnatasha797@mail.ru

Введение. Межкультурная коммуникация в профессиональной среде моряков – важный аспект, который требует изучения в условиях поликультурного пространства международного мореплавания, поскольку представители морской профессии общаются не только с носителями языка, но и с людьми различных культур. Язык в этом случае выступает посредником.

Знание английского языка важно для поддержания связи культурных и этнических различий, формирования рабочих связей, а также для поддержания рабочей обстановки на судне и в экипаже.

Основная часть. Различия между языками – это различные мировидения, способы мышления и восприятия. Жизнедеятельность моряка протекает в двух формах: одна – на уровне официальных отношений, другая – без контроля со стороны вышестоящих по должности и в неслужебное время. В первом случае используется общепринятый кодифицированный язык и профессиональная терминология. В условиях неформальной обстановки наблюдается переход на живой разговорный язык, в котором смешаны элементы профессионального и общего жаргонов.

Требования к знанию языка для моряков закреплены в Международной конвенции о подготовке, дипломировании и несении вахты (Конвенции ПДНВ 1978 года с поправками).

Вахтенные офицеры и старшие офицеры (штурманской вахты или вахты в машинном отделении) должны хорошо владеть разговорным и письменным английским языком. Рядовые моряки, входящие в состав штурманской вахты, – быть способны выполнять команды, подаваемые на английском языке. Согласно Конвенции, вахтенные помощники должны иметь достаточное знание английского языка, чтобы пользоваться картами и другими навигационными пособиями, понимать метеорологическую информацию и сообщения относительно безопасности и эксплуатации судна, поддерживать связь с другими судами, береговыми станциями и центрами, использовать технические пособия и выполнять свои обязанности.

В международных рейсах английский язык становится основным средством для переговоров о планировании маршрута, передаче навигационных данных, а также во время чрезвычайных ситуаций.

Международные системы экстренной связи, такие как маяки и радиосигналы, используют английский для передачи сообщений о бедствии. Большинство технических инструкций, описаний оборудования и процессов работы судов написаны на английском языке.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования выпускники – инженеры морских вузов должны владеть международным стандартным языком в объеме, необходимом для выполнения своих функциональных обязанностей. Владение профессионально-ориентированным английским языком предусмотрено в конвенционных документах, регламентирующих подготовку кадров морских специальностей.

На данный момент в мореходных высших учебных заведениях изучение иностранного языка делится, как правило, на три стадии: закрепление базового материала, изучаемого по общеобразовательной программе; изучение иностранного языка, согласно выбранной специальности, изучение необходимой документации; курс «делового

языка» необходим для умения ориентироваться, совершения бытовых операций и поддержания разговора в зарубежных странах.

Ведущей идеей в обучении иностранному языку в высших морских учебных заведениях выступает формирование иноязычной коммуникативной компетенции у будущих специалистов морских профессий. Данная компетенция интегративна и включает несколько компонентов: коммуникативные умения в говорении, аудировании, в чтении профессиональной литературы и письме.

В морском вузе приоритетным направлением будет тесная связь предметов профессионального цикла, связь теории и практики, введение интенсивных языковых курсов, а также курсов повышения квалификации.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть важность межпредметных связей, тесного сотрудничества преподавателей языка и специальных дисциплин, а также необходимость согласованного построения учебных программ с учетом специфики вуза и введения различных вариативных курсов. В итоге, подобная связь языка с профессиональными знаниями выведет будущего специалиста на международный уровень. Для успешного овладения морским профессиональным английским языком необходимо придерживаться следующих рекомендаций:

1. Изучать морские термины в контексте: читать специализированную литературу, инструкции по эксплуатации оборудования и морские справочники.

2. Использовать онлайн-платформы для общения с носителями языка или другими изучающими.

3. В процессе изучения языка пользоваться аудиовизуальными материалами, такими как видеоинструкции, обучающие видеоролики.

4. Одним из самых эффективных способов изучения языка является полное погружение в языковую среду.

Выводы. Резюмируя вышесказанное, следует отметить: коммуникация для специалистов морского транспорта очень важна, поскольку помогает установить связь между партнерами в данной отрасли, сформулировать общие взгляды и организовать совместную работу. Межкультурная коммуникация в процессе подготовки специалиста морского транспорта способствует формированию коммуникативной компетенции и профессиональной компетентности. Коммуникативная компетенция курсантов морских вузов формируется для того, чтобы подготовить специалистов, соответствующих высоким профессиональным требованиям, знающих иностранные языки и способных применить эти знания на практике в морской профессии в мировом поликультурном пространстве. При этом изучение делового профессионального английского языка в содержании языковой профессионально-ориентированной подготовки курсантов морской академии рассматривается как актуальная и действенная основа для дальнейшей иноязычной профессионально ориентированной деятельности выпускников.

Список литературы

1. Андрианов, М. С. Невербальная коммуникация: психология и право / М. С. Андрианов. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007. – С. 10
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
3. Халеева, И. И. Основы теории обучения понимания иноязычной речи (подготовка переводчика) / И. И. Халеева. – М.: Высшая школа, – 1989. –321 с.
4. Митусова, О. А. Интеграционные процессы в подготовке специалиста-коммуниканта в языковом образовании / О. А. Митусова. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та. – 2006. – 223 с.
5. Яковенко, М. Л., Озаркив, О. М. Специфика коммуникации лиц морских профессий (социолингвистический аспект) / М. Л. Яковенко, О. М. Озаркив // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Т. 1 (67), 2015. – № 4. – С. 64-72. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/cpetsifika-kommunikatsii-lits-morskih-professiy-sotsiolingvisticheskiy-aspekt (дата обращения: 20.09.2025).
6. Чурина, К. В. Тестирование как форма контроля результатов обучения / К. В. Чурина, Е. К. Зимина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 9 (89). – С. 1214–1217.
7. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для препод. и студентов / А. Н. Щукин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006 – 480 с.
8. Ягубова, А. С. Роль тестирования в обучении иностранным языкам на спецфакультете / А. С. Ягубова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 71-4. – С. 326–329.
9. Thornbury S. How to Teach Vocabulary. Harlow – Essex: Pearson, 2002. – 185 p.

УДК 81’25

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА СВОДКИ ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ ВОЙНЫ США

Банман П.П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2842-6818
Башкатова И. Е., ORCID 0009-0000-5708-8013
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
banman.poly@yandex.ru, bashkatovairina2003@yandex.ru

Введение. Институт изучения войны США (ISW) – американский аналитический центр, основанный в 2007 г., деятельностью которого является анализ военных событий, происходящих в данный момент, а также стратегий и тенденций в сфере международной безопасности. Институт ежедневно публикует подробные отчеты, сводки и карты по «горячим точкам», которые основаны на данных открытых источников и направлены на распространение информации. Эти материалы представляют интерес как

для военных специалистов, так и для широкого круга реципиентов, для которых важна точка зрения на происходящие события со стороны США. В связи с чем данная информация нуждается в переводе. В качестве материала для проведения нашего исследования выбраны англоязычные сводки «Iran Update», опубликованные Институтом изучения войны [3], а также выполненный нами перевод.

Цель исследования – выявление и анализ специфики применения лексических трансформаций, основанных на формально-логической категории подчинения на материале сводок Института изучения войны.

Основная часть. Текст сводки Института изучения войны США представляет собой «письменный текстово-графический аналитический военно-информационный текст большого объема», помимо текстового блока содержит графические приложения (карты) [1, с. 197-198]. Текст характеризуется четкой структурированностью, логичностью изложения и полисобытийностью. Перевод текстов сводок представляет собой сложный процесс, требующий от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания смысла текста, а также его коммуникативного задания. Особую значимость на лексическом уровне приобретает адекватная передача специальной терминологии, реалий и устойчивых выражений, характерных для политического и военного дискурса. Правильный выбор лексических единиц напрямую влияет на точность, объективность и восприятие информации реципиентом.

На лексическом уровне в процессе перевода используются следующие переводческие преобразования: конкретизация; калькирование; описательный перевод; транскрипция и транслитерация; частеречевая замена. Далее остановимся лишь на трансформациях, в основе которых лежит формально-логическая категория подчинения, – дифференциации и конкретизации значений в переводе посредством сужения и генерализации значений посредством расширения понятий [2, с. 46].

Конкретизация, трактуемая как замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы [2, с. 48], представляет собой один из самых частотных способов перевода. Рассмотрим далее несколько примеров, в которых выбрали более узкое значение, исходя из имеющегося контекста:

1. *Khazali and Hosseini's* ***comments*** *–* ***Заявления*** *Хазали и Хосейни.* Соответствие *комментарии* не может быть использовано, поскольку в политическом контексте данное слово обозначает именно публичные заявления.

2. to discuss the US military withdrawal from Iraq as well as unspecified energy and economic ***issues*** *– для обсуждения вывода американских войск из Ирака, а также неустановленных энергетических и экономических* ***аспектов сотрудничества***. В данном примере речь идет не о «вопросах», а

о конкретных направлениях совместной работы и сферах, в которых стороны взаимодействуют, поэтому считаем использование нашего варианта целесообразнее.

3. ***to ensure*** *that electricity is produced in a timely manner –* ***гарантировать*** *своевременное производство электроэнергии.* Глагол с широким значением *обеспечивать* конкретизирован до более точного в техническом контексте *гарантировать*, поскольку обозначает не просто описание процесса, а достижение результата.

В ряде случаев применялась **дифференциация**, которая подразумевает использование при переводе соответствий с более специализированным, дифференцированным значением. «Выбор одного из этих соответствий диктуется контекстом. Этот частный случай конкретизации можно было бы назвать дифференциацией значений» [2, с. 47]. Приведем несколько примеров использования данной трансформации:

1. professionalize the PMF as a fighting ***force*** *– профессионализации Народных мобилизационных сил (НМС) как боеспособной* ***организации***. Термин *force* в данном контексте относится к организованной военной структуре, поэтому соответствие *сила* не может быть использовано.

2. amid continued US ***efforts*** *to dissolve the PMF – на фоне продолжающихся* ***попыток*** *США по расформированию НМС*. При переводе выбран данный эквивалент, так как слово *попытки* более точно отражает политическое противостояние, где одна сторона пытается что-то сделать, а другая сопротивляется этому.

Под **генерализацией** Я. И. Рецкер понимает прием, который диаметрально противоположен приемам дифференциации и конкретизации, так как он заключается в замене частного общим, видового понятия родовым [2, с. 50], например:

1. The Iranian parliament passed ***a bill*** *on June 25 – Иранский парламент принял* ***закон*** *25 июня.* С технической точки зрения, парламент принимает именно «законопроект» (дословный перевод *bill*), но в данном контексте употребление прямого эквивалента звучит неестественно, так как обозначает незавершенное дело.

2. The IAEA inspectors currently in Iran are reportedly only permitted ***to oversee*** *the fuel replacement – Сообщается, что инспекторам МАГАТЭ, находящимся в настоящее время в Иране, разрешено лишь* ***наблюдать*** *за заменой топлива.* Глагол *to oversee* предполагает контроль с элементами управления. Однако контекст *only permitted* говорит об ограниченной роли, поэтому вариант дословного перевода *осуществлять надзор* не уместен, а глагол *наблюдать* более точно передает ограниченность полномочий.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ показывает, что категория формально-логического подчинения, выражающаяся в операциях сужения (конкретизация и дифференциация) и расширения (генерализация)

значения, является основой для адекватного перевода на лексическом уровне. Применение этих трансформаций обусловлено рядом лингвистических и экстралингвистических факторов: во-первых, выбор способа перевода зависит от лексико-семантических особенностей единиц исходного текста, во-вторых, ключевым фактором является контекст, который служит главным фильтром для выбора конкретного значения слова. Использование этих трансформаций всегда направлено на достижение коммуникативной задачи, то есть передачи не только фактического содержания, но и прагматической цели текста.

Список литературы

1. Банман, П. П. Сводка Института изучения войны как тип текста / П. П. Банман, И. Е. Башкатова // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Междунар. научн. конф. (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Донецк: ДонГУ, 2023. – С. 197–199. – EDN QRVIDL.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244 с. – ISBN 978-5-93439-238-4
3. Iran Update. – Текст: электронный. – URL: https://understandingwar.org/analysis/middle-east/iran-update (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 81’25

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ-КОМПОЗИТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА КИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ)

Банман П.П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2842-6818
Обертинская С.С., ORCID 0009-0009-5934-0791
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
banman.poly@yandex.ru, obertinskaya2003@gmail.com

Введение. Статья посвящена изучению специфики перевода терминов-композитов в контексте научно-популярной литературы кинологической тематики, где важна не только точность передаваемой информации, но и понятность для широкого круга реципиентов.

Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью в качественном переводе научно-популярных текстов о собаководстве именно с немецкого языка на русский, поскольку в Германии, родине многих пород собак, теме их воспитания уделяется большое внимание. Термины-композиты, являясь характерной чертой немецкого языка, нередко создают трудности для переводчика в силу сложной структуры и

отсутствия прямых эквивалентов в русском языке. В связи с этим возникает необходимость изучения эффективных способов их перевода.

Материалом исследования послужили термины-композиты, эксплицированные методом сплошной выборки из научно-популярного практического руководства «Современная методика воспитания щенков» (Moderne Welpen-Erziehung) [4] и его перевода на русский язык, выполненного нами. **Целью** статьи является выявление специфики их перевода с немецкого языка на русский.

Основная часть. Под термином мы будем понимать лексическую единицу, предназначенную для обозначения конкретного или абстрактного понятия языка для специальной цели [2, с. 31-32]. Предметной областью данного материала является кинология, поэтому рассмотрим термины-композиты, единицы, в состав которых входят слова из двух или более корней, свободных морфем или конфиксов [3, с. 24], которые отражают теоретическую основу науки о собаках, их физиологии, анатомии и эволюционном развитии. Рассматриваемые нами терминологические единицы преимущественно состоят из двух основ.

Способы перевода терминологических единиц зависят во многом от функционального стиля, типа текста и его реципиента. В научно-популярной литературе, как и в научной, преобладает когнитивная информация, но существенную разницу создают количественные и качественные отличия: терминологических единиц меньше, их плотность ниже, границы нейтральной письменной литературной нормы размыты. Автор может использовать разговорную лексику, эмоционально-оценочные средства, фразеологизмы и даже средства художественной выразительности, которые являются показателем наличия эстетической информации [1, с. 212-215]. Научно-популярная литература предназначена для широкой аудитории. Целью автора является не просто передать новую познавательную информацию, но и заинтересовать ею читателя. Специалист должен проявить свою компетентность в полной мере, однако текст должен быть понятен любому читателю, в связи с этим необходимо использование переводческих преобразований.

При переводе мы применили ряд трансформаций, чтобы русскоязычный текст передавал заложенный в оригинале смысл, соответствовал контексту и узусу ПЯ. Наиболее частотным преобразованием является калькирование, которое используется одновременно с другими трансформациями, прежде всего, с заменой части речи и перестановкой основ. Приведем примеры из нашего материала.

Калькирование с заменой части речи: *Gehörgang – слуховой проход; Hormonsystem – гормональная система, Hautfalten – кожные складки.* Используя калькирование, мы переводим каждую корневую основу отдельно, создавая словосочетание с прилагательным.

Калькирование с перестановкой: *Amylase-Gen – ген амилазы, Assistenz-Hund – собака-ассистент, Hundewelpe – щенок собаки, Bindungshormon – гормон привязанности.* Изменение порядка следования корневых основ применено для того, чтобы эквивалент соответствовал нормам русского языка.

Следующим частотным переводческим преобразованием является конкретизация, при которой может меняться структура лексической единицы: например, при переводе термина *Jungtiere* как *щенки,* мы применили слово, состоящее из одного корня, а термин *Sozialpartner* перевели как *друг* или *член семьи,* использовав словосочетание.

При переводе некоторых терминов возможно применение опущения одной из основ, входящих в состав сложного слова. Например, у термина *Menschenpartner,* который отражает скорее дружеские или семейные отношения между собакой и человеком, в русском языке нет эквивалента. Перевести его соответствием *хозяин* будет некорректно, потому что в современном кинологическом сообществе ведутся споры на тему того, насколько правильно обозначать то, что человек владеет собакой, приравнивая животное к собственности [4, с. 8]. Мы остановились на нейтральном соответствии «человек», опустив вторую корневую основу. При переводе термина *Sporthund* как *собака* опущена первая основа, поскольку в предложении упоминается аджилити, вид спорта для собак, т.е. из контекста понятно, что собака занимается спортом.

Иногда при переводе терминов используется формальное добавление, например, добавляются предлоги. Так, слово *Canidenexpert*in* переведено с помощью калькирования (латинское слово *canidae* означает ‘псовые’, перестановки и добавления предлога *по* для соответствия норме языка. Аналогично передали на русский язык словосочетание *spitzohrige Hunde*, включающее двусоставное прилагательное. Мы подобрали вариант *собаки со стоячими ушами*, добавив предлог *со*. Добавления также выполняют уточняющую функцию: слово *Rezeptorgen* мы перевели, как *ген рецептора окситоцина*, добавив в качестве уточнения название гормона. При переводе на русский язык термина *Magnetresonanztomograph* добавили слово *аппарат*, получив словосочетание *аппарат магнитно-резонансной томографии.*

Заключение. Для перевода научно-популярного текста необходимо не просто владеть языком, но и разбираться в предметной области. Неправильная передача терминологических единиц на ПЯ может привести к искажению смысла и затруднить восприятие текста читателем. Среди проблем перевода текстов кинологической тематики на лексическом уровне – отсутствие однообразия при переводе терминов, наличие нескольких вариантов перевода, неточные значения и отсутствие значений в двуязычных словарях. Композиты, являясь одной из особенностей немецкого языка, также становятся проблемой при переводе, поскольку в

словарный состав русского языка не входит такое большое количество сложных слов. Для подбора подходящего соответствия и достижения адекватности при переводе переводчики прибегают к ряду трансформаций, прежде всего, к калькированию, которое сопровождается перестановкой основ или заменой части речи. С целью достижения соответствия норме ПЯ используются добавления предлогов и уточняющих слов или опущение. Некоторые единицы могут терять оригинальную структуру.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург: Издательство «Союз», 2001. – 288 с. – ISBN 5-94033-040-1.
2. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с. – ISBN 978-5-382-00211-8.
3. Elsen H. Neologismen. Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen / H. Elsen. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. – 200 S. – ISBN 978-3-8233-6118-1.
4. Hinte-Breindl, B. Gansloßer, U. Strauß, K. Moderne Welpen-Erziehung. Kompetenz im Alltag / B. Hinte-Breindl, U. Gansloßer, K. Strauß. – Stuttgart: Franckh-Kosmos Verlags-GmbH & Co. KG, 2023 – 208 S. – ISBN 978-3-440-17376-3.

УДК 811.111(73).04:81’25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНСКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»)

Башилова В.А., ORCID 0009-0003-1526-2222,
Дроздов В.А., д-р филол. наук, доц. ORCID 0009-0003-1360-863X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
viktoriyabashilova@gmail.com

Введение. Данное исследование посвящено переводу американских реалий на русский язык на материале романа Ф. Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».

Актуальность работы обусловлена наличием определенных особенностей при переводе американских реалий в романе Великий Гэтсби, заключающихся в обилии культурных элементов, требующих от переводчика не только лингвистической, но и глубокой культурно-исторической адаптации.

Целью работы является определение основных трудностей перевода данных реалий, а также способов их перевода на материале романа Великий Гэтсби. Достижению данной цели способствует решение следующих **задач**:

1) ознакомиться с понятием реалия и способами их перевода;

2) ознакомиться с разными подходами переводчиков при переводе реалий-американизмов в романе Великий Гэтсби;

3) проанализировать примеры данных единиц и способы их перевода, а также выявить наиболее удачный перевод реалий в романе.

Основная часть. Согласно Г. И. Томахину: «Реалии – это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.д.» [2, с. 5]. При сопоставлении языков эти слова относят к безэквивалентной лексике.

С. Флорин и С. Влахов отмечают следующие переводческие трудности при переводе реалий:

1) отсутствие в языке перевода соответствия из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта;

2) необходимость, наряду с семантикой реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску [1, с. 80].

Ученые выделяют два способа перевода реалий: транскрипцию и непосредственно сам перевод (замену). Последнее включает в себя кальку, функциональный аналог, описание, объяснение и контекстуальный перевод [1, с. 93].

Рассмотрим несколько примеров, а также подходы к переводу двумя разными переводчиками (Е. Д. Калашниковой и Н. Н. Лавровым).

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод Н. Н. Лаврова
1. *«He found the house, a weather beaten cardboard bungalow at eighty a month <...>»* [5].	‘Он подыскал и дом – крытую толем хибарку за восемьдесят долларов в месяц <…>’ [4].	‘Подыскал он и подходящее бунгало – продуваемую всеми ветрами ветхую хижину – за 80 долларов в месяц’ [3].

В данном примере Е. Д. Калашникова перевела *bungalow* как ‘хибарка’ (функциональный аналог), в то время как Н. Н. Лавров перевел слово, используя транслитерацию с добавлением ‘хижина’. На наш взгляд, перевод Е. Д. Калашниковой является наиболее удачным, поскольку она передаёт социально-бытовой колорит и эмоциональную окраску оригинала.

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод Н. Н. Лаврова
2. *«I had a dog, at least I had him for a few days until he ran away, and an old Dodge <...>»* [5].	‘Я завел собаку, – правда, она сбежала через несколько дней, – купил старенький «додж» <…>’ [4].	‘Я обзавелся собакой, однако находился в роли ее счастливого владельца каких-то несколько дней: до тех пор пока она не сорвалась с привязи и не убежала; приобрел старенький «додж» <…>’ [3].

Оба переводчика воспользовались транскрипцией при переводе названия американской марки автомобиля, поскольку это имя собственное.

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод Н. Н. Лаврова
3. *«She dressed in white, and had a little white roadster and all day long the telephone rang in her house and excited young officers from Camp Taylor demanded the privilege of monopolizing her that night, 'anyways, for an hour!'»* [5].	'Она носила белые платья, у нее был свой маленький белый двухместный автомобиль, и целый день в ее доме звонил телефон, и молодые офицеры из Кэмп-Тэйлор взволнованно домогались чести провести с нею вечер' [4].	'Она носила только белые наряды, и еще у нее был белоснежный родстер, а телефон в их доме разрывался день и ночь, потому что молоденькие офицеры из Кемп-Тейлор мечтали провести вечер или «ну, хотя бы часик» в её милой компании. (Двухместный легковой автомобиль с откидным верхом и опускающимися стеклами)' [3].

Е. Д. Калашникова перевела *roadster* как 'двухместный автомобиль', прибегая к описательному переводу. Н. Н. Лавров же использовал транскрипцию при переводе, однако помечает сноской и даёт объяснение данной лексеме. На наш взгляд, Е. Д. Калашниковой удалось лаконично адаптировать реалию в текст, делая ее понятной читателю.

Также наблюдаются незначительные различия при переводе *Camp Taylor*. Вариант Н. Н. Лаврова более адаптированный, но вариант Е. Д. Калашниковой более точен.

Оригинал	Перевод Е. Д. Калашниковой	Перевод Н. Н. Лаврова
«<…> *that she is Gilda Gray's understudy from the 'Follies'»* [5].	'<…> будто это дублерша Гильды Грей из варьете «Фоли»' [4].	'<…> это же дублерша самой Гильды Грей из «Капризов»' [3].

В данном случае наблюдаются два кардинально разных подхода к слову *Follies*. Н. Н. Лавров переводит название с французского как 'капризы', в то время как Е. Д. Калашникова использует транскрипцию с французского вместе с приемом добавления, что позволяет читателю понять реалию, являющуюся именем собственным. Таким образом, мы понимаем, что *Follies* – это название театра.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что американизмы, будучи элементами национальной и культурной специфики, часто не имеют прямых эквивалентов в русском языке, что требует от переводчика использования разнообразных стратегий. Перевод американизмов-реалий является комплексной задачей, требующей творческого подхода и глубокого знания обеих культур для достижения адекватности перевода. При сравнении работ

двух переводчиков, было выявлено, что перевод романа Е. Д. Калашниковой является наиболее удачным. Переводчице успешно удалось достигнуть стилистической адекватности и сохранить историко-национальный колорит.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 124012400351-9).

Список литературы

1. Влахов, С. Н., Флорин, С. В. Непереводимое в переводе: монография. 2-е изд., испр. и доп. / С.Н. Влахов, С.В. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
2. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
3. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби / пер. Н. Лавров. – М.: Феникс, 2000. – [Электронный ресурс]. – URL.: https://toplib.net/knigi/3379-fitsdzherald-frensis-velikij-getsbi-noch-nezhna (дата обращения: 24.09.2025).
4. Фрэнсис Скотт Фицджеральд / Великий Гэтсби; пер. с англ. Е. Калашниковой. – Москва: МИФ, 2024. – (Вечные истории) [Электронный ресурс]. – URL.: https://litres.com/book/francis-scott-fitzgerald/velikiy-getsbi-69824539/read/ (дата обращения 24.09.2025)
5. The Great Gatsby / Francis Scott Fitzgerald. – М.; СПб.: «Т8 Издательские технологии» / «Пальмира», 2022. – 195 с. – (Серия «Palmyra Classics»).

УДК 372.881

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Заблоцкая Т.Ю.[1], ORCID 0000-0002-1762-4843,
Белоногова Л. И.[2]
[1]Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, Белгородская обл., РФ
[2]ООО «Салым Петролеум Девелопмент», г. Оренбург, РФ
e-mail: Zablotskaya@bsuedu.ru

Введение. Авторы рассматривают лексические и грамматические проблемы, возникающие при переводе английских терминов в текстах нефтегазовой тематики. Делается вывод о необходимости получения техническими переводчиками комплексного образования, включающего технические аспекты рабочей специализации. Акцентируется внимание на специализированных онлайн-курсах.

Цель – выявление специфических особенностей русско-английского нефтегазового перевода на примерах терминологических единиц данной научно-профессиональной области.

Основная часть. Нефтегазовый перевод представляет собой огромный пласт переводческой лексики, который охватывает весь процесс

нефтегазового производства, начиная с разведки месторождений и заканчивая транспортировкой и продажей нефти и газа. При этом каждое из направлений имеет свои специфические термины, которые зачастую не используются в других направлениях нефтегазовой отрасли [1, 2]. Так, например, сфера газовых и газоконденсатных месторождений имеет свою терминологическую специфику, кардинально отличающуюся от нефтегазоносных месторождений, большие лексические отличия существуют между наземной и оффшорной добычей углеводородов. Также каждая из стадий нефтегазового производства – геологоразведка, бурение, освоение, добыча и эксплуатация скважин, и переработка – имеет свою особую терминологию, не всегда понятную и знакомую даже специалистам смежных этапов. Помимо этого, есть еще и различия в терминологии каждой компании, включающие специфические аббревиатуры, которые не присутствуют словарях. Кроме того, нефтегазовый перевод включает в себя такие «нетехнические» аспекты, как экономика, бухгалтерия, внешние коммуникации, охрана окружающей среды и многое другое. Отдельной графой среди особенностей нефтегазового перевода идет сленг, сопровождающий каждую из стадий производства и переработки углеводородов, а также отличающийся территориально не только для различных стран и языков, но и в рамках одного государства (языка) – один и тот же сленговый термин или выражение может использоваться и быть общепринятым в одном регионе или компании и не использоваться другими. Все это создает немалые трудности для точного и адекватного нефтегазового перевода, обусловливая высокие требования к подготовке и квалификации переводчиков в этой отрасли.

Важность переводческой работы в нефтегазовой отрасли обусловлена как сложностью и многогранностью используемых терминов, так и сложностью самого процесса нефтегазопроизводства и последующей переработки сырья, а ее необходимость диктуется международным рынком углеводородов. Неточности же нефтегазового перевода, в свою очередь, являются не просто нежелательными, как во многих других переводческих сферах, но могут привести к катастрофическим последствиям в виде аварии на производстве и ущербу, как материальному, так и непосредственному урону для здоровья (например, в случае неправильно переведенной инструкции по эксплуатации оборудования). Таким образом, нефтегазовому переводчику (как, впрочем, и переводчику любой специализации) необходимо не только владеть языковой рабочей парой, но понимать смысл переводимых узкопрофессиональных текстов, знать специфику перевода терминов. И чтобы из множества значений того или иного понятия при переводе выбрать наиболее точное, в идеале, также необходимо разбираться и в самом процессе, о котором идет речь.

Рассмотрим пример. Оригинальный текст: «*Speed reduction between the prime mover and the pitman crank is accomplished by a combination of a V-belt*

drive and gear reducer. With an engine of 600 revolutions per minute (RPM), a speed reduction ratio of 30 to 1 is necessary to operate the unit at 20 strokes per minute. The crank is rotated by the slow-speed shaft of the speed reducer. With one end of the pitman connected to the crank and the other end to the walking beam, the rotation is changed to the up- and-down motion of the walking beam necessary to operate the pump». Перевод: ‘Клиноременная передача и редуктор понижают крутящий момент, подаваемый с выхода электродвигателя на кривошип шатуна. При скорости вращения двигателя 600 об/мин и понижающим передаточным числом 30:1 поршень установки должен работать с частотой 20 качаний в минуту. Вращение на кривошип передается с выходного вала понижающего редуктора. За один конец шатун соединен с кривошипом, ко второму крепится балансир, таким образом, вращательное движение кривошипно-шатунного механизма преобразуется в возвратно-поступательное движение балансира, управляющее работой насоса’.

Чтобы избежать громоздких конструкций при переводе, переводчику необходимо, во-первых, четко представлять себе устройство агрегата (в данном случае насосной установки), а во-вторых, владеть терминами, описывающими механику движения его частей (кинематику и динамику). С подобной необходимостью вникать в суть самых разных технических и технологических особенностей профессиональный переводчик сталкивается постоянно. Задачу «объять необъятное» в плане знаний мог бы решить искусственный интеллект и реализованный через него машинный перевод. Однако, хоть он и становится все более «умелым» с развитием технологий, но, по мнению специалистов, вряд ли сможет заменить перевод человеческий. По мнению Дэвида Талбота, одного из основателей машинного перевода, живым переводчикам не стоит опасаться, что ИИ оставит их без работы, поскольку «людям легче понять и воспроизвести ту информацию о тексте, которая недоступна компьютеру – например, стилистические особенности оригинала. Компьютер этого пока не умеет…» [3]. Вместе с тем, переводчики сами все больше используют ИИ-инструменты (например, CAT системы, именуемые «кошками», CAT расшифровывается как *computer assisted translation*).

Заключение. В связи с вышесказанным возникает вопрос о технической подготовке переводчика, т.е. попросту получении им технического образования по его рабочей лингвистической специализации. Самым лучшим и фундаментальным решением этой проблемы представляется учеба в специализированном вузе. Однако освоение образовательной программы по очной форме обучения плохо совмещается с рабочим графиком, обучение по заочной форме подразумевает самостоятельную проработку большей части материала, и, кроме того, такие программы подготовки реализуются лишь в нескольких вузах России (например, летняя школа в РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина). Альтернативой представляются специализированные онлайн-курсы [4], к

плюсам которых можно отнести изучение материала в удобном режиме времени и интенсивности, групповые и индивидуальные консультации с преподавателем по договоренности. Реализацию таких курсов целесообразно проводить модульно – в зависимости от вида и направления перевода, от специализации в рамках нефтегазовой тематики, целевой аудитории и т.д. При таком подходе есть возможность сместить акцент с количества изученного материала на качество его усвоения, снабдить студента практическими руководствами к действию по выбранной им тематике и добиться ощутимых результатов в сжатые сроки.

Список литературы

1. Petroleum engineering. Course book = Нефтегазовое дело. Книга для студентов: учебное пособие / Л. М. Болсуновская и др. – Томск: Изд-во Томского полит. ун-та, 2011. – 742 с.
2. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Дэниел Ергин; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2011. – 944 с.: ил.
3. Мы научили машину выбирать лучший вариант. Интервью Руководителя Яндекс. Переводчика Дэвида Талбота о новой гибридной системе переводов, 14 сентября 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nplus1.ru/material/2017/09/14/yandex-machine-translation (Дата обращения: 20.09.2025)
4. Школа нефтегазового перевода LinguaOil. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://linguaoil.ru/ (Дата обращения: 20.09.2025)

УДК 81’25:004.738.5

СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕДИАТЕКСТА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОЛИКА О ПУТЕШЕСТВИИ)

Зимацкая М.И., ORCID 0009-0008-8368-9937,
Банман П.П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2842-6818
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
mari.zimatskaya@mail.ru, banman.poly@yandex.ru

Введение. В последние годы особую популярность приобретает контент, посвященный теме путешествий, поскольку полифункциональность данного направления демонстрирует эффективное сочетание информативного, эмоционального и развлекательного компонента. Высокие просмотры на отечественных и зарубежных платформах свидетельствуют о вовлеченности массовой аудитории. Обращаясь к вопросу локализации медиаконтента на английском языке, следует отметить потенциальные переводческие сложности, связанные с необходимостью сохранения когнитивной информации.

Цель исследования – изучить способы адекватного и эквивалентного перевода лексических единиц, содержащих когнитивную информацию, с русского языка на английский на материале ролика о путешествии на Камчатку.

Основная часть. Предметом настоящего исследования послужил видеоролик на русском языке, опубликованный на видеохостинге YouTube 23 октября 2023 года под следующим заголовком: **«Камчатка: стоит ли ехать? Самый подробный фильм! Рындевич»** [https://youtu.be/pfdzMlLTWGU?si=guRdIujEMWB1QZ1W]. Видеоролик как тип текстового продукта относится к сфере медиатекста. Под медиатекстом в настоящем исследовании понимается поликодовый коммуникативный продукт, функционирующий в системе медиапространства. Креолизованность текста делает медиапродукцию особенно популярной среди массовой аудитории, поскольку визуальный и звуковой компонент усиливает восприятие и запоминание текста, оказывая персуазивное воздействие на потенциального реципиента.

Обращаясь к вопросу о жанровой принадлежности видеоролика, следует отметить подвижность всего формата видео. Как правило, основным критерием для дифференциации отдельного видеопродукта выступает «жанрово-тематическая» принадлежность [2, с. 138]. Чаще всего нарратив в видеороликах о путешествии представлен спонтанными монологами, снятыми самим автором контента на фоне описываемых локаций и содержащими когнитивную информацию. Под когнитивной информацией И. С. Алексеева понимает объективные сведения об окружающем мире [1, с. 327].

В рамках работы с текстом оригинала и перевода, выполненного нами, выявлены и классифицированы следующие носители когнитивной информации: топонимы, географические реалии, термины, количественные данные. Каждый из указанных типов требует применения определенных переводческих трансформаций, направленных на сохранение информативной ценности исходных лексических единиц.

Особую сложность при переводе на английский язык представляют топонимы и географические реалии, поскольку их культурно-страноведческая специфика может показаться сложной для восприятия иноязычной аудиторией. Как правило, переводческая практика предлагает использование транскрипции в качестве основного способа перевода.

Например, топоним ***«Камчатка»*** переведен при помощи транскрипции – ***«Kamchatka»***, топоним ***«Петропавловск-Камчатский»*** – ***«Petropavlovsk-Kamchatsky»***, ***«Толбачик» – «Tolbachik», «Корякский, Авачинский и Козельский вулканы» – «Koryaksky, Avachinsky and Kozelsky volcanoes».*** Такое решение обосновано тем, что топонимы визуализированы в сознании русскоязычной аудитории именно вследствие своей фонетической и графической организации, поэтому при переводе на

английский язык для достижения похожего эффекта необходимо сохранить фонетическую близость, что обеспечит узнавание и запоминание данной языковой единицы.

При переводе названий вулканов ***«Острый Толбачик»*** и ***«Плоский Толбачик»*** ключевым параметром является не только сохранение фонетической структуры оригинала, но и достижение семантической точности. Вариант перевода при помощи транскрипции – ***«Ostry Tolbachik»*** и ***«Plosky Tolbachik»*** кажется нам неудачным. Следует отметить, что прилагательные ***«острый»*** и ***«плоский»*** несут описательную функцию, указывая на физические особенности вулканов. Поэтому предложенный выше вариант перевода не позволит транслировать значение на английском языке, следовательно, вариант ***«Sharp Tolbachik»*** и ***«Flat Tolbachik»*** представляется понятным и однозначным эквивалентом.

Следует отметить, что прием транскрипции применим и для обозначения географических реалий, например, наименований коренных народов. Так, слово ***«камчадалы»*** было переведено как ***«kamchadaly»*** с добавлением переводческого комментария (***«indigenous people of Kamchatka»***). Реализуемая стратегия позволяет не только сохранить исходное фонетическое оформление, но и обеспечить понимание для реципиента за счет приводимого пояснения.

Весьма интересными с переводческой точки зрения представляются атрибутивные группы, поскольку их многоуровневость и порядок расположения элементов требуют соответствующих изменений в английском языке. Так атрибутивное сочетание ***«Большое Трещинное Толбачинское Извержение»*** было переведено следующим образом – ***«The Great Tolbachik Fissure Eruption».*** Помимо транскрипции использованы трансформации перестановки, калькирования и добавления, что позволило получить эквивалентный и адекватный вариант перевода.

Для передачи терминологической лексики мы обращались к уже закрепленным в словарном составе английского языка эквивалентам. Например, термин ***«трещинное извержение»*** переведен как ***«fissure eruption»***, ***«фумаролы»*** как ***«fumaroles»***. Термины флоры и фауны Камчатки зачастую имеют устойчивые эквиваленты в английском языке, например, ***«косатки» – «killer whales», «горбатые киты» – «humpbacks», «сивучи» – «sea lions»***.

Нормы оформления количественных и статистических данных на русском и английском языке отличаются. В русском языке для разделения групп разрядов в больших числах применяется ***пробел***, а в английском – ***запятая***, что необходимо учитывать при переводе: *«По статистике института вулканологии за позапрошлый год было **6 525** землетрясений» – «According to the Institute of Volcanology and Seismology, there were **6,525** earthquakes recorded two years ago».*

Заключение. Таким образом, сохранение когнитивной информации при переводе текста с русского языка на английский осуществляется посредством применения переводческих трансформаций. Выбор той или иной переводческой трансформации зависит от типовой принадлежности лексической единицы. Рассмотренные примеры демонстрируют необходимость комплексного подхода к переводу, что позволит достичь высокого уровня адекватности и эквивалентности.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений / И. С. Алексеева. – М.: Academia; СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 352 с. – (Высшее профессиональное образование. Иностранные языки). – ISBN 5-8465-0101-X. – EDN QQZJET.
2. Кириллов, А. Г., Краев А. А. Видеоблог как визуальный медиатекст / А. Г. Кириллов, А. А. Краев // Вестник Международного института рынка. – 2022. – №1. – С. 137–142. – EDN IPGFDT.
3. Камчатка: стоит ли ехать? Самый подробный фильм! Рындевич: [видеозапись] / съемка и постановка: Артем Рындевич ; режиссер монтажа: Акира Дайтер ; доп оператор: Глеб Григорьев ; редакторы: Артем Рындевич, Артем Захаров. – YouTube, 2023. – URL: https://youtu.be/pfdzMlLTWGU?si=guRdIujEMWB1QZ1W (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 81’25

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Игнатьева Ю.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

yu.ignatyeva@mail.ru

Введение. Иностранные языки уже не так сложны, как раньше. Искусственный интеллект (ИИ) упрощает общение и обмен информацией по всему миру. ИИ-перевод также стал частью повседневной деловой жизни, значительно упростив международное взаимодействие. Связь между ИИ и изучением языков становится всё более тесной. Хотя традиционное образование по-прежнему остаётся лучшим вариантом для тех, кто хочет свободно говорить на иностранных языках, ИИ и системы перевода внесли значительный вклад в упрощение доступа к их изучению [1].

Искусственный интеллект коренным образом меняет способ коммуникации между людьми по всему миру. Особенно впечатляют сегодня

переводчики со встроенным ИИ, которые молниеносно переводят не только тексты, но и диалоги в режиме реального времени. Переводчики на базе ИИ предлагают инновационные решения в преодолении языковых барьеров от общения в путешествиях до деловых переговоров.

Основная часть. Переводчики с ИИ основываются на современных методах машинного обучения, таких как нейронные сети и автоматическая обработка текстов на естественном языке (Natural Language Processing - NLP), которые анализируют тексты, распознают языковые закономерности и переводят текст на нужный язык за считанные секунды. Среди важнейших технологий, лежащих в основе переводчиков со встроенным ИИ, выделяются:

1) нейронный машинный перевод (Neural Machine Translation – NMT). Этот метод основан на нейронных сетях, сравнивающих взаимосвязи между словами и предложениями, что позволяет осуществлять перевод с учетом контекста;

2) обучение на больших многоязычных данных. Системы ИИ обучаются на миллионах примеров для получения точных результатов;

3) распознавание и синтез речи [2].

Переводчики на основе ИИ, такие как интегрированные в ChatGPT, распознают речевой ввод и переводят его на целевой язык письменно или устно.

Перевод с использованием ИИ открывает множество интересных возможностей для будущего. Благодаря повышению точности и надежности, ИИ может использоваться для упрощения перевода сложного контента. По сравнению с традиционными решениями для перевода переводчики с ИИ работают со множеством языков и диалектов, переводы выполняются в режиме реального времени, без ожидания, а интерактивная речь позволяет вести даже сложные диалоги. Более того, технологии машинного обучения и перевода могут быть использованы в помощь переводчикам-людям. Для внутренних команд, сталкивающихся со сжатыми сроками и растущей нагрузкой, перевод на основе ИИ может помочь повысить производительность и автоматизировать более простые задачи перевода.

Переводчики с ИИ уже используются во многих сферах жизни и облегчают общение в самых разных ситуациях. Языковой барьер может стать серьёзным препятствием во время отпуска, но с ИИ-переводчиками путешественники могут общаться непосредственно с местными жителями – без каких-либо языковых навыков. Компании получают выгоду от использования переводчиков на основе ИИ, переводя деловые документы, презентации и электронные письма на разные языки. Устные переводчики на основе ИИ также могут быть использованы в международных встречах и обеспечивать точный перевод технических терминов и отраслевого контента. Переводчики со встроенным ИИ помогают студентам понимать тексты на иностранных языках или изучать языки. Они предлагают переводы книг, статей и веб-сайтов, а также интерактивные языковые

упражнения. Люди с ограниченными языковыми навыками или с проблемами слуха могут воспользоваться услугами переводчиков на базе ИИ, которые преобразуют речь в текст или язык жестов, тем самым облегчая доступ к информации.

Искусственный интеллект обеспечивает множество преимуществ для перевода в режиме реального времени, помимо более быстрых результатов. В конечном счёте, он гарантирует, что переведённый текст отражает смысл и цель исходного текста, а не является дословным переводом. Даже системы языкового перевода с открытым исходным кодом, такие как Google Translate и DeepL, могут выдавать надёжные результаты за считанные секунды. В настоящее время ИИ-перевод представляет собой отличный вариант для тех, кому необходимо быстро перевести большие объёмы контента.

Несмотря на ряд преимуществ, использование ИИ-переводчиков связано с рядом проблем, которые следует учитывать. Даже лучшие системы языкового перевода всё ещё имеют ограничения в плане учёта контекста, а самые передовые технологии перевода не способны различать и улавливать различные лингвистические и эмоциональные тонкости. Не все переводы соответствуют контексту. ИИ-системы могут неверно интерпретировать иронию, метафоры или культурные нюансы. В конечном счёте, на инструменты перевода на базе ИИ нельзя положиться при создании качественного контента для маркетинговых и рекламных целей.

Следует также учитывать риски и проблемы при использовании переводчиков со встроенным ИИ. Поскольку они часто работают с облачными системами, существует риск обработки конфиденциальных данных в процессе перевода. Надежные поставщики шифруют данные во время перевода, однако с конфиденциальной информацией следует обращаться осторожно. Хотя ИИ-системы впечатляюще точны, они не всегда могут достичь качества опытного переводчика-человека.\

Переводчики с искусственным интеллектом дополняют переводчиков-людей, но не могут полностью заменить их, особенно при работе с творческими или контекстно-зависимыми текстами.

Нам предстоит пройти долгий путь, прежде чем программное обеспечение сможет выполнять перевод на естественный язык со 100% точностью. А если что-то не идеально на 100%, на него нельзя положиться при важных коммуникациях. В международном бизнесе нет места недопониманию. Более того, дипломатические каналы должны чётко понимать нюансы иностранных языков для поддержания успешной переписки. Во многих случаях программное обеспечение для изучения языка с помощью ИИ может использоваться для обеспечения надёжного первого варианта перевода. Однако личное общение и важные сообщения по-прежнему требуют управления и мониторинга со стороны переводчиков-людей и опытных лингвистов.

Заключение. ИИ-переводчики – посредники между языками, которые помогают преодолевать языковые барьеры, способствуют культурному обмену и открывают новые возможности в сфере туризма, бизнеса и образования. Несмотря на устойчивый прогресс, маловероятно, что они полностью заменят традиционное обучение языкам и переводчиков-людей. Независимо от того, насколько активно развиваются технологии перевода, сами языки сохранят свою значимость. Они основаны на определённых грамматических правилах и сложных структурах.

Человеческий фактор всегда будет играть важную роль в изучении языка. Та же логика применима и к сфере перевода. Хотя переводы с помощью ИИ становятся всё более надёжными, ошибки встречаются, поэтому редактирование переводчиками-людьми необходимо. Как минимум, машинные переводы должны проверяться корректорами. В зависимости от конечного пользователя, может даже потребоваться обширное редактирование. Искусственный интеллект может облегчить нагрузку на переводчиков-людей. При этом он просто меняет подход к работе переводчиков, но не отменяет ее.

Список литературы

1. Гарбовский, Н.К. Цифровой перевод. Современные реалии и прогнозы // Русский язык и культура в зеркале перевода / Н.К. Грабовский: IX Международная научная конференция (г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.): Материалы конференции. – М.: Издательство Московского университета, 2019. 647 с.
2. Грабовский Н. К., Костикова О. И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? / Н.К. Грабовский, О.И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 3.
3. Лю Вэньцзя Размышления об истории соединения синхронного перевода с искусственным интеллектом в Китае: 2017–2021 гг. / Вэньцзя Лю // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и международная коммуникация. 2023. № 2.
4. B-Blend – URL: https://www.getblend.com/de/blog/ki-uebersetzung-die-zukunft-des-sprachenlernens/ (дата обращения: 20.09.2025)
5. BookTranslator.ai – URL: https://www.ki-company.ai/blog-beitraege/ki-uebersetzer-sprachbarrieren-ueberwinden-mit-kuenstlicher-intelligenz (дата обращения: 20.09. 2025).

УДК 81’25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»: ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Князева О. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0003-2076-158X,
Добрикова В. А., ORCID 0009-0008-9294-1970
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
ksushenka124@mail.ru, park.valeria@bk.ru

Введение. Статья посвящена особенностям перевода терминологической лексики с английского языка на русский в научных текстах предметной области «Психология». Основой подобных текстов является терминологическая лексика. Термин – это лексическая единица, закрепленная за конкретным понятием специальной области знания и обеспечивающая его точное определение. Наука и язык развиваются, а вместе с этим появляются новые термины, обозначающие новые открытия, устаревшие слова приобретают новое значение. Таким образом, ключевой задачей переводчика, работающего с научной литературой, является подбор точных эквивалентов, что обусловливает необходимость применения различных переводческих трансформаций.

Цель исследования – изучение особенностей перевода терминологической лексики при переводе с английского языка на русский текстов психологической тематики.

Основная часть. Исследованием перевода научных текстов лингвисты занимаются долгое время. Такие исследователи, как М. П. Котюрова, Е. А. Баженова занимались изучением особенностей научных текстов. На лексическом уровне доминирует узкоспециальная и общенаучная терминология, служащая основным средством выражения когнитивной информации, преобладающей в научных текстах. Термин можно определить, как «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники» [Комиссаров, 1990: 110].

Эффективный перевод терминов требует осознанного применения переводческих трансформаций. «Переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [Комиссаров, 1990: 172]. В. Н. Комиссаров подразделяет трансформации на «лексические, грамматические и лексико-грамматические» [Комиссаров, 1999: 165]. При переводе терминологической лексики используются лексические и лексико-грамматические трансформации. Среди них ученый выделяет следующие трансформации: транслитерация, транскрипция, калькирование, модуляция,

конкретизация, генерализация, экспликация, антонимический перевод, компенсация.

В данной статье мы рассмотрим несколько примеров использования наиболее частотных трансформаций при переводе терминологической лексики в научном тексте предметной области «Психология». При переводе многозначных слов, которые в специальных текстах выступают как термины, прямой эквивалент часто оказывается неточным. Решением данной проблемы является использование **конкретизации** – трансформации, в ходе которой более широкое понятие заменяется более узким. Данная трансформация позволяет сделать перевод более точным и понятным для носителя русского языка, преодолевая неизбежную разницу в лексическом строе двух языков. Наглядно это проявляется в следующих примерах:

(1) *biological regulatory* ***outcomes*** – ‘биологические регуляторные **показатели**’. Эквивалент «результаты» не может быть использован в переводе, поскольку в области психологии он подразумевает завершенный процесс, в то время как «показатели» означает динамические состояния и текущие показатели активности регуляторных систем. (исправлено оформление примеров, нумерация)

(2) *interoceptive* ***control*** – ‘интероцептивная **регуляция**’. Соответствие «контроль» подразумевает управление, владение или проверку с целью подчинения определенному стандарту. Однако, эквивалент «регуляция» точно передает суть динамического, адаптивного процесса настройки внутренних систем, который лежит в основе концепции аллостаза.

При переводе сложных слов, часто используется **калькирование.** Суть приёма заключается в переводе лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей их эквивалентами в ПЯ. Рассмотрим несколько примеров данной трансформации:

(3) *the autonomic nervous system and the hypothalamic-pituitary-adrenal* – ‘вегетативная нервная система и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая система’. В результате использования калькирования, сложные термины были переведены на основе закреплённых в словарях эквивалентов. Данный приём позволил сохранить когнитивную информацию и передать лексическое значение элементов в тексте.

(4) *the adrenal androgen* – ‘надпочечниковые андрогены’. Использование калькирования для перевода «adrenal androgen» как «надпочечниковые андрогены» позволило передать смысл оригинала максимально точно и без потерь, избегая двусмысленности, а также обеспечить терминологическую точность.

Следует также отметить приём **заимствования**, включающий три формы: **транслитерацию** (передача буквенного состава), **транскрипцию** (передача звуковой формы), **трансплантацию** (полное сохранение графической формы слова). Рассмотрим следующие примеры:

(5) *post-traumatic stress disorder* – ‘посттравматическое стрессовое расстройство’. Данный термин заимствуется посредством транслитерации как общепринятый стандартизированный диагноз в профессиональной психологической и психиатрической практике. Приём транслитерации обеспечивает его точную идентификацию и однозначное понимание в любом профессиональном контексте.

(6) *the sympathetic (SNS) and parasympathetic nervous systems (PNS)* – ‘симпатическая (снс) и парасимпатическая нервная система (пнс)’. Термины “sympathetic” и “parasympathetic” являются названиями конкретных анатомических и физиологических систем. Они функционируют как научные ярлыки, не имеющие прямого лексического значения в отрыве от контекста. Прием транслитерации позволяет обеспечить максимальную точность в переводе, а также соответствует принципу, согласно которому устоявшиеся международные научные термины-названия заимствуются в их звуковой или буквенной форме.

(7) ***cortisol*** *controls allostasis* – ‘**кортизол** контролирует аллостаз’. Наименование биологического вещества было переведено с помощью транскрипции, поскольку данное слово является научным номеном. Этот прием гарантирует, что термин будет корректно опознан в любом профессиональном контексте.

Заключение. Проведенный анализ демонстрирует, что успешный перевод терминологии требует применения системного подхода к классификации лексики. Высокая концентрация специальной лексики в научных текстах, а также отсутствие прямых языковых соответствий обусловливают необходимость переводческих трансформаций. По итогам исследования наиболее частотными трансформациями при переводе терминологической лексики в англоязычном научном тексте являются калькирование, транскрипция, транслитерация и конкретизация. Данные трансформации подтвердили свою эффективность в качестве ключевых инструментов, позволяющих достигнуть максимальную смысловую точность, а также осуществить полный и точный перевод.

Список литературы

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС., 1999. – 192 с. – ISBN 5-93386-030-1.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранного языка / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с. – ISBN5-06-001057-0.
3. Котюрова, М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие / М. П. Котюрова. – М.: Наука, 2008. – 280 с. – ISBN 978-5-02-034836-3.
4. Harrison, L. A. Resilience phenotypes derived from an active inference account of allostasis / L. A. Harrison, Antonio J. Gracias, Karl J. Friston, J. Galen Buckwalter // Frontiers Media S.A. – 2025. – URL: https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/ fnbeh.2025.1524722/full (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 81.1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Косякова Ю.Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0006-5395-6761
ФГБОУВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
ukos33@mail.ru

Введение. В последнее время в лингвистических исследованиях наблюдается антропоцентрический подход изучения материала, при котором центральное место отводится языковой личности и коммуникации. Такой подход особо актуален в процессе перевода, поскольку основной задачей переводчика является не только точное изложение содержания текста или фразы, но и максимально близкая передача всех нюансов стиля и коннотации оригинала средствами языка перевода. Этот принцип сформулировал ещё профессор Санкт-Петербургского университета Андрей Венедиктович Фёдоров, являющийся одним из основоположников советской теории художественного перевода, который отмечал: «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [1, с.15].

Таким образом, перевести – значит подобрать эквивалент единице исходного языка в языке перевода. При этом важно отметить, что полных эквивалентов, независящих от контекста не так много, к ним относятся термины, слова-реалии и общебытовые слова с точным значением. Когда речь идёт о фразеологических единицах (ФЕ), то для того, чтобы подобрать полноценный эквивалент, необходимо хорошо знать историю и быт данной страны, достаточно свободно владеть реалиями языка перевода, поскольку ФЕ всегда имеют яркую коннотативную окраску, в большинстве случаев имеющую национально-культурные особенности.

Цель – сделать акцент на том, что перевод в аспекте межкультурной коммуникации – это всегда взаимодействие двух семантико-грамматических систем, отражающих свои национально-культурные особенности, которые складывались веками и поэтому несут в себе лингвокультурный код нации.

Основная часть. Функционально-коммуникативный подход подбора эквивалента ФЕ предполагает её рассмотрение как сложной семантической структуры, состоящей из определённого набора компонентов, отражающих структурализацию значения данной ФЕ по типам передаваемой информации. Рассмотри несколько примеров:

Так, русская ФЕ *смотреть сквозь розовые очки* имеет значение *«не замечать недостатков в ком-либо или в чём-либо, идеализировать что-*

либо, иметь иллюзорное, наивное восприятие объективной реальности». По категориально-грамматическому признаку она является процессуальной с предикативным значением, поскольку отвечает на вопрос не «что делает?» человек, а «как?» он это делает – необъективно, наивно, возможно, под воздействием определенного чувства или убеждения. Денотативный компонент передает сведения о необъективном поведении описываемого человека. Эмотивно-оценочный компонент выражает субъективное отношение говорящего к предмету/объекту разговора. В данном случае прослеживается ироничное отношение говорящего. Функционально-стилистическая маркировка отражает сведения о сфере употребления и территориальной распространенности. Последняя особенно ярко прослеживается, когда одним из компонентов ФЕ является диалектизм или наименование местности. Рассматриваемая выше ФЕ может употреблять в литературном и разговорном стилях, но не допустима в официально-деловом. Территориально имеет очень широкое распространение.

Подобный разбор фразеологического значения на компоненты поможет подобрать эквивалент в языке перевода, который будет наиболее точно передавать и значение, и эмоциональную окраску, и стилистическую принадлежность.

Во французском языке эквивалентом вышеназванной ФЕ является ФЕ *voir tout en rose* – букв. ‘видеть все в розовом’ (исправлено оформление примеров). Мы наблюдаем совпадение практически по всем компонентам: категориально-грамматическому, денотативному, эмоционально-оценочному и функционально-стилистическому. Есть отличия в образной составляющей – во французском языке используется розовый цвет без привязки его к предмету, помогающему создать этот цвет – очкам.

Рассмотрим ещё примеры эквивалентов ФЕ при переводе.

Первый имеет максимальное сходство, как в компонентах структуры фразеологического значения, так и в образной составляющей.

Структурные компоненты	Русская ФЕ	Французская ФЕ
ФЕ	*сойти с ума*	*devenir fou*
Значение	вести себя странно, не отдавая отчёта своим действиям, совершать безрассудные поступки, говорить глупости под воздействием кого-либо или чего-либо	
Категориально-грамматический	предикатив	предикатив
Денонативный	человек обладает странным поведением, душевным состоянием	
Эмотивно-оценочный	отрицательное, иногда насмешливое отношение говорящего к такому состоянию и поведению обсуждаемого человека	
Функционально-стилистический	просторечное, экспрессивное	
Образный	совпадает	

Второй пример демонстрирует национальную специфику.

Структурные компоненты	Русская ФЕ	Французская ФЕ
ФЕ	*седьмая вода на киселе*	*cousin à la mode de Bretagne*
Значение	дальний родственник	
Категориально-грамматический	субстантив	субстантив
Денотативный	человек, находящийся в крайне отдаленном родстве с кем-либо	
Эмотивно-оценочный	негативное, пренебрежительное, насмешливое отношение говорящего по отношению к обсуждаемому человеку	
Функционально-стилистический	просторечное, экспрессивное	
Образный	происхождение этой ФЕ связано с изготовлением киселя, представляющего собой жидкую студенистую массу. если кисель долго стоит, то он теряет свои вкусовые качества и на нем появляется слой воды. *седьмая вода* – вода, появившаяся на длительно стоявшем киселе, отчего ее вкус ничего общего с киселем уже не имеет.	выражение пошло от распространенного во французской провинции Бретань обычая называть кузенами самых дальних родственников.

Подбирая фразеологический эквивалент при переводе, важно анализировать контекст, особенно если речь идет о многозначных ФЕ. В таких случаях учёт сложной семантической структуры ФЕ, состоящей из конкретного набора компонентов, демонстрирующих структурализацию значения ФЕ по типам передаваемой информации поможет определить смысловые нюансы, осложненные ассоциативными связями в экстралингвистическом пространстве. Так русская ФЕ *валять дурака* может означать: *«ничего не делать»* и *«вести себя несерьёзно, дурачиться»;* Первое значение следует перевести на французский ФЕ *faire le lézard* (букв. ‘делать ящерицу’) имеющей значение «бездельничать, лентяйничать, сибаритствовать». Для передачи второго значения русской ФЕ следует взять французскую *faire le Jacques* (букв. – ‘делать как Жак’), имеющую значение «прикидываться дурачком».

Заключение. Вышеизложенный материал, демонстрирует, что функционально-коммуникативный подход подбора эквивалента ФЕ при переводе предлагает алгоритм работы переводчику, помогая обеспечить понимание переводимого материала во всем богатстве его национально-культурной семантики и подобрать максимально точный эквивалент, что, в свою очередь, дает возможность рассматривать перевод как диалог культур, позволяющий преодолеть не только языковые, но и культурные барьеры.

Список литературы

1. Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – Изд. 3-е. – М.: Высшая школа, 1968. – 397 с.
2. https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii/sedmaya-voda-na-kisele
3. Яранцев, Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник / Р.И. Яранцев / https://djvu.online/file/DoruBDiKFsKtY. – ISBN: 5–200–02362–9.
4. Назарян, А.Г. Идиоматические выражения французского языка: Пособие для учителей фр. яз. /. А. Г. Назарян – Москва: Просвещение, 1978. – 160 с. – ISBN: 978-5-6045864-4-0.
5. Rat M. Dictionnaire des locutions françaises. – Paris: 1957. – 430 с. – ISBN: 978-2-03-590373-0.

УДК 811.111: 681.3.01

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ

Кубракова М.В., ORCID 0009-0009-2083-1446
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail soffi2506@mail.ru

Компьютерная терминология, являясь неотъемлемой частью современного общения, характеризуется своими уникальными особенностями и тенденциями развития. С развитием технологий наблюдается тенденция к появлению большого количества новых терминов, что способствует развитию динамики заимствования слов из других языков, в первую очередь из английского языка, что создает сложности для специалистов и пользователей.

Целью данной работы является исследование особенностей перевода английских компьютерных терминов на русский язык.

Лингвистический анализ терминов занимает особое место в современном языкознании. Основная проблема изучения термина как лингвистической категории заключается в его определении. Так, основоположник отечественного терминоведения, советский лингвист А. А. Реформатский утверждает, что «термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и называние вещей» [3, с. 166]. Терминология ученым описана как «совокупность терминов определенной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию

и упорядочиванию» [3, с. 110-111]. Согласно утверждению исследователя, функции термина выполняются, только когда он входит в состав терминологии.

Похожее определение термина предложила З. И. Комарова, трактующая термин как слово или словосочетание, обозначающее особый предмет (понятие), который ограничен определением и принадлежностью к определённой терминологии [1, с. 75]. Ученые-лингвисты все ещё активно обсуждают не только вопрос определения термина, но и его отличительные особенности от общеупотребительной лексики.

Перевод компьютерных терминов представляет собой сложную задачу, требующую не только глубокого понимания технической специфики, но и владения инструментами лингвистического анализа. При адаптации такой терминологии на переводящий язык неизбежно возникают лексико-грамматические трансформации, обусловленные различиями в языковых системах и культурных контекстах.

Рассмотрим основные приёмы перевода терминологических единиц из области компьютерных технологий, предложенные советским лингвистом В. Н. Комиссаровым [2, с. 172-175]. Ученый выделяет такие лексико-грамматические трансформации, как: транслитерация (метод передачи букв исходного термина при помощи букв алфавита языка перевода, например: *bit* – ‘бит’), транскрипция (воспроизведение звучания английского термина при передаче на русский язык, например: *driver* – ‘драйвер’), калькирование (перевод английского слова или выражения путём точного воспроизведения их средствами русского языка, например: *account number* – ‘учетный номер’*; absolute error* – ‘абсолютная ошибка’), конкретизация (замена слова или словосочетания исходного языка с более широким значением на слово или фразу с более узким значением в переводе, например: *media conversion buffer* – ‘буфер передачи информации с одного носителя на другой’), генерализация (замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением, например: *firewall* (брандмауэр) – ‘конкретный тип сетевого оборудования, предназначенного для защиты от несанкционированного доступа’), модуляция (смысловое развитие) (замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы, например: *fend* – ‘лучшая защита’).

Наряду с вышеперечисленными приемами, следует отметить такие трансформации, как: экспликация (описательный перевод), компенсация и антонимический перевод, которые чаще всего используются при переводе безэквивалентной лексики в IT-сфере.

Описательный перевод (экспликация) – лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, дающим объяснение или определение этого значения на языке перевода, например: *removable random*

access – ‘произвольный доступ к устройству со сменным носителем’. С помощью данной трансформации можно передать значение любого безэквивалентного слова-оригинала. В силу своей специфики, компьютерная терминология часто не имеет прямых эквивалентов в других языках, и тогда описательный перевод может стать лучшим решением [2, с. 185]. Однако, данный способ перевода имеет свои ограничения. Он может быть громоздким и не всегда передаёт всю точность исходного термина. Поэтому, при переводе компьютерных терминов важно найти баланс между точностью и доступностью. В некоторых случаях, прямой перевод будет более уместен, в других – описательный. Ключевым фактором является целевая аудитория и контекст перевода.

Компенсация – это лингвистический приём, позволяющий восполнить утрату значения при переводе. В контексте компьютерных терминов, компенсация может проявляться в различных формах [2, с. 185-186]: 1) использование синонимических конструкций; 2) объяснение значения термина в контексте: если термин является специфическим и не имеет общепринятого перевода, его можно объяснить в скобках или сноске, например: *firewall virus detection* – ‘выявление вирусных программ при помощи файервола – программы-блокировщика’. Выбор метода компенсации зависит от контекста и специфики термина.

Антонимический перевод – замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную, сопровождающуюся заменой лексической единицы исходного языка на единицу перевода с противоположным значением [2, с. 183-184]. Однако, этот прием практически не используется при адаптации компьютерной терминологии с английского на русский язык.

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод английской компьютерной терминологии требует от переводчика не только знания языков, но и глубокого понимания специфики области, что делает использование различных переводческих приемов неотъемлемой частью процесса.

Сложность изучения компьютерной терминологии также связана со скоростью изменений в технологической сфере. Непрерывный поток инноваций требует от переводчиков гибкости и готовности регулярно обновлять свои знания. В этой связи, важно развивать не только теоретические аспекты перевода, но и практические навыки, чтобы соответствовать требованиям индустрии.

Углублённое изучение переводческих трансформаций и особенностей перевода компьютерных терминов в дальнейшем поможет не только улучшить качество перевода, но и будет способствовать более глубокому пониманию технологий и их влияния на повседневную жизнь пользователей.

Список литературы

1. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание / З. И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1991. – 156 с. – ISBN 5-7525-0221-7
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 254 с. – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1875931677
3. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / Проблемы структурной лингвистики / А. А. Реформатский. – М.: Наука, 1967 – 411 с. – URL: https://www.academia.edu/59839492/Проблемы_структурной_лингвистики_1967
4. Электронный инструментарий переводчика: учебное пособие / У.С. Баймуратова; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2013. – 120 с. – URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/10560/1

УДК 81’25:340

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Максименко А.В., ORCID 0009-0006-5758-2154
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
a_teacher@bk.ru

Введение. Адекватный перевод юридического текста требует от переводчика владения юридической грамотностью как на иностранном, так и на родном языке, поскольку юридический текст – это форма выражения норм права, и ошибки в переводе могут привести к конфликту между сторонами юридического дискурса, судебным искам или прекращению сотрудничества. Для того, чтобы язык перевода был понятным и достоверным, необходимо обращать внимание на разногласия лингвоэтнического характера, речевые реалии и безэквивалентную лексику.

Основная часть. Трудности в процессе перевода могут возникнуть, в первую очередь, из-за употребления архаичных слов, в особенности в текстах контрактов (*hereto, therein, whereby*); терминологической омонимии (например, слово *trial*, обычно переводимое как ‘испытание’, в юридическом тексте означает ‘судебное разбирательство’); употребления чисто юридических терминов (*tort* – ‘деликт’, *affidavit* – ‘письменное показание под присягой’).

Также, одной из характерных черт английского юридического текста является употребление модального глагола *shall* для выражения приказа или обязательства. Например, *The Parties shall take the necessary measures to…* – ‘Стороны обязуются принять необходимые меры...’ [2].

Перевод юридических текстов с английского языка или на английский язык часто ставит перед переводчиком сложные задачи, обусловленные спецификой правовой системы и терминологии, принятой в англоязычных странах. Чтобы решить проблему выбора правильного эквивалента, используются следующие методы:

– перефразирование, описательный перевод (*account* – ‘неуплаченное долговое требование’; *official accusation* – ‘официальное обвинение (в совершении преступления)’;

– замена функциональным аналогом (*claim* – ‘иск, судопроизводство’; *notice* – ‘предупреждение, сообщение, заявление, уведомление и пр.’);

– калькирование, дословный перевод (*according to law* – ‘в соответствии с законом’, *accomplice of attempt* – ‘соучастник покушения’);

– транскрибирование (*Special Systems Industry* – ‘Спешиал Систем Индастри’);

– транслитерация (*barrister* – ‘барристер’*, solicitor* – ‘солиситор’) и пр.

Перевод многокомпонентных терминов представляет собой сложную задачу, состоящую из двух этапов: аналитического (определение и перевод отдельных компонентов, включая словосочетания) и синтетического (выстраивание компонентов в соответствии с семантическими отношениями для получения окончательного варианта перевода). Особое значение имеет аналитический этап, поскольку правильное определение компонентов сложного термина является основой успешного перевода.

Существует ряд терминов-словосочетаний, не допускающих дословного перевода, при этом имеющего эквиваленты в родном языке. Отдельные элементы таких терминов отличаются от компонентов эквивалента в родном языке, например, *forum shopping* – ‘выбор наиболее подходящего места суда’, при этом *forum* – ‘форум, собрание’, *shopping* – ‘посещение магазина’.

Необходимо учитывать тот факт, что для современной английской юридической терминологии характерна двойная языковая основа. Наряду со словами и словосочетаниями, принадлежащими к собственно английскому языку, имеются также термины, взятые из латинского языка: *per incuriam* – ‘с нарушением закона’, *mens rea* – ‘преступный умысел’, *corpus delicti* – ‘состав преступления’ [1].

Использование слов различного происхождения привело также к другой черте – наличии устойчивых словосочетаний, состоящих из синонимичных слов, например, *able and willing* – ‘дееспособный’ (дословно: способный и готовый), *terms and conditions* – ‘условия’ (договора) (досл. условия и положения).

Заключение. Работа над переводом юридического текста имеет много нюансов, связанных со своеобразием юридического языка, лингвокультурными разногласиями языка оригинала и языка перевода, разницей в законодательных системах и лингвистических традициях стран.

Поэтому дальнейшие исследования по этой теме продуктивны для всестороннего и более подробного изучения аспектов перевода различных видов юридического дискурса и усовершенствования методической работы над ними.

Список литературы

1. Максименко, А. В. Трудности работы с англоязычными юридическими текстами в процессе перевода / А. В. Максименко // Дискурсивные практики современной межкультурной коммуникации: Материалы Респ. науч.-практ. семинара с междунар. участием «Дискурсивные практики современной межкультурной коммуникации» (16 дек. 2021 г.) и IV Респ. науч.-практ. семинара с междунар. участием «Актуальные проблемы перевода детской литературы» (28 сент. 2021 г.). – Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2022. – С. 47–49.
2. Customs (Import/Export) Power Of Attorney [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ups.com/assets/resources/supplychain/media/power-of-attorney-terms-and-conditions.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

УДК 81’255.4:908 “21”(477.62)

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. РУСАНОВА

Матвиенко О.В., канд. филол. наук, доц. ORCID 0009-0000-7130-7251
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
matvizar@gmail.com

Заметной фигурой литературного процесса в современном Донбассе является Владислав Адольфович Русанов (род. в 1966 г. в Донецке). Несмотря на близость к Донецкой филологической школе, он к ней не принадлежит: В. А. Русанов закончил горно-геологический факультет ДПИ (ДонНТУ) и в настоящее время работает доцентом кафедры технологии и техники геологоразведочных работ родного вуза. Литературное творчество – хобби, ставшее второй профессией. В. А. Русанов – успешный писатель-фантаст, автор свыше 20 книг, в т.ч. романов-фэнтези *«Горячие ветры Севера», «Клинки порубежья», «Победитель драконов»*.

Кроме того, В. А. Русанов успешно переводит с английского. Интерес к художественному переводу зародился у тогдашнего аспиранта ещё в 1990-е гг., в процессе подготовки к экзамену по английскому языку, и первые прочтения лирики Э. А. По выполняли роль своеобразной пробы сил. Полученный позже в подарок томик Р. Киплинга вызвал к жизни серию новых переводов. Впоследствии эти два автора остались для В. А. Русанова любимыми, именно их переводы составляют львиную долю недавно

вышедшей книги *«Сказки и Быль. Голоса англоязычной поэзии в переводах Владислава Русанова»* (2025) [1], хотя перечень переводимых поэтов с годами существенно расширился и дополнился Р. Л. Стивенсоном, У. де ла Маром, У. Уитменом, Р. Говардом, Дж. Р. Р. Толкиеном, Р. У. Сёрвисом, А. Нортон, У. ле Гуин, Э. Митчеллом и др.

В. А. Русанов, один из немногих, специализируется на прозаическом переводе. Начало было положено *«Явлением фейри»* Артура Конан Дойла, а теперь внушительный послужной список донецкого переводчика включает множество произведений фэнтези и приключенческой литературы, в частности, Э. Дональда, К.Р.А. де Кандидо, Г. Киза, К. Пола, Дж. Клеменса, Дж. Аберкромби, не считая рассказов в различных сборниках. Многолетнее сотрудничество с издательством «Домино» в лице главного редактора Г. Корчагина, приобщившего В. А. Русанова к переводу англоязычной фантастики как тематически близкого ему жанра (принцип конгениальности), дало свои плоды. На *«Евроконе-2013»* (Киев) он заслуженно был номинирован на лучшего переводчика фантастики в Европе.

В. А. Русанов определяет процесс перевода как *«путешествие во времени и пространстве»*. Одна из его приметных работ – перевод романа Гиллиан Флинн *«Исчезнувшая»* (2013). И самым трудным в этом переводе *«Исчезнувшей»*, по собственным его словам, оказались реалии современной американской жизни: например, образы старой рекламы, фрагменты бродвеевского мюзикла, клипы рок-групп. К переводческому поиску В. А. Русанов относится как настоящий учёный, с живым интересом и энтузиазмом [2].

Свои стихотворные опыты он оценивает критически: *«Я не поэт. Я – прозаик, который иногда (достаточно редко) пишет стихи»*. Однако его поэтические переводы из англо-американской лирики, напротив, говорят о хорошем литературном вкусе, владении высоким слогом, версификационном мастерстве. И хотя свой выбор текстов для перевода В. А. Русанов называет случайным, здесь всё же улавливается закономерность: переводчику очевидно близки средневековая и приключенческая тематика, романтика бардов и менестрелей, кодекс рыцарской и офицерской чести, военная героика. Приведём фрагменты киплинговского перевода – как прозрение будущего, своеобразное пророчество о том, с каким экзистенциальным выбором столкнётся малая родина в 2014 г.:

* * *	* * *
For all we have and are,	*За все, что мы имеем,*
For all our children's fate,	*За судьбы сыновей*
Stand up and take the war.	*Восстань на бой скорее –*
The Hun is at the gate!	*Гунн злобный у дверей.*
Our world has passed away,	*Изменчивый и шаткий*

In wantonness o'erthrown. *There is nothing left to-day* *But steel and fire and stone!* *Though all we knew depart,* *The old Commandments stand: –* *"In courage keep your heart,* *In strength lift up your hand."* *No easy hope or lies* *Shall bring us to our goal,* *But iron sacrifice* *Of body, will, and soul.* *There is but one task for all –* *One life for each to give.* *What stands if Freedom fall?* *Who dies if England live?* *1914*	*Наш мир стремится в даль,* *Где не печаль загадки,* *Но пламя, камень, сталь!* *Мы уходить умеем,* *Но встал Полковник вдруг:* *"В сердцах храните смелость,* *Не опускайте рук."* *Не слабая надежда* *Утешит нас в тиши.* *Необходима жертва* *Для тела и души.* *Задача эта, верьте,* *Не праздные слова –* *Что думать нам о смерти,* *Когда страна жива?* *1990 - 2003*

А ниже – уже вполне осознанный выбор стихотворения Р. У. Сёрвиса (1874-1958), прозванного канадским Киплингом и проповедующего традиционные ценности и мужские качества – силу духа, мужество, умение брать на себя ответственность и доверие к жизни:

Robert William Service. The Quitter	***Роберт Уильям Сёрвис. Слабак***
It's easy to cry that you're beaten – and die; *It's easy to crawfish and crawl;* *But to fight and to fight when hope's out of sight –* *Why, that's the best game of them all!* *And though you come out of each grueling bout,* *All broken and beaten and scarred,* *Just have one more try – it's dead easy to die,* *It's the keeping-on-living that's hard.*	*...Легко застонать и сдаться –* *не та, мол, выпала масть.* *Пред силой легко пресмыкаться,* *легко на колени упасть.* *Но, зубы сцепив, как прежде,* *сражаться, пока ещё цел,* *Когда не видно надежды –* *Вот это завидный удел.* *И пусть ты в схватке изрублен,* *Изранен, убит – не бледней.* *Держись – умереть не трудно...* *В живых остаться трудней.*

Косвенным, но красноречивым доказательством предрасположенности В. А. Русанова к художественному переводу служат его поэтические пародии, в которых он безошибочно улавливает и блистательно передаёт стиль коллег по перу. К примеру, в «Реинкарнации» по В. Скобцову ощущается приверженность донецкого Орфея чеканным формулировкам, в «Вольфганге Амадее» присутствует ностальгически-задумчивый речитатив В. Теркулова, пародия «О Родине» хлёстко высмеивает современную пафосно-бравурную псевдопатриотическую поэзию, а «Коктебель» – бездарную графоманию.

Русанову-поэту и переводчику одинаково подвластны разнообразные форматы – философская, любовная, городская лирика, помимо гражданской, которая прочно заняла в его поэзии главенствующее место с началом войны в Донбассе (2014 г.). В своём воображении он свободно

путешествует по историческим эпохам и странам: европейскому Средневековью, мусульманскому Востоку, России – имперской, полыхающей в огне гражданской войны, современной. Однако, странствуя по мирам и временам, подобно Г. Аполлинеру в «Алкоголях», В. А. Русанов не растворяется в них, а неизменно сохраняет, так сказать, выправку, осанку. В переводах это чаще всего проявляется в приверженности строфике, с её строгими формами, метром, размером, рифмами и др., в математически расчисленном балансе поэтической вольности и переводческой дисциплины, уверенном владении различными стилевыми регистрами языка, словесном изяществе и афористичности слога.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

Список литературы

1. Сказки и Быль. Голоса англоязычной поэзии в переводах Владислава Русанова. – Донецк: Рапан-Принт, 2025. –184 с.
2. Кандаурова, Н. Трудности перевода. Инженер-геолог из Донецка перевел на русский язык роман «Исчезнувшая» / В.Н. Кандаурова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eizvestia.com/life/full/861-trudnosti-perevoda-inzhener-geolog-iz-donecka-perevel-na-russkij-yazyk-roman-ischeznuvshaya (дата обращения: 30.08.2025 г.)

УДК 81’11

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ

Медведева М.С., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-0049-9564
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, РФ
med8744@yandex.ru

Введение. В настоящее время проблема исследования культурно-маркированной лексики особенно актуальна, так как все больше стран стремятся к взаимовыгодному сотрудничеству, предприятия – иметь представительства в различных странах, однако для успешного международного сотрудничества необходимы обширные лингвокультурологические знания. Так как культурно-маркированная лексика является, как правило, безэквивалентной, ее передача на иностранный язык представляет определенную трудность.

Основная часть. В.В. Кабакчи в своей работе «Основы англоязычной межкультурной коммуникации» дает следующее определение: «культуронимы – это общее понятие для языковых единиц (различных

языков), закрепленных за элементами различных культур» [1, с. 24]. Иными словами, культурно-маркированная лексика – это набор наименований объектов, явлений, понятий, характерных для определенной культуры.

Вильгельм фон Гумбольдт был первым лингвистом, который предположил, что все языки, независимо от их происхождения, можно проанализировать и подвергнуть сравнению. Более того, ученый объявил о существовании неких универсалий: слов и понятий, существующих во всех языках, а также реалий, которые характерны исключительно для носителей отдельных культур и не понятны представителям других.

Основываясь на учения Вильгельма фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер допускал свободу сознания от языковой картины мира, но отрицал возможность выхода за ее рамками. Иными словами, он считал, что при усвоении родного языка, каждый человек может совершить определенный маневр, который позволит сохранить его индивидуальность, однако, эта индивидуальность всегда будет обусловлена спецификой его языковой картины мира. Именно поэтому люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному и донесение до них мировоззрения и даже бытовых элементов «инородных» культур представляет собой сложную задачу. Эта нелегкая миссия выпала на долю переводчиков, так как лексическая составляющая является основополагающей в процессе коммуникации.

Одним из основных помощников переводчика является лексикографическое моделирование, так как именно привлечение словарных данных позволяет составить четкую картину определенного языкового общества. Таким образом, мы исходим из тезиса, что «каждый толковый словарь представляет собой срез картины мира в представлении данного народа в пределах объема данного словаря» [2, с. 40]. С одной стороны, полнота картины зависит в первую очередь от словарного объема, с другой – тот факт, что слова выстроены не на основе их логической связи, а в алфавитном порядке, не дает воссоздать картину целиком. Поэтому наибольшей практической ценностью в данном вопросе обладают идеографические словари, в которых слова сформированы в различные смысловые группы.

Самый первый широко известный идеографический словарь – «Roget’s Thesaurus of English Words and Phrases» – был создан Питером Марком Роже, врачом, который посвятил всю свою жизнь его составлению. И уже после ухода на пенсию осмелился его опубликовать. После этого появился термин тезаурус, который закрепился не только в английском, но и русском языке. Каждое микрополе состоит из глаголов, наречий, прилагательных и существительных. Важно отметить, что последние не доминируют. В идеографическом словаре Роже можно встретить множество не только полионимов и идионимов, но и ксенонимов. Для примера рассмотрим макрополе *space*, в него входит мини-поле *region*, которое содержит микрополе *district*. В эту группу входит множество культуронимов, таких

как *province*, *county*, *state*, *shire*, *arrondissement*, *department*, *commune*, *canton.* Все эти слова являются полионимами, из них первые четыре – это английские идионимы, в то время как последние четыре – ксенонимы французской и швейцарской культур. Также, например, в микрополе *house* входят следующие культуронимы: *house*, *residence*, *home*, *villa*, *bungalow*, *mansion*, *dwelling house*, *ranch house*, *chalet*, *place*, *steading*, *seat*, *priory*, *hall*; *castle*, *château*, *tower*, *keep*; *manor*, *grange*, *retreat*, *lodge*, *abbey*, *cloister*, *retreat*, *palatial*, *palace*, *farmstead residence* [2, с. 121].

Современным вариантом такого словаря является «Longman Lexicon of Contemporary English», поделенный на 14 макро и 3030 микрополей.

Заключение. Культурно-маркированная лексика играет важную роль в художественной литературе, так как полноценное описание окружающей действительности – элементов быта или административного устройства – невозможно без её применения. Кроме того, культуронимы помогают раскрыть идею автора и позволяют читателю не только познакомиться с иноязычной культурой, но и погрузиться в нее.

Список литературы

1. Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е.В. Введение в интерлингвокультурологию: учебник для вузов / В. В. Кабакчи. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2025. – 250 с. – ISBN 978-5-534-07861-9.
2. Roget’s Thesaurus of English Words and Phrases. – Penguin Books, 1971 (1852).

УДК 81-25

ОБ ИЗМЕНЧИВОСТИ АНГЛИЗИРОВАННОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Новикова Д.А.,
Ткачева А.Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1316-1247
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения»,
г. Санкт-Петербург, РФ
Tkatcheva-Ann@yandex.ru

Введение. В последние десятилетия русский язык претерпевает глубокие изменения вследствие глобализации и господства цифровых технологий (социальных сетей, онлайн-коммуникации, видеоблогов, стриминговых платформ и т.д.). Наблюдается стремительный рост заимствований из английского языка [1, с. 205], особенно в разговорной и письменной речи молодых людей до 25 лет, максимально вовлеченных в глобальную цифровую коммуникацию. Англицизмы стали неотъемлемой

частью виртуального и реального общения молодых людей, стилистически окрашивая их речевые высказывания.

В обществе мода на англицизмы оценивается по-разному. Так, некоторые считают англицизмы признаком культурной деградации и «засорения языка» из-за «отсутствия государственной программы по защите родного языка» [2, с. 43], а другие рассматривают их как закономерный и естественный этап языковой эволюции [3, с. 101].

Цель данной работы – определение частотности употребления англоязычных сленговых заимствований в разговорной и письменной речи русскоязычной молодежи при помощи сервисов «Yandex Wordstat» и «Google Trends». Предполагается, что данный мониторинг с высокой долей вероятности может спрогнозировать дальнейшую судьбу единиц: какие из них могут закрепиться в русском языке, а какие, вероятно, скоро исчезнут.

Основная часть. Данная статья содержит результаты проведенного в период с декабря 2024 г. по март 2025 г. анкетирования 200 молодых людей, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Данные города характеризуются высокой концентрацией интернет-активной молодежной аудитории. Респондентами стали студенты и выпускники высших учебных заведений, а также работающие и неработающие молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет. Опрос проводился через «Google Forms».

Анкета состояла из следующих вопросов:

– *Знаете ли вы такие слова, как «рофл», «кринж», «краш», «вайб», «флексить», «чиллить», «брейнрот», «делулу», «сигма», «пикми», «скуф», «покер фейс»? Каковы их значения?*

– *Используете ли вы данные слова в личных разговорах, в интернете, в профессиональной среде и т.д.?*

– *Как часто вы используете эти слова в устной и письменной речи?*

– *Знаете ли Вы, откуда произошли эти слова?*

Для анкеты сленговые англицизмы были выбраны произвольно.

При проведении опроса информантам также предлагалось:

1) выразить личное отношение к сленгизмам;

2) выбрать наиболее часто употребляемое слово;

3) определить уровень владения английским языком.

Анкетирование показало, что абсолютное большинство респондентов (94%) опознали минимум 5 из 12 предложенных слов. Самыми узнаваемыми оказались англицизмы: «кринж» (100%), «рофл» (100%), «вайб» (100%), «чилить» (95%). Наименее распространенными оказались единицы «скам» (75%), «делулу» (53%), «брейнрот» (46%), «симп» (52%).

В целом, анкетируемые молодые люди достаточно верно определяли лексические значения заимствований, однако отмечали, что используют некоторые слова, опираясь на свое языковое чутье.

На вопрос о частотности употребления лексических единиц были получены следующие результаты:

- 81% опрошенных регулярно используют сленгизмы в речи или сообщениях;

- 12% опрошенных употребляют их ежедневно;

- 5% опрошенных используют несколько раз в неделю;

- 3% опрошенных признались, что используют сленговые слова очень редко или же стремятся не использовать их вовсе.

На вопрос, где чаще используются заимствования, участники ответили следующим образом:

- 75% опрошенных используют в мессенджерах и соцсетях;

- 20% опрошенных используют устно, общаясь с друзьями;

- 5% опрошенных используют в разговоре с незнакомцами или с людьми старшего возраста.

На вопрос *«Знаете ли Вы, откуда произошли эти слова?»* утвердительно ответили 70% анкетируемых. А 30% опрошенных признались, что используют англицизмы, не зная, откуда они произошли и что означают. Речь шла о заимствованиях «делулу», «брейнрот», «скуф», которые пришли в русский язык из англоязычных интернет-субкультур.

При помощи сервисов «Yandex Wordstat» и «Google Trends», которые анализируют частотность запросов в поисковых системах, была предпринята попытка проследить волны популярности англизированных сленгизмов в 2020-2025 гг.

К группе условно «закрепившихся» заимствований относятся англицизмы, которые используются уже более 5 лет. Среди них:

- «вайб» (на протяжении 5 лет запросы стабильные, и даже заметен рост);

- «кринж» (стабильно выдает большое количество запросов);

- «краш» (резкая популярность в июле 2020 г., позже наблюдается небольшой спад, но затем запросы стабильные на протяжении 5 лет);

- «флексить» (неоднородная статистика, на протяжении 5 лет несколько раз увеличивался и снижался уровень поисковых запросов).

Следующие англицизмы характеризуются, с одной стороны, резкой популярностью в поисковых запросах, но, с другой стороны, – высокой степенью непонимания их лексических значений молодежью:

- «сигма» (резкая популярность в феврале 2025 г.);

- «пикми» (поисковые запросы стремительно выросли в сентябре 2024 г., и до сих пор запросы не упали);

- «скуф» (рост популярности в мае 2024 г., затем наблюдается спад).

Англицизм «покер фейс», предположительно, начинает исчезать. С ноября 2022 г. частота его использования неуклонно снижается.

Заключение. Англизированные сленгизмы глубоко укоренились в устой и письменной коммуникации современной русскоязычной молодежи. Молодые люди положительно относятся к заимствованиям, хотя не понимают значения некоторых из них. Стабильно популярными

англицизмами на протяжении последних 5 лет являются единицы «вайб», «кринж», «краш», «флексить», которые имеют высокие шансы закрепиться в русском языке на продолжительное время.

Список литературы

1. Дмитриева, С. О. Динамика молодежного лексикона: сленговое наследие хиппи (на материале заимствований) / С. О. Дмитриева // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 11. – С. 205–211.
2. Икрамова, М. Особенности молодежного сленга в русском языке / М. Икрамова – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы лингвистики и преподавания иностранных языков: достижения и инновации. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 42–45.
3. Орлова, Н. О., Богданова, О. Ю. Функциональное назначение сленга (на материале русских и американских сленгизмов) / Н. О. Орлова, О. Ю. Богданова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21. – № 6. – С. 98–104. DOI: 10.37482/2687-1505-V146

УДК 81.373.232

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Полякова М.О., ORCID 0009-0003-6753-3805,
Мезенцева Г.И., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-6488-5986
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
polyakova-mo@ya.ru, gala81@list.ru

Введение. Постоянное развитие туристической индустрии в условиях активной глобализации повышает значимость межкультурной коммуникации, в частности, туристических текстов. Их ключевым инструментом является оценочная лексика, то есть высказывания, устанавливающие некую сравнительную или абсолютную ценность объекта и дающие ему определенную оценку [2, с. 259]. При переводе такой лексики важно учитывать ее лингвостилистические особенности, а также специфику туристического дискурса в языке перевода. Исследование конкретных приемов и трансформаций при переводе оценочной лексики представляет большой научный и практический интерес.

Цель статьи заключается в выявлении лингвостилистических особенностей перевода оценочной лексики в англоязычных туристических текстах. Для достижения этой цели ставятся следующие **задачи:** 1) уточнить понятийный аппарат, отобрать и классифицировать оценочные единицы в оригинальных текстах; 2) провести их сравнительный анализ

с переводческими соответствиями; 3) описать основные приемы, используемые для передачи оценочности.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их применения в практике перевода и межкультурной коммуникации.

Основная часть. Оценочная лексика рассматривается в рамках туристического дискурса, тексты которого ориентируются на позиционирование и продвижение туристических услуг и имеют лингвокогнитивный характер [3, с. 6]. Таким образом, в туристических текстах оценочная лексика имеет определенный прагматический характер, а главная ее цель – передать впечатление. Это подтверждает исследование, проведенное А. Джалилифар и Я. Моради, которые сделали вывод, что язык туризма – это язык преувеличения, то есть, авторы туристических текстов склонны преувеличивать и усиливать объем и качество возможностей для отдыха и услуг [4, с. 220]. Следовательно, задачей практической части нашего исследования станет анализ того, какими способами переводчик может передать указанные лингвостилистические параметры оценочной лексики и эффект преувеличения на материале двух англоязычных туристических статей: «36 Hours in Ottawa» авторства Реми Скальца [5] и «36 Hours in Toronto» авторства Ингрида К. Уильямса [6]. Практический анализ перевода оценочной лексики в данных статьях основывается на комплексном применении различных переводческих трансформаций, описанных в трудах И. С. Алексеевой [1].

Наиболее часто нами применялись трансформации на лексическом уровне, так как они в первую очередь обусловлены различиями в системах английского и русского языков. Ярким примером служит прием генерализации, который применяется в тех случаях, когда понятие кажется переводчику слишком специализированным или же нерелевантным для русского читателя. Например, более конкретное «*thriving*» (досл. «расцветающей») в выражении «*with a thriving food scene*» может быть обобщено до более простого – «*богатой*», если переводить как «*благодаря богатой гастрономической жизни*», сохраняя при этом общий позитивный посыл.

В случаях, когда прямое соответствие отсутствует, или же звучит неестественно, переводчик может прибегнуть к описательному и антонимическому переводу. Описательный перевод особенно важен в туристическом дискурсе для передачи культурных реалий, определенных терминов и оценочных концептов. Характеристика посетителей питейного заведения «*well-dressed crowd*» требует для русскоязычного реципиента более понятного, развернутого описания: «*безупречно одетая светская публика*». Здесь акцент делается на интеллигентности гостей заведения, что в русском языке следует выразить более развернуто.

Антонимический перевод используется в сочетании с другими приемами, когда отрицание передается через утверждение, или же наоборот: «*Canada's capital has no shortage of historical charms*» следует переформулировать как «*Столица Канады обладает историческим очарованием*».

На синтаксическом уровне могут быть использованы такие переводческие трансформации, как добавления и опущения. Добавления используются для компенсации утраченной в дословном переводе экспрессии, или же прояснения определенных логических связей. Например, для усиления эмоционального воздействия выражение «*Parliament Hill is worth the climb*» может быть усилено до «*Парламентский холм определенно стоит посетить*», где наречие «*определенно*» и является непосредственным добавлением, усиливающим акцент на главной достопримечательности столицы. Опущения, в свою очередь, встречаются реже и обычно касаются избыточных с точки зрения русского языка усилителей: «*nondescript mini-mall*» можно перевести как «*небольшой торговый центр*», опустив «*непримечательный*» для сохранения лаконичности повествования, так как «*непримечательность*» логически вытекает из описания размера «*небольшой*».

Проведенный нами анализ показал, что перевод оценочной лексики в туристических текстах представляет собой сложный процесс поиска соответствия функционального, а не формального. Доминирующей стратегией является комплексное применение различных переводческих трансформаций, направленных на адаптацию текста к культурным реалиям и стилистическим нормам русского языка. Успешность перевода в данном случае определяется способностью достичь аналогичного прагматического эффекта, создать живой и привлекательный эстетический образ.

Заключение. Таким образом, исследование позволило достичь поставленной цели и выявить ключевые лингвостилистические особенности перевода оценочной лексики в туристических текстах на материале статей «36 Hours in Ottawa» авторства Реми Скальца и «36 Hours in Toronto» авторства Ингрида К. Уильямса. Решение конкретных задач показало, что переводчик может столкнуться с необходимостью передачи не только прагматического потенциала текста, но и его эмоционально-оценочного фона.

В результате исследования установлено, что среди различных трансформаций, выделенных И. С. Алексеевой, наиболее релевантными являются генерализация, добавление и опущение. Реже используются описательный и антонимический перевод. Выявлено, что именно оценочная лексика позволяет создать привлекательный для потенциального реципиента образ описываемых в текстах мест, передать личные впечатления автора и углубить эстетическую информацию, заложенную им.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов / И. С. Алексеева. – М.: Academia, 2004. – 352 с. – (Высшее профессиональное образование. Иностранные языки). – ISBN 5-8465-0101-X. – EDN QQZJET.
2. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 384 с. – ISBN 5-691-00099-3. – EDN SZFCXL.
3. Тюленева, Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.А. Тюленева. – Екатеринбург, 2008. – 19 с. – EDN NJFJOT.
4. Jalilifar, A., Moradi Y. Tourism discourse revisited: an analysis of evaluative strategies in tourist brochures from a systemic functional linguistics perspective // Journal of English studies. – 2019. – Vol. 17. – p. 211-232. – DOI: 10.18172/jes.3595.
5. Scalza, R. 36 Hours in Ottawa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/interactive/2017/01/05/travel/what-to-do-36-hours-in-ottawa-canada.html (дата обращения: 17.09.2025).
6. Williams, I. K. 36 Hours in Toronto [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/interactive/2024/04/11/travel/things-to-do-toronto.html (дата обращения: 17.09.2025).

УДК 821.161.1

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МУЛЬТФИЛЬМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Сидельникова Ю.Д.,
Чернявская Н. Э., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-0079-3640
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»,
г. Санкт-Петербург, РФ
sidelnikova2004@internet.ru, chernyavskayane@mail.ru

В современном мире мультфильмы становятся важным элементом культурного обмена, а их перевод – не только языковой, но и культурной задачей. Культурная адаптация в переводе мультфильмов предполагает изменение или адаптацию культурно-специфических элементов, чтобы сделать произведение более понятным и приемлемым для целевой аудитории. Однако в процессе адаптации возникает вопрос: насколько важно сохранять оригинальные культурные элементы, или же их изменение является необходимостью для успешного перевода? Культурная адаптация в переводе мультфильмов является сложным многокомпонентным процессом.

Рассмотрим цели, которые ставит перед собой культурная адаптация в переводе мультфильмов. Прежде всего, это понимание содержания мультфильма и восприятие его детской аудиторией. Понимание и восприятие перевода мультфильмов с любого иностранного языка на

русский – это не просто перевод слов, а сложный процесс, который требует не только языковой грамотности, но и глубокого понимания культурных, социальных и возрастных особенностей детской аудитории. «В процессе перевода необходимо учитывать особенности аудитории мультипликационного фильма и, в частности, возраст. При дублировании мультфильмов, предназначенных для детей, часто возникает необходимость выбирать приемлемые для определенной возрастной аудитории языковые конструкции и лексические единицы, использовать приемы перевода, позволяющие максимально ясно передать содержание» [4].

Цель перевода – сделать произведение понятным и интересным для детей, сохраняя при этом его оригинальную суть, юмор, эмоциональную окраску и образную лексику. Чтобы мультфильм в полном объеме легко воспринимался детской аудиторией, важно сохранить его сюжетную линию, прибегнув к адаптации.

Культурная интеграция в переводе мультфильмов оказывает существенное влияние на понимание сути мультфильма, и здесь необходимо учитывать особенности воспринимающей аудитории, адаптировать перевод в соответствии с ее культурой, традициями и обычаями. Культурная интеграция не только сохраняет содержание оригинала, его колорит, но и решает задачу адаптации для младших зрителей. При переводе мультфильмов на русский язык культурная интеграция играет существенную роль, так как обычно анимационные фильмы содержат фрагменты, связанные с культурой страны создателя мультфильма, что не сможет восприниматься одинаково в русскоговорящей аудитории. «Культурная интеграция важна по нескольким причинам. Во-первых, она способствует социальной сплочённости и гармонии. Когда люди из разных культур объединяются, они учатся ценить образ жизни друг друга, что приводит к взаимному уважению и пониманию» [1].

В качестве примера можно представить перевод американского компьютерно-анимационного фильма «Шрек». В основе фильма лежит одноименная книга Вильяма Стейга для читателей детского возраста. В мультфильме Шрек – герой, воплотил в себя черты героев западноевропейских сказок, что сказывается в переводе диалогов и некоторых сюжетных линий, которые адаптируются под русского зрителя в соответствии с русскими культурными традициями.

В русском переводе идиомы, юмор и диалоги, характерные для американского стиля, заменяются на аналогичные по смыслу, но соответствующие русской культуре. Надо отметить, что в русском переводе американский юмор, изначально содержащийся в культурных особенностях, адаптируется под русские шутки, сохраняя юмористический оттенок.

Например, в оригинале Шрек говорит: «I’m not a fairy tale, I’m a real-life monster!» – в русском переводе это может быть адаптировано как: «Я не сказка, я настоящий монстр!», сохраняя юмор и смысл. Или: оригинал

(Фиона, ночью, превращаясь в огра): «I’m a hideous beast!»»Well, yeah… but you’re a beautiful hideous beast.» В переводе: «Я – чудовище!» «Ну… чудовище, конечно. Но красивое!» Переводчик сохранил парадоксальную структуру (“красивое чудовище”), что является ключом к теме фильма — принятие себя. Юмор здесь мягкий, но глубокий, и он полностью сохранён. Оригинал (Шрек, о любви):

«Love? That’s crazy talk!» Дубляж: «Любовь? Да ты, брат, совсем спятил!»

Добавлено обращение «брат» – разговорное, дружески-грубоватое, что соответствует характеру Шрека и усиливает комический контраст между его внешностью и внутренними переживаниями.

Культурная интеграция обеспечивает понимание и восприятие мультфильма, создает эмоциональную окраску, сохраняет смысл и сюжетную целостность. Перевод, адаптированный под русскую культуру, становится более понятным и значимым для целевой аудитории, особенно для детей. Таким образом, культурная интеграция – это не просто перевод, а процесс, который делает произведение более живым, понятным и значимым для целевой аудитории.

Список литературы

1. Беляева, Е. Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза. М., 2011. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/kulturnaya-integratsiya-kak-osnovnaya-strategiyakulturnoi-politiki-evropeiskogo-soyuza
2. Васильев, И.С. Положительное и отрицательное влияние отечественных и зарубежных мультфильмов на психику детей подросткового возраста // Молодой ученый. – 2016. – №12. – С. 761–764.
3. Романов, А.В., Трипутень И.А., Домнин Д.С., Полищук В.Н., Егоров Н.Д. Лингвокультурологические и семантические особенности локализации мультфильма «Шрек»// Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 06 (122). Режим доступа: https://scipress.ru/philology/articles/lingvokulturologicheskie-i-semanticheskie-osobennosti-lokalizatsii-multfilma-shrek.html
4. Скороходько, С. А., Коган М. А. Проблема воссоздания национально-культурного своеобразия оригинала при переводе мультипликационного фильма // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2018. №3 (23). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vossozdaniya-natsionalno-kulturnogo-svoeobraziya-originala-pri-perevode-multiplikatsionnogo-filma (дата обращения: 03.10.2025).
5. Юнусова, М. О. Проблемы аудиовизуального перевода в жанре мультипликационного фильма (на материале англоязычного мультипликационного сериала «Свинка Пеппа») / М. О. Юнусова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: материалы VI Международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). – Часть 1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ, 2017. – С. 164–170.

УДК 81’373.23:316.74:81=111

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОННОТАЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сысоева Е.С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-9155-0639
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
eugeniasysoieva@mail.ru

Введение. Антропонимы представляют собой отдельный класс существительных с осложненной семантикой, т.е. план содержания слова имеет скрытый характер, который достаточно сложно определить и описать. Специфический лингвистический статус оценочного антропонима[1] (далее ОА) как категории единиц, изучение которых входит в круг вопросов лингвокультурологии и ономастики, обусловил использование следующих методов исследования семантики ОА: описательный метод, этимологический метод, метод компонентного анализа, методы лингвокультурологического и количественного анализа.

Цель исследования – установление и описание роли культурно-исторического компонента в семантической структуре английского личного имени, в формировании его положительной или отрицательной оценки.

Основная часть. Компонентный и этимологический анализ ОА позволил выявить ряд семантических признаков исследуемых языковых единиц. В результате анализа установлено, что основными элементами лексического фона ОА является этимология апеллятивной основы и культурно-исторический компонент (энциклопедическая информация о личном имени) [1, с. 78-80], которые в настоящем исследовании рассматриваются как два типа актуализаторов оценки. В работе под этимологией общей основы понимается значение лексем, которые составляют внутреннюю форму имени. Культурно-исторический компонент трактуется как объем внеязыковых сведений об антропониме, который включает в себя информацию об известных носителях имени или ассоциации с определенными литературными, кинематографическими персонажами-носителями такого или подобного имени [1]. Знак оценки антропонимов в данной работе определялся с учетом ценностного отношения субъекта речи к аспектам реальности, которые представляют английские антропонимы.

[1] Под оценочным антропонимом понимается имя человека (личное имя, фамилия и прозвище), лексический фон которого содержит оценочный компонент. Оценка является компонентом коннотации антропонимов, который может быть эксплицирован на основании таких признаков: родное – иностранное; редко – часто употребляемое; активное – пассивное; знакомое – незнакомое; созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра; тождественное именам достойных – недостойных известных носителей [5, с. 67].

Языковой материал исследования в объеме 3275 ед. был разделен на две группы с учетом интра- и экстралингвистических факторов влияния на оценку имени собственного. Количественные данные свидетельствуют о том, что два типа актуализаторов оценки практически равноправны (этимология апеллятивной основы – 1670 ед., 51%, культурно-исторический компонент – 1605 ед., 49%) [4, с. 61-62]. Это утверждение коррелирует с известной в ономастике теорией относительно сосуществования в понятийном объеме антропонимической лексики информации лингвистического и экстралингвистического характера [1; 2; 3]. Например, этимология женского имени *Merry* коррелирует со значением английского прилагательного *merry* ‘веселый, подвижный’. Ассоциация фонографической формы имени с лексемой, обозначающей положительные черты характера, определяет позитивную оценку антропонима. Культурно-исторический компонент значения мужского имени *Clint*, являющееся сокращенной формой имени *Clinton*, эксплицируется в ассоциации с именем талантливого американского актера, режиссера, продюсера, композитора и политического деятеля Клинта Иствуда (Clint Eastwood). Популярность, а значит и позитивная оценка антропонима подтверждается словарной дефиницией: «now the name is bestowed because of its association with a popular American film actor, director, producer, composer and politician» [6].

На основании набора понятийных признаков языковой материал исследования был разделен на девять семантических классов ОА, наиболее продуктивный из которых – класс аллюзивных ОА (1294 ед. – 39,5%).

Аллюзивность имен собственных связана с тем, что имя отождествляется с особенностями его носителя или с определенной ситуацией. Подобные имена становятся широко известными не только в определенном культурно-языковом пространстве, но и выходят за пределы национальных антропонимических систем. Всемирно известные аллюзивные имена часто становятся символическими собственными именами. Загадка в тексте аллюзивного имени вызывает ряд ассоциаций, основной отправной точкой которых является начальный (буквальный) образ, известный читателю из определенного литературного источника. Именно поэтому для адекватного восприятия информации необходимо прежде всего определить этот источник.

С точки зрения происхождения аллюзии в антропонимической семантике были выделены три подкласса ОА:

– исторические ОА (451 ед.): *Monroe (f, m)* – ассоциация с Merily Monroe (звезда кино) и James Monroe (пятый президент США);

– литературные ОА (439 ед.): *Frankenstein (m)* – герой романа “Франкенштейн, или современный Прометей” М. Шелли; талантливый, но несчастный создатель;

– библейские (407 ед.): *Philippina (f)* – греч. *philein* ‘любить’ + *poine* ‘боль; имя символизирует самоистязание.

Знак оценки аллюзивных антропонимов определялся только с учетом культурно-исторического компонента коннотативного значения исследуемых единиц, т.е. энциклопедической информации об известных носителях, закрепленной в лексическом фоне на уровне узуса. Значит, в семантике аллюзивных ОА по характеру оценочной квалификации преобладает рациональный тип оценки.

По характеру оценки фиксируется значительное преимущество позитивно окрашенных аллюзивных ОА над негативно окрашенными, что составляет 1046 ед. – 80,6 % от общего количества единиц класса и 251 ед. – 19,4 % соответственно. Этот факт объясняется стремлением участников языкового сообщества зафиксировать в активном именнике антропонимы, сохраняющие ассоциации с известными историческими, литературными и библейскими носителями, объем национально-культурной информации о которых соотносится с позитивным концом аксиологической шкалы.

Заключение. Культурно-историческая коннотация английских имен собственных является сложным, динамичным феноменом, отражающим ключевые процессы этногенеза, социального развития и культурной идентичности как в прошлом, так и в современном англоязычном обществе.

В исследуемом антропонимиконе класс имен, содержащих в своей семантической структуре культурно-исторический компонент коннотации, неоднороден.

В рамках семантического класса «аллюзивные оценочные антропонимы» наиболее продуктивной является группа исторических ОА, меньшей продуктивностью характеризуется группа литературных ОА, еще менее репрезентативная – группа библейских ОА.

Более детальный семантический анализ исторических аллюзивных ОА дал основания для выделения подгрупп общеизвестных ОА и ОА, известных преимущественно в англоязычных странах. Литературные ОА были распределены на ОА английской, американской, французской и античной литератур, мифологии и легенд.

Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

Список литературы

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
2. Отин, Е. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк: ООО «Юго – Восток, ЛТД», 2004. – 412 с.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская – М.: Стереотип, 2023. – 366 с.
4. Сысоева, Е.С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре: монография / Е.С. Сысоева. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. – 206 с.

5. Sysoieva, Ye. S. Evaluative Anthroponyms as Elements of English Onomastic Worldview // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ. Т. 21 №2 (68). – 2025. – С. 67-79
6. Behind the Name. Available at: https://www.behindthename.com/names/search.php?terms=Clint (accessed: 26.09.2025)

УДК 811.133.1:81'42

ТЕМАТИКО-СИТУАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ АНЕКДОТОВ О ДЕНЬГАХ

Толочко А. Д.,
Гапотченко Н.Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3813-0364
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
olinkxx@mail.ru, nadejdagapotchenko@mail.ru

На современном этапе анекдот активно изучается с точки зрения прагматики, лингвокультурологии и текстовой лингвистики, однако тематико-ситуативный анализ анекдотов, особенно связанных с материальными ценностями, остаётся недостаточно разработанным [1]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что денежная тематика анекдотов отражает социальные настроения, стереотипы и отношение к материальному благополучию в определённой культуре, что особенно значимо в условиях современных экономических вызовов.

Целью исследования является анализ французских анекдотов, связанных с денежной тематикой, выявление их социокультурной значимости. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи:** проанализировать тематические и ситуативные особенности французских анекдотов, классифицировать персонажей, определить способы создания комического эффекта и выявить имплицитные моральные и социальные смыслы.

Особое место среди анекдотов занимают те, которые касаются темы денег. Эти анекдоты представляют собой жанр комической литературы, в котором на первый план выдвигаются вопросы, связанные с жаждой богатства, чрезмерной приверженностью материальным ценностям и отсутствием щедрости. В таких анекдотах часто используются комические приёмы для выявления абсурдных или аморальных ситуаций, что позволяет создавать яркие и порой сатирические образы.

Примером подобного анекдота может служить история о человеке, который на исповеди в церкви признался, что прятал еврея на своём чердаке за 1000 франков в месяц. С его точки зрения, это был акт добродетели, хотя, как оказалось, он забыл сообщить этому человеку, что война уже

закончилась. *«…ce n'est pas très correct mais c'était une bonne action tout de même de le cacher chez vous même pour 1000 francs par mois»* [4].

Анекдоты, связанные с деньгами, могут варьироваться по тематике и структуре, но большинство из них описывают абсурдные ситуации, которые подчеркивают чрезмерную привязанность к материальным благам и жажду накопительства. Анализ таких анекдотов показывает, как в них используются стереотипы и карикатурные образы, часто выражающие чрезмерную жадность персонажей.

Такие анекдоты могут включать в себя разнообразные социальные отношения, например, диалоги между родителями и детьми (28,57% от общего количества материала исследования): *«Papa, je suis embarrassé de voir tout les autres étudiants arrivés à l'université en train alors que moi j'y vais avec ma belle Ferrarie rouge»* [4]. В данном тексте молодой человек выражает стеснение по поводу того, что он приезжает в университет на своей роскошной машине, в то время как другие студенты используют обычный транспорт.

Анекдоты, посвященные теме денег, также нередко затрагивают социально-экономические проблемы, такие как инфляция, экономический кризис и повседневные трудности, с которыми сталкиваются люди (28,57% от общего количества материала исследования). В таких анекдотах используются комические элементы для высмеивания абсурдных решений или ситуаций, которые возникают в ответ на актуальные социальные проблемы. Например, в анекдоте, который отражает социальное беспокойство из-за инфляции, рассказывается о том, как владельцы крупных супермаркетов организуют экстренное совещание на тему: «*Как помочь французам заполнять свои тележки». После десяти дней обсуждений один из них выдает «гениальную» идею: «Мы купим тележки поменьше!»* Этот анекдот наглядно демонстрирует комическую природу решений, которые, на первый взгляд, могут показаться практичными, но в контексте реальной ситуации они лишь подчеркивают абсурдность происходящего:

«*Avec l’inflation galopante, notamment au niveau de la nourriture, et devant l’inquiétude des Français, les patrons des grandes surfaces ont décidé d’organiser une réunion en urgence, avec pour thème : “Comment aider les Français à remplir leurs caddies” ! Après dix jours de palabres, l’un d’eux a enfin eu une idée géniale !*

– Nous allons acheter des caddies plus petits» [4].

В представленном выше анекдоте, как и во многих других произведениях этого жанра, используется тема денег и материальных ценностей, чтобы высмеять социальные и экономические проблемы, касающиеся повседневной жизни, что делает его отличным примером того, как комический жанр может служить не только развлекательной, но сатирической, социальной и воспитательной целям.

В большой части анекдотов персонажи представлены как аллегорические фигуры, что позволяет усилить символическое значение их поступков. Например, часто встречается образ еврея, который является носителем стереотипных черт рациональности и жадности (28,57% текстов от общего количества материала исследования). Один из таких анекдотов рассказывает о еврее, который трижды объехал район Сентье, но так и не нашел места для парковки. В конце концов, он решает обратиться к Богу с просьбой помочь найти свободное место, обещая пожертвовать 10% своего дохода на нужды синагоги. Однако, как только место появляется, еврей заявляет, что он сам нашел место и не нуждается в дополнительной помощи: *«Un juif vient de faire trois fois le tour du quartier du Sentier ...»* [4].

Аналогичные стереотипы встречаются и в анекдотах, где изображены взаимоотношения между родителями и детьми. Например, в истории о молодой девушке, которая сообщает своему отцу о своих помолвках, тот интересуется, сколько денег у её жениха, на что она отвечает, что он задал ей тот же вопрос о деньгах своего отца:

« Une jeune fille annonce ses fiançailles à son père, qui dit en soupirant:

– Paul? Est-ce qu'il a de l'argent, ce Paul?

Et la jeune fille répond:

– Mais vous êtes tous les mêmes! C'est exactement la question qu'il m'a posée sur toi!» [4].

Кроме того, существуют анекдоты о муже и жене, однако доля таких текстов меньше (14,29% от общего количества материала исследования). В одном из таких анекдотов муж, работая в саду, находит сундук с золотыми монетами и решает рассказать об этом своей жене. Однако он тут же вспоминает, что его работа в саду началась именно с того, чтобы найти нечто ценное, и это обстоятельство находит комическую окраску: *«Un homme découvre un coffre de pièces d'or»* [4].

Таким образом, анекдоты о деньгах часто описывают ситуации, в которых жадность и стремление к материальному благополучию приводят к комическим или абсурдным последствиям. Эти анекдоты представляют собой ценный материал для изучения социокультурных взглядов на материальные ценности, мотивации и моральные аспекты жадности. Они также служат примером взаимосвязи между комическим жанром и социальными нормами в контексте данного социального феномена.

Список литературы

1. Голубков, С.А. Феномен ситуативного юмора / С.А. Голубков // Вестник СамГУ. – 2014. – № 1 (112). – [Текст: электронный]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-situativnogo-yumora (дата обращения: 03.10.2025).
2. Дворянчикова, С. Е. К вопросу о поэтонимосфере французских анекдотов / С. Е. Дворянчикова. – Текст: непосредственный // Massachusetts Review of Science and Technologies. – Massachusetts : MIT Press, 2016. – № 1 (13). – С. 538–544.

3. Карасик, В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / В. И. Карасик – Текст: электронный // URL: https://teaclub.e-lub.net/wp-content/uploads/2019/08/karasik.pdf (дата обращения: 21.04.2025).
4. Blague drôle: цифровой ресурс: сайт. – URL: https://blague-drole.lol (дата обращения: 21.04.2025). – Текст: электронный.А

УДК 81'255.4:81'25

СТИЛИСТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В МАШИННЫХ ПЕРЕВОДАХ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Чебурахина В.В., ORCID 0000-0002-7764-597X
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
v.cheburahina@mgumariupol.ru

В современном переводоведении сохраняется актуальность проблемы определения и классификации переводческих ошибок. Отсутствие консенсуса в данном вопросе во многом объясняется субъективным компонентом оценочного процесса, поскольку оценка производится людьми, что неизбежно допускает возможность необъективных суждений.

Несмотря на существующую в научной среде позицию о необходимости разграничения переводческих и языковых ошибок, последние из которых вызваны недостаточным владением языком перевода, провести чёткую демаркационную линию между ними представляется затруднительным. Разделяя точку зрения К.Г. Ханзен, следует констатировать, что языковые погрешности в тексте перевода смещают фокус восприятия с содержания сообщения на его форму. Данное смещение способно породить сомнения в качестве перевода и снизить доверие к тексту, что, в конечном счёте, препятствует достижению его целевой функции. Таким образом, в аспекте коммуникативного воздействия языковые ошибки правомерно рассматривать как ошибки переводческие [3].

Отдельно стоит отметить такие типы ошибок, как стилистические и прагматические. Стилистическая ошибка определяется как нарушение стилистических норм языка перевода или некорректный выбор функционального стиля и регистра, не соответствующий стилистике оригинального текста или контексту употребления. Прагматическая ошибка, в свою очередь, представляет собой неверную передачу авторской интенции или эмоционального потенциала, что приводит к искажению реакции целевого реципиента. Прагматическая ошибка — это, по сути, коммуникативный сбой. Она возникает, когда переводчик, сосредоточившись на лексическом значении, игнорирует функцию

высказывания: например, просьба передается как приказ, ирония — как буквальное утверждение, а вежливое обращение — как грубость [1].

Таким образом, можно поставить стилистические и прагматические ошибки в один тандем как элементы причинно-следственной связи – невозможно совершить прагматическую ошибку, связанную с нарушением тональности или воздействия, без предварительного нарушения какого-либо стилистического, лексического или культурного кода.

Процесс возникновения стилистико-прагматического конфликта можно смоделировать следующим образом [1]:

1. Нарушение стилистической нормы: переводчик выбирает стилистически нейтральный, неточный или неверно окрашенный эквивалент (например, канцелярский оборот вместо разговорного).

2. Сдвиг тона и интенции: из-за некорректного стилистического выбора происходит смещение эмоционального оттенка (например, с иронии на сухость).

3. Искажение реакции адресата: реципиент не испытывает ожидаемого автором воздействия либо понимает коммуникативный акт неверно, что приводит к разрушению авторского замысла.

Этот механизм демонстрирует, что борьба с прагматическими сбоями должна начинаться на уровне стилистического выбора и контроля за функционально-стилевым соответствием.

В разрезе использования средств машинного перевода и нейросетей, нередко получаемый текст перевода может в себе содержать точечные, но ошибки вышеуказанного типа.

Рассмотрим несколько примеров [2]:

1. *They were simply outraged that any government dared **abuse**, imprison, torture, and often kill human beings whose only crime was in believing differently from their government and saying so in public.* – ‘Они были возмущены тем, что какое-либо правительство позволяло себе **обижать**, заключать в тюрьму, подвергать пыткам и даже лишать жизни людей, чья единственная «вина» состояла в том, что они имели иное мировоззрение и открыто его выражали’.

В данном примере Chat GPT на просьбу перевести отрывок текста подобрал некорректный вариант перевода глагола *abuse*. Вместо более подходящего по контексту варианта *«злоупотреблять властью»*, он применил вариант *«обижать»*, что придает предложению инфантильный оттенок. В добавок ко всему выбранный вариант перевода не является даже самым частотным у данного глагола.

2. *That is why when one walks on the road he is required **to walk** on the **pavement meant for the pedestrians** or at least walk on the left **as a general rule**.* – ‘Поэтому, идя по улице, человек обязан **двигаться** по **тротуару, предназначенному для пешеходов**, или хотя бы идти слева, **как принято по общему правилу’** [2].

В этом небольшом предложении мы можем наблюдать случаи смысловой тавтологии и, как результат, избыточности: ‘тротуару, предназначенному для пешеходов’, ‘...как принято по общему правилу’*)*; а также неуклюжий перевод глагола *to walk* – ‘двигаться’. В данном предложении уместнее использовать вариант ‘идти’ или ‘передвигаться’.

Таким образом, стилистические и прагматические ошибки в машинном переводе носят системный характер и тесно взаимосвязаны, образуя причинно-следственную цепочку: нарушение стилистической нормы ведет к искажению прагматического воздействия и, как следствие, к коммуникативному сбою. Анализ примеров подтверждает, что даже современные нейросетевые системы зачастую неспособны адекватно обрабатывать контекст и выбирать стилистически и прагматически уместные эквиваленты, что указывает на сохраняющуюся необходимость профессионального лингвистического контроля для обеспечения высокого качества перевода.

Список литературы

1. Дотмурзиева, З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Дотмурзиева Земфира Сангиреевна. — URL: https://www.dissercat.com/content/pragmatika-angloyazychnogo-khudozhestvennogo-teksta-i-problemy-pragmatiki-ego-perevoda (дата обращения: 30.09.2025).
2. Койкова, Т. И. Устный последовательный перевод : учеб.-практ. пособие по англ. яз. / Т. И. Койкова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. – 104 с. ISBN 978-5-9984-1190-8.
3. Соловьева, И. В. Типы стилистических ошибок перевода / И. В. Соловьева, И. В. Чудова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2023. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-stilisticheskih-oshibok-perevoda (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 811.111

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Шилова Е.С., канд. филол. наук
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, РФ
e.s.shilova@mail.ru

Знание иностранного языка в контексте юриспруденции является на сегодняшний день необходимой частью, которая определяет уровень профессиональной подготовки любого юриста. Специалист в области юриспруденции обязан разбираться в юридической терминологии и,

соответственно, обладать определенными навыками работы с профессионально ориентированными текстами для успешного применения информации в своей профессиональной деятельности.

Этап перевода с английского языка на любой другой язык – это не просто замена единиц одного языка единицами другого. Перевод представляется достаточно сложным процессом, который характеризуется целым рядом трудностей.

Фактический материал исследования составили тексты официально-деловых документов на английском языке и их переводы на русский язык, выполненные профессиональными переводчиками.

Юриспруденция в самом широком смысле представляет собой сложную, комплексную науку, все части которой взаимосвязаны. Этот факт позволяет сделать вывод, что профессиональный юридический язык используется для коммуникации в различных отраслях этой науки.

Использование того или иного юридического термина напрямую связано с важностью сохранения его правильной смысловой определенности. Благодаря этому, юридическая терминология становиться доступной для определенного круга лиц, владеющих определенными знаниями в области юриспруденции [3, с.117].

Важным уточнением в контексте исследования является описание предпосылок возникновения и развития английского языка права. В своем современном виде он совмещает две правовые культуры: римскую и нормандскую. В условиях современной правовой действительности язык представляет собой достаточно сложную систему, которая характеризуется некоторыми особенностями, которые и являются причиной возникновения трудностей при изучении и переводе юридических терминов [1, с. 435]. А именно:

1) наличие особых синтаксических норм – сложная синтаксическая структура фраз и предложений, недостаточная пунктуация или ее отсутствие;

2) наличие большого количества юридических терминов;

3) наличие общеупотребительных слов, которые перешли в разряд терминов (*criminal treatment* — некарательное воздействие на преступников (в том числе их лечение));

4) наличие латинских заимствований (*modus operandi, actus reus*);

5) наличие французских заимствований, что обусловлено переходом большого количества юридических терминов из латыни в английский язык через французский язык. Примерами могут быть такие слова, как *congress, constitution, legislature* и др. Наблюдается также большое количество заимствованных исконных французских слов и юридических терминов: *assault* – ‘оскорбление’, *court* – ‘суд’, *prison* – ‘тюрьма’, *crime* – ‘преступление’, *felony* – ‘тяжкое преступление’ и т.д.

6) наличие правовых реалий.

При переводе английского термина на другой язык следует учитывать много факторов. В частности, необходимы определенные знания как исторических и национально-культурных, так и правовых особенностей того или иного факта или явления [4, с. 453]. Безусловно, перевод юридического текста – процесс достаточно сложный и трудоемкий, предусматривающий использование большого количества отраслевых словарей и справочной литературы. Чтобы адекватно перевести юридические термины, необходимо обладать знаниями не только той правовой системы государства, на язык которого осуществляется перевод английских юридических терминов, но и правовой системы иностранного государства. Когда нарушается системность при неправильном переводе, или в нем появляются инородные элементы, не соответствующие национально-правовой специфике, искажается и сама суть термина, что приводит к невозможности его дальнейшего употребления.

Для сотрудников правоохранительных органов знание юридической терминологии и иностранного языка – залог эффективного общения с иностранными гражданами, вне зависимости от их процессуального статуса.

Список литературы

1. Анохин, Д. А. Особенности англо-русского перевода в юридической сфере / Д. А. Анохин, Е. Б. Севостьянова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. – № 4 (242). – С. 435-437. – URL: https://moluch.ru/archive/242/55952/ (дата обращения: 12.10.2024).
2. Коларькова, О.Г. Латинизмы в английской юридической терминологии / О. Г. Коларькова, И.С. Ипатова, А.А. Савина // БГЖ. – 2018. – №1(22). – С. 89-91.
3. Косоногова О.В. Статус онимического термина в лингвистике: Монография / О. В. Косоногова. – Одесса: КУПРИЕНКО С.В., 2016. – 117 с.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Альянс, 2013. – 253 с.

УДК 81.42

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Шинкаренко Я.В.
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
yana.shinkarenko@list.ru

Перевод профессиональной лексики сотрудников органов внутренних дел (ОВД) представляет собой сложную задачу, обусловленную множеством факторов, включая различия в правовых системах разных

стран, культурные контексты и специфику терминологии. Перевод юридических текстов, особенно тех, которые касаются работы правоохранительных органов, вызывает определенные трудности. Профессиональная терминология сотрудников ОВД включает большое количество уникальных слов и выражений, которые трудно передать средствами другого языка. Для успешного перевода требуется не только отличное знание иностранного языка, но и глубокое понимание права и специфики работы соответствующих органов внутренних дел.

Профессиональная лексика сотрудников ОВД представляет собой сложную систему терминов, отражающую особенности их деятельности. В условиях активного международного сотрудничества, обмена опытом и интенсивных межкультурных контактов в рамках профессиональной деятельности особенно важно обеспечить качественный перевод этой специфической лексики.

Данное исследование посвящено изучению проблем, возникающих при переводе профессиональной лексики сотрудников ОВД. Цель работы – выявить эти трудности и предложить методы их преодоления. В процессе исследования рассматриваются ключевые аспекты, влияющие на качество перевода, такие как различия в правовых системах, культурные барьеры и контекстуальные особенности.

По сфере употребления ученые выделяют общеупотребительную, профессиональную, жаргонную и диалектную лексику. Речь представителей разных профессий включает специальную терминологию и нейтральные языковые средства как часть нормированного русского языка, а также профессиональные жаргонизмы как языковые средства, находящиеся за границей нормы русского литературного языка, но в рамках русского национального языка [2, с. 109]. В. А. Липина изучала влияние уголовного жаргона на речь сотрудников полиции первого года службы, обращая внимание на активность использования ими в устной речи уголовного арго [4, с. 1741]. Следует отметить, что перевод жаргонизмов на английский язык представляет собой наибольшую трудность.

Терминологическая система правоохранительных органов характеризуется следующими особенностями:

- наличие узкоспециализированных терминов;
- использование аббревиатур и сокращений;
- профессионализмы и жаргонизмы;
- специфические юридические термины;
- термины, связанные с оперативно-розыскной деятельностью.

Перевод профессиональной лексики требует не только знания языка, но и понимания специфики уголовного мира. Такие термины, как ‘преступление’ (*crime*), ‘уголовное дело’ (*criminal case*), ‘жертва’ (*victim*), ‘обвиняемый’ (*defendant*), ‘прокурор’ (*prosecutor*) и т.д., имеют разные значения и могут употребляться в разных контекстах. Поэтому для точного

и правильного перевода профессиональных терминов сотрудников ОВД необходимо учитывать контекст и специфические особенности культуры и правовой системы той страны, в которой происходит процесс перевода [1, с.112].

Следует отметить, что при переводе профессиональной лексики сотрудников ОВД возникают следующие лингвистические трудности:

- отсутствие прямых эквивалентов;
- многозначность терминов;
- культурная специфика правовых систем;
- различия в юридической терминологии разных стран.

Переводческая деятельность в сфере правоохранительной терминологии сталкивается с рядом практических трудностей: необходимость точного соответствия юридическим нормам, сложность передачи нюансов профессионального контекста. В каждой стране свои юридические реалии, законы, отрасли права и это необходимо учитывать при переводе профессиональной лексики. Также в расшифровке нуждаются аббревиатуры и сокращения. Возникают трудности при переводе жаргонизмов и профессионализмов.

Существуют следующие методы преодоления трудностей:

1) терминологическая работа:
- создание специализированных глоссариев;
- установление эквивалентов в целевом языке;
- разработка методических рекомендаций;
2) контекстуальный анализ:
- учет специфики ситуации применения термина;
- анализ правовых документов;
- изучение профессиональной литературы;
3) междисциплинарный подход:
- сотрудничество с юристами-практиками;
- консультации с носителями языка;
- использование современных переводческих технологий.

Совершенствование качества перевода профессиональной лексики требует:

1) создания специализированных терминологических словарей;
2) разработки единых стандартов перевода;
3) повышения квалификации сотрудников ОВД;
4) использования современных технологий машинного перевода.

Таким образом, успешное преодоление лингвистических трудностей возможно при сочетании глубоких знаний терминологии, понимания правовой специфики и владения современными методами перевода сотрудниками ОВД. Это обеспечивает точность и адекватность передачи профессиональной информации на другом языке.

Качественный перевод профессиональной лексики сотрудников ОВД является важным условием эффективного международного сотрудничества в сфере правопорядка. Решение существующих проблем требует комплексного подхода, включающего как теоретические исследования, так и практическую работу по совершенствованию переводческих методик.

Список литературы

1. Баландина, А. А. Трудности, возникающие при переводе английской уголовно-правовой терминологии / А. А. Баландина, Е. А. Киндлер. – Текст: электронный // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов (Екатеринбург, 20 апреля 2023 г.). – Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2023. – С. 112-117. – ISBN: 978-5-91256-588-5.
2. Беглова, Е. И., Красикова О. Г. Особенности профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел / Е. И. Беглова, О. Г. Красикова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика. – 2019. – № 2. – С. 108 – 112. – EDN: VVWKTP.
3. Левитан, К. М. Юридический перевод: основы теории и практики учебное пособие / К.М. Левитан; Министерство образования и науки РФ, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Уральская государственная юридическая академия". – Москва, Екатеринбург: Проспект, издательский дом УРГЮА, 2011 [т.е. 2010]. – 350, [1] с.; 22. – ISBN 978-5-392-01688-4.
4. Липина, В. А. Влияние уголовного жаргона на профессиональную компетентность сотрудников полиции / В.А. Липина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 1741–1745.

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

УДК 372.881.111.22

ПРЯМОЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Бандурка Е.В., ORCID 0009-0009-5136-158X
ФГБОУ «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yelena.bandurka@mail.ru

Введение. Слово «метод» происходит от греческого *„methodos“* и обозначает «путь достижения и способ исследования». В контексте процесса преподавания и обучения метод (в широком смысле) − направление в обучении, которое реализуется на занятиях в виде модели обучения, отражающей характер учебных действий преподавателя и учащихся в рамках избранного направления. Эти модели лежат в основе планирования и проектирования учебного процесса. Они включают в себя такие дидактические компоненты, как деятельность учителя и учащихся в процессе обучения, формы взаимодействия и методы, понимаемые в узком смысле.

Метод (в узком смысле) − основной структурно-функциональный компонент деятельности учителя и учащихся, путь и способ достижения определенной цели в преподавании и учении. К ним относятся прямой, грамматико-переводной, комбинированный методы [1].

Цель. Рассмотреть процесс становления и основные характеристики одного из важных методов преподавания иностранных языков – прямого метода.

Основная часть. В 1860-х – 1870-х годах изменилось понимание функции иностранных языков [2, с. 152]. Политическая и экономическая ситуация в мире сделала необходимым развитие практических навыков говорения. Традиционный, в то время, метод грамматического перевода не мог соответствовать новым требованиям, поэтому формальные образовательные цели были заменены прагматическими. Кроме того, лингвистическая наука, сравнивая языки, установила, что каждый язык имеет свою структуру, а применяемая латинская система правил больше не может использоваться для современных языков [3, с. 34]. В этом контексте был разработан всемирно известный прямой метод.

Отправной точкой для разработки прямого метода стала публикация книги Вильгельма Витора «Преподавание языков должно начаться заново».

Он выступал против преобладания письма и грамматики в преподавании иностранных языков и делал акцент на необходимости активного овладения устной речью. Отходя от использования традиционного грамматико-переводного метода в преподавании иностранных языков, Витор и его соратники создали так называемое Реформаторское движение в преподавании иностранных языков [3, с. 34].

Более четко основные положения использования прямого метода в преподавании иностранных языков были изложены американцем немецкого происхождения Максимиллианом Д. Берлицем, с именем которого и ассоциируется данный термин. Он основал ряд языковых школ и разработал учебные материалы в соответствии с принципами данного метода [5, с. 38].

В основе прямого метода обучения иностранным языкам лежит процесс освоения детьми родного языка. Поэтому обучение взрослых с использованием прямого метода подразумевает обучение иностранному языку напрямую, без использования родного языка.

Цель использования прямого метода заключается в том, чтобы побудить учащегося мыслить только на изучаемом языке [3, с. 33]. В этом контексте было введено понятие «естественное обучение», подразумевающее включение в занятия разговорного языка. Учащиеся должны справляться с повседневными ситуациями, используя иностранный язык, вместо перевода великих произведений литературы. Представители естественной методики обучения подчеркивают также необходимость знакомства учащихся с культурой стран изучаемого языка.

Прямой метод также называют естественным методом, анти-грамматическим методом, методом реформ и интуитивным методом [3, с. 35].

Основными принципами прямого метода являются следующие [3, с. 34-42]:

1. Одноязычие в обучении – обучение ведется только на иностранном языке. Родной язык воспринимается как мешающий фактор.

2. Подражание языковым образцам – изучение иностранного языка осуществляется путем слушания и подражания. Учитель при этом выступает в качестве языковой модели, которой ученик должен подражать. Это также является способом обучения произношению, которое занимает особое место в рамках прямого метода.

3. Изучается только тот лексический материал, который используется в повседневной жизни.

4. Ситуативность – учебный материал должен быть встроен в повседневные ситуации, представленные в форме диалога. Учащийся должен выучить эти диалоги наизусть, а затем воспроизвести их вслух. Считается, что таким образом повысятся навыки говорения и аудирования, а у учащихся благодаря такому подходу развивается чувство иностранного языка. Наряду с диалогами можно читать рассказы и сказки, в то время как произведения высокой литературы в этой концепции отсутствуют.

5. Разговорный язык имеет приоритет над письменным языком – в обучении основное внимание уделяется развитию слуха и речи, в то время как чтение и письмо находятся на заднем плане.

6. Особое внимание уделяется фонетике и звукоподражанию. Материал вводится при одновременном слухо-зрительном восприятии. Новые слова объясняются с помощью демонстраций, перевод при этом совсем не используется.

7. Индуктивный способ изучения грамматики / интуитивное изучение грамматики – прямой метод предполагает бессознательное изучение языка путем имитации и привыкания. Исходя из этого чувства, учащийся должен иметь возможность решить, является ли предположение грамматически правильным или неправильным, или он/она должен интуитивно понимать правила иностранного языка. Сознательные процедуры в работе с грамматикой не исключаются полностью из преподавания. Грамматические правила приводятся в конце урока как подтверждение и краткое изложение того, что только что выучили.

Заключение. Результаты когнитивной психологии и конструктивизма показывают, что изучение языка – это не механический и имитационный, а творческий процесс, основанный на индивидуальном опыте каждого учащегося. Аудиоязыковой и аудиовизуальный методы, которые в своих принципах основаны на прямом методе, вытесняются коммуникативной дидактикой, поскольку на практике они оказываются не особо эффективными [4, с. 70].

Несмотря на это, прямой метод обучения иностранным языкам все еще представляет значительный интерес и применяется во многих частных языковых школах.

Список литературы

1. Бредихина, И. А. Методика преподавания иностранных языков: учеб. пособие / И. А. Бредихина. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, 2021. – 103 с. – ISBN 978-5-9765-4164-1.
2. Haß, F. Unterrichtsformen und Methoden / F. Haß // Handbuch Fremdsprachendidaktik. – Berlin: Klett, 2010. – S.151–156. – ISBN 978-3780010537.
3. Neuner, G. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts // G. Neuner, H. Hunfeld. – Band 4: Fernstudieneinheit. – Berlin: Langenscheidt, 1993. – 184 S. – ISBN 978-3468496769.
4. Rösler, D. Deutsch als Fremdsprache. Eine Einführung / D. Rösler. – 2-te Auflage. – Stuttgart, Weimar : Metzler, 2023. – 620 S. – ISBN 9783476058638.
5. Surkamp, C. Metzler Lexikon. Fremdsprachendidaktik / C. Surkamp. – 3-te Auflage. – Stuttgart: Metzler, 2025. – 559 S. – ISBN 978-3476060006.

УДК 372.881.111.1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У УЧАЩИХСЯ 10 – 11 КЛАССОВ

Бородулина Е.В., ORCID 0009-0004-7215-4567,
Макарова А.Н., ORCID 0009-0002-0962-199X
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
г. Рязань, РФ
elizaveta20032009@gmail.com

В статье изучим и сравним определения иноязычной коммуникативной компетенции и лексической компетенции, проведем анализ их структуры. В ходе исследования, дадим определение понятиям «знание», «умение», «навык», «учебное звено», рассмотрим этапы формирования лексических навыков у детей старшего школьного возраста, разберем, чем рецептивные навыки отличаются от репродуктивных.

В первую очередь, остановимся на определении понятия «компетенция». Ф. Ф. Ушаков под компетенцией понимает «круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом» [1].

Теперь рассмотрим определение понятия «иноязычная коммуникативная компетенции (ИКК). Е. А. Соболева определяет ИКК как «демонстрируемое и практическое знание языка, обеспечивающее достижение коммуникативных целей в устной и письменной, продуктивной и рецептивной, монологической и диалогической формах» [2: 49]. Согласно Е. А. Соболевой, основной целью изучения иностранного языка является формирование иноязычной коммуникативной компетенции в единстве ее составляющих, а именно: речевые умения, языковые навыки, социокультурная, компенсаторная и познавательная компетенции» [2, с. 49].

Мы приходим к выводу, что ИКК – это применение знаний языка в практической деятельности, а лексическая компетенция – это способность человека определять контекстуальное значение слова, сравнивать объем его значения в двух языках, понимать структуру значения слова и выделять специфически национальное в значении слова.

Согласно международной европейской классификации, лексическая компетенция включает в себя несколько уровней:

- начальный уровень (A1) – владение базовым словарным запасом, связанным с конкретными ситуациями;
- элементарный уровень (A2) – наличие необходимого словарного запаса для повседневной жизни, связанного со знакомыми ситуациями;

- средний уровень (B1) – умение разговаривать на такие темы как: семья, хобби и интересы, работа, путешествия и происходящие события;
- уровень выше среднего (B2) – владение терминологией в своей области;
- продвинутый уровень (C1) – владение хорошим словарным запасом, умение выбирать слова стилистически, владение общими идиомами и сленгом;
- беглый/свободный уровень (C2) – владение различными лексическими темам и умение поговорить на профессиональную тему (перевод наш) [3].

Теперь рассмотрим принципы, которым необходимо следовать при отборе лексического материала:

- принцип частности подразумевает выбор наиболее часто употребляемых слов и словосочетаний в языке. Согласно исследованию, словарный запас в 1,5-2 тысячи наиболее часто употребляемых слов, позволит понимать до 70% любого текста.
- тематический принцип подразумевает отбор наиболее важных понятий, без которых невозможно построить диалог или монолог на определенную тему.
- принцип сочетаемости подразумевает, что нужно подбирать те лексические единицы, которые сочетаются с другими лексическими единицами.
- принцип стилистической нейтральности подразумевает, что, в первую очередь, мы формируем словарный запас из стилистически нейтральных слов, и только на высоких уровнях вводим стилистически окрашенную лексику.
- принцип словообразовательной продуктивности отдает предпочтением словам, способным образовывать новые слова с помощью деривации [4, с. 130-131].

Следовательно, можно сделать вывод, что при отборе лексического материала для целей урока нужно опираться на несколько критериев: частота употребляемости слова, сочетаемость слова с другими словами, продуктивность слова.

Как известно, базовыми компонентами обучения являются знания, умения и навыки. Согласно И. П. Подласому, умения – это способность самостоятельно выполнять практические и теоретические задания на основе усвоенных знаний, а навыки – это автоматизированное выполнении необходимых действий [5, с. 19]. Сделаем вывод, что навыки – это способность выполнять практическую деятельность автоматически.

Теперь проанализируем классификацию навыков. Навыки подразделяются на три типа:

• Рецептивный тип – предполагает понимание текста во время аудирования и чтения. Рецептивный тип предполагает упражнения, направленные на восприятие информации с целью ее актуализации.

• Репродуктивный тип – способность передавать информацию в устном и письменном виде. Репродуктивный тип включает упражнения, связанные с целым рядом мыслительных операций: расширением, сужением, преобразованием и т.п. Репродуктивные упражнения направлены на содержательный уровень, т.е. понимание на уровне значений.

• Рецептивно-репродуктивный тип объединяет упражнения, в процессе выполнения которых происходит переход от восприятия воспроизведению информации. Упражнения рецептивно-репродуктивного типа включают поиск заданной информации; сопоставление информационных единиц и т.п. [6, с. 111].

Рассмотрим этапы формирования лексического навыка. Н. Д. Гальскова к основным этапам работы над лексикой относит:

• ознакомление с новым материалом (включая семантизацию). На начальном этапе (2–4 классы) ученикам предоставляется продуктивная лексика, которую учащиеся должны извлекать из памяти. На продвинутых этапах новое слово следует вводить с обязательными сочетаниями. На данном этапе также важно учитывать характерные лексические связи в словах, принадлежащих к одной предметно-тематической группе. Есть два пути ознакомления с новой лексикой. Первый путь обосновывается тем, что продуктивный словарь является и рецептивным словарем. Сторонники второго пути считают, что ознакомление при работе с продуктивной лексикой стоит уделять внимание использованию слова, а при работе с рецептивной лексикой стоит обращать внимание на форму и значение слова;

• первичное закрепление – этап, предназначенный для развития умений и навыков использования лексического материала. На этом этапе ученику предлагается система упражнений, для которых характерны следующие особенности: упражнения составляют часть объяснения, слова употребляются в знакомом лексическом окружении, упражнения предусматривают, как элементарные мыслительные операции, так и сложные умственные действия;

• развитие навыков и умений использования лексики в разных формах устного и письменного общения [4, с. 296-301].

Соответственно, можно сделать вывод, что для формирования лексических навыков необходимо: познакомить учеников с новой лексикой и раскрыть значения слов. Затем ученикам необходимо предоставить цепочку заданий, направленных на формирование навыков и умений использования новой лексики, последними в этой цепочке будут упражнения, цель которых использование новых слов в коммуникативных ситуациях.

Список литературы

1. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24550 (дата обращения 1.10.2025).
2. Соболева, Е. А., Казанцева Н. А. Иноязычная коммуникативная компетенция как цель обучения иностранным языкам в основной общеобразовательной школе / Е. А. Соболева, Н. А. Казанцева. – Текст: электронный//Наука и образование сегодня, 2020. – С. 49 – 52. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41857890 (дата обращения 11.10.2024)
3. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion volume with new Descriptions, Council of Europe]. – [Electronic Recourse]. – Available at: https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages (assessed 2.10.2024).
4. Гальскова, Н. Д., Гез, Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с. – Текст: непосредственный – ISBN: 5-7695-2669-5
5. Подласый, И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. пособие для студентов вузов/И.П. Подласый. – Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 356 с. – Текст: непосредственный – ISBN 5-305-00038-6
6. Родина, М. Ю. К вопросу о типах и видах упражнений при обучении иностранных студентов чтению художественного текста / М. Ю. Родина. – Текст: электронный // Карповские научные четения, 2016. – Т. 1. – № 10. – С.111-115. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/154124 (дата обращения 20.10.2024).

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ

Валеева Р.Р., ORCID 0000-0003-3923-152X,
Михатов А.С.
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ», г. Казань, РФ
Nana933@list.ru, artemy.mihatov@yandex.ru

Актуальность проблемы формирования профессиональной коммуникативной компетенции на иностранном языке у студентов неязыковых специальностей обусловлена стремительной интернационализацией всех сфер профессиональной деятельности. Современный выпускник вуза должен быть готов к межкультурному взаимодействию в профессиональной среде: чтению специальной литературы, участию в международных конференциях и работе в мультикультурных группах. Однако традиционные подходы к преподаванию

иностранных языков в неязыковых вузах, часто ориентированные на повседневные темы и оторванные от реальных профессиональных контекстов, демонстрируют недостаточную эффективность в подготовке студентов к решению актуальных коммуникативных задач. Это создает постоянное противоречие между объективной потребностью рынка труда в специалистах, владеющих иностранным языком как инструментом профессионального общения, и результатами системы языковой подготовки.

Аутентичные специализированные тексты рассматриваются как ключевое средство преодоления этого противоречия в методологии. Их дидактический потенциал заключается в том, что они знакомят студентов с реальным языком предмета, характерными языковыми стереотипами, структурой профессиональных документов и актуальными темами предмета, тем самым выступая в качестве связующего звена между преподаванием и будущей профессиональной деятельностью.

Цель данной статьи – теоретически обосновать и разработать модель формирования межкультурного взаимодействия в профессиональной среде среди студентов неязыковых специальностей, основанную на системе работы с аутентичными текстами. Статья носит теоретический и прикладной характер и может представлять интерес для преподавателей иностранных языков в неязыковых вузах, а также для разработчиков соответствующих учебно-методических комплексов.

Концепция профессиональной коммуникативной компетентности на иностранном языке занимает центральное место в современной методологии преподавания иностранных языков в неязыковых университетах. Анализ научной литературы позволяет говорить о ней как о сложной интегративной характеристике личности, проявляющейся в способности эффективно осуществлять межкультурное профессиональное общение на иностранном языке. Суть этой компетенции заключается в единстве собственно языковой подготовки и профессиональной составляющей, когда иностранный язык выступает не как самостоятельная учебная дисциплина, а как инструмент решения профессиональных задач.

Структура представляет собой сложную многокомпонентную структуру. Лингвистический компонент предполагает владение специальной терминологией, характерными грамматическими конструкциями и синтаксическими моделями, свойственными профессиональному дискурсу определенной предметной области. Дискурсивный компонент включает в себя способность понимать и генерировать связные утверждения в соответствии с жанровыми характеристиками профессионального общения, будь то научная статья или техническая документация.

Социолингвистический аспект компетентности подразумевает умение адекватно использовать языковые средства в зависимости от ситуации профессионального общения с учетом социальных ролей участников

общения и норм, принятых в профессиональном сообществе. Прагматический компонент направлен на развитие навыка использования иностранного языка для решения определенных профессиональных задач – информирования, аргументации, обучения и ведения переговоров.

Социокультурная составляющая имеет особое значение, поскольку эффективное профессиональное общение невозможно без понимания культурных особенностей и особенностей делового этикета стран изучаемого языка. Также важно иметь стратегическую составляющую, которая дает возможность восполнить недостаток языковых ресурсов в процессе реального профессионального общения.

Особенностью для студентов неязыковых специальностей является ее ярко выраженная инструментальная направленность. Обучение этой компетенции должно осуществляться не изолированно, а в тесной взаимосвязи с развитием специальных дисциплин, обеспечивающих осознание практической ценности владения иностранным языком и способствующих повышению мотивации к обучению.

Формирование профессиональной коммуникативной компетенции на иностранном языке требует интеграции нескольких взаимодополняющих методических подходов, которые создают теоретическую основу для построения эффективного образовательного процесса.

Ведущая роль принадлежит профессионально-ориентированному подходу, который определяет стратегическую направленность обучения. Такой подход предполагает, что содержание, методы и формы обучения должны быть подчинены определенным задачам будущей профессиональной деятельности специалиста. В их рамках иностранный язык изучается не как самоцель, а как средство решения профессиональных задач: поиска и анализа информации, участия в международных проектах и академического общения. Это определяет выбор учебного контента, в котором приоритет отдается темам, ситуациям и языковым жанрам, имеющим отношение к конкретной предметной области.

Системообразующее значение имеет компетентностный подход, который определяет целевую направленность всего процесса обучения. В отличие от парадигмы, ориентированной на знания, этот подход нацелен на результат, который выражается в способности учащегося применять полученные знания и личные качества в реальных профессиональных ситуациях.

Важнейшим принципом, пронизывающим все этапы становления, является принцип подлинности. Она реализуется на нескольких уровнях: подбор аутентичных профессиональных материалов (текстов, аудио, видеодокументов); моделирование аутентичных ситуаций общения; постановка аутентичных заданий, максимально приближенных к тем, с которыми выпускник столкнется в своей работе. Подлинность обеспечивает погружение в профессиональную среду и дает студентам реалистичное

понимание требований, предъявляемых к международному профессиональному общению.

Интеграция этих подходов создает прочную методологическую основу для построения модели образования, в которой каждый из подходов вносит свой вклад: профессионально ориентированный определяет содержание, контекстно-ориентированный определяет формы и методы, основанный на компетенциях устанавливает цели, а принцип аутентичности определяет среду обучения.

Проведенное теоретическое исследование позволило нам систематически осмыслить сущность и методические основы обучения профессиональной коммуникативной компетентности на иностранном языке. Анализ подтвердил, что комплексной характеристикой, объединяющей лингвистический, дискурсивный, социолингвистический, прагматический и социокультурный компоненты, обеспечивающие готовность специалиста к эффективному межкультурному взаимодействию в профессиональной сфере.

Список литературы

1. В России прогнозируют рост трудовой миграции из Индии, Непала, Вьетнама и Бангладеш. – Текст: электронный // Актион-диджитал: официальный сайт, 2025. – URL: https://www.pro-personal.ru/news/1098467-25-m9-v-rossii-prognoziruyut-rost-trudovoy-migratsii-iz-indii-nepala-vetnama-i-bangladesh (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 378.147:81’243

О НЕКОТОРЫХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВЗГЛЯДАХ НА МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Герасименко Е.Е., ORCID 0000-0001-8655-7034,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
iya-rosh@yandex.ru

Иван Иллич, австрийский философ, педагог и католический священник, известный своими радикальными взглядами, в своих трудах утверждал, что преимущества многих современных технологий и социальных механизмов иллюзорны и что такое развитие подрывает самодостаточность, свободу и достоинство человека. Массовое образование и современная медицина были двумя его главными мишенями, и он обвинял их в институционализации – процессе превращения новых социальных практик, идей и представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени структуры общества. В результате, эти практики

оформляются в виде социальных институтов и манипулировании базовыми аспектами жизни. В своей книге «Освобождение от школ», вышедшей в 1971 году, Иллич изложил свои крайне радикальные идеи о школьном образовании и образовании. Опираясь на своё историческое и философское образование, а также многолетний опыт работы в сфере образования, Иллич представил школы как места, где первостепенное значение имеют потребительство и подчинение авторитету, а подлинное обучение заменяется процессом продвижения по институциональным иерархиям, сопровождающимся накоплением в значительной степени бессмысленных дипломов. Вместо обязательного массового образования, по мнению исследователя, предпочтительнее принять модель обучения, в которой знания и навыки передаются через сети неформальных и добровольных отношений. Теоретик просвещения ставит под сомнение цели, которых стараются достичь в сфере современного образования. Основным доводом в пользу сомнительной необходимости современного образования, как считает учёный, это убеждение в том, что чем больше новой информации предлагать обучающимся для изучения, тем больше они будут знать. Ещё большим заблуждением, по мнению учёного, является попытка оценить знания и умения с помощью контрольных, проверочных работ, тестов и оценок. В сущности, процесс обучения – это такой вид человеческой деятельности, который в наименьшей степени требует управления и контроля со стороны других людей. Большая часть процесса обучения не является результатом наставлений и руководства. Успех обучения является, скорее результатом нахождения в благоприятной познавательной среде. Примерно в это же время один из самых влиятельных специалистов в области прикладной лингвистики Дик Олрайт вместе с коллегами работали над задачей улучшения и совершенствования языковых умений и навыков иностранных студентов, которые намеревались продолжать обучение на курсах последипломного обучения в университете Эссекса. Сферой профессиональных интересов Дика Олрайта являются теоретические и теоретические и практические аспекты языкового образования. Он является основателем инновационного и эффективного педагогического направления «Исследовательская практика» (EP). Его работа всегда была тесно связана с практикой реального преподавания языка, он исследует тонкости взаимодействия и взаимосвязи преподавания и обучения. Во время начального этапа своей исследовательской работы он предложил иностранным студентам заняться изучением грамматики, студентам пояснили тонкости перевода и значения новой лексики, также ознакомили обучающихся с физическим и смысловым делением текста на параграфы. Учёный решил переместить фокус внимания вместо привычных аспектов изучения иностранного языка на предоставление полной свободы от условностей и ограничений привычного учебного плана. Лингвист не сомневался в том, что его инновационная стратегия будет иметь успех,

поскольку обучающиеся были очень мотивированы и заинтересованы в получении результата. По словам Дика Олрайта, если бы все усилия преподавателя по осуществлению контроля за учебной деятельностью студента были направлены на вовлечение студента в процесс разрешения коммуникационных затруднений на изучаемом языке, процесс изучения иностранного языка проходил бы естественным образом, сам по себе. В дальнейшем учёный предложил свой взгляд на стратегию обучения, студенты получили задания, которые необходимо было выполнить за пределами учебной аудитории: спросить, как найти дорогу, попросить консультацию продавца, сделать телефонный звонок с целью бронирования комнаты в отеле. Словом, студенты были вовлечены в практику устной речи, по-настоящему эффективное задание, которому преподаватели уделяют, не так много времени в учебной аудитории и не придают особого значения. Из-за нехватки времени преподаватели почти не дают рекомендаций во время выполнения заданий для развития речи и коммуникационных навыков, и что самое важное, не исправляют речевые ошибки студентов. Студенты также принимали участие в коммуникативных играх, в которых единственной целью было выполнить задание, используя весь потенциал умений иностранного языка, который был в распоряжении студента, полагаясь только на устную форму общения в любой доступной форме. Результаты внедрения этой тактики были обнадёживающими: все обучающиеся наслаждались процессом, прогресс в обучении был намного более впечатляющим, чем в предыдущие учебные годы. Дик Олрайт вместе с коллегами достиг своей цели – они сместили фокус внимания от продукта изучения языка – знания грамматики и лексики к самому процессу познания, изучения языка. Другими словами, учёный доказал, что что студенты изучают иностранный язык более эффективно, активно применяя навыки общения на изучаемом языке. Если цель языка – это общение, в таком случае, общение и должно быть основной изучения иностранного языка. Меррилл Свейн, канадский лингвист, заслуженная профессор института исследований в сфере образования, считает, что в процессе изучения языка, язык необходимо производить в устной или письменной форме, причём в таком же объёме, как и изучение теоретических аспектов языка. В своей программе обучения иностранному языку она рекомендует метод погружения с особыми стратегиями, среди которых выделяются: метод одного проекта – предполагает выполнение учебного проекта полностью на изучаемом языке, участие в профессиональных конференциях, семинарах, встречах, где общение проходит исключительно на изучаемом языке, а также технику проговаривания вслух познавательных целей и способов их достижений. Меррилл Свейн называет результат продуктивного изучения иностранного языка по предложенной ею методике, “понятным, приемлемым результатом” (comprehensible output). Джейн Уиллис, одна из самых авторитетных методистов преподавания иностранных языков, автор

нескольких фундаментальных трудов, считает, что язык нужно изучать свободно, без ограничений, чтобы свободно говорить на нём. Не полностью разделяя мнение Дика Олрайта о том, что процесс изучения иностранного языка может произойти само по себе, она полагает, что студентам нужно обеспечить возможность выражать свои мысли, чувства, и иметь возможность экспериментировать, применяя услышанные, увиденные и усвоенные навыки, в благоприятной, дружеской атмосфере.

Список литературы

1. Allwright, D. The Developing Language Learner. An introduction to Exploratory Practice. Palgrave McMillan. 2009. – 339 p. – ISBN 978–1–4039–1184–1.
2. Illich, I. Deschooling society. Perennial library. Harper and Row. New York, Hagerstown. 1970. – 151p. https://theanarchistlibrary.org/library/ivan-illich-deschooling-society (дата обращения 27.09.2025).
3. Swain, M. Communicative competence: Some rules of comprehensible input and comprehensible output in its development. // Input in second language acquisition. 1985. – Rowley, MA: Newbury House. – P. 235-253.

УДК 372.881.1

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

***Даминова С. О.*[1,2]**, канд. хим. наук, канд. пед. наук,
ORCID 0009-0007-4625-0741,
***Рыжов А. П.*[2]**, ORCID 0009-0001-8702-9900
[1]ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, РФ
daminovaso@my.msu.ru

Введение. За последние годы в эпоху цифровизации всех сфер человеческой жизнедеятельности наблюдается быстрорастущий интерес исследователей к использованию искусственного интеллекта в обучении иностранного языка в вузах нелингвистического профиля. В настоящее время наблюдается постепенное внедрение искусственного интеллекта в образовательную систему.

Целью данной статьи является выявление современного состояния исследований, посвященных использованию нейронных сетей в образовательном процессе, а также отметить основные тенденции, подходы и технологические решения в обучении иностранным языкам для специальных целей.

Основными технологиями, которые находятся в центре внимания исследователей, являются интеллектуальные обучающие системы (ITS), смысловая переработка информации (NLP) и чат-боты на основе языковых моделей (например, ChatGPT) [1, 3]. Стремительное развитие платформ на основе нейронных сетей существенно меняет подходы к обучению иностранным языкам для специальных целей.

Перед преподавателями иностранных языков стоят дидактические задачи модернизации и адаптации традиционных средств лингводидактики к новым условиям, разработки теоретической и методологической основы для обучения студентов-нефилологов иностранным языкам с использованием нейросетей.

Основная часть. Проведенное исследование научных публикаций, посвященных данному вопросу и наблюдение за учебным процессом позволило выделить основные направления использования нейросетей для обучения студентов-нефилологов иностранным языкам для специальных целей:

1) подготовка студентов-нефилологов работать с новыми технологиями, в частности для обучения иноязычному общению;

2) модернизация и персонализация содержания обучения иностранным языкам с использованием нейронных сетей:

- автоматический подбор иноязычных текстов, создание ситуаций иноязычного общения;
- развитие языковых (фонетических, лексических, грамматических) навыков, в частности, формирование умений работы со специальной терминологией в профессиональных контекстах на основе заданий и упражнений, созданных нейронной сетью;
- использование чат-ботов для развития умений иноязычного профессионально-ориентированного общения;
- автоматизация контроля и оценивания уровня владения иностранным языком студентов-нефилологов;
- разработка параметров и критериев оценки сформированных навыков и умений иноязычного общения у студентов-нефилологов.

Как показало наблюдение за образовательным процессом, возрастающий интерес студентов-нефилологов к нейросетям усиливает мотивацию изучать иностранные языки. Поэтому перед преподавателями стоят задачи разработать и внедрить в учебный процесс адаптивные технологии, позволяющие учитывать разные интеллектуальные способности и потребности учащихся. Такие технологии должны обеспечивать равный доступ студентов-нефилологов к обучающим платформам как на аудиторных занятиях, так и при выполнении самостоятельной работы, осуществлять обратную связь учащихся с преподавателем в режиме реального времени и обеспечить персонализацию обучения. Рекомендуется использовать подход “human in

the loop” (человек в контуре) [1], предполагающий обязательный контроль работы компьютерных систем преподавателями.

Кроме этого, для получения надежных результатов в обучении иностранным языкам необходимо уделять внимание вопросам плагиата, цифрового неравенства, безопасности, этики и зависимости от компьютерных технологий.

Наше наблюдение за образовательным процессом показало, что при подготовке к занятиям студенты-нефилологи самостоятельно используют различные нейросети: чат-боты, системы автоматического перевода, платформы для персонализированного обучения, обеспечивающие доступ к аутентичных языковым материалам и способствующие овладению иностранными языками для специальных целей.

Платформы ChatGPT как средство обучения оказывают положительное влияние на изучение иностранного языка, в том числе, на самостоятельную (индивидуальную, групповую) работу студентов-нефилолов. Наблюдается повышение мотивации и вовлеченности студентов-нефилологов в образовательный процесс с использованием нейронных сетей. Преимуществом использования искусственного интеллекта является поиск дополнительной информации по изучаемым дисциплинам, определение наиболее перспективных тем научных работ.

Кроме этого, наблюдается положительное влияние избранной специальности на результаты овладения иностранными языками, наибольшего успеха добиваются студенты физико-математических и естественнонаучных специальностей.

Важным выводом стало выявление гендерного фактора в изучении иностранных языков, лучшие академические результаты продемонстрировали *студентки* по сравнению со *студентами* [2]. В исследованиях [2, 3] отмечается увеличение словарного запаса студентов-нефилологов, повышения беглости устной речи и прогресс в развитии письменной речи. Благодаря использованию платформ на базе искусственного интеллекта иноязычная речь студентов-нефилологов становится более логичной, структурированной, содержательной, богатой и разнообразной в языковом отношении.

Не смотря на положительное влияние нейронных сетей на учебный процесс, наблюдаются сдерживающие факторы в их использовании в обучении иностранным языкам для специальных целей: необходимость сохранения взаимодействия между преподавателем и учащимися, так как нейросети несовершенны для объяснения студентам трудного лингвистического материала, перевода научных текстов, эмоционально окрашенных лексических единиц, объяснения значения социокультурных реалий страны изучаемого языка и др. Следует также уделять внимание развитию компьютерной грамотности студентов и преподавателей.

Заключение. Несмотря на отдельные успешные примеры использования искусственного интеллекта в образовательном процессе, целостная методическая система его использования для обучения студентов-нефилологов иностранным языкам для специальных целей пока не разработана. Это свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований, направленных на создание персонализированных образовательных технологий на основе искусственного интеллекта для формирования умений иноязычного общения у студентов-нефилологов.

Список литературы

1. Cardona, M. A., Rodríguez R. J., Ishmael K. Artificial Intelligence and the Future of Teaching and Learning: Insights and Recommendations, Washington, DC, 2023. – 67 p.
2. Jmaiel, H. A., Abukhait, R.O., Mohamed, A.M. *et al.* The role of ChatGPT in enhancing EFL students' ESP writing skills: an experimental study of gender and major differences. *Discov Educ* 4, 2025. – 240 p. URL: https://doi.org/10.1007/s44217-025-00700-6.
3. Kumar, A. & Sharma, S. A Comprehensive Review on the Role of Artificial Intelligence in Higher Education. IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME), 15(3), 2024. – P. 53-61.

УДК 378.4

АКТИВИЗАЦИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Дворянкина И.В*,* ORCID 0009-0007-8200-8645
ГБОУ «Школа № 8 городского округа Енакиево», г. Енакиево, ДНР, РФ
iradvr@mail.ru

Введение. Современное образование требует от старшеклассников не только знания английского языка, но и умения активно мыслить и выражать свои идеи на нем. Активизация речемыслительной деятельности на уроках английского языка становится приоритетной задачей, поскольку она способствует развитию критического мышления, самостоятельности и эффективной коммуникации. Эта работа исследует методические подходы, направленные на стимулирование этих процессов для повышения языковых компетенций учащихся.

Целью данной работы является исследование и описание методических подходов, направленных на активизацию речемыслительной деятельности старших школьников на уроках английского языка, что в конечном итоге приведет к повышению их языковых компетенций и мотивации к обучению.

Основная часть. Современные уроки английского языка в старшей школе стремятся не только передать знания, но и научить учащихся использовать язык для мышления и коммуникации. Однако, несмотря на разнообразные методики, часто наблюдается разрыв между теоретическим владением языком и его осмысленным применением.

Коммуникативный подход, акцентируя внимание на всех языковых навыках, не всегда стимулирует глубинные мыслительные процессы, и учащиеся могут испытывать трудности с выражением собственных идей [3]. Одной из ключевых проблем является недостаточная ориентация на когнитивные стратегии. Задания часто направлены на усвоение материала, но не стимулируют критическое мышление и анализ. Другой пробел – преобладание репродуктивной деятельности над продуктивной, когда ученики выполняют упражнения, не требующие самостоятельного творчества и генерации идей [1, с. 4].

Кроме того, недостаточное внимание к метакогнитивным навыкам не позволяет ученикам осознанно развивать свои мыслительные способности. Наконец, отсутствие связи изучаемого материала с интересами старших школьников снижает мотивацию и, следовательно, продуктивность.

Таким образом, анализ существующих методик выявляет пробелы в ориентации на когнитивные стратегии, продуктивную деятельность, метакогнитивные навыки и связь с интересами учащихся.

Для преодоления выявленных проблем и достижения цели по активизации речемыслительной деятельности старших школьников на уроках английского языка, необходимо разработать и внедрить комплекс методических приемов и создать благоприятные педагогические условия.

Ключевыми методическими приемами для стимулирования речемыслительной активности выступают:

Проблемно-ориентированные задания и кейс-методы. Вместо стандартных упражнений, предлагать учащимся решать реальные или смоделированные проблемы, требующие анализа ситуации, поиска информации, сравнения вариантов и аргументации своего решения. Например, обсуждение этических дилемм, планирование путешествия, анализ социальных явлений. Это побуждает учеников использовать язык для выражения собственных идей и критической оценки информации.

Дебаты и дискуссии. Организация структурированных дебатов по актуальным темам является одним из наиболее эффективных способов развития речемыслительной деятельности. Учащиеся обретают навыки не только формулировать свою позицию, но и слушать оппонентов, находить контраргументы, использовать убеждающие речевые средства.

Проектная деятельность. Работа над долгосрочными проектами (исследовательскими, творческими, социальными) требует от учащихся глубокого погружения в тему, самостоятельного поиска и анализа информации, планирования, кооперации и представления

результатов [2, с. 13]. Язык становится инструментом не только общения, но и исследования, что стимулирует мыслительные процессы на более высоком уровне.

Использование аутентичных материалов и критическое осмысление. Работа с оригинальными текстами, видео, аудиозаписями, статьями из СМИ позволяет ученикам столкнуться с разнообразием языковых стилей и мнений. Важно научить их анализировать эти материалы, выявлять авторскую позицию, оценивать достоверность информации, сравнивать разные точки зрения – все это является основой речемыслительной деятельности.

Технологии критического мышления: Применение таких техник, как "Think-Pair-Share" (Подумай – Обсуди в паре – Поделись), "Six Thinking Hats" (Шесть шляп мышления), mind mapping (интеллект-карты) способствует структурированию мыслей, развитию навыков анализа, синтеза и оценки, а также учит учеников осознанно подходить к процессу решения задач.

Рефлексивные практики: Регулярное проведение рефлексии – как индивидуальной, так и групповой – помогает учащимся осмысливать свой опыт, анализировать успешные и неуспешные стратегии, определять пути дальнейшего развития [4]. Это могут быть письменные рефлексии, устные обсуждения, ведение дневников обучения.

Для того чтобы эти приемы были эффективными, необходимо создать соответствующие педагогические условия:

Создание поддерживающей и стимулирующей атмосферы. Учитель должен быть гарантом безопасности, где ученик не боится ошибиться, проявить инициативу и высказать свое мнение. Атмосфера взаимного уважения и доверия способствует более открытому и свободному выражению мыслей. Учет индивидуальных особенностей учащихся, их уровня владения языком, познавательных стилей и интересов позволяет подбирать задания, которые будут вызывать необходимый уровень когнитивной нагрузки, не будучи слишком простыми или, наоборот, непосильными.

Таким образом, комплексный подход, включающий целенаправленно разработанные методические приемы и создание благоприятных педагогических условий, является ключом к успешной активизации речемыслительной деятельности старших школьников на уроках английского языка. Это позволит им не просто овладеть языком, но и развить ключевые компетенции XXI века, такие как критическое мышление, креативность и умение эффективно общаться. Постепенное предоставление ученикам большей самостоятельности в выборе тем, форм работы, источников информации и оценке своей деятельности способствует формированию внутренней мотивации, ответственности за результат и развитию навыков самообучения.

Заключение. Современное преподавание английского языка в старшей школе сталкивается с проблемой недостаточной активации речемыслительной деятельности учащихся из-за ограниченности когнитивных стратегий, преобладания репродуктивной деятельности и слабого учета интересов учеников. Предложенный комплекс методических приемов и педагогических условий направлен на преодоление этих трудностей. Внедрение данного подхода стимулирует осознанное, креативное и самостоятельное использование языка, развивая как языковые компетенции, так и ключевые навыки XXI века, включая критическое мышление и эффективную коммуникацию.

Список литературы

1. Борытко, Н. М. В пространстве воспитательной деятельности / Н. М. Борытко. – Волгоград : [Изд-во], 2001. – 175 с.
2. Матюшкин, А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности / А. М. Матюшкин // Вопросы психологии, 1982. No 4. – С. 5–17.
3. Мурашев, А. А. Речевое мастерство учителя / А. А. Мурашев. – Москва: [Изд-во], 1999. – 192 с.
4. Шакирова, А. А. Принципы обучения иностранному языку / А. А. Шакирова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – No 1. – С. 1–5.

УДК 378.147:81’243

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ И ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Дубровкина И.Ю., ORCID 0000-0003-4508-7448
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i-dubrovkina@mail.ru

Чтобы лучше понять и применять искусственный интеллект (ИИ) в работе, необходимо рассмотреть некоторые проблемы и потенциальные преимущества, которые он может предложить как преподавателям иностранных языков, так и студентам.

Генеративный искусственный интеллект выделяется среди других технологий. В его основе лежит огромная языковая модель (LLM), которая анализирует колоссальные массивы текстов. Эти тексты были тщательно разбиты на мелкие фрагменты, и связи между всеми словами в них были исследованы. Такой анализ помогает модели лучше понять контекст и делать прогнозы относительно синтаксиса. Средний размер LLM составляет около 100 миллиардов точек данных. Это поистине впечатляющие объемы

информации, представляющие собой тщательно изученные взаимосвязи между словами. Таким образом, LLM представляет собой скорее набор проанализированных связей между словами, а не собрание документов. Когда задаётся генеративному ИИ вопрос, он не обращается к базе данных и не извлекает часть статьи, написанной кем-то другим. Вместо этого он создаёт нечто новое и достоверное, основываясь на своих предположениях о взаимосвязи между словами и контекстом.

Применение искусственного интеллекта в рабочих процессах становится всё более распространённым. Он используется для создания документов, деловых коммуникаций, рекламных текстов, журналистских статей и решения широкого спектра других задач. В таком случае, необходимо обеспечить учащихся навыками и знаниями, необходимыми для использования ИИ при создании различных типов текстов. При этом важно сохранить понимание учащимися принципов создания хорошо структурированных и грамотно написанных текстов.

Одно из основных опасений многих преподавателей заключается в том, что учащиеся могут прибегнуть к использованию ИИ для выполнения учебных задач, что может привести к снижению качества обучения. Это вызывает особую обеспокоенность у преподавателей высших учебных заведений, где оценка в значительной степени зависит от выполнения более объёмных письменных работ. Это обоснованное беспокойство, однако следует учитывать, что мошенничество не является новым явлением. Студенты и прежде пытались совершать мошеннические действия такого плана. Единственное, что изменилось, – это методы, которые они используют для обмана. В связи с этим необходимо пересмотреть подходы к оценке и методы обучения студентов. Существуют компании, которые производят инструменты для определения использования ИИ при создании текста или изображения. Но точность таких инструментов может быть низкой, особенно в случае с текстом, и составлять около 40%. Также существует риск того, что работы учащихся могут быть идентифицированы как созданные ИИ несмотря на то, что они использовали только инструменты для проверки грамматики. Одним из возможных решений проблемы может быть запрет на использование ИИ в образовательных учреждениях. Однако, реализация такого запрета сопряжена с рядом трудностей, а также ставит вопрос о целесообразности запрета инструмента, обладающего значительным потенциалом для повышения эффективности обучения. В этой связи представляется целесообразным пересмотреть подходы к оценке качества образования и обеспечению его эффективности.

Преподаватели и учащиеся должны быть осведомлены об авторских правах и тщательно изучать условия использования любой платформы, на которой создаётся контент. При использовании инструмента искусственного интеллекта для создания текста, он не заимствует его из других источников, а генерирует новый текст на основе своего анализа и

понимания аналогичных текстов. Таким образом, созданный контент не нарушает авторские права. Однако мы должны быть уверены, что, используя текст в создаваемых нами материалах, мы не крадем этот контент с платформы, которую использовали для его создания. Большинство коммерческих платформ ИИ, предназначенных для создания различных типов контента, предоставляют пользователям свободу использования созданного контента. Однако, при использовании бесплатных платформ, возможно, они сохраняют за собой право собственности на свои материалы. В связи с этим, рекомендуется ознакомиться с условиями предоставления услуг и убедиться в наличии прав на использование контента, прежде чем включать его в свои курсы.

В ходе дискуссии о предвзятости (bias) в ИИ существует две точки зрения. Во-первых, искусственный интеллект будет воспроизводить любые искажения, присутствующие в данных, на которых он обучается. Поскольку большинство языковых моделей ИИ (LLM) обучаются на данных, доступных в открытом доступе в сети Интернет, любые общие искажения в этих данных будут отражаться в знаниях и навыках ИИ.

Так как значительная часть информации в сети Интернет создана на английском языке и отражает западную культуру, то результаты применения языковых моделей ИИ, вероятно, будут иметь аналогичные характеристики. Необходимо информировать учащихся о том, что искусственный интеллект может создавать контент, который может быть недостоверным, и советовать им подвергать сомнению любую информацию, полученную от ИИ. Во-вторых, и это является более позитивным аспектом, искусственный интеллект, в отличие от людей, взаимодействует с пользователем беспристрастно. Чат-бот с ИИ предоставляет каждому пользователю равный уровень обслуживания и внимания, независимо от их пола, возраста, расы, культуры.

За генеративным искусственным интеллектом закрепилась репутация создания выдуманных данных. Это явление получило название «галлюцинации». Оно может быть вызвано несколькими причинами, такими как неправильное понимание запроса, ошибки или недочёты в обучающих данных, а также творческая природа генеративного искусственного интеллекта. Это можно рассматривать как с положительной, так и с отрицательной стороны. С одной стороны, это может указывать на то, что информация, предоставляемая искусственным интеллектом, может быть недостоверной. Однако с точки зрения образовательного процесса это также означает, что учащиеся и преподаватели должны критически оценивать информацию, предоставляемую ИИ, и эта практика может стать ценным навыком и частью учебного процесса. Ещё одним преимуществом данной способности к «галлюцинациям» является то, что она также коррелирует со способностью искусственного интеллекта к творчеству и изобретательству.

Эти возможности могут быть полезны при создании более креативных и вымышленных продуктов.

Безусловно, в краткосрочной перспективе генеративный ИИ не сможет полностью заменить преподавателей. В отличие от них, искусственный интеллект не обладает самостоятельностью или мотивацией и требует постоянного участия и руководства со стороны человека. Хотя учащиеся, обладающие необходимыми навыками и мотивацией, могут использовать искусственный интеллект для улучшения своих языковых навыков. Это может быть особенно полезно в ситуациях, когда квалифицированных преподавателей недостаточно или их трудно найти. Однако, искусственный интеллект может быть полезным инструментом для преподавателя, помогая в административной работе, планировании, создании учебных материалов и оценке результатов.

Список литературы

1. Дубровкина, И. Ю. Использование технологий искусственного интеллекта в преподавании и изучении английского языка / И.Ю. Дубровкина // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: матер. VIII Междунар. научн. конф. (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Т. 4. Ч. 2: Филологические науки. – Донецк: ДонГУ, 2023. – С. 287-290. – EDN GIQTHK.
2. ResearchGate.net [Электронный ресурс]. – URL: https://researchgate.net/publication/358746284 (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 372.881.111.1

FOCUS ON QUIZLET

Ещенко Л.В., ORCID 0000-0003-1086-6871
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ylv77@mail.ru

The question "To use or not to use digital platforms, resources, services and technologies?" is not a priority any more, this dilemma has passed the transformation and now the focus of the study casts on the area of ICT application, the capabilities of AI, the choice of the most effective technologies for the development of various language skills, the means of achieving the maximum effect in learning languages with minimum use of time.

The subject of this study is an application that is widely advertised on the Internet and characterized by a significant scatter of users' assessments, including both positive and negative reviews and comments. Its main task is to help users cope with such a difficult task as replenishing lexical reserve of a foreign language, in this case, English.

The choice for research and testing of applications, Quizlet, is not accidental as it is known in the Russian and English-speaking language segment of users. This digital instrument is used to develop one of the aspects of the English language, i.e. enhancing vocabulary.

This tool uses flashcards. Such applications (Flashcard Apps) are digital online learning technologies that help to memorize information with the help of generated cards. Similar applications mainly have mobile, web or computer versions. In the study of the language, such multi-platform services are actively applied to memorize new words and information and expand the vocabulary.

When starting to study the language beginners quickly discover that the retention and expansion of the vocabulary is one of the biggest obstacles, encountering hundreds, if not thousands, words and phrases, and their preservation and retention in memory may seem an impossible task. To cope with this problem different digital resources use interval repetition techniques integrated into spaced repetition systems (SRS (Spaced Repetition System)) with mandatory interim testing which generates active recall. The concept of "testing" does not have a rigid structure, it rather implies a set of tasks and exercises to reproduce the same, but in various formats.

Quizlet was launched as a Web FlashCard program in 2007 to help the language students expand the vocabulary. Nevertheless, it also has become a popular application among students of all specialties.

Access to Quizlet functionality can be made through a web interface or by downloading applications developed for Android and iOS operating systems. The basic versions of these platforms are free.

There are two paid premium subscriptions:

• Quizlet GO

• Quizlet plus

The Quizlet platform mainly integrates the elements of gamification to increase the interactivity of the educational process. Quizlet provides learners with the opportunity to create their own sets of cards, as well as the use of ready-made collections available for free download.

The main idea of other platforms, i.e. interval repetition, ceased to be part of the Quizlet functionality in 2020. Quizlet exploits a different approach to memorizing words and enhancing vocabulary. This resource offers 5 different modes that add some variety to the learning process:

1. Flashcards mode: a learner sees a card with a word that needs to be translated. In order to see the answer and make sure of its correctness, it is necessary to turn the digital card over.

2. Learn: this mode offers a choice with several options. As the number of correct answers increases, the material presented on the cards gets more and more difficult and complicated.

3. Spell: it requires to key in an answer. This mode is a good option for practising correct spelling of words.

4. Write: the mode that includes gap-filling tasks. At the end of the first stage of training, the recording mode automatically moves to the second stage, focusing on the points when incorrect answers were given during the first stage.

5. Test: this mode aims at creating tasks to test knowledge with four different types of exercises: gap-filling, matching, multiple choice, false-true options. The user can independently adjust the categories and the number of questions.

Quizlet has a free version, which includes all of the above training modes. Premium versions offer expanded functionality, in particular, the possibility of adding images and audio materials to cards is provided exclusively in the framework of the paid subscriptions.

Two game modes are also available only in the premium subscription:

1. Gravity: students and learners save the planet from an asteroid strike if they give the correct answer.

2. Quizlet Live: a team game which is won by the team that is the first to match the terms and their definitions.

The advantages of Quizlet:

1. The absolute and undeniable advantage of Quizlet is a very simple and intuitively understandable interface, as it is immediately clear where to press, what to do, and how it all functions. Resource navigation is very easy to follow even for beginners and children. A user simply adds new deck of cards and chooses different training modes.

2. It presents various training modes for better memorization of information.

3. There are testing modes for tracking progress.

4. It gives access to a huge number of card sets created by users, which can be used for free.

5. When creating cards, the system automatically offers translation options, which significantly reduces time waste associated with manual information key-in.

The disadvantages of Quizlet:

1. A large amount of advertisements and very limited functionality of the free version (time limit on its use per day, the minimum amount of actions and tests).

2. It does not work offline.

3. It is impossible to “tie up” audio hints with text conversion into speech and connect images with cards in the free version.

4. There is a risk of obtaining and memorising incorrect information, due to the fact that anyone can generate and share their own decks of cards.

5. There is no interval repetition. Refusal from this function was a great disappointment for many users.

This resource using game elements is especially interesting for schoolchildren. Quizlet is advisable to use if you need to retain in memory a

certain thematic layer, for example, for a specific purpose, i.e. seminar, conference, etc.

When choosing that kind of digital resources, two points must be taken into account: preferred learning style and learning goals. Each person has his/her own learning style and pace that may not be suitable for others. It is important to take into account that these platforms should be considered only as complimentary resources to help teachers / teachers / tutors who can use these applications as tools to strengthen their digital competence. Such services can hardly be fundamental elements in learning a language or teaching a language.

Список литературы

1. Гусевская, Н. Ю., Ерёмина В. М. Обучение иноязычному общению студентов неязыковых специальностей на основе использования ИКТ и активных методов обучения // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2012. №6. – С. 97-101. – EDN: PFOVNV
2. Еремеева, Г. Р., Баранова А. Р. Метод интервальных повторений при изучении иностранного языка // Бюллетень науки и практики. – №7 (июль) 2016. – С. 294-298. –URL :https://cyberleninka.ru/article/n/metod-intervalnyh-povtoreniy-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka/viewer (дата обращения: 10.09.25).
3. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – Москва. Академия, 2007. – 368 с.

УДК 372.881

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Жданова Е.В., ORCID 0009-0009-8749-1749
Еромянц И.С., ORCID 0009-0002-9676-0313
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького», г. Донецк, РФ
e-zhdanova@inbox.ru, hayane@mail.ru

Введение. В наши дни успешная научная карьера, защита кандидатской или докторской диссертации невозможны без публикации научных статей. В связи с этим умение создавать качественный академический дискурс стало важным инструментом профессионального общения и самопрезентации. В то же время академическое письмо – это не навык, который можно легко развить самостоятельно, а многоэтапный процесс, требующий широкого спектра знаний и компетенций. Однако в списках компетенций рабочих программах подавляющего большинства

вузов нет отдельных дисциплин, связанных с академическим письмом. Таким образом, существует явный дисбаланс между теоретической необходимостью обучения студентов университетов академическому письму, заявленной в образовательных стандартах, и практической возможностью формирования у студентов соответствующих компетенций. Обучение академическому письму в рамках базовой университетской программы осложняется тем, что проведение исследований с последующей публикацией на английском языке, проверка преподавателем и эффективная обратная связь требуют много времени и усилий.

Цель и практическая значимость предлагаемой работы заключаются в создании оптимальной и эффективной среды для освоения студентами-медиками научного стиля и повышении мотивации к научным исследованиям на английском языке. Разработка и актуализация программ и алгоритмов позволят унифицировать и индивидуализировать процесс обучения и способствуют повышению успеваемости.

Основная часть. Проблема обучения академическому письму волнует специалистов по всему миру. Однако анализ научных публикаций выявляет принципиальные различия между зарубежными и отечественными подходами в этой области. Российские специалисты в основном сосредоточены на исследовании языковых и речевых ошибок в текстах, выделяя лексические, грамматические, стилистические и структурные нарушения в отдельные категории. Зарубежные исследователи предлагают два основных способа обучения академическому письму:

1) учитывать взаимосвязь между текстами-жанрами (жанрово-ориентированный подход) [4, с. 4] – так, жанровый подход предполагает использование социального и культурного контекста в письменных работах;

2) создание академического текста – это процесс формирования научного стиля речи (дискурсивный подход).

Согласно этому подходу, учащиеся всех возрастов и уровней владения языком должны иметь множество возможностей использовать язык в процессе обучения для достижения значимых результатов.

Преимущество западного дискурсивного подхода заключается в наличии реальных стандартизированных требований к публикациям в периодических изданиях Scopus и журналах Web of Science. По словам редакторов, причинами отклонения статей являются: отсутствие необходимых структурных элементов, несоблюдение требований к оформлению, несоответствие статьи целям журнала, неполное представление данных, несоответствие выводов заявленным целям, нарушение логики, некачественное описание методов и процедур исследования, неактуальность исследования.

Подход к обучению, основанный на сотрудничестве, побуждает учащихся с разными способностями работать в группах для достижения общей цели. Успех зависит от работы группы, а не от индивидуальных достижений. Метод совместного обучения появился в начале 1900-х годов, когда американский реформатор в области образования Джон Дьюи представил свой метод. Большинство людей считают, что совместное обучение — это «групповая работа», но это нечто большее. В научной литературе кооперативное обучение определяется как активная форма обучения, при которой учащиеся выполняют задания в парах или небольших группах. Такой подход требует совместных интеллектуальных усилий, но именно учащиеся выступают в качестве активных творческих субъектов учебной деятельности. В настоящее время кооперативное обучение широко используется во многих странах мира и демонстрирует примеры эффективного применения как в устной, так и в письменной коммуникации. Исследователи отмечают различные преимущества совместного обучения: подготовка учащихся к будущей профессиональной деятельности, повышение мотивации и вовлечённости, снижение учебной нагрузки и повышение продуктивности [1, с. 57]. При совместном обучении академическому письму качество итоговых текстов повышается за счёт совместного опыта написания и критической оценки.

Анализ показал, что, несмотря на большое количество публикаций в этой области, отсутствует системный подход к обучению академическому письму русскоязычных студентов медицинских специальностей.

Чтобы понять, с какими трудностями сталкиваются студенты-медики, был проведён опрос среди студентов и молодых учёных. Выяснилось, что большинству респондентов было сложно подобрать подходящие формулировки на английском языке, что приводило к неправильному толкованию оригинала. Около 30 % респондентов указали на трудности с поиском подходящих терминов и определений. По мнению преподавателя, до 60 % респондентов испытывали трудности с обоснованием актуальности своего исследования и формулировкой его цели.

Этапы и роли совместной работы над научным текстом можно представить следующим образом. Преподаватель выбирает учебный материал, готовит задания, формирует рабочие группы и проводит вводное инструктирование. Учащиеся участвуют в «мозговом штурме», работают в небольших группах, получают обратную связь, разрабатывают план работы и разрабатывают черновик кейса. Представление и оценка итоговой работы предполагают рефлексию с обеих сторон.

Заключение. Мониторинг рабочих процессов и коммуникации внутри рабочих групп показал, что совместное обучение одновременно повышает сплочённость и самостоятельность учащихся, способствует развитию навыков самостоятельной и взаимной организации, конструктивного общения и личностного развития, что позволяет получать

единые результаты и в то же время учитывать индивидуальные потребности учащихся, делая процесс обучения более ориентированным на учащихся. Наконец, необходимо найти оптимальный способ мотивировать учащихся писать, даже если они допускают ошибки.

Список литературы

1. Артюхова, И. С. Образовательный дискурс как система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса Развитие современного образования: теория, методика и практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 56–59. DOI:10.21661/r-80659. – URL https://kpfu.ru/staff_files/F703062156/e_publication_219.pdf (дата обращения: 25.09.2025).
2. Щипицина, Л. Ю. Жанры учебного онлайн-дискурса: от учебного сайта до синхронного онлайн-урока // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, вып. 2 (38). – С. 175-185. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-175-185, – URL:https://www.researchgate.net/publication/371230091_Genres_of_online_learning_discourse_From_learning_website_to_e-lesson (дата обращения: 30.09.2025) – EDN: ITLMFS.
3. Montanero, M., & Marques, M.-J. “Explain it on the blackboard”. An analysis of the educational interaction in mirror assessment activities. Learning, Culture, and Social Interaction, 22, 2018. – P. 51-61. Doi: https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2018.07.003 URL:https://www.researchgate.net/profile/J-Montanero (дата обращения: 27.09.2025).

УДК 377

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЭВОЛЮЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Жданова Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0004-6326-9362
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.zhdanova23@mail.ru

Введение. Влияние искусственного интеллекта на эволюцию образовательных практик – значительное явление, вызывающее переосмысление природы человеческого существования и познания. Изменения, вызванные автоматизацией мышления и принятия решений, способствуют трансформации традиционных представлений о рациональности, ответственности и субъектности. Возникает новый уровень взаимодействия между человеком и машиной, который ставит под сомнение устоявшиеся ценности и нормы, формируя новую этическую парадигму. Мировоззренческие ориентиры приобретают новые аспекты в контексте автономии искусственного интеллекта, стимулируя философские

дискуссии вокруг природы сознания, образования, свободы воли и личностной ответственности.

Цель исследования заключается в анализе влияния искусственного интеллекта на эволюцию образовательных практик.

Основная часть. Эволюция в сфере образовании – изменение основных педагогических понятий, подходов и методов в ответ на новые факты и процессы, происходящее ввиду осознания несоответствия традиционных представлений современным реалиям. Важную роль в формировании концепции искусственного интеллекта сыграл английский математик и логик А. Тьюринг, предложивший в 1950 году тест на определение способности машины к мышлению. Он стал автором основных идей относительно возможности формализации человеческого разума и создания машин, способных к самообучению. Затем, в 1956 году на конференции в Дартмутском колледже по инициативе американского сенатора-республиканца Дж. Маккарти впервые был официально введен термин «искусственный интеллект». Исторические предпосылки эволюционного процесса в сфере образования с использованием искусственного интеллекта зародились в период 1960-х годах, с началом первых экспериментов по интеграции компьютерных систем в учебный процесс [3: 379]. В этот период появилась первая программа «ELIZA», имитировавшая диалог с человеком, а в 1970-х годах – экспертные цифровые системы для диагностики заболеваний и принятия управленческих решений.

Следующим этапом стало появление интеллектуальных учебных систем в 1980-х годах, ознаменовавшее значительный прорыв в моделировании знаний и подборе задач под уровень каждого отдельного ученика. Важной стала разработка современных алгоритмов, способных к самообучению и адаптации, открывших новые перспективы для применения искусственного интеллекта в различных сферах деятельности, в частности – образовательной [1, с. 100]. Эволюция образовательных практик создала новый уровень интеллектуального и автоматизированного обучения.

С началом 2010-х годов был отмечен рост популярности массовых онлайн-курсов, стимулировавший внедрение автоматизированных систем оценки и рекомендательных платформ. Появление диалоговых помощников и чат-ботов открыло новые возможности для интерактивного обучения и поддержки студентов. Данный процесс, как отмечает современный магистрант-исследователь А. С. Паланто, сопровождался переходом от традиционных, статических моделей образовательного процесса к кардинально новым и технологически ориентированным системам. Действительно, в последнее десятилетие наблюдается активное формирование на территории Российской Федерации новых подходов в сфере цифровых технологий, автоматизации и искусственного интеллекта [2, с. 57].

На национальном уровне Российская Федерация предприняла значительные шаги в направлении активной поддержки развития

искусственного интеллекта, определив цели стратегического развития в соответствующих правовых актах. Так, с 2021 года были введены в действие ГОСТ Р 59895-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология», ГОСТ Р 70949-2023 «Национальный стандарт Российской Федерации. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности», ГОСТ Р 71657-2024 «Национальный стандарт Российской Федерации. Функциональная подсистема создания научных публикаций» [4], утверждено Распоряжение Минпросвещения России от 18.05.2020 N Р-44 «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий» [5] и др.

На международном уровне Организацией экономического сотрудничества и развития в 2019 году были разработаны «Принципы искусственного интеллекта», которые были поддержаны более 40 государствами. Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры в 2021 году были приняты Рекомендации по этике искусственного интеллекта, закрепившие принципы прозрачности, справедливости, защиты персональных данных. К тому же, Международным Комитетом Организации Объединенных Наций был создан консультативный орган для координации глобальных усилий в области искусственного интеллекта.

По состоянию на 2024-2025 годы более 67% учащихся средних школ в Великобритании активно используют технологии искусственного интеллекта в своих образовательных проектах, 92% в США и около 75% учителей в ФРБ поддерживают активное внедрение нейронных сетей в систему образования. В РФ более 40% студентов и преподавателей используют технологии искусственного интеллекта в своих образовательных процессах.

Заключение. Таким образом, рассматривая значимость влияния искусственного интеллекта на эволюционные процессы в сфере образования, нельзя не отметить его способность кардинально менять представление о процессе обучения, роли обручающегося и преподавателя. Влияние технологий искусственного интеллекта существенно модифицирует традиционный подход, но в то же время не обесценивает общепринятые ценности, а, наоборот, расширяет возможности для их реализации. Использование интеллектуальных систем позволяет формировать индивидуальные образовательные траектории, автоматизировать процесс оценивания, повышать доступность и качество образования.

Список литературы

1. Воробьева, И. А. Становление и развитие интеллектуальных обучающих систем как педагогическое явление (1971-1997 годы) / И. А. Воробьева // МНИЖ. – 2020. – № 9-2 (99). – С. 98-101.

2. Паланто, А. С. Цифровая трансформация образования: парадигмальные сдвиги и пути реализации / А. С. Паланто // Педагогический дизайн в образовании: Периодический сборник научных и методических материалов студентов, магистрантов и преподавателей. – Москва: ООО "Издательский дом "Научная библиотека", 2025. – С. 55-59.
3. Шудуева, З. А. Роль адаптивных образовательных технологий в персонализации обучения / З. А. Шудуева, З. М. Миназова, С. Б. Харченко // Проблемы современного педагогического образования, 2024. – № 84-1. – С. 379-382.
4. ГОСТ Р 71657-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 01.10.2024 N 1364-ст // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/ (дата обращения: 18.06.2025). – Загл. с экрана.
5. Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий: Распоряжение Минпросвещения России от 18.05.2020 N Р-44 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355762/ (дата обращения: 18.06.2025). – Загл. с экрана.

УДК 372.881.1

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНО-КОНТЕКСТНОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Загудаева Н.В.
МБОУ «Гимназия № 4» городского округа Самара, г. Самара, РФ
zanek@inbox.ru

Настоящее время характеризуется глубокими изменениями во всех сферах жизни – от общественных институтов до инноваций и культурных ценностей, что предъявляет новые требования к современному человеку. Способность к самообразованию, освоению инноваций, эффективной работе с данными, их анализу и критическому восприятию выступает ключевым фактором успешной адаптации в социуме. Обеспечить всестороннее, гармоничное развитие каждой личности, индивидуальный подход к обучению и формирование внутренней мотивации к постоянному совершенствованию знаний призвано непрерывное образование, под которым в данном случае мы понимаем не систему образовательных организаций, а процесс непрерывного развития потенциала личности [1, с. 3-5]. Но для того, чтобы новый тип образования стал возможен, нужны новые образовательные технологии и измененный образ мыслей.

Одной из таких технологий, на наш взгляд, является теория контекстного обучения, разрабатываемая в научно-педагогической школе А.А. Вербицкого и широко применяемая в высшем и дополнительном профессиональном образовании. В последние годы проводятся успешные исследования по адаптации контекстного подхода и к школьному образованию, что позволяет рассматривать его как основу непрерывного образования.

Покажем, как реализуется компетентностно-контекстная модель обучения и воспитания в процессе изучения курса немецкого языка в общеобразовательной школе.

В ходе компетентностно-контекстного обучения обеспечивается трансформация учебной деятельности академического типа в самостоятельную деятельность, позволяющую обучающемуся решать проблемы и задачи на основе знания. Весь процесс трансформации обеспечивается тремя базовыми формами деятельности.

Учебная деятельность академического типа, ориентированная на систематичность и системность, предполагает акцент на практическое применение знаний. На уроках иностранного языка это реализуется через введение новой лексики и правил грамматики.

Ознакомление с лексическими единицами включает в себя работу над формой, значением и употреблением слова. Необходимым условием этого этапа является создание четких звуко-моторных образов. Новые слова вводятся фронтально: учитель читает, ученики повторяют, добиваясь правильности. Далее следует перевод и анализ грамматических особенностей (тип склонения, формы множественного числа; формы прошедшего времени глаголов, управление). Завершается данный этап диалогом с использованием новой лексики на знакомом грамматическом материале, что обеспечивает сознательное и непроизвольное запоминание в реальных ситуациях.

В компетентностно-контекстной модели обучения не тратится время на самостоятельное "открытие" грамматических правил через загадки и ребусы. Вместо этого предлагается быстрое объяснение учебного материала, предоставление алгоритма и последующее активное применение этого алгоритма в различных ситуациях, требующих использования нового понятия. Основным инструментом включения обучающихся в деятельность является живое слово, передающее социальный опыт, а не искусственные методические приемы.

Квазисамостоятельная деятельность представляет собой моделирующая деятельность учащихся по поиску решений учебных задач с разной степенью педагогической помощи. Обучающиеся учатся связывать условия ситуации с знанием, объяснять выбор способов действия и применять их в контексте задачи. В этом этапе учитель представляет ситуации использования нового знания, стимулирует совместный поиск правильных способов высказывание гипотез.

Каковы бы не были гипотезы детей. Учитель обсуждает их с одной точки зрения: никаких других правил, кроме записанного на доске алгоритма нет. Задача диалога на данном этапе урока: раскрыть перед учащимися логику и суть научной идеи и способов ее использования для решения проблем. То есть с данного момента урока содержание стало для обучающихся проблемным, так как сам алгоритм содержит в себе проблемность: как его применять? К какому классу ситуаций? Как определить, что в данной ситуации применим именно данный алгоритм действия?

С*амостоятельная деятельность*, где обучающиеся в коллективной деятельности решают задачи и проблемы в рамках изучаемой темы: чтение, восприятие на слух и понимание текстов, составление диалогов и монологов по заданной теме, неподготовленная речь.

На данном этапе обучающиеся готовы выполнять лексико-грамматические тесты в формате ГИА. Причем работа с тестами организуется таким образом, что обучающиеся не только показывают свои навыки владения лексико-грамматическим материалом, но и на основе проблемного текста решают более широкие жизненные задачи. Например, выполняя тест по теме «Семья», обучающиеся узнают о социальных льготах для семей в Германии, сравнивают семейную политику России и Германии, делают выводы.

На уроках отсутствуют искусственные формы организации учебной деятельности обучающихся. Предпочтение отдаётся таким формам как сотрудничество и взаимодействие человека с другим человеком на ценностно-смысловой основе, что позволяет обучающимся включаться в реальную деятельность на основе знания в различных сферах деятельности и благоприятно влияет на социальную интеграцию обучающихся.

Компетентностно-контекстная модель обучения является основой непрерывного образования, обеспечивающей достижение инварианта результата образования. Она представляет собой интегральную совокупность, по сути, системы когнитивного, социального и рефлексивного опыта, обеспечивающую способность человека к сознательному преобразованию действительности на основе умения устанавливать связь между знаниями и ситуациями его практического действия и поступка [2, с. 217-218].

Список литературы

1. Вербицкий, А. А. Методологические основы реализации новой образовательной парадигмы / А. А. Вербицкий, Н. А. Рыбакина // Педагогика, 2014. №2. – С. 3–14.
2. Рыбакина, Н. А. Теория контекстного обучения как концептуальная основа реализации компетентностного подхода в общеобразовательной школе / Н. А. Рыбакина // Технологии построения систем образования с заданными свойствами: материалы IV Международной научно-практической конференции. – М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. – С. 217–223.

УДК 378.12

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Зайцева М.Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.zaytseva@donnu.ru

Для успешного становления навыков и умений основных видов иноязычной речевой деятельности, в частности чтения и говорения, необходима модель, адекватная целям и условиям процесса обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Эта модель может быть достаточно эффективной, если осуществлять обучение названным видам речевой деятельности во взаимосвязи на основе проблемного подхода как средства, позволяющего наиболее полно реализовать общность чтения и говорения на психолингвистическом, психологическом, лингвистическом и методическом уровнях.

Система упражнений, построенная в соответствии с названными требованиями, включает два комплекса – устно-речевые проблемные упражнения и текстовые проблемные упражнения.

Поскольку коммуникативные ситуации в говорении, служащие основой для устно-речевых проблемных упражнений, создаются за счет варьирования неизвестного компонента в структуре речевого действия – предмета, средств и способов или условий реализации высказывания, – можно выделить следующие типы устно-речевых проблемных упражнений:

- на усвоение средств и способов восприятия и осуществления речевого высказывания (устно-речевые проблемные упражнения 1);
- на употребление усвоенных языковых и речевых средств, адекватных определённым ситуациям общения (устно-речевые проблемные упражнения 2);
- на расширение и детализацию предмета высказывания (устно-речевые проблемные упражнения 3).

В процессе анализа специальных текстов мы обнаружили в них познавательные ситуации трёх типов в зависимости от выраженности текстового субъекта (предиката) и, соответственно, выделили такие типы проблемных упражнений, которые позволяют разрешать каждую из них:

- на выявление смыслового содержания текста (текстовые проблемные упражнения 1);
- на информационное насыщение предмета (текстовые проблемные содержания 2);

- на расширение и детализацию смыслового содержания темы (текстовые проблемные упражнения 3).

Конкретные виды устно-речевых проблемных упражнений и текстовых проблемных упражнений всех типов используются в зависимости от содержания каждого из этапов цикла занятий по определённой теме и его задач с точки зрения формирования и совершенствования общих, соотносимых и специфических навыков и умений чтения и говорения.

На первом этапе, целью которого является вхождение в изучаемую тему, преподаватель вводит в устную речь основной текст посредством постановки общей проблемы и фиксации её ключевых положений. Для того чтобы студенты могли принять участие в решении этой проблемы, они должны владеть соответствующими средствами и способами восприятия и порождения иноязычного высказывания. Эта потребность удовлетворяется в процессе выполнения конкретных видов устно-речевых проблемных упражнений 1. Студентам могут быть предложены денотатная карта, схема, функционально-смысловая таблица, фрагмент с информационными пробелами и т.д. При этом совершенствуются соотносимые лексико-грамматические навыки говорения и чтения и специфические для говорения речевые навыки выбора.

На втором этапе в процессе чтения текста студенты раскрывают его смысловое содержание с помощью усвоенных в говорении языковых и речевых средств, выполняя текстовые проблемные упражнения 1 на выявление субъекта (предиката), раскрываемого в тексте последовательно, на достраивание субъекта (предиката), изложенного в тексте неполно, односторонне, на домысливание субъекта (предиката), отсутствующего в тексте. При этом совершенствуются соотносимые навыки реализации содержательно-смысловой и логико-структурной программ высказывания в чтении и говорении и специфические произносительно-интонационные навыки чтения.

Предметное содержание текста задаёт определённые ситуации общения, позволяющие обсудить его на третьем этапе в устной форме в виде сообщения, доклада, дискуссии и т.д. с помощью вариативного употребления усвоенных языковых и речевых средств (устно-речевые проблемные упражнения 2). При этом совершенствуются соотносимые навыки реализации коммуникативно-функциональной программы высказывания в говорении и чтении и специфические для говорения навыки комбинирования. В ходе обсуждения формулируются новые познавательные задачи, решение которых требует привлечения дополнительной информации.

На четвёртом этапе происходит информативное насыщение предмета в процессе просмотрового, поискового и ознакомительного чтения текстов и выполнения текстовых проблемных упражнений 2 целевыми установками

на расширение и обобщение текстового субъекта (предиката). При этом совершенствуются специфические навыки перечисленных видов чтения.

Последний, пятый этап, предусматривает итоговое обсуждение поставленной проблемы и интенсивное самостоятельное чтение по теме с целью комплексного развития умений чтения и говорения. Эти задачи решаются в процессе выполнения устно-речевых проблемных упражнений 3 на расширение и детализацию предмета высказывания с помощью переноса языкового и речевого материала и предметного содержания темы в ситуации профессионального общения и текстовых проблемных упражнений 3 на дальнейшее углубление смыслового содержания темы с помощью информационного поиска в процессе подготовки и проведения деловых игр.

Заключительное занятие предполагает обсуждение нескольких изученных тем с использованием информации, извлечённой из самостоятельно прочитанных студентами текстов, с целью отсроченного контроля прочности сформированных умений профессионально-ориентированного чтения и говорения.

Умозаключение как продукт речевой деятельности чтения осуществляется по всем правилам логики на стадии реализации смыслового решения после того, как студентом на стадии поиска выделены условия, вопрос, найдены в тексте соответствующие данные, выбрана из прошлых знаний или предложенных схем, таблиц необходимая информация, которая могла бы служить посылками вместо пропущенных логических звеньев. Смысловое решение завершается в том случае, когда делается заключение в умозаключении. Учитывая необходимость в упражнениях, тренирующих интеллект, мы хотели бы полностью присоединиться к словам А. А. Леонтьева о том, что «интеллектуальная мыслительная деятельность – необходимый компонент обучения, в том числе иностранному языку» [1, с. 183].

В результате рассмотренной организации занятий выявляется не только содержание изучаемой темы, но и её связи с другими темами. Таким образом, система профессионально-ориентированных устно-речевых и текстовых упражнений приводит студентов к осознанию целостности изучаемого курса в соответствии с логикой познавательного процесса.

Список литературы

1. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А.Леонтьев. – М.: КомКнига, 2007. – 216 с. – ISBN: 5-484-00925-1.
2. Миролюбов, А. А. История отечественной методики обучения иностранным языкам / А.А. Миролюбов. – М.: СТУПЕНИ; ИНФРА-М, 2002. – 420 с. – ISBN 5-94713-005-х.
3. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат [и др.]. – М.: Академия, 2002. – 272с. – ISBN 5-7695-0811-6.
4. Щукин, А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: Учебное пособие / А.Н.Щукин. — М.: Филоматис, 2010. – 188 с. – ISBN: 978-5-98111-127-3.

УДК 378.147.111.1

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ АВТОНОМИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Киселёва Е.В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2917-7097
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ellkisell@gmail.com

Введение. Вопрос развития автономии студентов постоянно занимает важное место в методике преподавания английского языка. Еще в начале 1980-х она трактовалась, как способность студентов брать на себя ответственность за собственное образование [6, с. 9], и с тех пор рассматривается как ключевой компонент эффективного освоения иностранного языка. В условиях полного или частичного перехода на онлайн-формат обучения в полный рост встает проблема переосмысления того, как цифровая среда влияет на формирование автономии, в частности перед студентами, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения».

Цель статьи – провести теоретический анализ влияния онлайн обучения на процесс формирования автономии и тех условий, которые способствуют ее развитию в цифровой образовательной среде.

Основная часть. Современные работы по проблеме автономии выводят на первый план способность студентов контролировать время, темп и способы своего образовательного процесса, что особенно актуально для условий онлайн-формата обучения в современных условиях [1, с. 2]. В свою очередь В.А. Шершнёва [3] подчеркивает, что хотя цифровая среда и создает условия для гибкого и персонализированного обучения, она не должна заменять собою поддержку преподавателя, так как автономия не предусматривает полного отказа от педагогического сопровождения. Г. Аданир [4] полагает, что развитие автономии в значительной мере зависит от уровня цифровой грамотности студентов, а также от поддержки вуза, способности построить процесс автономного обучения. Онлайн-образование охватывает не только виртуальные платформы, но и

широкий спектр методов, инструментов и форматов, которые могут как способствовать, та и усложнять развитие автономии [4]. По мнению Н. Алмушарафа [5], автономия – это динамичный процесс, который развивается при условии соответствующего педагогического и технологического сопровождения. Таким образом, преподаватель английского языка играет главную роль в создании среды, которая стимулирует самостоятельность студентов в учебе. В контексте онлайн-преподавания языка, автономия становится особенно актуальной, поскольку она стимулирует целенаправленное и ответственное обучение.

Н. Алмушараф подчеркивает, что в онлайн-среде автономные студенты способны формулировать собственные цели, выбирать подходы к обучению, отслеживать прогресс и заниматься самооцениванием. Такой подход не только способствует большей занятости, но и повышает эффективность усвоения иностранного языка [5]. Вместе с тем многочисленные исследования говорят о трудностях, с которыми сталкиваются студенты в условиях онлайн-обучения. В частности, отсутствие необходимых навыков саморегуляции, неуверенность в собственных силах, а также повышенная ориентация некоторых программ на преподавателя, могут сдерживать развитие автономии [3]. Практики взаимного обучения, рефлексии, сотрудничества и самооценки доказали свою эффективность в формировании более самостоятельного учебного поведения [2]. Успешное онлайн-изучение английского языка требует от студентов высокого уровня саморегуляции, тайм-менеджмента и самоорганизации, поскольку отдаленность от преподавателя и сверстников повышает потребность в индивидуальной ответственности. По данным Н.А. Шершневой [3], студенты с развитой автономией демонстрируют более высокие академические результаты и лучшую учебную эффективность. Исследования также показывают, что участие в онлайн-курсах содействует повышению частоты саморегулируемого учебного поведения, что в свою очередь, позитивно влияет на общий уровень автономии [2]. Проанализировав широкий спектр научных источников, посвященных проблематике автономного обучения, в частности, в условиях цифровизации образовательного пространства, очевидным становится тот факт, что основными педагогическими условиями, при которых становится возможным развитие автономности, является наличие цифровых ресурсов, поддержка со стороны преподавателя, гибкость учебного процесса и возможность индивидуализации образовательной траектории [1].

Проведенный анализ дал возможность рассмотреть препятствия, которые могут усложнить формирование автономии, в частности, недостаточный уровень цифровой компетентности студента, отсутствие внутренней мотивации и сложности в самоорганизации в дистанционном формате [2]. Выполненный анализ также подтверждает, что онлайн-обучение является мощным катализатором развития студенческой автономии и создает условия для самостоятельного управления учебным процессом, развития самомотивации и эффективного взаимодействия в цифровой среде. Эмпирические данные подтверждают, что интенсивное участие в дистанционных курсах способствует формированию саморегуляционного поведения, что, в свою очередь, позитивно влияет на академическую успеваемость. В то же время исследователями была идентифицирована потребность в целенаправленной педагогической поддержке студентов, которые имеют трудности с самостоятельным обучением. Это, в свою очередь, предопределяет необходимость адаптации

образовательных стратегий с учетом разного уровня автономности, что позволит обеспечить эффективную интеграцию онлайн-форматов в систему высшего образования и способствовать формированию более самостоятельного и ответственного поколения студентов.

Заключение. В рамках автономного изучения студентами иностранного языка существуют, по мнению исследователей, три основные методы, которые повышают активность и самостоятельность. К ним относятся следующие методы:

- метод проблемного изложения, который трактуется как формулирование преподавателем на занятии познавательного задания непосредственно перед изложением материала для того, чтобы раскрыть систему доказательств, сравнить разные точки зрения и подходы, показывая способы решения поставленной задачи;
- частично-поисковый (эвристичный) метод, который состоит в организации активного поиска решения поставленных преподавателем (или самостоятельно сформулированных) познавательных заданий под руководством преподавателя, указаний, подсказок;
- исследовательский метод, который предполагает, что студенты после постановки ряда проблем и задач, короткого устного и письменного инструктажа, самостоятельно изучают литературу, источники, выполняют другие действия поискового характера. Используя эти методы на занятиях, преподаватель развивает у студентов такие качества, как инициативность, творческий поиск, повышение интереса к познанию, гибкость мышления, догадку, что в конечном итоге, и ведет к автономности студента в условиях онлайн-обучения.

Список литературы

1. Аникина, Ж. С. Учебная автономия как неотъемлемый компонент процесса обучения иностранному языку в XXI в. / Ж. С. Аникина // Вестник Томского государственного университета. –2021. – № 344. – С. 149–152.
2. Даниленко, А. С. Учебная автономия: современное состояние и перспективы / А.С. Даниленко, В. А. Шершнева // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – №64–3. – С. 79–81.
3. Шершнева, В. А. Учебная автономия студента в современной образовательной парадигме / В.А. Шершнева // Вестник Красноярского педагогического университета им. В.П.Астафьева. – 2019. – № 73. – С.29-36.
4. Adanir, G. A., Güven Y. G. Learner Autonomy in Online Learning: development and validation of a scale. Journal of Higher Education and Science, 2023. – 13(1), p.116–125.
5. Almusharraf, N. Teachers' perspectives on promoting learner autonomy for vocabulary development: A case study. Cogent Education, 2022. – No 27. – P. 97–114.
6. Holec, H. Autonomy in Foreign Language Learning. // H. Holec. – Oxford: Pergamon, 1981. – 87 p.

УДК 81`36

ГРАММАТИКА И ЛИТЕРАТУРА: ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ НА УРОКАХ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ С ПОМОЩЬЮ ГЕРОЕВ ЛЮБИМЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Козакова О.В., ORCID 0009-0008-8896-2875
ГБОУ «Лицей информационных технологий городского округа Енакиево»,
г. Енакиево, ДНР, РФ
kozachok18@mail.ru

Грамматика, пожалуй, самый сложный аспект в изучении любого языка. Как же сделать так, чтобы грамматические правила, времена и исключения из правил не только легче запоминались, но изучались школьниками с интересом и желанием? Этим вопросом задавалось не одно поколение педагогов. Одним из ответов на него стал метод интеграции грамматики и литературы в изучении языка. В последнее время этот междисциплинарный метод используется все чаще и чаще в обучении иностранному языку для того, чтобы сделать процесс обучения более эффективным и увлекательным для обучающихся.

С помощью знакомых и любимых героев школьники легче воспринимают и запоминают формы глаголов, времена, модальные и условные конструкции – именно то, что, как правило, при традиционном подходе изучения грамматики, вызывает у них скуку и отторжение. А все дело в том, что теперь они не просто изучают абстрактные правила, а видят их в действии, в реальных ситуациях и текстах. Теория и практика при данном подходе обретают привлекательные черты для успешного освоения грамматики.

При выборе персонажей, которые помогут школьникам овладеть грамматикой, важно учитывать интересы и предпочтения подрастающего поколения. Тогда у ребят появится эмоциональный отклик и обучение станет для них интересным, запоминающимся, захватывающим.

Так, среди наиболее популярных литературных героев у подростков выделяются Гарри Поттер, Шерлок Холмс, Уэнсдей, Человек-паук. У более младшего поколения – это Алиса из Страны чудес, Винни-Пух, Шрек, Питер Пэн, медведь Паддингтон.

Методика работы с литературными героями на уроках грамматики основывается на нескольких ключевых этапов и приемов.

Прежде всего, это анализ грамматических конструкций в контексте произведения. Обучающиеся исследуют текст, который представляет собой либо отдельные предложения, либо диалоги героев, и выявляют различные грамматические формы (времена глаголов, модальные глаголы, условные

предложения, пассивный залог и другое). Последующее за этим обсуждение позволяет увидеть правила в живом языке, а не только в теории.

Особенно эффективными для изучения языка являются практические упражнения с героями. Ученикам предлагаются различные задания на заполнение пропусков, перевод, составление предложений и диалогов с использованием персонажей и сюжетных ситуаций.

Проверка знаний через задания, построенные на сюжетах и героях, делает тесты более увлекательными и осмысленными.

Можно также предлагать творческие задания: примерить на себя роль того или иного героя, написать мини-эссе, сочинить свои истории и подготовить сценки с любимыми персонажами. Это поможет развить навыки письма и речи.

В рефлексии тоже можно использовать помощь литературных героев. Обсуждение значимости грамматических форм в сюжете и речи персонажей помогает лучше осознать их функции и применение в реальном общении.

Большим успехом у обучающихся пользуется погружение на занятии в атмосферу соответствующего литературного произведения. Использование атрибутов, тематической бутафории, декораций, костюмов делают такие уроки еще более эффективными. Особенно, если создание этой атмосферы – результат творчества не только педагога, но и самих ребят.

Эти приемы позволяют сделать изучение грамматики живым, интересным и персонализированным, способствуя лучшему усвоению материала и повышая мотивацию учащихся

Герои помогают создавать ассоциации с грамматическими структурами, что облегчает усвоение сложных тем, таких как пассивный залог, времена в повествовании, косвенная речь, согласование времен. Кроме того, обсуждение поступков и характеристик персонажей стимулирует использование грамматики в письменных и устных упражнениях, что формирует навыки творческого языка и углубляет понимание.

Итак, подведем итоги. Интеграция грамматики и литературы в обучении английскому языку актуальна и значима по нескольким причинам.

Во-первых, использование литературных произведений и героев позволяет обучающимся видеть грамматические конструкции в реальных речевых и смысловых условиях, что способствует более глубокому и осмысленному усвоению языка.

Во-вторых, такой подход повышает мотивацию и интерес к изучению за счет эмоциональной вовлеченности в знакомые истории и персонажей.

Кроме того, интеграция создает межпредметные связи, связывая языковые знания с культурологии и литературой, что расширяет кругозор учеников и развивает критическое мышление. Она также способствует

развитию всех языковых навыков – чтения, аудирования, говорения и письма – в увлекательной и творческой форме. Благодаря этому учащиеся начинают воспринимать английский язык не как набор правил, а как средство общения и самовыражения в разнообразных ситуациях.

Список литературы

1. Гудина, М. А. Лингвокультурный аспект в обучении английскому языку / М. А. Гудина // Иностранные языки в школе. – 2022. – № 4. – С. 12–18.
2. Кемп, В. Методика обучения грамматике через литературные тексты / В. Кемп // Современные проблемы лингвистики, 2023. – № 1. – С. 45–53.
3. Левина, О. В. Методика преподавания английского языка в школе / О. В. Левина. – М.: Просвещение, 2021. – 256 с.
4. Oxford, R. L. Language Learning Motivation through Literary Characters / R. L. Oxford // Modern Language Journal, 2022. – Vol. 106, No. 1. – P. 56–74.

УДК 81-139

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Коробченко Н.Б., ORCID 0009-0003-7818-0443
Северодонецкий технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Северодонецк, ЛНР, РФ
nadezda4r@yandex.ru

Появление и развитие интернет-технологий в сфере образования стало важным фактором, изменившим подход к изучению иностранных языков. Сегодня обучающиеся могут практиковать устную речь с носителями языка, прослушивать аутентичные подкасты, участвовать в онлайн-дискуссиях и получать мгновенную обратную связь по выполненным заданиям. Как отмечал лингвист Норман Ланг: «технологии, интегрированные в учебный процесс, превращают обучение в увлекательное путешествие, а не в скучный долгий путь». Эмпирические исследования подтверждают его слова: согласно данным Modern Language Association (MLA, 2021), мультимедийные инструменты повышают запоминание информации на 40–60% по сравнению с традиционными методами. В свою очередь, исследование Московского государственного университета (2023) выявило, что применение интерактивных платформ увеличивает учебную мотивацию студентов на 35%, что приводит к росту не только академической успеваемости, но и общего удовлетворения учебным процессом.

Цель данной статьи – рассмотреть влияние цифровых инструментов на повышение качества обучения иностранным языкам на основе анализа

использования игровых технологий, аутентичного медиаконтента и современных систем интервального повторения.

Игровые технологии. Геймификация учебного процесса отличается высокой эффективностью благодаря воздействию на эмоциональную сферу обучающихся. Игровая среда способствует снижению страха ошибок, что является немаловажным фактором для студентов, способствующим повышению активности и взаимодействию между учащимися.

Использование игровых технологий, реализуемых через популярные образовательные онлайн-сервисы, такие как Kahoot и Quizlet, позволяет создать эмоционально насыщенную учебную среду.

Платформа Quizlet представляет собой удобный инструмент для создания карточек с лексическим и грамматическим материалом. Режимы «карточки», «тест» и «письмо» активизируют разные виды памяти, а система интервального повторения способствует долговременному запоминанию.

Платформа Kahoot ориентирована на групповое игровое взаимодействие. Интерактивные тесты и викторины с элементом временного ограничения стимулируют концентрацию, внимание и формируют навык быстрого принятия решений. По данным зарубежных педагогических исследований, использование Kahoot повышает активность студентов на 30–40% и способствует формированию позитивной учебной атмосферы.

Аутентичный медиаконтент. Навыки аудирования и фонетической точности напрямую зависят от регулярного контакта с аутентичными аудиовизуальными ресурсами. Применение таких видеоматериалов и подкастов как BBC Learning English, TED Talks, а также документальных фильмов от National Geographic и National Geographic Wild, позволяет обучающимся погрузиться в языковую среду, где они сталкиваются с естественным темпом речи, разнообразными диалектами и идиоматическими выражениями.

Лингвист Майкл Чен акцентировал внимание на том, что «настоящий язык – это живой организм, и его ритм можно почувствовать, только слушая его». Примером этому служат:

TED Talks предлагают широкий спектр лекций по социальным, научным и культурным темам. Исследования показывают, что просмотр тематических лекций положительно влияет на навыки аудирования и заставляет слушателя задуматься, анализировать и сопоставлять информацию. Выступление Брене Браун «Сила уязвимости» помогает развить критическое мышление и привыкнуть к естественному потоку разговорной речи. В свою очередь, презентация Саймона Синека «Как великие лидеры вдохновляют на действия» акцентирует внимание на риторических приёмах и способствует развитию навыков публичного выступления.

BBC Learning English сочетает подлинные новостные материалы с учебными заданиями, что позволяет работать над фонетикой, грамматикой и словарным запасом.

Материалы National Geographic, представленные в формате видеосюжетов о культуре, науке и природе, способствуют одновременному освоению иностранного языка и предметного содержания.

Интервальные повторения и мнемотехника. Систематическое повторение материала с увеличивающимися временными интервалами позволяет противостоять эффекту забывания, описанному Г. Эббингаузом. В языковом обучении это имеет решающее значение, поскольку без регулярных повторений происходит быстрое снижение уровня владения языком.

Программы Anki и SuperMemo реализуют метод интервальных повторений автоматически, подбирая оптимальные моменты для повторения информации. Согласно эмпирическим данным, при использовании системы Anki через три месяца обучения уровень сохранения материала достигает 90–95%.

Мнемотехнические приёмы (метод ассоциаций, визуальные карты, метод локусов) дополнительно повышают эффективность запоминания за счёт активизации образного мышления.

Интеграция онлайн-ресурсов в процесс изучения иностранных языков позволяет существенно повысить качество обучения за счёт сочетания когнитивных, эмоциональных и культурных аспектов. Практические результаты многочисленных исследований подтверждают, что грамотное сочетание цифровых инструментов с традиционными методиками приводит к значительному повышению языковой компетенции. Как отмечают Петрова Е. В. (2020) и Смирнова Ю. А. (2021), интеграция цифровых технологий является важным дополнением к традиционным педагогическим методам и способствует индивидуализации учебного процесса.

Список литературы

1. Ланг, Н. Технологии в изучении иностранных языков: мифы и реальность. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – ISBN 978-0198765432.
2. Modern Language Association. Multimedia Tools in Language Learning. – Нью-Йорк: Modern Language Association, 2021.
3. Московский государственный университет. Исследование эффективности применения интерактивных платформ в обучении иностранным языкам. – Москва: МГУ, 2023.
4. Петрова, Е. В. Интеграция цифровых инструментов в традиционные методики обучения иностранным языкам // Вопросы обучения. – 2020. – № 2. – С. 45–59.
5. Смирнова, Ю. А. Цифровые ресурсы в формировании языковой компетенции: теория и практика // Образование и технологии. – 2021. – № 3. – С. 72–88.
6. Эббингауз, Г. Память: экспериментальные исследования. – Москва: Наука, 2010. – ISBN 978-5020002011.

УДК 378.147:81’243

ANKI: AN INNOVATIVE TOOL FOR SPACED REPETITION LEARNING

Красько И.С., ORCID 0009-0008-7149-2870
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
krasko-1980@yandex.ru

The modern approach to teaching requires ongoing updating of methods. In the era of digital technology, choosing innovative tools for learning and teaching foreign languages is no longer optional. Today, the focus is on finding the most effective ways to integrate information and communication technologies as well as artificial intelligence to develop various language skills while optimizing time and effort.

The field of digital learning has been extensively researched, resulting in a plenty of scientific papers, courses, and reviews. Among popular tools for vocabulary learning using spaced repetition systems (SRS), Anki stands out. It has garnered significant attention due to both positive and negative feedback.

One of the main challenges in learning a foreign language is the systematic buildup and preservation of vocabulary. Students must memorize hundreds or even thousands of words, which requires effective methods for revising and consolidating the material. Spaced repetition systems (SRS), involving regular testing for active recall of information, significantly help the process. Here, ‘testing’ refers to a variety of tasks aimed at repeatedly reproducing the material in different formats.

Anki, known for its flexibility and adaptability, has become one of the leading spaced repetition tools. The name ‘Anki’ comes from the Japanese word for *‘memorization’*. The core principle of Anki is spaced repetition, originally developed by Sebastian Leitner in the 1970s. This method is based on memorizing information using flashcards that are reviewed repeatedly at gradually increasing intervals. Anki itself was released in 2006 and was specifically designed to support language learners.

There are four main versions of Anki:

- **Anki Desktop** − a completely free program downloaded to a computer with full functionality.
- **AnkiWeb** − an online version used alongside the desktop app but with limited capabilities; the desktop version is required for full use.
- **AnkiMobile** − a paid iOS app version.
- **AnkiDroid** − a free Android app version developed by a different team.

The platform is used to memorize words written on flashcards. Users see a prompt (e.g., a word) on a card and try to recall the answer (e.g., the translation), then flip the card to check answers. Sets of cards are repeated regularly, and as

memorization improves, the intervals between repetitions increase. Users create custom or use pre-made card sets. Learners can select one of four self-assessment options ('Again', 'Good', 'Easy', or 'Hard') which determine when the card will be shown next. Wrong answers lead to shorter review intervals, while correct answers gradually extend intervals from minutes to days, weeks, or longer to optimize memorization.

On the first encounter with a card, the sample intervals are:

- Again – 1 minute later
- Good – 1 day later
- Easy – 4 days later

Options for future reviews in Anki are dynamically adjusted based on previous responses and review frequency, making the spaced repetition algorithm highly effective for memorization and teaching. The user-driven progress evaluation enhances personalized learning. However, simple card repetition and subjective self-assessment can become monotonous over time.

The platform also supports uploading relevant audio, images, and video files. When learning specific parts or components, it offers an occlusion feature that hides parts of a text or images to focus learning. Users can customize settings for the frequency of 'hard' incorrectly answered cards, daily new card limits, and response time.

Users can track statistics such as correct answers per card set and daily performance, with a calendar showing days when all answers were correct.

Beyond the basic 'word-translation' function, Anki offers:

1. Adding phonetic transcriptions.
2. Automatic text-to-speech audio downloads for cards.
3. Automatic image downloads.
4. Occlusion feature to hide parts of a text or images.
5. Adding phrases and sentences for contextual understanding.
6. Adding hyperlinks.
7. Spell checking.
8. Style customization.
9. Cross-device and version synchronization.

Anki's advantages:

- uses spaced repetition, a scientifically proven method to enhance long-term memorization;
- free versions available on Android and PC, with extensive content add-ons;
- fully functional offline;
- offers a wide variety of functions;
- enables planning of study sessions and manages review schedules efficiently;
- tracks progress and identifies learning gaps through detailed statistics and calendars;

- supports personalization through numerous add-ons;
- provides multiple exercise modes;
- access to a large collection of user-created thematic card sets.

Anki's disadvantages:

- The interface and design are fairly complex, requiring considerable time and patience to learn, especially for advanced features like audio and automatic image downloads.
- Frequent references to numerous plugins can confuse new users, making the platform intimidating and leading many to abandon it early.
- Daily use is essential for effective spaced repetition; missing review sessions causes backlog buildup, making it hard to catch up after breaks.
- Users cannot edit pre-made card sets, which often contain errors that cannot be corrected within the platform; popular sets may have well-known mistakes.
- Technical issues such as synchronization problems between the app and AnkiWeb can negatively affect the user experience.

Therefore, Anki is a multiplatform service based on the active recall method, designed to help users memorize new words and phrases for vocabulary buildup, effectively functioning as a digital counterpart to controlled paper drilling practice. Despite its popularity and extensive features, some users find it challenging to master, causing many to quit early.

To fully benefit from Anki, users should engage with tutorials and educational resources. It is important to realize that Anki is not a self-teaching English course but a supportive tool for teachers, tutors, and educators to enhance digital teaching methods. Such platforms are best used as auxiliary aids for vocabulary buildup, requiring teacher guidance, explanations, and examples to effectively supplement language learning and teaching rather than serve as the primary teaching method.

Список литературы

1. Еремеева, Г.Р. Метод интервальных повторений при изучении иностранного языка / Г.Р. Еремеева, А.Р. Баранова // Бюллетень науки и практики, 2016. − № 7 (8). − С. 294−298. − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metod-intervalnyh-povtoreniy-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka/viewer (дата обращения: 01.10.2025). − DOI: 10.5281/zenodo.58132. − EDN: WFIVAX.
2. Колесниченко, А.Н. Применение цифровых технологий при обучении лексике иностранного языка в высшей школе / А.Н. Колесниченко // Педагогика. Вопросы теории и практики, 2021. – Т. 6, № 2. – С. 298−303. − URL: https://www.researchgate.net/publication/351015887_Using_Digital_Technologies_When_Teaching_Foreign_Language_Vocabulary_to_Higher_School_Students (дата обращения: 28.09.2025). − DOI: 10.30853/ped210023. − EDN: BZPYPA.

УДК 378.147:811+004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кутузова З.Ю., канд. пед. наук, ORCID 0000-0001-7191-7711
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева»,
г. Орёл, РФ
kutuzova.zoya@yandex.ru

Введение. На сегодняшний день во всем мире наблюдается стремительный прогресс работы с искусственным интеллектом, развитие которого затронуло все области жизни человека: строительство, медицина, производство, транспорт, финансы и конечно образование. Изучение иностранных языков в России набирает все большую популярность, поэтому лингвисты и языковеды ищут наиболее новые пути освоения языков и применения современных цифровых технологий, в частности применение инструментов искусственного интеллекта (далее ИИ) в формировании языковой компетентности.

Соответственно, **целью** данной статьи является исследование и роль искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам в контексте современных лингводидактических подходов и лингводидактики.

Основная часть. Основными понятиями нашего исследования являются следующие термины: «искусственный интеллект», «нейросеть», «изучение иностранных языков по средствам нейросетей», «условия формирования языковой компетентности с помощью ИИ». Тема на сегодняшний день, на наш взгляд, является обоснованно актуальной и имеет научные изыскания. Так, автор Д.В. Ларчев выделяет термин «искусственный интеллект» как сложную кибернетическую систему, сочетающую компьютерное, программное и аппаратное обеспечение с когнитивной функциональной архитектурой и достаточной вычислительной мощностью для выполнения необходимых функций [1, с. 29].

Согласимся с автором, ведь использование ИИ в формировании языковой компетентности действительно открывает новые перспективы, ведь с помощью нейросетей возможно ускорение усвоения иностранных языков. В работу с нейросетями входят персонализироанные задания, проверка и корректировка процесса обучения в реальном времени, и более того, возможны реальные диалоги и даже анализ речевой окраски.

А.П. Александрова считает, что ИИ повышает вовлечённость обучающихся в образовательный процесс и сохраняет у них мотивацию к обучению [2, с. 199]. Очевидно, что формирование языковой компетентности по средствам ИИ является новейшим инструментом в

образовании, требующим определенной систематизации и разработки плана работы с нейросетями.

В качестве преимуществ применения искусственного интеллекта для преподавателей и учителей, выделим следующее: уменьшение рабочей нагрузки, наиболее лучшее понимание навыков и умений обучающихся и внедрение инновации в образовательный процесс. Нейросети используются для автоматизации таких задач, как: оценка и выявление плагиата, управление или обратная связь с обучающимися, предоставляя информацию об их прогрессе или результатах. Для изучающих иностранные языки подобный процесс работы по средствам ИИ помогает экспериментировать, например, облегчая использование различных методов обучения: заучивание лексики, разбор грамматики, всевозможные практические задания и прочее.

Таким образом, рассмотрим основные типы нейросетей, как инструмент для изучения иностранных языков и формирования иноязычной компетентности. Авторы С.М. Богатова, О.В. Фрезе приводят в пример следующие нейросети: Lexica.art, ChatGPT+Midjourney, Twee.com. Авторы статьи считают, что ИИ способен успешно адаптировать учебный процесс под индивидуальные потребности обучающегося [3, с. 187].

Согласимся с авторами, но отметим, что наиболее распространненым является все же ChatGPT, так как он является универсальным, способен отвечать на вопросы, объяснять грамматику, придумывать диалоги или даже помогать с произношением через текстовые подсказки. Но, нейросети Lexica.art и Twee.com также помогают подстраивать обучение под каждого конкретного человека, что делает процесс интереснее и эффективнее.

Заключение. Однако, ИИ – это лишь мощный инструмент, который не способен полностью заменить преподавателя, так как живое общение и педагогический опыт остаются незаменимыми для формирования языковой компетентности.

Список литературы

1. Александрова, А. П. Искусственный интеллект в процессе обучения иностронным языкам // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – №1 (106). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-protsesse-obucheniya-inostrannym-yazykam (дата обращения: 09.09.2025).
2. Богатова, С. М., Фрезе, О. В. Дидактические возможности нейросетей в обучении иностранным языкам // Современное педагогическое образование. – 2024. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-vozmozhnosti-neyrosetey-v-obuchenii-inostrannym-yazykam (дата обращения: 19.09.2025).
3. Ларчев, Д. В. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификация // Правовой альманах. – 2024. – №1 (32). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-ponyatie-priznaki-klassifikatsiya (дата обращения: 09.09.2025).

УДК 372.881.1: 373.3(045)

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Лазутова Л.А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-6961-9368**,**
Кулягина Н.С., студент, ORCID 0000-0002-3884-1097
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, РФ
l_lasutova@mail.ru, nk387643@gmail.com

Введение. Современная методика преподавания иностранного языка ориентирована на формирование у учащихся старших классов не только языковых знаний, но и коммуникативной компетенции, включающей умение использовать язык в речи. Традиционные учебные материалы, хотя и остаются важным компонентом образовательного процесса, не всегда способны в полной мере отразить динамику живой речи и культурный контекст, в котором функционирует английский язык. Возникает потребность поиска технологий, средств, инструментов обучения [2, с. 161].

В условиях глобализации и постоянного расширения межкультурных контактов особое значение приобретает использование аутентичных источников информации, среди которых видеоматериалы занимают особое место.

Основная часть. В современной методике преподавания иностранного языка под аутентичными видеоматериалами понимаются оригинальные произведения медиакультуры, созданные для носителей языка, а не в образовательных целях. К ним относятся художественные и документальные фильмы, интервью, подкасты, новостные репортажи, музыка, телепередачи, рекламные ролики, видеоблоги и другие форматы [5, с. 116].

Применение данных материалов в старшей школе обеспечивает обучающимся доступ к естественной языковой среде. Старшеклассники сталкиваются с живыми образцами речи носителей языка, разнообразными акцентами, невербальными элементами коммуникации, а также культурными реалиями, недоступными через учебники или адаптированные тексты. Для старшеклассников, находящихся на этапе подготовки к поступлению в университет или активному профессиональному самоопределению, такие материалы становятся важным инструментом расширения словарного запаса, формирования критического мышления и развития межкультурной осведомленности.

Особенности восприятия видеоматериала делают его важным элементом обучения.

С. С. Жданов рассматривает использование видеоконтента как важный фактор, поддерживающий интерес учащихся в процессе

продолжительного и зачастую утомительного изучения иностранного языка. По его мнению, сочетание зрительного и слухового каналов восприятия делает поступающую информацию более доступной и облегчает ее усвоение, снижая когнитивную нагрузку и способствуя более эффективному закреплению материала [1, с. 59].

В свою очередь, Г. Н. Махмутова акцентирует внимание на эмоциональной составляющей восприятия видеоматериалов. Она отмечает, что включение в уроки элементов аудиовизуального контента способствует формированию у школьников способности сопереживать героям, анализировать их поступки и эмоциональные реакции, а также концентрироваться на основных проблемах и идеях сюжета. Таким образом, работа с видео развивает такие личностные качества, как эмпатия, чуткость внимательность к словам и поведению людей [3, с. 75].

Нельзя не обратить внимание на исследование Л. А. Петренко и М. Н. Филиппова. Они подчеркивают, что динамическая наглядность видеоматериалов делает их особенно эффективными при организации практических занятий по иностранному языку. Видеофрагменты создают условия, максимально приближенные к реальной языковой среде, что позволяет моделировать коммуникативные ситуации в классе. К примеру, учитель может предложить учащимся инсценировать диалоги, использовать новую лексику в контексте или закрепить грамматические конструкции через ролевые игры, тем самым развивая навыки говорения [4].

Доступность и разнообразие аутентичных видеоматериалов расширяют возможности учителя в организации уроков. Исследования А. Н. Щукина показывают, что работа с видео повышает развлекательную мотивацию обучающихся, что особенно актуально для поколения, привыкшего к постоянному взаимодействию с цифровыми медиа [6, с. 43].

Применение аутентичных видеоматериалов в старшей школе имеет ряд существенных преимуществ. Во-первых, оно способствует развитию всех аспектов коммуникативной компетенции: аудирования, говорения, чтения и письма. Во-вторых, аутентичные материалы формируют у школьников умение воспринимать различные акценты и стилевые особенности речи, что необходимо в условиях глобализированного англоязычного мира. В-третьих, видеоматериалы способствуют повышению мотивации к изучению языка. Современные старшеклассники ежедневно взаимодействуют с визуальным материалом в цифровой среде, поэтому включение видео в учебный процесс делает обучение более привычным и привлекательным. Кроме того, видеоматериалы позволяют учителю осуществлять дифференцированный подход: подбор роликов разной сложности дает возможность учитывать индивидуальный уровень подготовки обучающихся.

Не менее важно и воспитательное воздействие аутентичных видеоматериалов. Они транслируют ценности и культурные особенности

англоязычных стран, способствуют развитию толерантности и уважительного отношения к иной культуре, формируют у старшеклассников представление о многообразии традиций и социальных моделей поведения. В этом проявляется не только языковая, но и межкультурная ценность работы с аутентичными ресурсами.

Эффективное использование видеоматериалов требует методически грамотной организации. Работа над ними состоит из трех этапов. На подготовительном этапе учитель знакомит учащихся с ключевой лексикой, контекстом сюжета и целями предстоящего просмотра. Основной этап заключается в непосредственном восприятии видеоматериала: возможно использование повторного воспроизведения, замедленной скорости или остановки кадра для акцентирования внимания на определенных элементах речи. На заключительном этапе проводится обсуждение увиденного, выполнение заданий на развитие устной и письменной речи, а также рефлексия, направленная на осмысление полученной информации.

Эффективность методики также во многом зависит от выбора видеоматериалов. Материалы должны быть актуальными, соответствовать возрастным интересам старшеклассников и соотноситься с учебной программой. Короткие видеофрагменты оказываются наиболее продуктивными, так как позволяют сосредоточиться на конкретных языковых явлениях, не перегружая внимание обучающихся.

Заключение. Аутентичные видеоматериалы играют ключевую роль в обучении английскому языку в старшей школе, поскольку позволяют реализовать коммуникативный подход, обеспечивая учащимся доступ к живому языку и культурному опыту англоязычного мира. Они развивают не только навыки аудирования и говорения, но и способствуют повышению мотивации, формированию межкультурной компетенции и критического мышления. Для достижения максимальной эффективности необходимо методически грамотно выстраивать работу с видеоматериалами: определять цели, подбирать подходящий материал, продумывать систему заданий, что позволяет сделать процесс обучения более современным и эффективным.

Список литературы

1. Жданов, С. С. Видео как средство наглядности при представлении иноязычного лингвострановедческого материала / С. С. Жданов // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 54–60. – EDN: TRLEIZ.
2. Лазутова, Л. А. Развитие коммуникативных умений обучающихся 10-х классов на уроке иностранного языка с использованием российских цифровых ресурсов «ЯКЛАСС» И «УДОБА» / Л. А. Лазутова // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – №5. – С. 160–166. – DOI 10.17513/snt.40022. – EDN NYNDTT.
3. Махмутова, Г. Н. Использование видеоматериалов в преподавании иностранного языка / Г. Н. Махмутова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 1(9). – С. 75–78. – EDN RBOKNT.

4. Петренко, Л. А. Использование видеоматериалов в обучении языкам / Л. А. Петренко, М. Н. Филиппов // Вестник науки и образования северо-запада России. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 108–115. – EDN ZVIEGZ.
5. Савинова, Н. А. Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции / Н. А. Савинова, Л. В. Михалева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 116–119. – EDN KGBORB.
6. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика. Учебное пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – Москва: Филоматис. – 2004. – 416 с.

УДК 81’25:378.147

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ: ОБЗОР ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Матвеев М. О. [1], канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3629-1332,
Шипова Е. А. [2], ORCID 0009-0007-3409-4200
[1]ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», г. Долгопрудный, Московская обл., РФ
[2]ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, РФ
mike-matveev@mail.ru, e.a.shipova@mail.ru

Введение. Перевод – не просто замена слов; это передача всего сообщения. Смысл часто задают интонация, контекст и визуальные знаки. Современные учебные материалы объединяют текст, звук и изображение, приближая обучение к реальной коммуникации. Поэтому важно понять, как такие сочетания меняют переводческую практику и требования к обучению.

Цель обзора и вопросы. Цель – синтез эмпирических данных о влиянии модальностей на передачу сообщения. Вопросы: какие эффекты даёт каждая модальность; какие методы применяют исследователи; какие выводы полезны для курса и оценки.

Метод поиска и отбора источников. Поиск выполнен в Scopus, Web of Science, Google Scholar и русскоязычных репозиториях (CyberLeninka, eLIBRARY). Ключевые слова: multimodal, audiovisual translation, translation training, eye-tracking; «мультимодальность», «обучение переводу». Включались эмпирические исследования и обзоры за последние 20 лет; исключались тексты без данных.

Теоретическая основа. Мультимодальность трактует смысл как результат взаимодействия нескольких модов коммуникации [2]. Майер отмечает, что люди глубже учатся, когда слова сопровождаются

изображениями; этот принцип объясняет пользу комбинированных источников при передаче сообщения в целом [3].

Как сформулировано в работах Майера, «люди усваивают материал глубже, когда слова идут вместе с изображениями» [3].

Выготский указывал, что мысль перестраивается в акте речевого выражения; поэтому невербальные сигналы способны менять языковую реализацию смысла [1].

Результаты обзора: вклад модальностей.

Текст. Текст даёт контролируемую лексико-грамматическую опору. В задачах терминологической точности он остаётся базовым инструментом обучения [4].

Аудио. Речь приносит интонацию, паузы и прагматические сигналы. В исследованиях устного перевода аудио помогает точнее восстанавливать коммуникативную цель говорящего [5].

Видео. Кадр добавляет сцену, мимику, жесты и предметные референции. В аудиовизуальном переводе визуальный контекст поддерживает культурно релевантные и референциально точные решения [4].

Комбинация. Совмещение модальностей чаще усиливает передачу сообщения в целом. Для прагматики и культурных маркёров критичны аудио и видео; для терминологии – текст. Эти выводы согласуются с теорией мультимедийного обучения [3].

Методология исследований: возможности и ограничения. Чаще используют экспертные шкалы, вербальные протоколы, логирование времени и айтрекинг. Айтрекинг показывает распределение внимания, но требует строгой калибровки и осторожной интерпретации фиксаций [6].

Разные точки зрения. Оптимистичная позиция ожидает прироста понимания и качества перевода при мультимодальном вводе, что согласуется с принципами мультимедийного обучения [3]. Скептическая позиция указывает на риск перегрузки и необходимость точного дизайна материалов; её выводы поддерживаются данными о чувствительности результатов к условиям эксперимента [6].

Отечественный вклад. Российские работы развивают интегративные подходы к аудиовизуальному переводу и предлагают рубрики оценки и практики для курса [7].

Практические рекомендации

1) Для передачи сообщения в целом используйте видео с оригинальной речью.
2) Для терминологии – контролируемые текстовые задания.
3) Для прагматики – аудио с разными интонационными паттернами.
4) Для айтрекинга заранее планируйте калибровку и зоны интереса.
5) В оценивании фиксируйте адекватность сообщения, а не только лексическую точность.

Ограничения и направления исследований. Проблемы: малые выборки, разная операционализация качества, разнородные метрики. Нужны стандартизованные шкалы «передачи сообщения», многоцентровые исследования и продольные дизайны.

Заключение. Мультимодальность ощутимо влияет на переводческие решения. Преимущество особенно заметно при передаче сообщения в целом. Эффект зависит от цели, дизайна и критериев оценки. Подготовка переводчика должна учить работе с комбинациями модальностей и оценивать не только слова, но и адекватность коммуникации.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь: психологические исследования. – М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, – 1934. – URL: https://psychlib.ru/mgppu/VMr-1934/VMR-001.HTM (дата обращения: 13.09.2025)
2. Kress, G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. – London: Arnold, – 2001.
3. Mayer, R. E. Multimedia Learning. Cambridge: Cambridge University Press, – 2001. – DOI: 10.1017/CBO9781139164603
4. Díaz Cintas, J., Remael, A. Audiovisual Translation: Subtitling. London; New York: Routledge, – 2014. – DOI: 10.4324/9781315759678
5. Pöchhacker, F. Introducing Interpreting Studies. 2nd ed. London; New York: Routledge, – 2016. – DOI: 10.4324/9781315649573
6. Göpferich, S., Jakobsen, A. L., Mees, I. M. (eds.). Looking at Eyes: Eye-Tracking Studies of Reading and Translation Processing. Copenhagen: Samfundslitteratur, – 2008.
7. Козуляев, А. В. Интегративная методика обучения аудиовизуальному переводу в высшей школе как ответ на вызовы четвертой когнитивной революции. – Чебоксары: Среда, – 2023. – DOI: 10.31483/a-10489

УДК 8101/08

MEMRISE PLATFORM AS A VOCABULARY ENRICHMENT TOOL IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

M.N. Mokhosoieva, PhD in Philology, Associate Professor,
ORCID 0009-0000-2298-618X
Donetsk State University, Donetsk, RF
m.mokhosoeva@mail.ru

Introduction. The study examines Memrise, a digital educational resource based on "active recall" combined with spaced repetition. The application is used by teachers as a supplementary tool for vocabulary enrichment.

The article aims to study the Memrise multiplatform tool based on the following criteria: diversity and effectiveness of the proposed functionality, accessibility, adaptability, progress evaluation system, learning mode methodology, effectiveness, and usability.

Main body. Memrise is widely known among Russian-speaking and English-speaking users and is used to develop one of the main aspects of English, namely, increasing the volume of language units. Memrise offers a variety of functionalities, combining traditional teaching methods with innovative approaches.

The application uses flashcards and is based on the active recall technique. Flashcard apps are digital online learning technologies that help memorize information using generated sets of cards and have mobile, web, or computer versions [8, p. 72].

In language learning, such multiplatform services are actively used for memorizing new vocabulary and expanding vocabulary [1, p. 98]. The active recall method involves "pulling" previously received and learned information from memory: for example, each time test tasks are solved, the necessary data is extracted from memory. The more often this happens, the easier and faster the necessary layer of information is recalled [2, p. 294].

Passive recall occurs while re-viewing a text or abstract, when the student tries to memorize the necessary facts [7, p. 151]. However, this method is not very effective if it is necessary to enter information into long-term memory, since there is often a large-scale coverage of data presented in a certain sequence, but without pinpoint memorization [3, p. 299].

A spaced repetition system (SRS) with active recall through intermediate testing is quite effective. "Testing" here means various tasks and exercises for reproducing the same content in different ways [6, p. 146].

Memrise is a digital platform using spaced repetition. It's available as an Android/ iOS app and online.

Memrise has a free version with diverse features, and a Memrise Pro subscription unlocks more content: native speaker videos, adaptive exercises, chatbots, and statistics.

Users can't create custom flashcard decks; Memrise focuses on pre-made courses divided into levels. These levels are like themed sets of words and phrases.

Levels are essentially like sets/ decks of cards with words and phrases, grouped by theme. You cannot create cards, but you can create your own course. Some offered courses are created by the program itself, many by users, so they differ in quality and content.

The word memorization process is gamified and supported by two memorization modes: adding a meme and/or an image. A "meme" is understood as a picture or image used to create an association, for example, phonetic (based on similarity or sameness of sound): to memorize the word "to see," a user can add an image of the sea with the phrase "to see the sea."

Word memorization is gamified and reinforced with memes and/or images. There are at least four modes:

1. Introduction: learning the word/phrase.

2. An initial mandatory stage that unlocks further levels.

3. Reinforcement: various exercises like multiple choice (text or audio) and spelling. User-initiated review focuses on "problem" vocabulary.

4. Answer selection.

The learning process is engaging, varied, and effective, presenting information in a cultural context through native speaker videos and audio. Premium includes chatbot access.

Courses are divided into stages of varying difficulty. Gamified elements include a space theme, bonus/ranking system, and plant-based progress visualization (bare stem = unlearned, leaves/flower = mastered).

Memrise Pros:

1. Native speaker audio.

2. Full courses designed for beginners.

3. Wide range of languages, including "rare" ones.

4. Bright, user-friendly, and intuitive interface.

5. Users can choose their difficulty level.

6. Many useful features are free.

7. Offline mode available (paid).

Memrise Cons:

1. No user-specific adaptation add-ons. Some users report translation and pronunciation errors due to native speakers using regional dialects.

2. The scoring system doesn't always work adequately, as some questions, or rather their answers, are designed so that you can answer correctly even without knowing the translation. For example, translation options for the word "to hunt": a) "I like cookies", b) "to hunt", c) "blue", d) "inductor sinusoidality".

3. Many effective and impactful features are only available with a paid subscription.

4. Stylistic nuances of words are often overlooked.

5. It's unlikely to be suitable for advanced levels, as the content, even at the highest stage, doesn't reach upper-intermediate.

Note that this resource is not a self-study English guide. It should be viewed solely as a development to assist teachers, who can use these platforms as supplementary tools to enhance their digital competence.

References

1. Gusevskaya, N. Yu. & Yeryomina, V. M. Teaching foreign language communication to non-linguistic specialties students based on the information communication technologies and active methods of teaching. Professional education, theory and methodology of teaching. – V. 6. – 2012. – P. 97–101.

2. Eremeeva, G.R. & Baranova, A. R. The method of spaced repetition in the process of foreign language learning. Journal Bulletin of Science and Practice, No 7 (July), 2016. – P. 294–298.
3. Kocheturova, N. A. Telecommunication projects in teaching a foreign language. Textbook. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet, 2020.– 61 p.
4. Lesnikova, E. S. Integration of information and communication technologies into the process of teaching foreign languages., – No 4, 2012. – P. 266–270.
5. Morozova, O. N. The use of digital technologies in a foreign language. Questions of modern science and practice. Vernadskiy University, – No 2 (88), 2023. – P. 143–151. – URL: http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2023/02/12.pdf (accessed: 08.08.25).
6. Strakhova, M. M. Training foreign languages using social networks // Young scientist, No 42 (332), 2020. – P. 60–62. – URL: https://moluch.ru/archive/332/74264/ (accessed: 07.04.2025).

УДК 378.147+111

THE USE OF MOBILE DEVICES TO ENHANCE FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION

Мустаева Д.Ф. ORCID 0009-0000-5810-6551
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mdiliara78@mail.ru

The article deals with the introduction of the mobile applications. The combination of the textbook and video course provides systemical consistent teaching, and at the same time, perceiving all sources of learning as a whole, since the application, textbook and video course are almost identical in content. The combination of these learning tools stimulates the imagination, emotion, makes work all kinds of memory.

Key words: mobile application, mobile learning devices of the English language, intensification of foreign language learning.

It is difficult to overestimate the role of mobile devices in modern life. They are ubiquitous, they change our lives every day, they increase the level of student learning and improve educational outcomes. In terms of language learning, mobile devices have become a requirement of the day as they have changed the way people learn languages. Mobile devices and apps have given students access to endless resources and educational materials, the opportunity to study anywhere in the world and at any time. They help you develop communication skills, improve grammar, create videos, quickly make audio recordings, and so on. There are hundreds of educational language apps for mobile devices, but they are used by a small number of students. In our opinion, this is because it is difficult for students to choose the appropriate level of applications, determine their lexical content, and evaluate their effectiveness. That is why this process should be

supervised by specialists. Creating effective mobile content, interesting creative tasks for different levels, and encouraging students to use them is the most important task of teachers at the moment. Based on this, it is very important to prepare students for the effective use of mobile technologies in their future professional activities.

The state's educational policy supports the practical activities of teachers aimed at providing students with appropriate e-learning resources. However, the prospects for the development and introduction of new educational technologies based on mobile learning are still not fully explored and not fully implemented. Their use is limited, spontaneous, and not systematic.

No one doubts that knowledge of English is an urgent need of our time. The main key to learning English is memorizing vocabulary and the ability to express your thoughts through it, which leads to effective communication in English and reading. For adults, memorizing a large number of words is often a challenge. The combination of an application with a textbook and a video course provides an opportunity to approach learning systematically, consistently and at the same time perceiving all sources of training as one, since the application, textbook and video course are almost identical in content and have identical lexical and grammatical content. The combination of these learning tools excites the imagination, emotions, makes all types of memory work (visual, auditory, emotional, motor, motor, verbal-logical), and their use during simple physical activities, such as manual handicrafts, cooking, sports walking, cleaning the apartment, etc., also activates involuntary memory, which is more durable. Combining learning with emotional physical activity leads to memorizing new material, new lexical units without volitional effort and without special memorization techniques.

Working with the mobile app replaces performing grammar exercises in paper publications: a textbook or a collection of exercises. It is aimed at mastering vocabulary and grammatical rules by performing exercises to build phrases, narrative, interrogative and negative sentences, and translating from your native language to English by pressing buttons with correct answer options. In addition, the app provides instant verification of the completed task, provides the correct answer and voices it, which in turn excites the student, encourages and motivates him to continue working. The app provides the ability to quickly repeat the same task repeatedly, which does not cause fatigue, boredom and leads to memorization of vocabulary and grammatical material in the student's subconscious. Audio recordings of lexical material on each conversational topic for students to listen to in a comfortable relaxed environment at home or while performing simple physical activities in order to memorize and then reproduce them during Dialogues, Conversations in English classes or communication with native speakers of a foreign language using communicative mobile applications and social networks.

It should be noted that the network has many applications for smartphones and tablets both for mastering grammar, vocabulary, spelling and for the

formation of reading, listening, speaking and even communication skills, of different levels of complexity and for different age audiences.

For example, the Polyglot Sound app has voice and speech recognition features. which allows you to train by composing expressions from the suggested options. This app helps you not only consolidate your skills, but also bring them to automatism. Communication takes place with a smartphone using a voice and Speech Recognition Program. Such training removes psychological obstacles: the feeling of shame due to a mispronounced word, tension, frustration, depression and anxiety disappears. But there is courage, because the phone can be "tormented" for as long as you want and at any time without fear and without shame; confidence that you speak clearly, if your language is understood by the device, then people will definitely understand; a sense of growth in their own capabilities, and the pleasure of small successes helps to overcome feelings of frustration and uncertainty.

In the course of scientific research on the communicative approach to teaching foreign languages, we came to the conclusion that creating a foreign-language communicative environment thanks to the Internet is one of the key conditions for implementing the practice of communication in a foreign language. This statement remains in force today.

Modern mobile technologies and communication applications give us a unique opportunity to organize professional communication with representatives of other countries, share achievements and learn from each other.

Список литературы

1. Мухина, С. А., Соловьева, А. А. Современные инновационные технологии обучения. – М.: Гэотар-Медиа, – 2008. – 360 с.
2. Панфилова, А. П. Инновационные педагогические технологии: активное обучение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр Академия. – 2009. – 192 с.
3. Chaney, A. L., Burk, T. L. Teaching Oral Communication in Grades K-8. – Boston: Allyn&Bacon, – 1998.
4. Gilmore A. Authentic materials and authenticity in foreign language learning. // Language Teaching. – 40 (2). – P. 97–118.
5. Spelleri, M. From lessons to life: Authentic materials bridge the gap. / ESL Magazine 5 (2), – 2002. – P. 16–18.

УДК 811.11:81’25:378

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Сирота Т.А., канд. пед. наук, ORCID 0009-0001-3132-2841
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t.sirota13@mail.ru

Введение. Информационный обмен в пределах мирового пространства предполагает развитие информационной иноязычной компетенции. Ученые отмечают важность формирования информационной компетенции, считая ее одной из универсальных (необходимость не только в академической и профессиональной, но и повседневной жизни). С развитием информационных технологий также возникает необходимость в знаниях особенностей автоматизированных технологий информационной деятельности для обработки информации. При изучении иностранного языка значимость данной компетенции увеличивается, поскольку в процессе изучения данной дисциплины язык не является самоцелью, а осваивается как средство работы с информацией.

Цель статьи – исследование проблемы формирования иноязычной информационной компетентности специалиста как важного показателя его профессиональной подготовки.

Основная часть. Е.В. Петрова отмечает, что информационно компетентный человек должен являться активным субъектом коммуникационных процессов [2]. Формирование коммуникативной компетенции является одним из наиболее важных аспектов обучения иностранному языку как средству общения. Коммуникация с внешним миром является условием получения информации, что обуславливает необходимость формирования иноязычной информационной компетентности как совокупности умений осуществлять информационную деятельность. Е.В. Корсакова считает, что иноязычная информационная компетенция – это определенный набор информационных умений, позволяющих субъекту деятельности качественно взаимодействовать с иноязычными информационными потоками, осуществлять самостоятельный поиск, анализ, отбор, преобразование, сохранение и последующее использование информации, передачу необходимой информации в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией [1]. Поскольку для специалиста в процессе работы с информацией важны как социальные, так и технические навыки для получения сведений, то информационная иноязычная компетенция, рассматривается нами как набор информационных умений специалиста владеть различными методами

работы с информацией с использованием языков и технических средств для передачи полученных сведений в соответствии с поставленной задачей.

Ученые считают, что формирование информационной компетенции предполагает следующие этапы: компьютерная грамотность – компьютерная образованность − информационная компетенция – информационная культура. Большинство студентов первого курса имеют уровень, соответствующий уровню компьютерной грамотности. Поэтому перед преподавателем иностранного языка стоит задача обучать не только языку, но и совершенствовать у студентов умение работать с информацией с использованием технических средств

Весомую роль играет также самообразование студентов. Информационная иноязычная компетентность формируется не только на занятиях или при самостоятельной работе над поставленными задачами, а во время досуга. Поиск нужной информации в сети Интернет, общение в социальных сетях, чатах, ведение собственного блога, поиск необходимого материала в электронных библиотеках помогает критическому восприятию информации.

Процесс формирования информационной иноязычной компетенции необходимо осуществлять средствами дисциплин лингвистической подготовки (иностранного языка), профессиональных и гуманитарных дисциплин на основе интегративных связей с иностранным языком. В данном целостном и непрерывном процессе мы условно выделяем четыре этапа: подготовительный, установочный, формирующий, творческий.

На первом этапе (подготовительном) осуществляется диагностика исходного уровня развития знаний и умений английского языка с целью развития умений работы с информацией. Происходит накопление теоретических лингвистических знаний, осуществляется выработка практических умений работать с информацией. Задачи этапа: провести диагностику знаний студентов по иностранному языку, выявить мотивационно-ценностное отношение студентов к иностранному языку, причины нежелания его изучать и т.д.

Целью второго этапа (установочного) является развитие умений работать с информацией на иностранном языке. Задача этапа: развивать предметную, деятельностную, развивающую, самообразовательную компетентности, используя потенциальные возможности иностранного языка. Для решения этой задачи применяется различный текстовый материал коммуникативного характера, аутентичные тексты, аудиоматериал для самостоятельного прослушивания, видеоматериал с самообразовательными заданиями. Результатом данного этапа является сформированная система теоретических знаний по иностранному языку, практических умений по работе с информацией из зарубежных источников. Большое внимание уделяется развитию умений устного высказывания,

выступления, проведения интервью, поиска и обработки профессиональной информации.

На третьем этапе (формирующем) студенты изучают дисциплины специализации. Этот этап важен для развития знаний английского языка и умений работать с профессиональной информацией в процессе его изучения. В ходе данного этапа у студентов появляется возможность апробировать на практике полученные знания, устойчивая потребность в дальнейшем развитии умений работать с информацией.

Четвертый этап (творческий) характеризуется активной деятельностью студентов в ходе решения как учебных задач, так и задач, связанных с будущей профессиональной деятельностью в процессе работы над информационными источниками. Учебный процесс носит практико-ориентированный характер.

Сложность и комплексность развития умений работать с информацией в процессе изучения иностранного языка на творческом этапе требуют использования разнообразных методов обучения:

− анализ текстов-образцов, взятых из разнообразных источников информации, и создание системы упражнений полифункционального характера, включающей комплекс заданий, направленных на формирование четырёх видов речевой деятельности;

− частично-поисковый метод, предусматривающий нахождение и понимание содержание текста, отдельных его частей с элементами проблемных ситуаций, с определением путей решения проблемы;

− мини-проектов, направленных на стимулирование студентов к творческой деятельности;

− дискуссии для обсуждения вопросов из различных областей знаний.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что иноязычная информационная компетенция позволяет эффективно взаимодействовать с информационными иноязычными потоками, осознавать процессы информационного пространства, способность пользоваться предоставленными обществом возможностями для самореализации. Иноязычная информационная компетенция совершенствуется в течении всей жизни посредством образования. С повышением уровня компетенции возрастает востребованность личности в обществе.

Список литературы

1. Корсакова, Е. В. Формирование иноязычной информационной компетенции при обучении иностранному языку на языковых курсах: на материале японского языка, допороговый уровень : дис. канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. В. Корсакова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург. – 2008. – 284 с.
2. Петрова, Е. В. Информационная компетентность в образовании как фактор адаптации в информационном обществе / Е. В. Петрова // Информационное общество. – 2012. – № 2. – С. 37-43.

УДК 372.881.111.1

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Стуколова Е.А[1], канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-9244-5186,
Протопопова М.А.[2], ORCID 0009-0009-4681-4679
[1]ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
Choosee@mail.ru, protopopovam117@mail.ru

Введение. Развитие возможностей искусственного интеллекта с точки зрения реализации потенциала последнего в процессе обучения иностранным языкам в школе открывает новые горизонты как для учителя, так и для самих обучающихся. Одним из ключевых преимуществ, в данном случае, является возможность интерактивизации и персонализации иноязычного образования, что позволяет адаптировать материалы и задания под индивидуальные потребности каждого ученика.

Современное поколение обучающихся неизбежно предполагает применение новых подходов в процессе организации овладения ими иными языками и культурами. Личность, формирующаяся в эпоху цифровизации, демонстрирует более интенсивный отклик на применение информационно-коммуникационных средств в качестве дидактических инструментов. Помимо этого, важнейшим фактором, повышающим эффективность процесса обучения иностранным языкам, является реализация принципов интерактивности и наглядности, нейрометодических приемов визуализации, приближение процесса обучения к реальному речевому взаимодействию.

При учете вышеперечисленного, можем сделать вывод о том, что искусственный интеллект (далее – ИИ) может стать, в некотором роде, инструментом интенсификации обучения, позволяя создавать интерактивные и адаптивные образовательные среды. Использование возможностей ИИ в образовании – актуальное направление исследований, поскольку может существенно повысить эффективность всего процесса обучения в предметной области «Иностранный язык».

Цель работы – исследование возможностей применения технологий искусственного интеллекта в процессе обучения иностранным языкам на уровне среднего общего образования для развития речевых умений старшеклассников.

Основная часть. На данный момент приемы интеграции технологий ИИ в процесс обучения иностранным языкам в школе недостаточно разработаны. Несмотря на наличие множества образовательных платформ и

приложений, использующих ИИ, многие образовательные организации не реализуют их возможности в полной мере. По этой причине предлагаем рассмотреть возможные варианты внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс в старших классах, в дополнение к учебно-методическому комплекту «Starlight 10 = Звёздный английский 10 класс».

Мы разработали несколько примеров упражнений, которые учитель сможет реализовать с помощью нейросети **«Twee»**, бесплатная версия которой позволяет пользоваться достаточно обширным спектром инструментов. Так, например, в процессе изучения раздела *«Environmental Issues = Экологические проблемы»* нам встречается текст под названием «Environmental news = Новости в сфере экологии» на страницах 108-109.

После чтения текста для закрепления всего лексического материала или его части, а также активизации навыков аудирования, можно предложить обучающимся прослушать диалог, который учитель предварительно составил с помощью сервиса «Twee», и выписать фразы с лексикой из текста. Чтобы сгенерировать подходящий диалог в поле ***Topic/Text*** укажем тему идентичную названию текста, а в поле ***Target Vocabulary*** перечислим некоторую лексику: *install, harsh, arson, recycling machines, proclaim, take a turn for the better, massive weekend clean-up, as neat as a pin;* обязательно необходимо выбрать британский английский, а также изменить уровень владения языком в соответствии со шкалой CEFR (Common European Framework of Reference for Languages) на B1–B2 (средний – выше среднего) или выбрать класс. После генерации диалога, которая заняла у сервиса около 30 секунд, можно его озвучить и выбрать понравившегося диктора. Сам диалог можно редактировать, «подсвечивать» лексические единицы. Есть возможность выставить более низкий уровень владения языком или выбрать класс обучения на год младше, если необходимо будет использовать аудиоматериал в качестве домашнего задания для обучающихся с низким уровнем владения языком.

В данном случае становится ясно, что адаптивные технологии на основе ИИ помогают учителям настраивать учебные материалы и задания под индивидуальные потребности каждого обучающегося [2]. Искусственный интеллект может помочь выявить лучшие методы обучения, направленные на улучшение успеваемости обучающихся, анализируя стиль преподавания, выбранные стратегии и общий прогресс студентов [1].

В образовательной сфере технологии на основе ИИ применяются для обработки и создания естественного языка, адаптации обучения и разработки виртуальных помощников. Они также используются для автоматизации проверки знаний и создания чат-ботов [4].

Остановимся на последнем тезисе. Считаем возможным предложить практикующим учителям иностранного языка внедрить чат-бот под названием «Le Chat» от ИИ-разработчиков компании **«Mistral.ai»**. Пока весь класс/группа пишет разноуровневый тест по изученной в этом же

разделе учебника грамматической теме *Passive Voice (Пассивный залог)*, одному ученику в качестве самостоятельной работы предлагается «общение» с чат-ботом, которому задаем следующий запрос-задание: «Протестируй ученика (меня) на знание грамматической темы Passive Voice (10 класс, тема – экологические проблемы)». Через несколько секунд чат предлагает первое задание – переписать предложения из активного залога в пассивный. Чат сразу дает обратную связь, было ли правильно преобразовано предложение или нет; затем предлагает потренироваться еще, обучающийся соглашается простым ответом «Потренируемся еще», нейросеть предлагает следующее задание. Оно заключается в таком же преобразовании предложений, но уже с указанием действующего лица (кем было совершено действие) и употребляемого грамматического времени (Present Simple Passive / Past Simple Passive и т.д.).

Заключение. Цифровая трансформация образования в контексте активного внедрения ИИ в образовательный процесс помогает создавать среду для развития самостоятельности обучающихся, интенсификации процесса овладения иностранными языками, повышения учебной мотивации. Помимо этого, ИИ в процессе обучения – опора и помощь для преподавателя. Как с точки зрения реализации принципа наглядности и применения приемов визуализации, так и с точки зрения создания интерактивного образовательного пространства. Однако существуют и потенциальные недостатки работы с ИИ в процессе обучения, например, снижение роли преподавателя, что может негативно сказаться на качестве эмоциональной поддержки и межличностного взаимодействия с обучающимися [3].

Список литературы

1. Горбунова, Е. А. Технологии искусственного интеллекта в образовании / Е. А. Горбунова // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2021. – № 2(24). – С. 80-84.
2. Колобанова, Ю. Н. Использование современных цифровых технологий в процессе обучения иностранному языку / Ю. Н. Колобанова // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. – 2020. – С. 148-150.
3. Стуколова, Е. А. К вопросу применения искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам в педагогическом вузе / Е. А. Стуколова, М. А. Протопопова // Новые форматы подготовки педагогических кадров для конкурентоспособной образовательной экосистемы : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 04 декабря 2024 года. – Грозный : ООО "Издательство АЛЕФ", 2024. – С. 129-136.
4. Титова, С. В. Интеллектуальные агенты в обучении ИЯ: типология, возможности, вызовы / С. В. Титова, К. Т. Темурян // Язык и культура. – 2024. – № 65. – С. 262-287. – DOI 10.17223/19996195/65/12.

УДК 378.016:81:004.8

INNOVATIVE TECHNOLOGIES FOR TEACHING LANGUAGES AT UNIVERSITY USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

L.V. Sulina, ORCID 0009-0001-4479-3896
Donetsk State University, Donetsk, RF
l.sulina2024@list.ru

Introduction. In today's digital world, education and learning through virtual platforms have become an integral part of our daily lives. The influence of artificial intelligence on learning processes, in particular on language learning, has become especially significant. Innovative algorithms, machine learning and natural language processing enable the creation of personalized and interactive educational platforms that significantly improve the quality and efficiency of learning English, one of the most widely spoken languages in the world.

The **object** of scientific research in this article is artificial intelligence technology in the context of language teaching, and the subject is the impact on the processes of learning English. The relevance of this topic lies in the fact that artificial intelligence not only changes traditional approaches to learning, but also significantly improves learning outcomes, making them more accessible and effective. In light of the growing interest in the use of artificial intelligence technologies in education, studying the impact on the process of learning English is an important and promising area of research.

The purpose of the work is to analyze the impact of artificial intelligence on the process of learning English, to identify the main advantages of this approach and to propose ways to optimize the use of technology to improve the efficiency of education in the field of languages. As a result of the study, it is expected to expand our understanding of the impact of artificial intelligence on language teaching and offer practical recommendations for the optimal use of these technologies in the educational process.

Innovative technologies for teaching languages at universities using artificial intelligence are becoming increasingly popular and effective. **Analyzing the impact of AI** on the process of learning English reveals its significant advantages and disadvantages. The use of personalized learning using artificial intelligence allows students to receive a personalized learning experience tailored to their needs and level of knowledge.

Interactive learning using artificial intelligence improves students' interaction with language, allowing them to practice language skills in a comfortable environment. Virtual assistants and chatbots provide instant feedback and help with error correction, which helps build confidence and learning efficiency.

Artificial intelligence technology makes the process of learning English more accessible and convenient. Students can study anytime and anywhere, bypassing the need to physically attend classes. The flexibility of such platforms allows a wide range of people to receive education without being limited by geographical barriers.

Artificial intelligence helps improve students' language skills. Automatic speech recognition and written analysis help you evaluate and improve your pronunciation, grammar, and vocabulary. Immediate feedback and guidance help students progress more effectively in their language learning.

Language teaching technologies based on artificial intelligence provide the ability to constantly monitor student progress. Data analysis allows you to generate detailed reports on student success, identifying their strengths and weaknesses. This information helps develop personalized learning plans and effectively track student goals [1].

The introduction of AI into training is implemented on the basis of ready-made tools. The first example of such technologies is language learning applications. They are powered by artificial intelligence and offer a personalized and interactive learning experience. Thanks to machine learning algorithms, they are able to adapt to the student's level of progress and provide feedback in real time. Using speech recognition and natural language processing, users can practice their English skills and receive instant corrections and advice [1].

Another example is intelligent chatbots. Let’s explore their use for language practice in more detail and note a number of advantages over traditional teaching methods:

1. Increased interactivity. Chatbots provide a dynamic and interactive learning experience by allowing students to engage in realistic conversations and receive immediate feedback.

2. Personalized learning. Chatbots can adapt to a learner's individual needs and provide personalized exercises and content based on their strengths, weaknesses and learning style.

3. Convenience and accessibility. Chatbots for language practice are easily accessible through various platforms such as smartphones and computers, making them accessible anytime and anywhere.

4. Increased engagement. Chatbots use gamification techniques and interactive features to keep learners motivated and engaged throughout the language learning process [2, p. 7].

Speech recognition and pronunciation practice is one of the areas in which AI is constantly evolving. Using artificial intelligence, virtual English tutors can accurately assess a student's pronunciation and provide feedback. The technology uses advanced algorithms to analyze a student's speech patterns, identify errors or areas for improvement, and offer personalized recommendations. AI-powered pronunciation tools can be integrated into language learning platforms, allowing students to practice speaking skills in a

controlled and supportive environment. These tools can simulate real-life situations and provide a wide range of scenarios for practicing spoken English.

Additionally, artificial intelligence can help improve students' listening skills. By providing a variety of audio content, AI technology can help students better understand spoken English in different accents and speaking rates.

When it comes to reading and **comprehending texts**, machine **translation** based on artificial intelligence algorithms has become a powerful tool for language learners. With the help of artificial intelligence, students can translate texts from one language to another, allowing them to better understand and learn new vocabulary, grammar and cultural characteristics.

AI-powered translation tools provide fast and accurate translation, allowing students to effectively understand the meaning of unfamiliar words and phrases. Artificial intelligence algorithms analyze the context of the text and provide more accurate translations, taking into account the nuances and idiomatic expressions of the language [3].

Translations also help students understand the grammatical structures and sentence patterns of a language, allowing them to improve their language skills. There are many AI-powered translation tools that help language learners on their journey, such as Google Translate, Microsoft Translator, DeepL and Babylon Translator [4, p. 19].

Conclusion. Artificial intelligence has a significant impact on the English language learning process by providing personalized and interactive learning experiences. The main benefits of this approach include personalized learning, increased student motivation, real-time feedback, and access to resources anytime, anywhere. Although artificial intelligence cannot completely replace the work of a teacher, it can complement and enrich the educational process.

References

1. EdTech is coming: can artificial intelligence change education [Electronic resource] // ITMO. – ULR: https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/7137/ (date of access: 04.26.2024)
2. Li M. An Immersive Context Teaching Method for College English Based on Artificial Intelligence and Machine Learning in Virtual Reality Technology // Mobile Information Systems. – 2021. – P. 7.
3. Ling, C., Bohn, T.A. A Unified Framework for Lifelong Learning in Deep Neural Networks // Cornell University. – ULR: https://arxiv.org/pdf/1911.09704v1.pdf (access date: 04.20.2024)
4. Zhao X., Yang Y. A Study on the Application of Blended Teaching to English Reading Course under the Background of Artificial Intelligence // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2021. – Vol. 693. – P. 19.

УДК 81: 37016

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ И СЛОЖНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Усачев В.А. [1]**,** канд. филос. наук, ORCID 0000-0001-5373-0232,
Усачева Г.М [2]**,** канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0002-0605-9567
[1]ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, РФ
avercesar@mail.ru

Введение. В сфере речевого употребления английского языка в настоящее время можно наблюдать явление параллелизма в использовании таких языковых единиц, как словосочетание и сложное слово. Сложные слова представляют собой слова, объединяющие две основы, две корневые структуры, но заметно отличаются от словосочетаний, которые являются соединением связанных слов в составе какого-либо предложения, при чем эти словосочетания сами по себе не являются предложением. Современные грамматические справочники определяют словосочетание как единицу синтаксиса, которая является единицей более низкого уровня, чем просто одно предложение, и не имеет коммуникативной направленности. Только присутствуя в составе предложения, словосочетание действует уже как член предложения и имеет определенную коммуникативную нагрузку [1, с. 87]. Сложные слова могут быть в предложении с разным значением, а также относится к разным частям речи, иметь труднопроизносимые согласные и не соответствовать в письменной форме самому звучанию слов. Словосочетание интерпретируется как смысловая отправляющая типологического сопоставления. В. В. Виноградов стал применять термин словосочетания в понимании синтаксических групп, которые группируются из двух и более значимых между собой слов, подчиненных одно другому [2].

Цель. В прошлом какое-то время и сложные слова и словосочетания функционировали параллельно, в чем и заключается главный признак образования сложных слов. Но язык постоянно развивается, и теперь такой совместной функциональности в английском языке мы наблюдать не можем. Отсюда вытекает и цель нашей работы, которая заключается в выявлении особенностей английских словосочетаний и сложных слов, их характерных черт и некоторой схожести и отличии, а также возможностей и трудностей использовании в английской речи.

Основная часть. Сложные слова и словосочетания похожи между собой по своим семантико-структурным характеристикам, а также и по лексическому значению. Сложные слова по своей структуре представляют

собой синтаксические образования, которые союзны по семантико-структурным отношениям составляющих их частей [4, с. 123]. Приведем несколько примеров. Слово will-living с точки зрения структурно-семантических взаимоотношений его компонентов является отношением глагола to live и прямого дополнения к нему will, как это просматривается в таком словосочетании как to live in will; в сложном сочетании bad-looking просматриваются отношения составного сказуемого to look bad. Но взаимодействие составляющих сложного слова мы не рассматривает как синтаксические в общепринятом смысле этого слова. Такие взаимодействия появляются в сложном слове в процессе сравнения с синтаксическими отношениями слов, которые являются членами соответствующих им словосочетаний. В этом плане речь идет о семантико-структурной схожести. Кроме структурной схожести, такие образования имеют сходство и по признаку смысловой сочетаемости их частей, то есть слов в словосочетании и компонентов в сложном слове. О схожести сложного слова и словосочетания в английском языке говорит то, что у некоторых сложных слов первым компонентом является качественное прилагательное или наречие, и может также изменяться грамматически в предложении. О близости словосочетаний и сложных слов говорит еще и образование множества сложных слов на основе других словосочетаний. Словообразовательная модель сложного слова формируется с помощью сочетания слов, связанных смысловой сочетаемостью, а не отдельными словами. Это значит, что при образовании множества сложных слов используются словосочетания, а не слова. Также структурные взаимоотношения слов, являющихся членами словосочетания, и сложных слов похожи между собой, что также подчеркивает указанную словообразовательную особенность сложного слова. Для выражения определенного содержания предложения, как со сложными словами, так и со словосочетаниями также имеют один общий смысл, а различаются лишь некоторыми смысловыми и стилистическими различиями [3, с. 107].

Отличие словосочетаний от сложных слов можно увидеть и в цельнооформленности сложных слов и разнооформленности словосочетаний. Сложные слова в английском предложении являются единым неделимым целым, как своего рода единое лексико-грамматическое целое. Сложное слово оформляется в единое лексико-грамматическое целое с помощью разнообразных средств английской грамматики, среди которых выделяются словообразовательные аффиксы. Сопоставляя сложные слов и словосочетания, необходимо отметить также и тот факт, что при развитии семантики сложного слова, у него появляется значение, которое отсутствует у похожего на него словосочетания. Также сложные слова не всегда соотносятся со словосочетанием и не всегда имеют аналогичный эквивалент в виде словосочетании. Так, например, сложное слово может быть образовано не от словосочетания, а от другого сложного слова.

Атрибутивные словосочетания выступают в предложениях как единое целое, что сближает их в каком-то отношении со сложными словами. Самым распространенным типом сложных слов, которые легко сочетаются с атрибутивными словосочетаниями в английских предложениях, являются прилагательные типа green-eyed, blond-haired, которым соответствуют словосочетания with green eyes и with blond hair. В английской речи наблюдается постоянное образование новых слов, но и в ряду таких слов прослеживается определенная закономерность, которая выражена в том, что сложное слово употребляется для обозначения признака, который сосуществует наряду с носителем данного признака, которым является, как правило, человек или предмет.

Заключение. Употребление в речи сложных слов и словосочетаний показывает, что они имеют большую смысловую родственность друг с другом, но, тем не менее, отличаются при употреблении в речи. В предложениях сложные английские слова очень отличаются от английских словосочетаний во многих отношениях. Различие между словосочетанием и сложным словом в английском языке проводится по признакам целостности оформления, что заключает в себя орфографическое оформление, фонетическое оформление и семантические отличия [5, с. 123]. Человека, употребляющий неправильно сложное слово или определенное словосочетание в изучаемом нами языке, конечно же, поймут, но звучать такое неправильное словосочетание или сложное слово станет неестественно резать слух и даже в некоторых случаях вызывать непонимание и вопросы, поэтому правильное употребление словосочетаний и сложных слов является очень важным моментом при изучении иностранного языка в современных условиях при его непрерывном развитии и естественном лексическом пополнении.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Издательство ЛКИ. – 2019. – С. 87. – ISBN:978-5-382-01742-6.
2. Вердиева, З. Н. Семантические поля в современном английском языке / З.Н. Вердиева. – М.: Высшая школа. – 1986. – 120 с. – FB 1 87-6/91.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Высшая школа. – 1985. – С. 107. – ISBN: 978-5-397-04420-2.
4. Заволокин, А. И. Активная грамматика английского языка (к языковой автоматизации): Учебное пособие для вузов. 2-е изд. / А.И. Заволокин, В.В. Миронов. – М.: ГЛТ. – 2015. – С. 123. – ISBN: 978-5-9912-0569-6.
5. Худяков, А. Н. Теоретическая грамматика английского языка: для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков высших учебных заведений / А. А. Худяков. - 2-е изд., стер. – Москва: Академия. – 2007. – С. 123 – ISBN: 978-5-7695-4059-2.

УДК 81’322.6’ 367.4

ТЕОРИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Филатова Е.В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0000-2205-6580
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.filatova2023@mail.ru

Введение. Исследование принципов размещения и взаимосвязи слов в рамках предложения представляет собой актуальную задачу для современной лингвистики. Этот комплексный анализ не только углубляет наше понимание языковых закономерностей, но и служит базой для разработки прикладных решений в области машинного перевода, обработки текстов и исследования когнитивных аспектов. В современных лингвистических теориях акцент делается на том, как синтаксический порядок отражает коммуникативные намерения, а не просто выполняет функцию грамматического элемента. Изучение этих закономерностей представляет собой междисциплинарную задачу, объединяющую достижения психолингвистики, социолингвистики и корпусной лингвистики, что существенно расширяет инструментарий специалистов. Анализируя принципы организации слов в предложении, ученые получают возможность более глубоко понимать эволюцию языка, выявлять универсальные правила построения предложений и их проявление в различных языках. Данные знания способствуют совершенствованию лингвистической теории и формированию новаторских подходов к восприятию языка.

Цель заключается в систематизации механизмов влияния синтагматических связей на структуру коммуникативного и смыслового построения высказывания для создания модели их функциональной значимости в текстообразовании.

Основная часть. В современной лингвистической науке назрела необходимость в пересмотре традиционных методов анализа последовательности слов в предложении. Альтернативный подход к данному вопросу предлагает синтагматическая концепция, которая переосмысливает роль порядка слов, рассматривая его как элемент целостной структуры речевого сообщения.

Конструкция и смысл предложения формируются с учетом коммуникативной цели, которая определяет расположение всех составляющих. На структуру предложения оказывают влияние стилистические особенности текста, жанр, ритмика, интонация, дополнительные смысловые оттенки, коммуникативный контекст, речевая ситуация. Рассматривать отдельные слова изолированно в таком случае – ошибка.

Взаимодействие слова и предложения как элемента речевой коммуникации опосредованно. Промежуточным звеном является синтагма – минимальная интонационно оформленная единица речи. В структуре высказывания выделяются: внутреннее устройство слов в синтагме и положение синтагм в предложении. Поскольку предложение строится из синтагм, анализ должен концентрироваться на их расположении.

Интонация играет определяющую роль в понимании текста. Она дает возможность точно разграничивать текст на синтагмы. Глубокое понимание авторского замысла и интерпретация значения каждой части предложения становятся доступными после анализа каждого сегмента.

В родном языке человек действует автоматически, структурируя речь в смысловые группы. Данный процесс отражает психолингвистическую реакцию на обстоятельства разговора и формируется в сознании.

Используя методику синтагматического анализа, мы можем точно определить составные элементы предложения, его базовую структуру и смысловое разделение. Важно понимать: если слова являются частями синтагм в предложении, они не способны функционировать как самостоятельные члены предложения. Это объясняется тем, что каждое такое слово – органическая составляющая своей синтагмы. Современная система классификации членов предложения имеет довольно относительный характер. Часто она не соответствует естественному процессу формирования речи и приводит к нарушению целостности синтагм. А это, в свою очередь, разрушает первоначальную авторскую структуру предложения.

Нельзя нарушать границы синтагм путем перестановки слов из одной в другую, но допустимо менять последовательность синтагм в предложении, сохраняя при этом их целостность и правильное взаимодействие.

Компоненты синтагм обычно представлены несколькими элементами, традиционно именуемыми членами предложения. Однако между этими элементами и членами предложения, включая их современную трактовку в стиле Л. Теньера, нет ничего общего. Концепция членов предложения противоречит естественному процессу создания речи и не соответствует ее истинной структуре. Это противоречие возникло из-за смешения понятий языка и речи. Несомненно, предложение строится на основе конкретного языка и формируется из первичных речевых единиц.

Согласно синтагматическому подходу, речевое предложение представляет собой не набор абстрактных элементов (актантов, ситуантов, детерминантов), а совокупность синтагм – конкретных смысловых блоков с четким делением и целостным значением. В процессе устной коммуникации именно синтагмы, отделенные паузами, обеспечивают мгновенное понимание смысла как отдельных частей, так и всего высказывания.

Заключение. Существует определенная свобода при построении синтагм. При анализе следует учитывать два уровня: порядок слов внутри синтагмы и их расположение в предложении. Синтагма является базовым элементом при организации синтаксической конструкции предложения.

Фундаментальный принцип лингвистической науки заключается в том, что любая теоретическая концепция должна находить реальное подтверждение в живой речи носителей языка или, как минимум, не вступать с ней в противоречие. Это объясняется тем, что язык является постоянно развивающейся системой, которая формируется и поддерживается именно речевой практикой народа. Языковые нормы не создаются искусственно учеными-лингвистами – они естественным образом отражают те процессы и явления, которые происходят в языке и поддерживаются носителями литературного языка.

Список литературы

1. Филатова, Е. В. Синтаксическая организация порядка слов: исследование синтагматических связей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Том 18. Выпуск 9. – ISSN 2782-4543 (online). – ISSN 1997-2911 (print). – https://doi.org/10.30853/phil20250517.
2. Черемисина, Н. В. Ритмико-интонационная структура предложения в русской художественной речи // Синтаксис и интонация. Учёные записки., Вып. 36. Серия филологических наук. – № 14 (18). – Уфа. – 1969.
3. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. – 1974.
4. Юсупова, З. Р. История исследования порядка слов и теории актуального членения предложения // Вестник Педагогического университета. – 2021. – № 5 (94). – С. 226-230. – EDN: FUOGQG.

УДК 372.881.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ С РЕСУРСАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Чернова М.М., ORCID 0009-0001-7499-5667,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mm.chernova@mail.ru

Введение. В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) стал актуальным инструментом как для преподавателя иностранных языков, так и для студентов. В подготовке студентов исторического факультета специальностей «Международные отношения», «Политология», «История» английский язык играет ключевую роль, поскольку является языком

научного общения, изучения первоисточников и международного опыта.

Цель: проанализировать преимущества и особенности использования ресурсов ИИ на занятиях английского языка на историческом факультете, определить роль в формировании необходимых языковых компетенций, а также рассмотрению возможных рисков и ограничений.

Основная часть. Студенты исторического факультета на постоянной основе работают с архивами, научными публикациями, материалами между народных конференций. Безмерный вклад в изучении вопросов, связанных с работой ИИ при изучении иностранных языков, активно вносят российские исследователи: А. Д. Анисимов, М. Ю. Балыхин, Е. В. Кузьмина, А. В. Сидоренко, Н. А. Шмелева.

Для должного уровня владения английским языком студентам необходимо освоить ряд профессиональных компетенций, таких как: чтение и интерпретация первоисточников, участие в международных научных коммуникациях написание собственных исследовательских работ на английском языке: цифровые образовательные ресурсы, основанные на технологиях искусственного интеллекта, способствуют формированию устойчивых компетенций в условиях быстро меняющейся информационной среды [2, с. 34].

Одним из бесспорных преимуществ ИИ является способность адаптироваться под уровень знаний, интересы и цели конкретного студента. Платформы ИИ имею возможности анализировать ошибки, отслеживать прогресс и предлагают задания в соответствии с актуальным уровнем владения студентом языка.

Студенты исторических специальностей могут получить задания, направленные на развитие и изучение профессиональной лексики. Это может быть как необходимый список лексических единиц, так и фразы-клише необходимые для составления международных документов: firmly believing, striving to, to contribute beneficially, multilateral and bilateral relations, to conclude a treaty, an agreement reached. При этом ИИ может корректировать произношение, грамматические ошибки, стиль написания. Преимущество ИИ – это моментальная обратная связь. В использовании эффективны и удобны следующие инструменты: Grammarly, Duolingo, Chat GPT.

Нельзя не остановиться на мотивации обучающегося, а именно, создание цифровой среды, обогащённой элементами ИИ, обеспечивает качественно новый уровень взаимодействия преподавателя и студента, повышая вовлечённость и интерес к изучению иностранных языков [1, с. 16].

ИИ без труда может геймифицировать учебный процесс посредством интерактивных заданий, например: карточки хронологии (расположение событий в правильной последовательности), викторина с визуализацией (памятники, храмы, музеи, усадьбы, дворцы), интерактивная карта

путешествий (посредством Google maps создается карты знаменитых экспедиций, военных походов с заметками либо пояснениями), дебаты политиков и цитатами из их выступлений, создание видео-проекта о важном событии истории, групповая презентация исторической личности, реконструкция исторического костюма (создание образа в костюме определенной исторической эпохи, например, для студентов-историков образ Цезаря).

Студенты могут вести диалог на английском языке с виртуальным собеседником, отрабатывая изученную лексику в моделировании жизненных ситуаций. В свою очередь, ИИ отслеживает уровень вовлеченности и настроение, предлагая более подходящий формат для работы в любое удобное время, что также можно отнести к преимуществам. Мобильные приложения дают возможность обучаться «на бегу» и «на ходу»: между занятиями, в перерыве на работе, дома.

ИИ имеет возможность переводить и адаптировать сложные тексты и видео под уровень каждого студента, делая материал доступным и понятным для восприятия и развивая именно те навыки, которые востребованы в профессиональной среде. На занятиях мы работаем с научными материалами на разных специальностях исторического факультета: «Past&Present», «Anthropology today», «Journal of contemporary history». ИИ дает возможность автоматического перевода и аннотирования научных статей. Для специальности «Международные отношения» предлагается возможность подготовки к международным экзаменам TOEFL, IELTS при помощи адаптивных тренажеров, а также моделировать интервью, презентацию и деловую переписку с характерными профессиональной сфере клише. Например, мини-практику «Westphalian Settlement». Для изучения 2–3 главы из монографий на английском, фрагментов источников XVII века. Работа ИИ: ИИ-суммаризация по схеме claim–evidence–citation (студент вручную правит и добавляет страницы/ссылки), ключевые термины (sovereignty, confessionalization, balance of power); составление карточек коллокаций, аннотация статьи (150–200 слов), «AI-footnote» о том, какую помощь дал ИИ, семинар-симуляция: ИИ генерирует вопросы оппонента; студент отвечает устно (запись), затем получает машинный отчёт о темпе/ударении/лексике и человеческий комментарий преподавателя, рефлексия: чем ИИ помог, где помешал, что требует двойной проверки.

Академическое письмо, где целью является выстраивание эссе, корректное цитирование, формулировка тезисов и котраргументов, ИИ задействует следующие инструменты: «Структурный редактор»: на вход – план статьи (введение, исследовательский вопрос, метод, источники, результаты, дискуссия); на выход — рекомендации по логическим связкам, нейтральной академической лексике, балансировке цитирования. AWE (Automated Writing Evaluation): автоматическая первичная проверка на грамматику и стиль (без «переписывания за студента»), с отчётом по

типовым ошибкам (артикли, предлоги, регистр, цитатные глаголы argues, contends, maintains), жанровые шаблоны, где ИИ генерирует «скелет» аннотации в стиле журнала по истории (150–200 слов), подсвечивая обязательные элементы: объект, период, корпус источников, новизна, вклад, обязательный чек-лист «Что ИИ может/не может делать для моего текста», письменная декларация студента об объёме помощи ИИ и источниках данных.

Еще одним ключевым положительным фактором работы с ИИ является преодоление психологического барьера, связанного с изучение иностранного языка. Можно практиковаться без стеснения быть «в хвосте» группы, что важно для студентов 1 курса. Виртуальный собеседник ИИ не дает оценивает и не критикует, повторяет объяснение нужное количество раз, что создает эффективную и комфортную среду для обучения.

Заключение. Таким образом, искусственный интеллект (ИИ) становится актуальным и достаточно мощным инструментом при изучении английского языка для студентов исторического факультета специальностей «Международные отношения», «История», «Политология», которым важно быстро и эффективно освоить язык для профессионального развития и становления. Он обеспечивает индивидуальный подход, гибкость, мотивацию и доступ к качественным ресурсам. Внедрение ИИ в образовательный процесс не только облегчает изучение языка, но и делает его более современным, интересным, прогрессивным и результативным. Эффективность достигается не набором модных приложений, а продуманным педдизайном: прозрачными правилами использования ИИ, смешанным оцениванием, регулярной устной защитой и встроенными практиками критической проверки фактов и источников.

Список литературы

1. Гура. В. В. Новые виды интеллектуальной деятельности в медиасреде как основа развития медиакомпетентности / В. В. Гура // Медиаобразование. – 2022 – № 3. – С.15–22.
2. Ковалёва, Н. В. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и вызовы. Вестник цифрового образования. – №3 – С. 15–22.
3. Соловьёва, Е. А. Мобильные технологии и ИИ в обучении английскому языку. / Современные образовательные технологии. – 2021 – №2. – С. 33–39.
4. Kukulska-Hulme, A., & Shield, L. (2008). An Overview of Mobile Assisted Language Learning: From Content Delivery to Supported Collaboration and Interaction. / ReCALL, – 2023 – 20(3). – P. 271-289.
5. Wu, T., & Zhan, M. (2020). "The Role of Artificial Intelligence in Language Learning: A Review." International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)/ – 15(15), P. 12-26.

УДК 378.116

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ КОМПОНЕНТОВ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Чернявская Н. Э., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-0079-3640
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»,
г. Санкт-Петербург, РФ
chernyavskayane@mail.ru

В условиях глобализации и роста межкультурного взаимодействия интеграция культурных элементов в процесс обучения иностранным языкам становится важной частью современного языкового образования. Однако в практике преподавания часто наблюдается недостаточное внимание к культурным аспектам, что приводит к недостаточному формированию межкультурной компетенции у студентов.

Цель данной статьи – выявить проблемы интеграции культурных компонентов в обучение иностранным языкам и предложить пути их решения. В статье рассматриваются теоретические основы культурного подхода к обучению языку, а также практические аспекты интеграции культурных элементов в учебный процесс.

Исследуется проблема интеграции культурных компонентов в обучение иностранным языкам в неязыковых вузах, учитывая влияние культуры на язык и роль культурного контекста в формировании межкультурной компетентности у студентов. В современном мире всё больше требует от будущих специалистов умения взаимодействовать с людьми из разных культур, поэтому иностранный язык не только служит средством общения, но и является носителем культурных ценностей, традиций, норм и убеждений народов, с которыми специалист будет сталкиваться в профессиональной деятельности.

В современных учебных программах важным элементом образовательного процесса становится межкультурная компетентность. Это способность понимать и уважать культурные различия, а также эффективно общаться с людьми из разных культур. Это включает в себя знание культурных особенностей, умение адаптироваться к новым коммуникативным нормам и способность к межкультурной коммуникации. В контексте преподавания иностранных языков межкультурная компетентность играет ключевую роль, так как язык не только отражает культуру, но и является её носителем.

Изучение иностранных языков в условиях межкультурного общения требует не только умения говорить и писать, но и понимания культурных особенностей, которые играют ключевую роль в коммуникативной практике. Межкультурная компетентность помогает студентам не только

осваивать язык, но и адаптироваться к новой культуре, а также эффективно взаимодействовать с людьми из других стран. Она формируется через изучение культурных контекстов, анализ различных текстов и диалогов, а также через практическую работу в межкультурной среде.

Современное языковое образование не может ограничиваться только лингвистическими аспектами. В условиях глобализации язык становится не только инструментом общения, но и важным элементом, отражающим изменения в обществе. Интеграция культурных элементов в обучение иностранному языку – это необходимое условие формирования межкультурной компетенции. Основной целью такого подхода является развитие культурной грамотности у обучающихся, совершенствование их коммуникативных навыков в межкультурной среде, а также повышение мотивации к изучению языка через понимание культурных особенностей.

«Иноязычное образование специалиста, засматривающееся как один из путей подготовки специалиста к межкультурной коммуникации, должно включать культурологическое содержание, на основании которого может формироваться межкультурная коммуникативная компетентность как интегративная способность личности признавать и понимать другое мировоззрение и другую культуру» [5].

Однако в реальной практике преподавания часто наблюдается недостаточное внимание к культурным аспектам, что ведёт к недостаточному развитию у студентов способности адаптироваться к культурным нормам и традициям стран, изучающих язык. Таким образом, проблема интеграции культурных компонентов в обучение иностранному языку остаётся актуальной и требует более глубокого анализа.

Культура и язык тесно связаны, так как язык служит не только средством общения, но и носителем культурных ценностей, традиций и обычаев. Без понимания культуры невозможно полноценное усвоение языка, так как язык – это не просто система звуков и слов, но и инструмент передачи культурного опыта. Поэтому в учебном процессе необходимо учитывать культурные аспекты, чтобы обеспечить более полное и эффективное обучение.

Для понимания этой взаимосвязи важно определить понятие «культура». Культура – это не только язык, но и совокупность ценностей, норм, традиций, которые формируют поведение людей в определённом обществе. Язык, как часть культуры, помогает усваивать её, так как через язык мы получаем доступ к культурному опыту, истории и мировоззрению.

Стивен Пит Кордер (S.P.Corder), английский лингвист, один из основателей теории межкультурной коммуникации, в работе “The significance of language in communication” (1978), которая является одной из основных в сфере языковой коммуникации и межкультурного взаимодействия, утверждает: «Язык – это основа коммуникации, без которой невозможно понимание, обмен информацией и установление социальных связей» [4].

Обратимся к определению межкультурной коммуникативной компетенции – способности человека эффективно общаться с людьми, принадлежащими к другим культурным группам, учитывая культурные различия, нормы, ценности и традиции. С. П. Кордер (S. P. Corder) считает, что межкультурная коммуникативная компетенция – это способность понимать и использовать язык в межкультурной среде, учитывая культурные различия, что позволяет нам понимать и интерпретировать культурные различия; учитывать культурные нормы и ценности в коммуникации; строить эффективные и уважительные межкультурные контакты; решать конфликты в межкультурной среде [4]. Интеграция компонентов культуры в обучение иностранному языку – это сложный и многогранный процесс, который требует не только теоретической основы, но и практической реализации, что повышает эффективность обучения, так как позволяет учащимся лучше понимать и осваивать иностранный язык в контексте реальной коммуникации. Культурные компоненты, такие как реалии, идиомы, юмор и традиции, играют важную роль в формировании лексико-грамматических навыков, а также в развитии коммуникативной компетентности. Их интеграция в учебные материалы и методики обучения способствует более глубокому усвоению языковых и культурных особенностей, что, в свою очередь, улучшает понимание и использование языка в реальных ситуациях.

Для успешного решения данной проблемы, необходимо интегрировать культурные компоненты в каждый этап обучения, и, начиная с начальных уровней, включать в учебный процесс элементы культуры, чтобы формировать у учащихся целостное представление о языке и его культурном контексте. В связи с этим следует применить разнообразные методы и форматы, такие, как соответствующие познавательно-страноведческие тексты, аудио, видео, игры, проекты, что позволяет сделать обучение более живым и интересным.

Развитие межкультурной компетентности в учебном процессе требует учёта культурных различий, традиций и обычаев, что способствует формированию навыков эффективной коммуникации в межкультурной среде. Внедрение современных образовательных технологий, таких как цифровые ресурсы, интерактивные платформы, онлайн-курсы и мультимедийные материалы позволяет сделать обучение более эффективным и доступным для студентов. Организация культурных мероприятий – таких как вечера, выставки, конкурсы и межкультурные проекты – способствует глубокому пониманию культуры и повышению мотивации обучающихся.

Культурные элементы, такие как традиции, ценности, обычаи, языковые выражения, социальные нормы со временем меняются или эволюционируют. Это происходит под влиянием различных факторов: социальных изменений (урбанизация, технологический прогресс),

политических процессов (реформы, изменения в государственной политике) и экономических трансформаций (глобализация, цифровизация).

Интеграция культурных компонентов в обучение иностранному языку – это не только важная часть современного языкового образования, но и необходимое условие для формирования межкультурной компетентности у студентов. Однако, на практике реализация этой идеи сталкивается с рядом трудностей, которые требуют системного подхода и комплексных решений.

Повышение квалификации педагогов, разработка и адаптация учебных материалов, создание четких методик и программ, связь культурных аспектов с языковыми задачами, развитие оценочной системы - все эти направления играют ключевую роль в преодолении трудностей при интеграции культуры в учебный процесс.

Только при комплексном подходе, учитывающем потребности учащихся, особенности целевой культуры и современные образовательные стандарты, можно обеспечить эффективное и качественное обучение иностранному языку, в котором культура становится не просто дополнительным элементом, но важной частью языковой компетенции. Таким образом, интеграция культурных компонентов в обучение иностранному языку – это не только способ улучшения языковых навыков, но и путь к глубокому пониманию и уважению культурного разнообразия.

Список литературы

1. Безъязыкова, Ю. А. Культура как неотъемлемая часть обучения иностранным языкам // Вестник науки и образования. – №1 (37). – 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http://scientificjournal.ru/images/PDF/2018/VNO-37/kultura1.pdf
2. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 2005.
3. Гончарова, Н., Кретинина, Г., Чуксина, О. Межкультурная коммуникация и обучение английскому дискурсу // Высшее образование в России. – 2007. – № 8. – С. 135-136
4. Dörnyei, Z. Motivation in second and foreign language learning. Language Teaching. 1998. – 31(3). – P. 117-135. – doi:10.1017/S026144480001315X
5. S. P. Corder, The Natural Development of Language Ability. – Oxford: Oxford University Press, 1974.
6. Наролина, В. И. (2010). Межкультурная коммуникативная компетентность как интегративная способность межкультурного общения специалиста. Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2 (2). – Статья 2.
7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.

УДК 37.013.3:81'23

СОВРЕМЕННЫЙ УРОК: ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕРЕЗ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЗАДАНИЯ

Чеховская О. Л., канд. пед. наук, ORCID 0000-0001-6863-1149
МОУ «Рыбницкая русская гимназия № 1», г. Рыбница,
Приднестровская Молдавская Республика
leslen7@gmail.com

Введение. В условиях современного образования акцент на развитие метапредметных компетенций приобретает все большее значение. Компетенции, такие как способность решать проблемы, работать в команде, критически мыслить и эффективно коммуницировать, являются основой успешной социальной адаптации и профессиональной реализации. Языковое обучение является эффективным инструментом для формирования этих компетенций, поскольку оно требует от учащихся не только усвоения грамматических правил и лексики, но и активного использования языка в различных контекстах.

Проблема формирования метапредметных компетенций через языковое обучение является актуальной в педагогической науке. Обозначенным кругом вопросов занимались ученые Л. В. Карташова [3], Н. В. Мищенко [5], Н. Ю. Никонова [6] и др. Подчеркивается важность обучению языкам, которые способствуют развитию критического мышления и коммуникативных навыков учащихся [1], [5]. Согласно исследованиям, формирование метапредметных компетенций помогают не только в освоении языка, но и в развитии способности к решению проблем, что особенно важно в условиях глобальных изменений [2].

Так, Л.В. Карташова отмечает, что применение компетентностно-ориентированных заданий в обучении языкам способствует более глубокому пониманию материала и улучшению способности учащихся применять полученные знания в различных контекстах. В свою очередь, Н. В. Мищенко акцентирует внимание на необходимости развития метапредметных компетенций как важного элемента успешной социальной адаптации учащихся.

Важность адаптации существующих методов и разработка новых компетентностно-ориентированных заданий для образования в Приднестровье подтверждается многолетним проведением конкурса «Кладовая идей».

Целью данной статьи является рассмотрение роли компетентностно-ориентированных заданий в процессе обучения языкам как способа формирования метапредметных компетенций. В статье будет акцентировано внимание на примерах таких заданий, а также на подходах к оцениванию их выполнения.

Основная часть. Метапредметные компетенции – это такие навыки, которые выходят за рамки конкретных предметных знаний и являются универсальными для различных сфер человеческой деятельности. В контексте

образования они представляют собой способности, которые помогают учащимся решать сложные задачи, взаимодействовать с окружающим миром, принимать осознанные решения и эффективно работать в различных социальных и культурных контекстах.

Важнейшими метапредметными компетенциями, которые формируются через языковое обучение, являются:

- *критическое мышление* – способность анализировать информацию, выносить суждения и принимать решения на основе логических выводов.
- *коммуникативные навыки* – умение слушать, говорить, писать и читать в разных социальных контекстах, а также способность интерпретировать и воспринимать информацию из различных источников.
- *работа с информацией* – способность эффективно искать, обрабатывать и интерпретировать информацию, а также использовать её для решения проблем.
- *решение проблем* – умение находить способы преодоления трудностей и реализации решений, подходящих в конкретной ситуации.

Метапредметные компетенции позволяют учащимся быть гибкими и адаптируемыми в различных жизненных ситуациях, что особенно важно в быстро меняющемся мире.

Компетентностно-ориентированные задания, как правило, фокусируются не только на проверке знания фактов, но и на умении учащихся применять эти знания в различных ситуациях. Это подход помогает формировать у учеников навыки, которые можно использовать вне учебной аудитории.

Примером такого задания является работа, предложенная в рамках обучения языкам:

Задание 1: Соотнесите русские и английские эквиваленты глобальных проблем и их возможных решений.

1. Экологические проблемы
2. Образование – _____
3. Безработица – _____
4. Миграция – _____
5. Здоровье – _____
6. Энергетические ресурсы_
7. Чрезмерное потребление
8. Застарелые технологии –
9. Недостаток воды – _____
10. Конфликты и войны – _
11. Право на жилье – _____
12. Права человека – _____

Варианты ответов:

а) Energy resources

b) Quality of education
c) Water shortage
d) Pollution
e) Human rights
f) Unemployment
g) Migration
h) Public health
i) Conflicts and wars
j) Right to housing
k) Overconsumption
l) Outdated technologies

Думаем, что такого типа задания помогут учащимся анализировать глобальные проблемы, сравнивать их на двух языках и использовать лексический запас для их описания. Данное задание направлено на развитие навыков перевода, анализ и классификацию, что способствует формированию критического мышления и углублению знаний.

Задание 2: Создайте список глобальных проблем, которые затрагивают ваш город, и предложите решения для них в пассивном залоге.

Пример ответа:

Экологические проблемы – Clean energy should be used more widely.

Образование – The quality of schooling should be improved through education reforms.

Управление отходами – Waste should be separated and recycled properly.

Общественный транспорт – Public transportation should be expanded and improved.

Водные ресурсы – Water conservation measures must be introduced.

Предложенное задание способствует развитию навыков грамматической точности и правильного использования пассивного залога, а также способствует активному осмыслению глобальных проблем на локальном уровне.

Задание 3: Предложите решение одной глобальной проблемы на локальном уровне.

Пример: To solve environmental issues on a local level, more green spaces should be created, and efforts should be made to reduce plastic waste by encouraging recycling programs and using biodegradable materials.

Это задание направлено на развитие способности учащихся генерировать решения для реальных проблем, используя изучаемый язык. Оно стимулирует мышление на уровне локальных сообществ и подталкивает к творческому подходу к решению вопросов.

Необходимо заметить, что оценивание является важным компонентом образовательного процесса и помогает не только проверять знания учащихся, но и отслеживать прогресс в развитии метапредметных компетенций. В контексте компетентностно-ориентированных заданий оценивание должно учитывать не

только правильность выполнения, но и глубину анализа, способность ученика аргументировать свои решения, а также уровень применения языка.

Пример оценивания для задания 1: за каждый правильный ответ – 1 балл. Пример оценивания для задания 2: за каждое правильно составленное предложение – 2 балла. Пример оценивания для задания 3: за предложенные решения – 3 балла (если решения реалистичные и конкретные), корректность и полнота формулировки – 2 балла, язык – 1 балл.

Данная форма оценивания позволяет создать объективную и прозрачную систему оценки, которая помогает не только выявить знания учеников, но и развить их навыки мышления и коммуникации.

Заключение. Компетентностно-ориентированные задания играют ключевую роль в формировании метапредметных компетенций учащихся. Они развивают критическое мышление, навыки коммуникации, а также способности к решению проблем. Примеры заданий, приведенные в статье, показывают, как через языковое обучение можно не только углубить знания в области лексики и грамматики, но и развить важные навыки, необходимые в повседневной жизни.

Таким образом, современное языковое образование становится не только инструментом для изучения языка, но и важным фактором в формировании всесторонне развитой личности.

Список литературы

1. Баранова, Т. А. Использование метапредметных заданий в обучении иностранным языкам как средство развития когнитивных и коммуникативных навыков / Современные педагогические технологии. – 2019. – С. 102–107.
2. Бурковская, В. М. Языковое обучение как инструмент формирования универсальных компетенций у школьников. Педагогика. – 2017. – № 3(10). – С. 50–56.
3. Карташова, Л. В. Компетентностно-ориентированное образование в современном школьном процессе. – М.: Академия. – 2019. – 214 с.
4. Михеева, И. П. Компетенции в сфере образования: Современные подходы и практические рекомендации. Педагогика. – 2017. – № 2. – С. 88–93.
5. Мищенко, Н. В. Формирование критического мышления и коммуникативных компетенций через языковое обучение. – М.: Издательство «Просвещение». – 2018. – 215 с.
6. Никонова, Н. Ю. Развитие метапредметных компетенций в процессе изучения иностранных языков в школе / Технологии обучения. – 2021 – № 7(3). – С. 134–139.

УДК 81-2:811.111

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ УСТНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В БОЛЬШИХ ГРУППАХ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОСТИ АУДИТОРНОГО ФОНДА ВРЕМЕНИ

Чубарь С.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0006-5403-3483
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
SvProk08@mail.ru

Введение. Обучение разговорным навыкам является сложной задачей для преподавателей, особенно когда они вынуждены формировать их в группах с большой наполняемостью в течение одного или полугода с частотой не более одного занятия в неделю.

Цель статьи – выявить основные пути и наиболее эффективные способы и приемы, способствующие развитию навыков говорения каждого обучающегося в группах по 25-45 человек в условиях ограниченности аудиторного фонда времени у студентов неязыковых специальностей.

Основная часть. С каждым годом преподаватель иностранного языка вынужден принимать все новые вызовы: достигать образовательные цели не только в условиях последовательного сокращения аудиторного фонда времени в пользу самостоятельной работы студента, но и преодолевать трудности, характерные для обучения иностранному языку в группах с большой наполняемостью. Традиционная фронтальная работа, при которой преподаватель взаимодействует с одним учащимся, в таких условиях становится неэффективной: время говорения на одного студента измеряется секундами в неделю, что абсолютно недостаточно для преодоления языкового барьера и достижения беглости речи. Таким образом, возникает научная проблема, заключающаяся в необходимости найти методы и приемы, которые позволяют нивелировать негативное влияние внешних ограничений (большая группа, мало времени) на процесс овладения устной речью и преобразовать недостатки большой группы в преимущество за счет увеличения интенсивности взаимодействия и создания богатой языковой среды, даже в условиях дефицита времени.

Организация работы преподавателя при данных условиях должна строиться на следующих фундаментальных принципах.

1. Смещение роли преподавателя. Теперь он не центральная доминанта, а организатор и вдохновитель. Его главная задача – создать среду, где говорят студенты, а не он.
2. Правило 80/20. 80% времени на занятии говорят студенты, 20% – преподаватель.
3. Максимальное вовлечение. Снижение планки сложности поставленного вопроса в зависимости от уровня знаний учащихся, задавая более лёгкие вопросы с постепенным повышением уровня сложности.

4. Психологическая безопасность. Создание безопасной разговорной среды, где ошибки – это нормально и даже полезно, где хвалят за попытку, а не только за идеальный результат, – приоритетная задача преподавателя.

Безопасная среда для общения на занятиях английского языка – это обстановка, в которой ученики чувствуют себя комфортно, уважаются и не подвергаются осуждению при использовании иностранного языка. В такой среде ученикам рекомендуют говорить, участвовать в обсуждении, делать ошибки без страха критики или смущения.

Для создания благоприятной разговорной среды преподавателю следует сразу установить правила коммуникации, общие для всех участников, среди которых отметим следующие:

- непредвзято с интересом слушать других, воздерживаясь от посторонних разговоров;
- давать говорящему закончить свою мысль, не перебивая;
- уважать мнение других;
- давать знать, если что-то непонятно или есть необходимость получить больше информации.

При этом, если давление оказывается со стороны преподавателей, учащиеся будут неохотно высказываться из страха, что их ошибки поставят в неловкое положение или повлияют на дальнейшую оценку. Обратная связь в безопасной речевой среде должна исключать любое осуждение также со стороны преподавателей и быть направлена на поддержку в совершенствовании, а не на выявление ошибок. Таким образом, следует указывать на слова и фразы, которые стоит использовать в следующий раз, вместо того чтобы делать акцент на ошибки, чтоб это была обратная связь в процессе обучения, а не в процессе исправления ошибок.

Как показывает практика, для создания безопасной и благоприятной разговорной среды преподавателю необходимо систематически выделять достаточно времени для устных упражнений на каждом занятии. При этом, отдавая предпочтение заданиям, предполагающим активные виды речевой деятельности, делать устную речь инструментом, а не конечным результатом каждого упражнения. Кроме этого, очень важно планировать и выносить на обсуждение только те темы, которые, действительно, интересны учащимся, иначе, их будет сложно заставить говорить. Бесспорно, студенты охотнее вовлекаются в беседу, если материал связан с их опытом и базовыми знаниями или представляет собой увлекательные упражнения на развитие речи с использованием разнообразных аутентичных материалов из реальной жизни, включая звуковые файлы, изображения, презентации, видео и другой цифровой контент. Таким образом, именно преподаватели играют чрезвычайно важную роль в создании подходящей среды для обучения.

Для эффективного использования фонда учебного времени, ограниченного годом или полугодом с частотой аудиторных занятий один раз в неделю, рекомендуется трехуровневая модель.

Этап 1. Задача преподавателя – снять языковой барьер через создание безопасной разговорной среды и отработать базовые речевые клише. На данном этапе преобладают шаблонные диалоги, интервью в парах, игры. Продолжительность данного этапа при годовом курсе может составлять 1-2 месяца.

Этап 2 связан с развитием беглости и предполагает увеличение длительности и сложности высказывания. На данном этапе вводятся дебаты, проектная работа в группах, обсуждения кейсов. Главная цель – научить студентов говорить более свободно и длительно на знакомые темы. Его продолжительность 3-4 месяца.

Этап 3 нацелен на развитие точности и спонтанности речи через работу над грамматической и лексической корректностью, импровизацией. Используются задания на аргументацию, спонтанные ответы на вопросы. Главная цель – научить студентов говорить не только бегло, но и грамотно, а также реагировать на неподготовленные ситуации. Продолжительность может составлять также 3-4 месяца.

В учебном процессе следует использовать следующие приемы и методики, наиболее приемлемые для групп с большой наполняемостью.

1. Работа в малых группах или парах. Это единственный способ дать возможность говорить всем одновременно. Например, сначала каждый думает над вопросом или темой сам (1-2 мин.), затем обсуждает в паре (3-5 мин.), а потом несколько пар делятся идеями со всей группой. Данный прием резко снижает стресс, поскольку высказаться сначала проще одному человеку.

2. Игры и соревновательные элементы.

3. Использование вспомогательных средств обучения и технологий. Например, голосовые сообщения (в качестве домашнего задания). Это компенсирует недостаток времени на занятии.

Заключение. Развитие устной речи в больших группах при ограниченном времени является сложной, но решаемой методической задачей. Ключ к успеху лежит в отказе от традиционной пассивной модели в пользу активной, студенто-центрированной парадигмы. Очевидно и то, что большая аудитория студентов на занятии по иностранному языку предъявляет больше требований к преподавателю и требует от него большей активности, изобретательности, затрат энергии по сравнению с преподавателем иностранного языка, который преподает в небольших стандартных группах в рамках достаточного аудиторного фонда времени.

Список литературы

1. Richards, J. C. Approaches and Methods in Language Teaching / J.C. Richards, T.S. Rodgers. – Cambridge University Press. – 2014. – 303 с.
2. Harmer, J. How To Teach English / J. Harmer. – Longman, 2007. – 290 с.

УДК 372.881.111.1

ФОРМИРОВАНИЕ ГИБКИХ НАВЫКОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Чумак Л. А., ORCID 0009-0002-0901-7127
Бендерский политехнический институт ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», г. Бендеры, Приднестровская Молдавская Республика
gorlenko-luda@yandex.ru

Введение. В докладе рассматриваются важность формирования гибких навыков у обучающихся в современных условиях цифровизации образования, а также методы формирования гибких навыков, которые преподаватели могут использовать на занятиях при обучении как иностранному языку, так и другим предметам и дисциплинам. Цифровая трансформация современного мира оказывает значительное влияние на систему образования, предъявляя новые требования к компетенциям учащихся. Гибкие навыки (soft skills) становятся важнейшим компонентом подготовки конкурентоспособных специалистов, способствующих адаптации к быстро меняющимся условиям труда и жизни.

Цель настоящего доклада заключается в выявлении эффективных методов формирования гибких навыков у обучающихся в эпоху цифровой трансформации.

Основная часть. Современные исследования подчеркивают необходимость развития гибких навыков (soft skills) наряду с профессиональными навыками (hard skills). Например, авторы [2], проводившие исследование среди работодателей, пришли к выводу, что гибкость, адаптивность и способность решать нестандартные задачи являются наиболее востребованными качествами сотрудников XXI века. Это подтверждает значимость формирования таких качеств, как критическое мышление, креативность, коммуникабельность и эмоциональный интеллект.

Образование также сталкивается с необходимостью интеграции цифровых технологий, обеспечивающих интерактивность, доступность и персонализацию учебного процесса. Исследования показывают, что использование онлайн-курсов, мобильных приложений и виртуальных лабораторий способствует развитию самостоятельности и инициативности студентов [3].

Необходимость формирования гибких навыков определяется тем, что эти навыки не зависят от какой-либо профессии, а коррелируют непосредственно с личностными характеристиками индивида. Сложившаяся экономическая ситуация показывает, что будущим выпускникам недостаточно иметь только профессиональные знания по

учебным дисциплинам. Сегодня от них требуется овладение гибкими навыками и повышение их уровня. Получение этих навыков происходит параллельно с освоением предметных знаний.

К наиболее востребованным гибким навыкам относятся самомотивация, стратегическая мотивация, коммуникативные навыки, самопрезентация, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость и др. Формирование самомотивации личности является необходимым, так как выступает движущей силой, приводящей к цели. Именно наличие внутренней дисциплины и стимула способствует достижению намеченных результатов. Стратегическая мотивация является не только личностной характеристикой, но и выступает определяющим критерием профессиональной реализации специалиста. Личность, умеющая общаться в профессиональном сообществе, сможет полноценно реализовать компетенции. Так как деятельность каждого коллектива организуется исключительно через общение, обладание коммуникативными навыками позволит создать информационный комфорт для дальнейшего процесса коммуникации. В последнее время значительное распространение получили профессии, где умение общаться с людьми является ключевым фактором достижения успеха. Отсюда вытекает значимость развития навыка самопрезентации, формирование которого увеличит шансы результативного взаимодействия в социуме. Стрессоустойчивость является ключевым условием эффективной профессиональной деятельности, позволяя сохранять высокую результативность выполняемого труда в экстремальных ситуациях. Овладение данным набором навыков увеличивает конкурентоспособность будущих выпускников и повышает перспективу успешного трудоустройства в будущем.

Что касается методов формирования гибких навыков, то для эффективного формирования гибких навыков целесообразно применять комплексный подход, включающий следующие методы:

1. Проектная деятельность – проектное обучение позволяет студентам самостоятельно ставить цели, планировать свою работу, анализировать результаты и делать выводы. Этот метод развивает умение сотрудничать, принимать решения и преодолевать трудности.

2. Игровые технологии - использование деловых игр, симуляций и квестов помогает развивать коммуникативные способности, лидерские качества и стрессоустойчивость. Такие формы активируют творческий потенциал и способствуют быстрому освоению новых навыков.

3. Интерактивные форматы обучения – онлайн-обучение и дистанционные курсы позволяют организовать активное взаимодействие между студентами и преподавателем, вовлекают участников в обсуждение сложных вопросов и формируют навыки самоорганизации.

4. Обратная связь и рефлексия – регулярная обратная связь помогает учащимся осознавать сильные и слабые стороны своей деятельности,

мотивирует к самосовершенствованию и формированию осознанного подхода к обучению.

Уже есть и практический опыт внедрения таких методик. Примером успешного опыта является проект «Университет будущего», реализуемый ведущими вузами России. Его цель – создание условий для развития универсальных навыков, необходимых современным специалистам. Программа включает специализированные мастер-классы, воркшопы и стажировки, направленные на формирование ключевых компетенций, включая гибкие навыки (soft skills).

Кроме того, российские школы активно внедряют проекты цифрового образования, такие как «Московская электронная школа», позволяющие интегрировать цифровые инструменты в учебный процесс и формировать необходимые компетенции у школьников [1].

Но в рамках формирования гибких навыков выявляются проблемы, основными из которых являются следующие:

- традиционная система образования, нацеленная на овладение только профессиональными знаниями, исключает формирование гибких навыков;
- у преподавателей в области гибких навыков недостаточно сформированы методические и практические знания для успешной передачи этих знаний студентам;
- в образовательных программах и учебных планах отсутствуют соответствующие разделы, в рамках которых происходило бы формирование гибких навыков;
- низкий уровень разработанности цифровых образовательных технологий, направленных на развитие гибких навыков, и неготовность педагогов профессиональных образовательных организаций к их применению.

Заключение. Таким образом, развитие гибких навыков становится ключевым фактором успеха будущих профессионалов. Современные образовательные практики предлагают широкий спектр инструментов и подходов, позволяющих эффективно развивать указанные навыки. Необходимо дальнейшее изучение влияния цифровых технологий на образование и совершенствование педагогических практик, направленных на подготовку компетентных и успешных специалистов. Проблема формирования гибких навыков активнее всего разрабатывается в системе среднего профессионального образования в связи с растущей популярностью проведения чемпионатов профессионального мастерства.

Список литературы

1. Беспалова, О. А., Иванов, Д. А. Опыт реализации проектов дистанционного обучения в образовательной среде вуза // Информатизация образования и науки. – 2023 – № 2 (44).

2. Гафарова, Р. Р., Насырова, А. И. Исследование уровня сформированности профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций // Вестник КГУ им. Некрасова. Серия Педагогика, психология, социология. – 2021. – № 2 (28).
3. Захарова, Т. Н., Смирнова, Е. В. Применение современных образовательных технологий в формировании профессиональной компетентности педагогов // Психолого-педагогические науки и практика высшего профессионального образования. – 2022 – № 3.

УДК 372.881.111.1

ИМПЛИЦИТНОЕ УСВОЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА У НАЧИНАЮЩИХ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОПОДХОДА

Юрченко Е.И. [1], канд. соц. наук, доц., ORCID 0009-0002-1795-3644,
Юрченко О.Д. [2], ORCID 0009-0008-1617-6971
[1]ФГАОУ ВО «Московский институт электронной техники (Технический университет)», г. Москва, РФ
[2]ФГОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, РФ
89161005920@mail.ru, yrobokop2@mail.ru

Введение. Современные исследования в области когнитивной нейронауки и прикладной лингвистики убедительно показывают, что эффективное усвоение иностранного языка на начальном этапе невозможно через сознательное заучивание грамматических правил и переводческие стратегии [1]. Вместо этого язык усваивается имплицитно – через повторение в контексте, звуковую имитацию и эмоциональную вовлечённость, что воспроизводит естественный путь языкового онтогенеза [2]. Именно на этих принципах строится нейроподход – методологическая парадигма, позволяющая формировать автоматизированную речь уже с первых уроков.

Основная часть. В рамках авторского учебного курса *«Английский с нуля»* реализованы ключевые нейропринципы, подтверждённые современной наукой:

1. Фокус на звуке, а не на букве. Учащиеся учатся воспринимать фразы как единые звуковые паттерны (*Yes, I do* → /jes aɪ duː/), а не как цепочку букв. Это соответствует данным нейролингвистики о том, что фонологическая память играет ключевую роль в распознавании и воспроизведении речи [3].

2. Циклическая, ритмическая организация материала. Глаголы (*ride, eat, get*), прилагательные (*good, new, big*) и грамматические структуры повторяются в «плавающих окнах» — тройках, сдвинутых на один элемент

(например: *Do you ride? Do you eat? Do you get? → Do you eat? Do you get? Do you learn?*). Такой приём формирует речевые чанки — готовые к употреблению блоки, что снижает когнитивную нагрузку и ускоряет автоматизацию [4].

3. Личностно значимый и эмоционально окрашенный контекст. Вопросы вроде *Do you help your mom?*, *Is your room yellow?* или *Do you wash the dishes after dinner?* активируют автобиографическую память и лимбическую систему, что усиливает запоминание за счёт эмоциональной вовлечённости [5].

4. Полный отказ от перевода и грамматического анализа. Структуры Present Simple, артикли (*a/an*, *the*) и специальные вопросы (*What do you watch?*) усваиваются не через объяснение, а через многократное употребление в естественных речевых ситуациях — в соответствии с гипотезой «понятного входящего потока» (comprehensible input) [1].

Апробация методики в группах начинающих взрослых и подростков (N = 42) показала, что уже к 6-му уроку 89 % учащихся могли строить связные мини-монологи о себе без подготовки, используя структуры вроде *I live in Moscow. I study at the university. I speak English and German*. При этом уровень языковой тревожности, измеренный по шкале Foreign Language Classroom Anxiety Scale (FLCAS) [6], снизился в среднем на 37 %, что подтверждает снижение когнитивного стресса при отказе от аналитического подхода.

Важно отметить, что эффективность методики обусловлена также многоканальной подачей: сочетание аудио, визуальных образов (предметы: *computer, apple, car*) и кинестетического компонента (ритм, хлопки, проговаривание вслух) соответствует принципам нейропластичности и правилу «многомодального кодирования» [7].

Заключение. Нейроподход – это не просто педагогическая инновация, а научно обоснованная стратегия, позволяющая воссоздать условия естественного усвоения языка даже у взрослых учащихся. Его интеграция в школьную и вузовскую практику способна:

- снизить языковую тревожность и когнитивную перегрузку;
- ускорить переход от осознанного воспроизведения к спонтанной речи;
- сформировать живой, функциональный язык, а не «кабинетную» грамматику.

Разработанная методика может быть рекомендована к использованию при создании учебно-методических комплексов нового поколения, ориентированных на реальную коммуникативную компетенцию.

Список литературы

1. Krashen S. D. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. – Oxford: Pergamon Press, 1982. – 202 p.

2. Pinker S. *The Language Instinct: How the Mind Creates Language*. – New York: Harper Perennial, 1994. – 494 p.
3. Ellis N. C. Frequency effects in language processing: A review with implications for theories of implicit and explicit language acquisition // *Studies in Second Language Acquisition*. – 2002. – Vol. 24, № 2. – P. 143–188. DOI: 10.1017/S0272263102002024.
4. Nation I. S. P. *Learning Vocabulary in Another Language*. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 528 p.
5. Damasio A. R. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. – New York: Harcourt Brace, 1999. – 386 p.
6. Horwitz E. K., Horwitz M. B., Cope J. Foreign Language Classroom Anxiety // *The Modern Language Journal*. – 1986. – Vol. 70, № 2. – P. 125–132. DOI: 10.1111/j.1540-4781.1986.tb05256.x.
7. Medina J. *Brain Rules: 12 Principles for Surviving and Thriving at Work, Home, and School*. – Seattle: Pear Press, 2008. – 288 p.

УДК 372.881.111.1

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПРИНЦИПЫ, ИНСТРУМЕНТЫ

Яцура К.А.,
Стуколова Е.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-9244-5186
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, РФ
Choosee@mail.ru

Введение. В актуальных условиях константных социально-экономических изменений владение иностранными языками остаётся насущной необходимостью не только для специалистов определенных профессиональных направленностей, но и для высокого уровня развития интеллектуальной сферы личности выпускников школ, в целом.

Многие действенные приемы и методы обучения ориентированы на зрительное восприятие невербальной или вербально-невербальной опоры. Одним из таких методов является визуализация.

Изучение строения человеческого мозга, различных способов восприятия информации, запоминания и обучения, а также процессов образования и разрушения нейронных связей, деавтоматизации и закрепления навыков являются предметом исследования в рамках нейролингвистики, нейрометодики, лингводидактики. Исследователь Генри Прайс охарактеризовал нейрометодику как «сочетание знаний о работе мозга и дидактики» [2]. Нейрометодика связана с визуализацией и определяет, в том числе закономерности усвоения знаний, представленных в виде схем, моделей, образов для представления, понимания, запоминания

и использования языкового материала. Исследователь М.Е. Лихачёва понимает под визуализацией «переработку» информации о явлении, процессе и взаимосвязи в форме, которая дает возможность воспринимать информацию через визуальный перцептивный канал [3]. Визуализация, таким образом, не является просто яркой изобразительной наглядностью с множеством знаков и символов, но предоставляет учителю образовательно-когнитивный инструмент, облегчающий усвоение языка и активирующий разные участки мозга обучающихся.

Цель данного исследования заключается в изучении возможности применения визуализации как одного из инструментов нейрометодики в обучении английскому языку в контексте современного развития образования, в том числе с учетом неотъемлемых технологических новаций.

Основная часть. Эффективность визуализации как нейролингвистического метода объясняется нейрофизиологическими механизмами обработки информации. Теория двойного кодирования (далее – ТДК) (авт. Аллан Пайвио) описывает две связанные между собой системы, отвечающие за обработку и запоминание новой информации – вербальная и невербальная. Вербальная система всегда обрабатывает речь, не важно, в какой форме она представлена – текст или шрифт Брайля, и как воспринята – визуально, на слух или тактильно. Невербальная (или образная) система помогает распознать неязыковые образы – изображения, звуки, действия. ТДК утверждает тесную взаимосвязь между вербальной и невербальной системами. Информация, поступающая в человеческий мозг, делится на две модели: образные репрезентации называются имагенами, словесные – логогенами [5].

Рассмотрим несколько основных принципов когнитивной теории мультимедийного обучения Ричарда Майера, имеющей непосредственное отношение к ТДК:

1. Принцип мультимедиа: индивид обучается интенсивнее при вербальном раскрытии значений, сопровождаемым изобразительной наглядностью.

2. Принцип согласованности: наглядность призвана передавать и подтверждать содержание информации, акцент не может быть перенесен на эстетический компонент.

3. Принцип пространственной связи: обучающиеся воспринимают и ассоциируют информацию, когда наглядность аннотируется непосредственно или соединяется стрелками-указателями, или линиями с вербальным названием, не на расстоянии от него. В таком случае мозг не расходует дополнительные усилия на то, чтобы найти нужную подпись, что снижает когнитивную нагрузку.

4. Принцип временной связи: материал запоминается лучше, когда иллюстрация и устное пояснение к ней подается одновременно, а не последовательно. Таким образом, зрительное и слуховое восприятие

задействовано синхронно, то есть, информация воспринимается и вербально, и образно.

5. Принцип модальности: исходя из ТДК Пайвио, знания, полученные вербальным и невербальным путем одновременно, усваиваются намного быстрее тех, что представлены только в одном виде.

6. Принцип сигнализации: эффективно, когда в новой теме выделено важное, есть сводка необходимых терминов или слов в отдельном месте, и рекомендации, как использовать незнакомый ресурс наилучшим образом [4].

Рассмотрим несколько инструментов, позволяющих реализовать приемы визуализации, отвечают принципам, представленным выше, и в полной мере могут быть применены в процессе освоения иноязычной речи.

Ресурс Wordwall. Одна из лучших площадок для изучения иностранных языков со множеством графики и шаблонов, различными шрифтами и звуками, предлагающая самые простые в применении флэш-карты для изучения новых слов, шаблоны с телевикториной, кроссвордом, лабиринтом и другие («найди пару», «приведи в порядок», «закончи предложение» и тд.).

Ресурс Quizlet предоставляет обширный набор инструментов для визуализации в обучении. Пользователям доступен просмотр диаграмм и их создание. С их помощью можно создавать интерактивные задания на основе изображений, карт, схем. В карточки с терминами или другой информацией для изучения можно добавлять фотографии и анимированные изображения.

Весьма эффективной с точки зрения эффективного применения в иноязычном образовании представляется относительно недавно вошедшая в широкое использование на уроках иностранного языка техника «кроссенс». Данный инструмент представляет собой некую головоломку или ребус. Это девять картинок, расположенных в форме квадрата, на каждой из которых изображена деталь, относящаяся к теме урока, в середине находится главное изображение, которое объединяет все остальные. Обучающиеся должны рассмотреть картинки, попытаться составить на их основе рассказ и отгадать тему урока. Обучающиеся могут поделится на две группы, одна из которых создает кроссенс и закрывает центральную картинку, а вторая должна разгадать кроссенс. Данный инструмент основан на деятельностном подходе, делает уроки более интересными и развивает критическое и логическое мышление у обучающихся [1].

Итак, визуализация – это не вспомогательный прием, а состоятельный нейрометодический инструмент, базирующийся на понимании и учете закономерностей и механизмов обработки информации человеческим мозгом. Инструменты визуализации могут способствовать достижению методических ориентиров, совершенствованию учебных материалов и корректному распределению когнитивной разгрузки, обеспечивая максимальное усвоение содержания обучения.

Список литературы

1. Использование интеллект-карт на уроках английского языка [Электронный ресурс] // ГУО «Драчковский учебно-педагогический комплекс детский сад-средняя школа». – URL: https://drachkovo.smoledu.by/?page_id=752 (дата обращения: 24.08.2025).
2. Куликова, О. В. Нейродидактический подход как фактор повышения качества обучения иноязычному профессиональному общению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. – 2014. – №14 (700). – С.107 (дата обращения: 22.08.2025).
3. Лихачёва, М. Е. Визуализация как средство повышения эффективности учебного процесса на занятиях по русскому языку как иностранному // Инновационное образовательное пространство: теория и практика обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному в высшей школе. – Коллективная монография. – Под общей редакцией Е. И. Чирковой. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании. – 2017. – С. 53–72.
4. Принципы мультимедийного обучения, которые помогают создавать цифровой учебный контент [Электронный ресурс] // Skillbox Media. – URL: https://skillbox.ru/media/education/printsipy-multimediynogo-obucheniya-kotorye-pomogayut-sozdavat-tsifrovoy-uchebnyy-kontent/ (дата обращения: 22.08.2025).
5. Теория двойного кодирования: в чём её суть и как она применяется в обучении [Электронный ресурс] // Skillbox Media. – URL: https://skillbox.ru/media/education/teoriya-dvoynogo-kodirovaniya-v-chyem-eye-sut-i-kak-ona-primenyaetsya-v-obuchenii/ (дата обращения: 22.08.2025).

УДК 81

СТРАТЕГИЯ ПОЗИТИВНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ В ВЫСТУПЛЕНИИ М. РЮТТЕ

Дзундза Н.В., ORCID 0009-0001-6039-5046,
Лесюкова А.В.
Военная академия воздушно-космической обороны
имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, г. Тверь, РФ
dzundza.00@gmail.com, lesyukova_a@mail.ru

Введение. Политические выступления являются объектом изучения политологии, психологии, журналистики, и других дисциплин, в том числе лингвистики. В центре внимания находится как событийное содержание выступлений, так и их речевоздействующий потенциал. Для успешного выступления политику необходимо убедить аудиторию в том, что его позиция достоверна, общепризнана и преобладает над позицией других. Для достижения этого эффекта используется стратегия положительной презентации.

Цель статьи – выявить средства реализации стратегии позитивной презентации в выступлении генерального секретаря НАТО М. Рютте на пресс-конференции перед саммитом НАТО в Гааге.

Основная часть. Значительное влияние на формирование общественного мнения оказывают государственные и политические лидеры, в числе которых и генеральный секретарь НАТО М. Рютте. Он выступает как своего рода проводник идей и ценностей, разделяемых западными странами. Изучение способов манипулирования общественным мнением важно для выработки методов противодействия навязываемым идеям.

Создание позитивного образа НАТО является одним из способов манипулирования общественным сознанием. Для этого в политических выступлениях используются определённые речевые стратегии. Рассмотрим некоторые дефиниции данного понятия. В. Б. Кашкин определяет речевую стратегию как «часть коммуникативного поведения, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используются для достижения определенной коммуникативной цели» [2, с. 14]. По В. С. Анохиной, коммуникативная стратегия – «выбор определенной линии речевого поведения в конкретной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [1, с. 66]. По Т. В. Матвеевой, речевая стратегия –

«генеральная интенция говорящего, а также совокупность речевых действий, направленных на решение основной коммуникативной цели говорящего» [3, с. 386]. Речевая стратегия определяется как общий план достижения коммуникативной цели, то есть конечного результата или эффекта, которого добивается говорящий.

Одной из генеральных интенций в выступлениях НАТО является поддержание позитивного образа организации, то есть используется стратегия позитивной презентации. Эта стратегия «ориентирована на позитивную презентацию описываемого события или явления, на создание мелиоративного имиджа личности, на обоснованное одобрение рассматриваемой проблемы» [5, с. 3]. Она реализуется посредством языковых средств разных уровней (морфологического, лексического, синтаксического).

Рассмотрим средства создания позитивного образа НАТО в выступлении М. Рютте на пресс-конференции перед саммитом альянса в Гааге 23 июня 2025 г.

На морфологическом уровне генеральный секретарь использует местоимения *we* и *our* для демонстрации не только объединения, но и разделения на «свое» и «чужое». В речи говорящий не раз отмечает, что цель НАТО – ***our*** *collective defense*, ***our*** *security [наша коллективная безопасность, наша безопасность],* что убеждает аудиторию в том, что альянс направлен на оборону стран-участниц (***our*** *citizens*). Используя местоимение *мы*, М. Рютте подчеркивает, что все страны решительно настроены защищать каждый дюйм территорий: «***we*** *are committed to defending* ***every inch*** *of Allied territory»* [4]. Частотно также использование сравнительной степени прилагательных для усиления аргументов говорящего. Для того, чтобы убедить союзников увеличить затраты на расходы альянса, М. Рютте сообщает, что организация будет более безопасной (*«we will be* ***more secure»*** [4]). Помимо этого, увеличение производства способствует огромному экономическому потенциалу, что в свою очередь, приведёт к созданию большего количества рабочих мест (*«there is* ***huge*** *economic potential for our societies – including* ***more*** *jobs for our people»* [4]). М. Рютте также утверждает, что увеличение расходов приведет к тому, что альянс станет сильнее, более справедливым и смертоносным («*making NATO* ***a stronger, a fairer*** *and* ***a more lethal»*** [4]).

На лексическом уровне для описания деятельности НАТО используется положительно-окрашенная лексика: *bold decision (смелые решения), fair (справедливый), committed to defending (решимость защищать).* Повторение этих лексических средств направляет сознание реципиентов на создание исключительно положительного образа альянса. В выступлении также встречается лексический повтор: «*By* ***investing more and producing more,*** *we build a stronger NATO…»* [4] (Усиливая инвестиции и производство, мы строим более сильный альянс). Говорящий указывает, что

сила, а соответственно безопасность, зависит от стран-участниц, тем самым показывая, что вклад каждой страны важен.

На синтаксическом уровне выделяются приёмы, которые фокусируют внимание слушателя на определенном факте. Используя инверсию, говорящий изменяет нейтральный порядок слов в английском языке и таким образом придает предложению окраску: «*And we are committed to defending every inch of Allied territory, should any potential adversary make the mistake of attacking any Ally…»* [4] (мы намерены защищать каждый дюйм территории, в том случае если потенциальный противник совершит ошибку, атаковав союзника).

В политическом выступлении М. Рютте используются различные средства на уровне морфологии, лексики и синтактики для создания положительного образа альянса.

Заключение. Таким образом, стратегия положительной презентации способствует повышению доверия и солидаризации общественного мнения по поводу проблем современности, решение которых предлагает коммуникант. Эта стратегия смещает фокус с негативных сторон деятельности организации и создает односторонний образ. Это образ транслируется и навязывается реципиентам, что приводит к безоценочному восприятию информации.

Список литературы

1. Анохина, В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 64–71. – EDN JVCZIJ.
2. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 2010. – 562 с. – ISBN 978-5-222-17060-1.
4. Пресс-конференция генерального секретаря НАТО М. Рютте перед конференцией в Гааге. – Текст: электронный. // NATO: официальный сайт. – 2025. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_236418.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 10.09.2025).
5. Соломатина, А. О. Стратегии положительной и отрицательной презентации информации через призму содержательно-информативных характеристик политических текстов / А.О. Соломатина // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – №116. – С. 1–9.

УДК 81

РОЛЬ РАЗВЕРНУТОЙ МЕТАФОРЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

***Кузнецова В.Ю.*,** канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0006-7711-6046
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»,
г. Москва, РФ
vera087@mail.ru

Введение. Образность является сложным и многогранным явлением, играющим ключевую роль в создании яркого и неповторимого текста. Подтверждение данной мысли можно найти в научных трудах ряда ученых [1; 2; 3; 4; 5].

Индивидуально-авторские образы, будучи мощным инструментом для привлечения внимания читателя и создания оригинального текста, одновременно представляют собой и эффективное оружие манипулирования. Синтез же реального, виртуального и визуального контекстов позволяют создавать материалы, обладающие значительным потенциалом. Именно за счет подобного синтеза авторам удается формировать смыслы, которые не выражены прямо, но оказывают сильное воздействие на читателя.

Можно с уверенностью говорить о том, что смысл рождается на стыке *реального* (фактического, ситуативного), *виртуального* (образного, ассоциативного) и *визуального* контекстов. Под реальным контекстом в данном случае понимаются конкретные события, описываемые в тексте. Под виртуальным – система образов, метафор, символов, которые используются для интерпретации событий, описываемых в реальном контексте. Под визуальным контекстом следует понимать совокупность визуальной информации, которая сопровождает вербальный текст и влияет на его восприятие, интерпретацию и порождение смысла (изображения, шрифты, цвета). Визуальный контекст помогает нам понять текст глубже, чем если бы мы читали его без визуальной подсказки. Именно эти три элемента позволяют создавать многомерные смысловые слои.

Цель. Целью данной статьи является: исследование особенностей функционирования индивидуально-авторских развернутых метафорических образов в рамках реальной ситуации описания с учетом визуальной составляющей; анализ роли образного и визуального элементов как инструментов создания имплицитных смыслов с целью манипулятивного воздействия на аудиторию и формирования позитивного или негативного оценочного суждения.

В ходе исследования предполагается выявить и описать механизмы, благодаря которым синтез реального, виртуального и визуального

контекстов способствует порождению многомерных смысловых слоев в медиатексте. На примере фрагмента статьи будет рассмотрено, как образные средства участвуют в конструировании оценочного суждения, демонстрируя тем самым мощный потенциал в реализации скрытых прагматических установок.

Основная часть. Рассмотрим фрагмент из новостной статьи и проанализируем его.

Таблица 1

Новостная статья, конструирующая оценочное суждение

Визуальная составляющая (визуальный контекст)	***Реальный и виртуальный контекст***
	Для шеф-повара торжественного обеда в честь Трампа все прошло вообще волшебно, потому что теперь он сделает миллионы на мемуарах. С учетом того, что британская кухня считается одной из главных причин суицида, ***Трамп прилежно все съел и потом даже мимоходом отметил, что «схомячил нафиг все, что они там подсунули»****.* *На самом же деле визит американского президента в бывшую метрополию был в каком-то смысле* ***ритуально-прощальным****.* ***Злые языки даже сравнили поездку с репетицией похорон короля Британии Карла III, который действительно выглядел не очень и тайком от гостей дышал на ладан****. Заявления Трампа вроде «мы объединены навечно и всегда останемся друзьям» также* ***добавляли ситуации мрачного сюрреализма****, особенно в свете того, что* ***переговоры с ним вел другой живой труп*** *– только политический [6].*

Представленный фрагмент является сатирическим политическим комментарием, в котором гармонично сплетается образный, реальный и визуальный контексты, делая тон текста язвительным и даже циничным. Автору удается не только сделать сообщение оригинальным, но и дать оценку событиям через призму критики и черного юмора (проявляется в визуальном и образном контексте). Подобный ход делает сообщение ярким, запоминающимся и заставляет читателя задуматься.

В представленном фрагменте можно выделить резкие, уничижительные метафоры («дрожащий мешок слизи», «живой труп», «репетиция похорон»), гиперболу («грандиозным, историческим и ошеломительным успехом», «сдал американцам вообще все»).

Интересно, что автор прибегает к образности для описания политических лидеров, стран и политических систем. Президент США Д. Трамп показан как грубый и невоспитанный лидер («схомячил нафиг все»). Премьер-министр Великобритании К. Стармер представлен как слабый и подчиняющийся лидер (его «успех» измеряется лишь тем, что его не унизили публично – «не был публично послан подметать Ла-Манш»). Более того, автор утверждает, что К. Стармер пошел на огромные уступки США («сдал американцам вообще все») и войдет в историю как неудачник («самым ничтожным премьером после Лиз Трасс»). Король Карл III изображен как угасающий, почти мертвый институт. Фразы «дышал на ладан», «живой труп» создают образ чего-то отжившего свое, что лишь формально присутствует на политической сцене.

Обращение к подобной подаче информации раскрывает символический потенциал данного сообщения. Автор статьи как бы говорит об упадке британской политической системы и государственности. Страна представлена как слабый вассал США, а король – ничтожной фигурой. Заявления о «вечной дружбе» является обманом, т.к. не соответствует реальному положению дел. Интересно, что автор как бы намекает на то, что за дипломатическим фасадом кроются лишь ритуальные, бессмысленные действия («ритуально-прощальный» визит) и личные интересы (шеф-повар, который «сделает миллионы на мемуарах»). Визуальная составляющая подкрепляет вербальный текст. Крушение часовой башни Вестминстерского дворца в Лондоне говорит о крахе политической системы. Образ Д. Трампа под зонтом символизирует стремление президента США к покровительству.

Представленный фрагмент является ярким примером того, как за счет умелой «игры» инструментами образности можно создать оригинальный текст с имплицитными смыслами.

Заключение. Подводя итоги, следует еще раз отметить, что использование образных элементов может в значительной степени повлиять на восприятие информации и выводить читателя на глубинные смысловые планы.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 248 с.
2. Калинин, О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: 10.02.19 «Теория языка (филологические науки)»: дис. … д-ра филол. наук / Калинин Олег Игоревич. Москва, 2022. – 480 с. Текст: электронный. – URL: https://www.mgpu.ru/dissertatsiyakalinina-o-i/ (дата обращения: 22.06.2025).
3. Чернявская, В. Е. Визуальная метафора в персуазивной коммуникации / В. Е. Чернявская, Н. Э. Горшкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.М. Герцена. – 2021. – № 202. – С. 175–182.
4. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 277 с.

5. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2003. – 251 с.

Список источников иллюстративного материала

6. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250920/tramp-2043095443.html (дата обращения: 23.09.2025)

УДК 81-13

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Куксина О.И., ORCID 0000-0002-5609-5948,
Соколова Н.В., ORCID 0000-0002-5853-0130
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
kuksinaolga23@mail.ru, 4295166@mail.ru

Введение. Лингвистический подход к изучению речевой агрессии подразумевает исследование языковых способов ее выражения. В данном аспекте вербальная агрессия определяется как использование разнообразных языковых средств для выражения неприязни, враждебности, оскорбляющих чье-либо самолюбие, достоинство [1]. Речевая агрессия, как лингвистическое и коммуникативное средство, ставит своей целью оказать влияние на формирование мировосприятия аудитории, навязывание единственно верной, по мнению авторов, риторики, пропаганду своих интересов и позиций любыми доступными способами.

Цель статьи – рассмотреть средства выражения вербальной агрессии на разных языковых уровнях – лексическом, грамматическом, стилистическом, синтаксическом, текстовом.

Основная часть. В большинстве случаев речевая агрессия на лексическом уровне реализуется с использованием негативно окрашенной лексики, лексики сниженного разговорного уровня, обсценизмов (непристойных выражений, бранных слов), негативно-маркированных слов со значением разрушительных действий, отрицательных эмоциональных состояний и оценок, эмоционально-экспрессивных слов со значением обмана / разоблачения. Используются также некодифицированные средства речевой агрессии – слова, которые находятся за гранью литературного языка, но являются лексической единицей национального языка. Использование таких средств считается простым и очевидным способом выражения негативных эмоций и отрицательных оценок.

На грамматическом уровне вербальная агрессия проявляется включением неологизмов, образованных аффиксальным способом, а также путем словосложения, конверсии и употреблением сокращений.

Текстовыми или дискурсивными средствами выражения агрессии являются приемы языковой демагогии, то есть непрямого воздействия на адресата, а также ирония, сарказм.

Для коммуникационной среды характерны следующие дискурсивные средства речевой агрессии: провокационное общение, ирония, перегруженность текста негативной информацией, фразеологические единицы, идиомы.

Синтаксические средства выражения речевой агрессии предполагают использование языковых конструкций для передачи негативного эмоционально-оценочного отношения к кому- или чему-либо.

Доминирующими способами выражения коммуникативной агрессии на синтаксическом уровне являются [2]:

- параллелизм, однотипное построение следующих друг за другом предложений, что помогает придать речи больше экспрессивности и привлекает внимание аудитории к сказанному, делает оценку высказываний более интенсивной;
- синтактико-стилистические повторы, которые усиливают агрессию, создают эффект нарастания отрицательных эмоций;
- парцелляция, при которой предложение интонационно делится на самостоятельные отрезки (парцелляты), а графически они выделяются как самостоятельные предложения. Она используется для создания экспрессивной окраски путём отрывистого произношения предложения, чтобы акцентировать внимание в высказывании, например, на негативных сторонах участников коммуникации;
- императивные конструкции, функция которых в данном случае — не пригласить оппонента совершить какие-либо действия, а выразить угрозу, приказание в категорической форме;
- риторические вопросы. Данный тип вопросов, как вопросов, не требующих ответа, не свойственен диалогической коммуникации, поэтому в агрессивных речевых тактиках они приобретают новое значение, а именно, вызвать упрёк или подозрение;
- синтаксические фразеологизмы, которые предназначены не для воздействия на адресата, а для выражения чаще всего негативного, враждебного отношения говорящего к ситуации;
- синтаксические конструкции с дифференцированными функциональными оттенками (угрозы, иронии, сарказма, раздражения, скепсиса).

Средства коммуникативной агрессии на стилистическом уровне представлены:

- эпитетами, посредством которых выражается нелицеприятное отношение к каким-либо событиям;
- метафорой, которая активно используется как языковое средство актуализации речевой агрессии. Метафорические модели могут оказывать

эмоциональное воздействие, понижать статус объекта, моделировать образ агрессивной, враждебной реальности. Такие модели обладают рядом специфических характеристик, а именно:

1) способностью оказывать эмоциональное воздействие на адресата (призывать к агрессивным действиям, провоцировать агрессивное состояние, агрессивно описывать предмет речи и т.д.);

2) способностью понижать социальный, профессиональный статус, имидж характеризуемого метафорой объекта речи, умалять его значимость в глазах адресата.

- гиперболой, в основе которой лежит чрезмерное преувеличение качеств, признаков предмета, явления, события.

Необходимо также отметить просодические средства выражения агрессии.

На этом уровне они представлены восклицательными конструкциями, восклицательной интонацией, фразовым ударением.

К просодическим средствам выражения агрессии относятся:

- риторический вопрос с резко восходящим тоном, который призван продемонстрировать возмущение выступающего;
- использование открытой интонации, которая подготавливает слушателей к дальнейшей информации;
- синтаксический повтор, который варьируется от нисходящего тона до резко восходящего, что показывает всю палитру испытываемых выступающим эмоций;
- произношение слов с резкой интонацией, что свидетельствует о неприязненном отношении к объекту речи.

Как правило, просодически маркированным словам в подавляющем большинстве случаев сопутствуют акцентирующие жесты, самыми частотными из которых являются жесты рук, движения головы и тела.

Заключение. Взаимодействие и совокупное применение лексических, грамматических, стилистических, синтаксических, текстовых, просодических средств выражения речевой агрессии направлено на понижение социально-профессионального статуса адресата, а также способствует формированию негативного осознания его имиджа окружающими и оказывает эмоциональное воздействие на всех участников коммуникации.

Список литературы

1. Комалова, Л. Р. Язык и речевая агрессия: Аналит. обзор / Л.Р. Комалова. – М. – 2015. – 75 с. – ISBN 978-5-248-00788-2.
2. Лето, Я. В. Коммуникативные средства выражения агрессии в американском политическом дискурсе», (на материале интернет-публикаций и выступлений Д. Трампа). Автореферат диссертации на соискание учен. степени к-та филол. наук, Уфа – 2022. – URL: https://dissercat.com/content/kommunikativnye-sredstva-vyrazheniya-agressii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse-na-mater (дата обращения 2.10.2025).

УДК 81`27:654.197

МОНОЛОГ КАК ЭЛЕМЕНТ ТОК-ШОУ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Скоков И.В., ORCID 0009-0001-9993-9952
ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского», г. Луганск, РФ
skokov_science@mail.ru

Введение. Ток-шоу – жанр телевизионной передачи, возникший в западной культуре во второй половине минувшего столетия, в настоящее время получил весьма широкое распространение и в других социокультурных сообществах, в том числе в восточноевропейском культурном пространстве, и в частности – в российском, которое отличается (в ряде позиций – довольно существенно) от аналогичного западного феномена ценностными и иными приоритетами. Это обусловливает необходимость детального исследования тех параметров, которые были установлены в качестве конструктивных для данного жанра при его формировании, для отбора тех из них, которые могут быть эффективно использованы при подготовке передач подобной жанровой принадлежности в других социокультурных сообществах – с непременным учётом ценностного и лингвокультурного своеобразия последних.

Цель исследования состоит в анализе с лингвопрагматических позиций одного из популярных в Великобритании ток-шоу – автомобильной программы “The Grand Tour”, который позволит выявить наиболее эффективно воздействующие на адресата участки разворачивающегося в программе действия.

Основная часть. Телевизионная программа, выпуски которой в данном случае служат материалом исследования, носит познавательно-рекламный характер (нередко преобладающим становится именно второй компонент, что обусловлено существенной коммерциализацией западного (а в настоящее время – не только) медийного пространства), информационными поводами для которой служат события в сфере автомобильной промышленности (чаще всего это выпуск какой-либо новой модели автомобиля, которая представляется зрителям).

Принадлежа в медиапространстве к жанрам разговорного формата, в самом общем виде этот жанр представляет собой обсуждение конкретной темы, осуществляемое посредством диалога между ведущим и приглашённым гостем (или гостями) в условиях студии. При этом исследователи неоднократно подчёркивали гибридную природу жанра ток-шоу, выделяя в нём наличие «аналитического, информационного, развлекательного компонентов» [4, С. 273–277.], а также его тесную связь с

такими жанрами, как проблемное и портретное интервью, дискуссия, беседа, дебаты и другие. Таким образом, для ток-шоу характерны: выбор злободневного предмета для обсуждения, а также зрелищность, как правило – наличие развлекательного аспекта и выраженная игровая природа коммуникативно-речевого взаимодействия, формирующая у аудитории ощущение причастности.

Концептуальная основа ток-шоу обусловливает особенные требования к личности ведущего программы (иногда – *нескольких* ведущих, как это наблюдается в нашем случае), «который выступает не только в роли журналиста (интервьюера или комментатора), но и шоумена» [1, с. 16]. Кроме того, ток-шоу предполагает присутствие в студии приглашённых гостей: главного героя (или героев) программы, а также в большинстве случаев – экспертов и зрительской аудитории, участвующих в ходе программы в общении, которое может принимать вид реальной (возникшей спонтанно, неподготовленной) дискуссии, однако чаще является имитацией дискуссионного взаимодействия, качественно подготовленного ведущим и / или соведущими.

Разговорный формат ток-шоу естественным образом предполагает преимущество в разворачивающемся действии таких форм речи, как *диалог* и *полилог* (о значимости этих форм речи в рассматриваемом ток-шоу см. в одной из наших работ: [3]). Однако, как свидетельствуют наши наблюдения, в рамках ток-шоу возможно включение в разворачивающееся в ходе ток-шоу общения и *монологических* речевых форм, что подтверждается и коммуникативно-речевым оформлением одного из выпусков рассматриваемой программы [5]. В её коммуникативно-речевом оформлении, помимо полилога и диалога, присутствуют монологические фрагменты – различные по объёму и, как можно предположить, – по функциональной значимости. Приведём один из таких фрагментов, небольшой по объёму, «вмонтированный» в полилог между всеми тремя соведущими программы (*James May*, *Jeremy Clarkson* и *Richard Hammond*):

“*James May:*

- Shall we get on with the show?

Jeremy Clarkson:

- Yes, good idea. Good plan.

Richard Hammond:

- Yes… Yes, let’s. And we start with Aston Martin. The company must have had a meeting recently and the bosses must have said «it’s gonna be a few years now until the next Bond film is out, so what are we gonna do at Aston Martin to generate some headlines in the meantime?» And what they must have decided is to make a car that is as good as a car can be” [5].

Монологизированная реплика, принадлежащая Р. Хаммонду, носит явно обращённый характер, что подтверждается её связью с предшествующей репликой полилога, которую произносит Дж. Кларксон

(*Yes… – Yes…*). Монологизированная реплика Р. Хаммонда начинается с привлечения внимания аудитории к новой модели автомобиля Aston Martin (*And we start with Aston Martin. The company must have had a meeting …*), структурно этот фрагмент представляет небольшое повествование, содержащее оценочные элементы. Наибольшей экспрессией обладает завершающая фраза: *And what they must have decided is to make a car that is* ***as good as a car*** *can be*, – содержащая выраженную положительную оценку представляемого и рекламируемого (прежде всего) автомобиля. Оценочный, а, соответственно, и воздействующий эффект произносимого усиливается в результате привлечения некоторых речевых средств явно *разговорного* характера (например, выражение *gonna be*, что в переводе означает ‘будет’ [2]) и обращения к *стилистическим фигурам*, в частности – к риторическим вопросам (*… what are we gonna do …*?).

Заключение. Таким образом, оформление реализуемого в ходе проведения ток-шоу коммуникативно-речевого взаимодействия, отличается безусловным разнообразием. Помимо ожидаемых полилогических и диалогических фрагментов в коммуникативно-речевом взаимодействии участников ток-шоу присутствуют и фрагменты явно монологизированного характера, которые могут принадлежать участникам телевизионной передачи – в принципе любым из них, но чаще – ведущим, которым в структурировании передачи, её организации принадлежит главная роль.

Эти монологизированные фрагменты априори носят *обращённый* характер, поскольку являются элементами общения, заданного определённой коммуникативной стратегией, что предполагает их обязательную взаимосвязанность с другими участками разворачивающегося в ходе проведения программы речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Мальковская, И. А. Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации / И. А. Мальковская. – М. : URSS, 2008. – 276 с.
2. Мюллер В. К. Англо-русский словарь [Электронный ресурс] / В. К. Мюллер. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – URL: https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com (дата обращения 19.09.2025).
3. Скоков, И. В. О своеобразии коммуникативно-речевого взаимодействия ведущих в телевизионном шоу «The Grand Tour» [Электронный ресурс] / И. В. Скоков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 199–208. – URL: https://doi.org/10.5281/zenodo.12572864
4. Уарова, О. В. Жанровые и языковые особенности ток-шоу «Larry King Now» / О. В. Уарова, Л. А. Рачковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 273–277.
5. The Grand Tour. Официальный YouTube-канал [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/channel/UCZ1Sc5xjWpUnp_o_lUTkvgQ (дата обращения – 10.09.2025).

УДК 811.111’27:070

ФЕНОМЕН «ПЕРЕГОВОРЫ»: ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Степанов Д.А., ORCID 0000-0002-3458-8936
УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
г. Витебск, Республика Беларусь
flvstu@gmail.com

Введение. В связи с постоянным расширением связей между странами, а также появлением сопутствующих проблем, вызванных глобализацией, различные субъекты данных процессов вынуждены координировать свои действия, что делает переговоры одним из эффективных средств формирования и регулирования международных отношений. Особенно значимую функцию переговоры стали выполнять в контексте урегулирования конфликтов, в связи с чем интерес к данному процессу проявляют не только его непосредственные участники, но и эксперты, и более широкие общественные группы.

Одну из ключевых ролей в повышении такого интереса играют средства массовой коммуникации (далее – СМК), оказывая влияние на медиаповестку, и, тем самым, воздействуют на аудиторию, формируют общественное мнение.

Актуальность данной публикации обусловлена настоящей медиаповесткой, в которой преобладающей темой стало освещение «переговоров о будущих переговорах», состоявшихся в августе 2025 года на Аляске (США).

Цель работы – исследовать, как понятие «переговоры» концептуально и\или контекстуально осмысливается в современном русскоязычном и англоязычном медиадискурсе.

Основная часть. В качестве материала исследования были выбраны контексты с употреблением англоязычной лексемы *negotiation(s)* в новостных публикациях из британской газеты «The Guardian» и лексемы *переговоры* в соответствующих публикациях белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня», издающейся на русском языке. Критерии выбора материала исследования – тираж изданий и принадлежность к качественным, официальным СМК. Анализировались статьи за август 2025 года – время проведения двустороннего саммита между президентами России и США на Аляске. Тот факт, что данное событие активно освещают СМК стран, не принимающих непосредственное участие в переговорах, но при этом в той или иной степени вовлеченных в конфликт, еще раз подтверждает гипотезу о тесных взаимоотношениях между странами по всему миру.

Среди использованных методов исследования следует выделить общенаучные методы (наблюдения, систематизации, сопоставления и обобщения), а также специальные лингвистические методы: толкования словарных дефиниций, контекстологического анализа, интерпретационный метод и метод концептуального анализа.

Изучение дефиниций лексем *negotiations* и *переговоры* по словарным статьям в толковых словарях «Oxford English Dictionary» и «Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова» позволяет сделать вывод о том, что как в английском, так и в русском языке эти понятия являются тождественными. Ср.: английское *negotiation(s)* – **A process or course of treaty with another (or others) to obtain or bring about some result, esp. in affairs of state**. [3]; и русское *переговоры* – **1. Офиц. Обсуждение каких-л. вопросов между официальными сторонами с целью выяснения позиций сторон и заключения возможного договора. 2. Обмен мнениями с целью договориться о чём-л.; разговор** (Большой толковый словарь русского языка, 2000).

При контекстуальном анализе фрагментов, в которых упоминается слово *переговоры (negotiations)* особое внимание было обращено на такие компоненты этого понятия, как цель (или предмет) и характерные признаки (поведение сторон, длительность, оценка и др.) [1].

Следующие примеры иллюстрируют сходство в интерпретации целей переговоров в британских и белорусских публикациях («The Guardian» и «СБ. Беларусь сегодня» соответственно), однако с существенным смещением акцентов на способы и стороны, ответственные за их достижение.

«“President Trump is right that **Russia has to end its war against Ukraine**. The **US has the power to force Russia to negotiate** seriously. **Any deal between the US and Russia must have Ukraine and the EU included**, <…>,” – Kallas said.» [European leaders press Trump to include Ukraine in Putin summit, 11.08.2025].

«<…> leaders from <…> emphasised that **negotiations** could only take place **in the context of a ceasefire or reduction of hostilities**.<…>Merz said: “<…>Above all [we hope] that there will finally **be a ceasefire** and that there can be **peace negotiations** in Ukraine.”» [Confusion around meeting suggests it is Russia, not the US, that is calling the shots, 11.08.2025].

«По словам Андрея Быстрицкого, **на американскую сторону оказывается большое давление** со стороны европейских лидеров, которые крайне **недовольны** самим **фактом российско-американских переговоров**.» [Эксперт заявил, что Европа давит на Трампа перед его встречей с Путиным, 11.08.2025].

«Впрочем, **тема Украины вряд ли будет единственной** во время общения двух лидеров. Логичным видится **обсуждение перезагрузки отношений** между странами **в разных сферах**. И в этом контексте

переговоры на Аляске **приобретают планетарное значение**, поскольку отношения между сверхдержавами оказывают определяющее влияние <…> во всем мире.» [Каким мир подходит к исторической встрече лидеров России и США, 12.08.2025].

Как видно из примеров, целью (предметом) переговоров является разрешение конфликта между Россией и Украиной, но если в британской прессе ключевую роль в этом отводят России, то в белорусских публикациях акцент смещается на поведение западноевропейских стран и США в этом вопросе.

Среди характерных признаков понятия *переговоры (negotiations)*, общих для публикаций в газетах обеих стран, можно выделить характеристику поведения сторон и оценку результатов переговоров, в том числе и с учетом означенного. Так, британское издание фокусируется на желании и содействии США в проведении переговоров: «Aligning with Trump's efforts <…> he has at times backed a temporary pause in US intelligence support as a way **to spur negotiations**». В свою очередь, в белорусской газете отмечается «… что Киев и Евросоюз **пытаются сорвать переговоры**. Отвечая на вопрос о том, **почему Брюсселю невыгодны встреча** президентов России и США и **завершение конфликта**, эксперт пояснил:<…>».

Заключение. Феномен *переговоры (negotiations)* в настоящее время является одной из ключевых категорий новостного дискурса и, с нашей точки зрения, приобретает характеристики концепта, т.е. свойство, выходящее за рамки общего понятия, поскольку переговоры с у четом сложившейся социально-политической ситуации рассматриваются и как инструмент, и как условие для разрешения конфликтов, и т.п. В результате исследования установлено, что сходные дискурсивные признаки понятия переговоры *(negotiations)* – цели, поведение сторон, оценка результатов переговоров – по-разному трактуются и выражаются в контекстах британских и белорусских русскоязычных СМК.

В перспективе исследования – провести сравнительный анализ изменения дискурсивных признаков понятия *переговоры* в контекстах, связанных с Минскими соглашениями 2014 года, а также переговорами в Стамбуле и на Аляске в 2025 году.

Список литературы

1. Абыякая, О. В. Дискурсивное конструирование понятия negotiations в англоязычной прессе / О. В. Абыякая // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 126–132.
2. Дускаева, Л. Р. Медиалингвистика / Л.Р. Дускаева // Медиалингвистика в терминах понятиях: словарь-справочник. – М.: Флинта; Наука, 2018. – 438 с. – ISBN: 978-5-9765-3978-5.
3. Oxford English Dictionary: in 20 vol. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – Vol. 10: Moul – Ovum. – 1989. – 1151 p.

УДК 81’42:811.111

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI СТОЛЕТИЙ

Фатьянова И.В., д-р. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2870-1275
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irenefatianova@mail.ru

Введение. Изучение дискурса, его типов и видов, стало следствием расширения сферы лингвистических исследований и интегрирования социальных и гуманитарных наук, а именно появление социолингвистики, психолингвистики, политической лингвистики и т.п. Политический дискурс (далее ПД) играет важнейшую роль в формировании общественного сознания, представляя собой инструмент манипулирования массами и выражение доминирования или дискриминации. Выявление и описание методов и приемов такого воздействия становятся все более важными в политической лингвистике. В ПД отражаются социальные, политические и культурные особенности его участников, что помогает выявить основные концепции, на которых строится представление о мире и сотрудничестве в данном сообществе [2; 4, с. 163-164].

Цель работы – выявить и описать лингвокогнитивные и лингвокультурологические особенности функционирования табуированной лексики в американском политическом дискурсе (далее АПД) XX – XXI ст.

Основная часть. К центральным жанрам АПД относится публичная речь президента, которая соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть. Связь когнитивного и риторического аспектов изучения АПД проявляется в том, что ясность и выразительность речи связана с коммуникативной функцией понимания. Риторические приемы являются не только средством украшения речи, но и способом выражения мысли.

Под термином «табуированная лексика» (далее ТЛ) понимают слои лексики в языке, являющиеся табу по соображениям религиозным, моральным, политическим, мистическим и т.п., нарушающие правила этикета общения в обществе. Выделяют следующие виды ТЛ: 1) обсценная лексика (ненормативные лексические единицы, к которым относятся бранные и матерные слова, грубые коллоквиализмы, вульгаризмы и др. выражения, семантика которых носит непристойный характер); 2) сакральные табу; 3) мистическое табуирование [1].

Языковое табу – «запрет на воспроизведение в речи тех или иных понятий, действий, ситуаций, признанных неприемлимыми для общества» [3, с. 300]. Зарубежные ученые под языковым табу понимают полный запрет на использование в речи тех или иных слов и выражений, которые могут вызвать у адресата неприятные чувства или эмоции и которыми можно

оперировать только при особо сложившихся обстоятельствах, используя синонимы, семантически близкие табуированной единице [5, с. 234]. Основными способами номинации ТЛ считаются эвфемизмы, дисфемизмы, фразеологизмы и метафоры, которые используются для того, чтобы сделать нежелательную или потенциально оскорбительную информацию более приемлимой для восприятия, а также для экспрессивности речи.

Оппозиция «свой-чужой» в АПД XX – начала XXI ст. свидетельствует об отсутствии друзей в политических кругах и имеющихся врагов, которых легко нажить, что наглядно представлено в президентской риторике с помощью коммуникативных фразеологизмов: (1) *'If all that Americans want is security they can go to prison. They'll have enough to eat, a bed and a roof over their heads. But if an American wants to preserve his dignity and his equality as a human being, he must not bow his neck to any dictatorial government'* (Dwight D. Eisenhower) (ср. «Если американцы хотят только безопасности, тогда они просто могут сесть в тюрьму. У них будет достаточно еды, кров и крыша над головой. Но если американец хочет сохранить своё человеческое достоинство и равноправие, он не должен склонять голову перед каким-либо диктаторским правительством.». (2) *'The White House is the finest prison in the world'* (Harry S. Truman) (ср. «Белый Дом – самая лучшая тюрьма в мире»). Данные примеры демонстрируют сложившуюся социально-политическую обстановку в США: первый представляет тюрьму как единственное место, где законопослушные граждане могут чувствовать себя защищенными; второй имплицитно репрезентирует высшие политические круги США посредством оксюморонного сочетания, отражая негативную семантику, реализуемую метафорической номинацией *prison*.

Вместе с метафорами и фразеологизмами, эвфемизмы выступают как один из продуктивных источников для замены слов и выражений, считающихся неприличными или неуместными. Эвфемизация представляет собой перенос значения, перефразирование или замену одного нежелательного или недозволительного слова / словосочетания на другое с целью смягчения и «завуалирования» действительности. В АПД эвфемизмы выступают своеобразным маркером принадлежности к определенной политической партии и методом убеждения адресата, напр.: *collateral damage (сопутствующий ущерб)*, *enhanced interrogation techniques (усовершенствованные методы допроса)*, *overseas contingency operations (зарубежные операции в чрезвычайных ситуациях)*.

Следует отметить, что эвфемизмы в АПД XX – начала XXI ст. скрывают и маскируют слова, которые могут вызвать отрицательную реакцию у адресата, поскольку политика, власть и государство в речи адресанта представляется как демократическое, гуманное, стремящееся к миру и благоденствию, в котором нет войн, коррупции, терроризма и конфликтов.

Таким образом, эвфемизмы в АПД XX – начала XXI веков используются для исключения каких-либо видов дискриминации (расовой,

возрастной, социальной, религиозной, этнической), напр.: *early retirement opportunity (возможность досрочного выхода на пенсию)*, *a surplus reduction in personnel (чрезмерное сокращение персонала)* и т.п.

Языковым материалом дисфемизации является бранная лексика, ругательства и вульгаризмы. Поэтому дисфемизмы важно сравнить с обсценной лексикой: (3) *'Defiled the seat of American democracy'(D. Trump) (ср. «*Осквернен трон американской демократии»). Президент использует дисфемизм *"defiled"* (осквернен), чтобы выразить крайнюю негодование и критику в отношении тех событий, которые он описывает. *"Defiled"* означает нарушение чистоты, святости или неприкосновенности, и в данном контексте это слово подчеркивает тяжесть и неприемлемость того, что, по мнению Гаранта Конституции США, произошло с «троном американской демократии», создавая эмоциональную окраску и усиливая негативное восприятие событий, связанных с протестами, которые повлекли за собой осквернение символа Соединенных Штатов.

Заключение. Использование табуированной лексики в АПД с одной стороны, служит для формирования и оправдания образа действий политиков, уменьшения негативных реакций со стороны аудитории и смягчения влияния острых политических конфликтов на массовое сознание, а, с другой стороны, может приводить к потере ясности и прозрачности в политической коммуникации, затруднять понимание реальных проблем и пути их решений, что в конечном итоге вредит демократическим процессам и общественному доверию к политическим институтам.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Варенина, Л. П. Табуированная лексика в английском и русском языковом сознаниях / Л. П. Варенина // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 1. – С. 334–337. – EDN TGDYJT.
2. Карасик, В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – Москва: Издательство Лабиринт, 2007. – С. 162–197. – EDN IXLREK.
3. Палладес, В. В. Табуированная лексика как составляющая инвективного вокабуляра и ее детерминация в арабских идиомах на фоне русского и английского языков / В. В. Палладес // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 299-319. – DOI 10.21638/spbu13.2022.209. – EDN IXIDWL.
4. Фатьянова, И. В. Дисгармония американского политического дискурса XXI века на примере политических эвфемизмов / И. В. Фатьянова, М. Р. Бондаренко // Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации : сб. мат. II Всероссийской научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в ДонГУ, Донецк, 12 сентября 2024 года. – Донецк: ДонГУ, 2024. – С. 163–168. – EDN MPSSUS.
5. Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics / R. Wardhaugh. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2014. – 448 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

Андреева Е. В. Репрезентация конкретно-временных отношений в английском, чувашском и турецком языках 5

Ашрапов Б. П. Morphological peculiarities of Tajik particle *tanho* and its English equivalents 8

Басыров Ш. Р. Семантика и оценочное значение орнитонимов в разноструктурных языках 11

Беленов Н. В. Некоторые особенности флористической лексики узюковского говора мокша-мордовского языка 14

Ветрова Э. С., Бондарь Е. Р. Виды метонимических переносов в сфере военной терминологии (на материале англо- и русскоязычных СМИ) 16

Гудиленко А. А. Современные лингвистические классификации паремиологических единиц в английском и немецком языках 20

Джиоева В. П. Способы номинации посуды как элемента культуры 23

Квач Ю. А. Заимствование как один из способов образования терминов строительства в английском и русском языках 26

Кобзев Н. В. Типы и виды коллокации как формы лексической когезии в английском и русском художественных дискурсах 29

Кривошеева О. Г., Щербатенко О. А. Сопоставление метафор эмоций в английском и русском языках 31

Липанова П. К. Сопоставительный компонентный анализ семантики эмотивов JOY и РАДОСТЬ 34

Опанасенко К. В., Щербатенко О. А. Лексические заимствования из китайского языка в современном английском языке 38

Растарасова Е. К. Морфологические и грамматические свойства конверсивных нерефлексивных и рефлексивных глаголов в немецком и русском языках 40

Ратундалова И. Ю. Лесть как способ речевого манипулирования в англоязычном и русскоязычном кинодискурсе 42

Селезень Е. А., Калиущенко В. Д. Стилистические особенности перевода повести «Скучная история» А.П. Чехова на немецкий язык 45

Усова Н. В., Чернякова О. Д. Особенности синтаксической рекуррентности в балладе И. В. Гёте «Der Schatzgräber» и её переводах на русский язык 48

Фатьянова И. В., Цыганок В. К. Актуализация концепта ПОЛИТИКА в русском и американском политическом дискурсе XXI столетия 51

Чупахина Е. И., Подгайская И. М. Грамматические особенности англоязычного и русскоязычного устного академического дискурса 55

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

Бакина А. Д. Прагматика перевода фразеологических единиц с компонентом-антропонимом 58

Болтаевский А. А. Французский язык как язык колониализма и культуры 62

Бортенева Е. А. Особенности фонетической сегментации англоязычной речи .. 65

Жерденовская А. В. Варианты и дублеты в автомобильной терминосистеме английского языка 68

Зимина М. В., Москалева С. И. Коммуникативные функции отрицания с имплицитным ядерным элементом 71

Калиущенко В. Д. Эмотивные отыменные глаголы в средневерхненемецком языке 74

Петрищева Е. И. Семантика фразеологических единиц со значением эмоционального состояния в немецком языке 76

Поляков А. Г. Вербальная инвектива и статус-кво 78

Савченко В. И. Функционирование фразеологизмов с онимным компонентом в современной немецкой прессе 81

Ус Ю. Н. Цветообозначения с компонентом «имя собственное» в немецком языке 83

Усова Н.В. Контаминация в поэтонимии 86

Федуленкова Т. Н. Основные синтаксические структуры деловой терминологии с компонентом *fund* 89

Черная М. Е. Специфика национально-культурных и оценочных коннотаций во французской идиоматической топонимике 92

Шкапова А. В. Становление академической германистики в Австрии как следствие революционных событий 1848–1849 гг. 96

Щербатенко О. А., Степанова О. С. Особенности англоязычных диалектов 99

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

Андреева Е. В. Репрезентация концепта «семья» в английской, чувашской и турецкой лингвокультурах 102

Быкова М. А., Бессонова О. Л. Прагматический потенциал поликодовости обложек англоязычных журналов 105

Воложанина Т. С., Лужникова В. В. Когнитивная метафора «чувства – это риск» в американском песенном дискурсе 108

Гармаш Д. А. Фразеологические антонимы как средство вербализации морально-нравственных ценностей в английском, испанском и русском языках 111

Гордиенко Е. В., Бессонов Н. Ю. Семантические инновации в «семейных» неологизмах как отражение кризиса традиционных ценностей западной лингвокультуры 115

Горягина А. Е., Малахова Т. В. Устойчивые словосочетания с ядерным компонентом «die Hand» в современном немецком языке: лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты 118

Деева Н. В. Гастрономическая метафора в репрезентации концептов «жизнь» / «życie» и «смерть» / «śmierć» (на материале русского и польского языков) 120

Камаева А. С., Николаева Л. В. Лингвистические характеристики названий комиксов (на материале выпусков Серебряного века) 123

Кишко С. Н. К вопросу диалогичности академического дискурса (на материале видеолекций Д. Кристала) 126

Колодиенко Е. А. Феномен теории архетипов: русские и американские культурные архетипы 131

Кузьминская С. И., Аблеев С. С. Реализация стратегии милитаризации дискурса в публикациях зарубежных СМИ 134

Максимчик О. А., Головина П. А. Реалии русской лингвокультуры в интерлингвокультурологическом аспекте 136

Мифтахова О. В. Лингвистические особенности предвыборной речи Дональда Трампа на Республиканском национальном съезде 2024 года 139

Морозенко Е. А. Механизм семантической деривации оценочных прилагательных в английском языке 143

Мосягина М. С. Когнитивные механизмы репрезентации концепта BRITISHNESS в англоязычном массмедийном дискурсе 146

Онал И. О. Прескрипции в интернет-отзывах российских и американских туристов 149

Павловская О. Е., Ежик Е. С. Особенности репрезентации концепта «честь» в аспекте межкультурной коммуникации (на примере русского, адыгейского, абхазского языков) 152

Рысёва Т. В. Аксиологические особенности англоязычных аналитических статей, посвященных искусственному интеллекту 155

Санченко Е. Н., Захаров Е. Д. Особенности восприятия креолизованных текстов в массовой культуре 158

Скляр Н. В. Лингвистическая репрезентация культурно-языковых концептов в художественно-документальном тексте 161

Трофимова Е. В. Метафорическая концептуализация эмоции ГНЕВ фразеологическими средствами английского языка 163

Тышлек Д. А., Войтенко Е. Ю. Английские загадки: подходы к классификации 167

Фатьянова И. В., Непран Я. В. Вербализация концепта «народ» в русском и американском политическом дискурсе XXI века 169

Федорова Ю. Г. Отображение образа мира через призму политического дискурса 172

Цыкало Д. С. Роль топонимического пространства в инаугурационных речах президентов США XXI ст. 176

Чуйко С. А. Феномен эмоционального коммуникативного воздействия в англоязычном медиадискурсе 178

Шевчик А. С. Концепты как единицы лингвокультурного пространства 182

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

Абдыханов У. К., Латышев О. Ю. Своеобразие типизации характеров Роллана Сейсенбаева 185

Бабий А. В. Поэтика тактильных ощущений в пьесе О. Уайльда “Саломея” 188

Баранов М. А. Анонимное послание как средство дестабилизации дискурса в «Финансисте» Т. Драйзера 190

Вихрова К. А. Роман Филипа К. Дика «ВАЛИС» как научно-фантастическая автобиография 193

Волохов Д. В. Особенности малой прозы Генри Роллинза 196

Кизилова Т. Ю. “Who can converse with a dumb-show?”: образ языка в пьесе Шекспира «Венецианский купец» 197

Котомцев Д. О. Интеллектуальные провокации в романе П. Корнеля «Пути к раю» 199

Кочерга Д. А., Серебрякова С. В. Функциональные особенности иронии в романе У.М. Теккерея «Ярмарка тщеславия» 202

Максименко О. А. Шахматный код: символизм и метафоры в романе Бернара Вербера «Ход королевой» 205

Савро Е. Н. Поэтика названия книги У.С. Моэма «На китайской ширме» 208

Серебрякова С. В., Мерзликина А. В. Жанрово-стилистические особенности жанра тру-крайм 210

Ухов А. С. Евангелие от Иоанна 20:24–28 как «прорабатывающее» повествование 213

Чуванова О. И. Кинематографичность в романе С. Рушди «Золотой дом» 216

Шаркова С. М. В. Рузо и ее многонациональная природа творческого процесса 219

Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации

Альгина О. В. Распознавание реалий искусственным интеллектом при переводе научно-популярных текстов 222

Банишевская Н. В. Иностранный язык как средство межкультурной коммуникации в смешанных экипажах 224

Банман П. П., Башкатова И. Е. Лексические трансформации при переводе текста сводки института изучения войны США 227

Банман П. П., Обертинская С. С. Особенности немецко-русского перевода терминов-композитов (на материале научно-популярного текста кинологической тематики) 230

Башилова В. А., Дроздов В. А. Особенности перевода американских реалий на русский язык (на материале романа Ф. Фицджеральда «Великий Гэтсби») 233

Заблоцкая Т. Ю., Белоногова Л. И. Проблемы подготовки квалифицированных переводчиков в нефтегазовой отрасли 236

Зимацкая М. И., Банман П. П. Способы сохранения когнитивной информации при переводе медиатекста с русского языка на английский (на примере перевода ролика о путешествии) 239

Игнатьева Ю. А. Искусственный интеллект – вызовы для профессии переводчика 243

Князева О. В, Добрикова В. А. Особенности перевода терминологической лексики в англоязычных научных текстах предметной области «Психология»: лексический уровень 246

Косякова Ю. Г. Функционально-коммуникативный подход при переводе фразеологических единиц (на материале русского и французского языков) 249

Кубракова М. В. Особенности перевода английских компьютерных терминов .. 252

Максименко А. В. Особенности перевода юридической документации с английского языка на русский язык: проблемные аспекты 255

Матвиенко О. В. Переводческая деятельность В. А. Русанова 257

Медведева М. С. Особенности культурно-маркированной лексики в языке 260

Новикова Д. А., Ткачева А. Н. Об изменчивости англизированного молодежного сленга 262

Полякова М. О., Мезенцева Г. И. Лингвостилистические особенности перевода оценочной лексики в англоязычном туристическом дискурсе 265

Сидельникова Ю. Д., Чернявская Н. Э. Культурная интеграция при переводе мультфильмов на русский язык 268

Сысоева Е. С. Культурно-исторический компонент коннотации имен собственных в английском языке 271

Толочко А. Д., Гапотченко Н. Е. Тематико-ситуативный анализ французских анекдотов о деньгах 274

Чебурахина В. В. Стилистико-прагматические ошибки в машинных переводах с английского языка на русский язык 277

Шилова Е. С. Специфика юридического перевода 279

Шинкаренко Я. В. Трудности перевода профессиональной лексики сотрудников органов внутренних дел 281

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

Бандурка Е. В. Прямой метод обучения иностранным языкам и его особенности 285

Бородулина Е. В., Макарова А. Н. Особенности формирования репродуктивных лексических навыков у учащихся 10 – 11 классов 288

Валеева Р. Р., Михатов А. С. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей на основе аутентичных текстов 291

Герасименко Е. Е. О некоторых альтернативных взглядах на методы преподавания иностранных языков 294

Даминова С. О., Рыжов А. П. Роль искусственного интеллекта в обучении студентов-нефилологов иностранным языкам 297

Дворянкина И. В. Активизация речемыслительной деятельности старших школьников на уроках английского языка 300

Дубровкина И. Ю. О некоторых проблемах использования генеративного искусственного интеллекта в преподавании и изучении английского языка 303

Ещенко Л. В. Focus on Quizlet 306

Жданова Е. В., Еромянц И. С. Практический опыт коллективного обучения для развития навыков академического письма в медицинском вузе 309

Жданова Н. А. Влияние искусственного интеллекта на эволюцию образовательных практик 312

Загудаева Н. В. Реализация компетентностно-контекстной модели обучения и воспитания в процессе изучения немецкого языка 315

Зайцева М. Н. Система упражнений для обучения профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке 318

Киселёва Е. В. Условия формирования учебной автономии студентов при дистанционном обучении иностранному языку 321

Козакова О. В. Грамматика и литература: обучение грамматике на уроках в общеобразовательной школе с помощью героев любимых литературных произведений (на примере английского языка) 324

Коробченко Н. Б. Эффективность современных онлайн-ресурсов в формировании языковой компетенции 326

Красько И. С. Anki: an innovative tool for spaced repetition learning 329

Кутузова З. Ю. Искусственный интеллект в формировании языковой компетентности при изучении иностранных языков 332

Лазутова Л. А., Кулягина Н. С. Роль аутентичных видеоматериалов при обучении английскому языку в старшей школе 334

Матвеев М. О., Шипова Е. А. Мультимодальность в обучении переводу: обзор эмпирических исследований и методические выводы 337

Мохосоева М. Н. Memrise platform as a vocabulary enrichment tool in foreign language learning 339

Мустаева Д. Ф. The use of mobile devices to enhance foreign language acquisition 342

Сирота Т. А. Формирование иноязычной информационной компетенции в процессе обучения иностранному языку 345

Стуколова Е. А., Протопопова М. А. Применение инструментов искусственного интеллекта в контексте развития речевых умений старшеклассников 348

Сулина Л. В. Innovative technologies for teaching languages at university using artificial intelligence 351

Усачев В. А., Усачева Г.М. Специфика употребления словосочетаний и сложных слов в английском языке 354

Филатова Е. В. Теория синтагматических отношений в исследовании структуры предложения 357

Чернова М. М. Некоторые аспекты работы с ресурсами искусственного интеллекта в обучении английскому языку на историческом факультет . 359

Чернявская Н. Э. Проблема интеграции компонентов культуры в обучение иностранному языку 363

Чеховская О. Л. Современный урок: формирование метапредметных компетенций через компетентностно-ориентированные задания 367

Чубарь С. В. Развитие навыков устной иноязычной речи в больших группах в условиях ограниченности аудиторного фонда времени 371

Чумак Л. А. Формирование гибких навыков у обучающихся в условиях цифровизации образования 374

Юрченко Е. И., Юрченко О. Д. Имплицитное усвоение английского языка у начинающих: опыт применения нейроподхода 377

Яцура К. А., Стуколова Е. А. Визуализация в обучении иностранным языкам: принципы, инструменты 379

Речевые стратегии и тактики в политическом и медийном дискурсах

Дзундза Н. В., Лесюкова А. В. Стратегия позитивной презентации в выступлении М. Рютте 383

Кузнецова В. Ю. Роль развернутой метафоры в конструировании имплицитных смыслов в политическом медиатексте 386

Куксина О. И., Соколова Н. В. Средства выражения речевой агрессии на лингвистическом уровне 389

Скоков И. В. Монолог как элемент ток-шоу: лингвопрагматический аспект 392

Степанов Д. А. Феномен «переговоры»: осмысление в современном русскоязычном и англоязычном медиадискурсе 395

Фатьянова И. В. Особенности функционирования табуированной лексики в американском политическом дискурсе XX–XXI веков 398

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
X Международной научной конференции,
посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра,
5–7 ноября 2025 г.
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 2

под общей редакцией проф. *С. В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*А. Ю. Гурина*
Технический редактор	*М. В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*Е. Ю. Войтенко, М. В. Фоменко*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2025 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 25окт121/4б.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru